

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение высшего профессионального образования «Пермский государственный национальный исследовательский университет»
Founder: Perm State University

Научный журнал издается
Пермским государственным
национальным исследовательским
университетом с 2010 г.

Тематика статей серии «Философия. Психология. Социология» отражает научные интересы специалистов в области социально-гуманитарного знания. В публикуемых материалах рассматриваются актуальные проблемы философии, психологии и социологии, обсуждаются результаты эмпирических исследований.

Subjects of articles of a series «Philosophy. Psychology. Sociology» reflect scientific interests of experts in the field of socially-humanitarian knowledge. Actual problems of philosophy, psychology and sociology are considered in published materials. Results of empirical researches are also discussed in the articles.

*Издание включено в Перечень ВАК РФ
по группам специальностей:
09.00.00 Философские науки,
19.00.00 Психологические науки,
22.00.00 Социологические науки.*

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе по надзору в сфере
связи, информационных технологий и
массовых коммуникаций (Роскомнадзор).
Свидетельство о регистрации средства
массовой информации ПИ № ФС77-53180
от 14 марта 2013 г.

Подписной индекс журнала «Вестник
Пермского университета. Философия.
Психология. Социология» в Объединенном
каталоге «Пресса России» — 41011

© ФГБОУ ВПО «ПГНИУ», 2016

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Главный редактор

Александр Юрьевич Внутских (чл.-кор. РАЕ, докт. филос. наук, профессор, Пермь)

Заместитель главного редактора

Александра Юрьевна Бергфельд (доцент, канд. психол. наук, Пермь)

ФИЛОСОФИЯ

Владимир Васильевич Мионов (чл.-кор. РАН, профессор, докт. филос. наук, Москва), *Олег Александрович Барз* (акад. МАИА, докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Наталья Ириковна Береснева* (докт. филос. наук, профессор, Пермь), *Владимир Николаевич Железняк* (профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Владимир Васильевич Ким* (профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург), *Михаил Иванович Ненашев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Киров), *Сергей Анатольевич Никольский* (профессор, докт. филос. наук, Москва), *Владимир Вячеславович Орлов* (акад. МАИА, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Пермь), *Сергей Владимирович Орлов* (докт. филос. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Александр Владимирович Перцев* (акад. РАЕН, профессор, докт. филос. наук, Екатеринбург)

ПСИХОЛОГИЯ

Юрий Петрович Зинченко (акад. РАО, профессор, докт. психол. наук, Москва), *Виктор Дмитриевич Балин* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Елена Васильевна Левченко* (профессор, докт. психол. наук, Пермь), *Наталья Анатольевна Логинова* (профессор, докт. психол. наук, Санкт-Петербург), *Ирина Анатольевна Мироненко* (докт. психол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Людмила Александровна Мосунова* (докт. психол. наук, профессор, Киров), *Александр Октябрьевич Прохоров* (профессор, докт. психол. наук, Казань), *Елена Евгеньевна Сапогова* (профессор, докт. психол. наук, Москва)

СОЦИОЛОГИЯ

Синаида Петровна Замараева (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Евгения Анатольевна Козгай* (профессор, докт. филос. наук, Курск), *Наталья Александровна Лебедева-Несевря* (докт. социол. наук, профессор, Пермь), *Елена Леонидовна Омельченко* (докт. социол. наук, профессор, Санкт-Петербург), *Галина Ивановна Осадчая* (акад. РАН, чл.-кор. РАЕН, профессор, докт. социол. наук, Москва), *Татьяна Николаевна Юдина* (акад. РАН, профессор, докт. социол. наук, Москва)

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Дмитрий Иванович Широков (акад. НАН Беларуси, профессор, докт. филос. наук, Минск, Беларусь), *Александр Алексеевич Строканов* (доктор наук, профессор, руководитель департамента социальных наук, директор Института русского языка, истории и культуры, государственный колледж в Линдоне, США), *Дьердь Сарвар* (доктор философии, директор Neosys Organisational Developmental Consulting, Венгрия), *Джорджио Де Маркус* (доктор наук, профессор департамента аудиовизуальных коммуникаций и рекламы, Мадридский университет Комплютенсе, Испания), *Стивен Д. МакДауэлл* (доктор наук, профессор, директор Школы коммуникации, Университет штата Флорида, США), *Майкл Э. Рьюз* (доктор наук, профессор философского факультета, университет штата Флорида, США), *Пол Эйткин* (доктор наук, адъюнкт-профессор факультета бизнеса, Университет Бонд, Австралия)

Адрес редакционной коллегии

614990, Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru, fsf-vestnik@yandex.ru.

Web-site: <http://philosoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

EDITORIAL BOARD

Editor-in-Chief

Alexander Yu. Vnutschikh (Associate member of RANH, Doctor of Philosophy, Professor)

Deputy Editor-in-Chief

Alexandra Yu. Bergfeld (Associate Professor, Ph.D. in Psychology)

PHILOSOPHY

Vladimir V. Mironov (Associate member of RAS, Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Oleg A. Barg* (Academician of IAIA, Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Natalya I. Beresneva* (Doctor of Philosophy, Professor, Perm), *Vladimir N. Zheleznyak* (Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Vladimir V. Kim* (Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg), *Mikhail I. Nenashev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Kirov), *Sergey A. Nikolsky* (Professor, Doctor of Philosophy, Moscow), *Vladimir V. Orlov* (Academician of IAIA, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Perm), *Sergey V. Orlov* (Doctor of Philosophy, Professor, Saint Petersburg), *Alexander V. Pertsev* (Academician of RANS, Professor, Doctor of Philosophy, Yekaterinburg)

PSYCHOLOGY

Yury P. Zinchenko (Academician of RAE, Professor, Doctor of Psychology, Moscow), *Viktor D. Balin* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Elena V. Levchenko* (Professor, Doctor of Psychology, Perm), *Natalya A. Loginova* (Professor, Doctor of Psychology, Saint Petersburg), *Irina A. Mironenko* (Doctor of Psychology, Professor, Saint Petersburg), *Lyudmila A. Mosunova* (Doctor of Psychology, Professor, Kirov), *Alexander O. Prokhorov* (Professor, Doctor of Psychology, Kazan), *Elena E. Sapogova* (Professor, Doctor of Psychology, Moscow)

SOCIOLOGY

Zinaida P. Zamaraeva (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Evgeniya A. Kogai* (Professor, Doctor of Philosophy, Kursk), *Natalya A. Lebedeva-Nesevrya* (Doctor of Sociology, Professor, Perm), *Elena L. Omelchenko* (Doctor of Sociology, Professor, Saint Petersburg), *Galina I. Osadchaya* (Academician of RASS, Associate member of RANS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow), *Tatyana N. Yudina* (Academician of RASS, Professor, Doctor of Sociology, Moscow)

EDITORIAL COUNCIL

Dmitri I. Shirokanov (Professor, Doctor of Philosophy, Academician of the National Academy of Sciences of Belarus, Minsk, Belarus), *Alexander A. Strokanov* (Professor, Head of the Department of Social Sciences, Director of the Institute of the Russian Language, History and Culture, Ph.D., Lyndon State College, USA), *György Sarvari* (Ph.D., Director of Neosys Organisational Developmental Consulting, Hungary), *Giorgio De Marchis* (Professor of the Department of Audiovisual Communication and Advertising, Ph.D., Complutense University of Madrid, Spain), *Stefan D. McDowell* (John H. Phipps Professor of Communication, Ph.D., Florida State University, USA), *Michael E. Ruse* (Lucyle T. Werkmeister Professor and Director of the History and Philosophy of Science Program, Ph.D., Florida State University, USA), *Paul Aitken* (Adjunct Professor of the School of Business, Ph.D., Bond University, Australia)

Address of Editorial Board

Perm State University, Bukirev str., build. 15, Perm, Russia, 614990

Tel. +7(342) 2396-823.

E-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, fsf-nir@yandex.ru, dekanatfsf@psu.ru

Web-site: <http://philsoc.psu.ru/nauka-na-fsf/nauchnyj-zhurnal-fsf>

СОДЕРЖАНИЕ

ФИЛОСОФИЯ

Ценность и красота временности: буддистская философия в перспективе японской эстетики <i>Петек Н.</i>	5	Value and beauty of impermanence: Buddhist philosophy through Japanese aesthetics <i>Petek N.</i>
Отчуждение у Гегеля <i>Бурков Р.Б.</i>	15	Hegel's alienation <i>Roman B. Burkov</i>
Современная материалистическая онтология рефлексии <i>Шатова Н.Д.</i>	24	Modern materialistic ontology of reflection <i>Natalia D. Shatova</i>
Кризис картезианской парадигмы субъекта как «эпистемный сдвиг» <i>Панкова Е.С.</i>	32	Cartesian paradigm of the subject crisis as an «epistemic shift» <i>Ekaterina S. Pankova</i>
Концепция нематериального труда в философии постопераизма и её критика <i>Григорова Я.В., Гриценко В.С.</i>	39	Concept of immaterial labour in Post-Operaist philosophy and its critique <i>Yana V. Grigорова, Viktoria S. Gritsenko</i>
Динамика исследования феномена толерантности <i>Диденко В.В.</i>	45	History and trends of the researches of the phenomenon of tolerance <i>Veronica V. Didenko</i>
«Матрица» болезни человека в социально-философском измерении <i>Галочкина Н.Е.</i>	54	«Matrix» illness of a man in socio-philosophical dimension <i>Natalia E. Galochkina</i>

ПСИХОЛОГИЯ

Целостный человек как проблема в российской психологии <i>Логинова Н.А.</i>	61	Human as a problem in Russian psychology <i>Natalia A. Loginova</i>
Представленность психологических проблем в исследованиях Н. Пезешкиана <i>Соколова Э.А.</i>	71	Representation of psychological problems in research of N. Pezeshkian <i>Emilia A. Sokolova</i>
Современные психологические концепции благополучия и зрелости личности: области сходства и различий <i>Манукян В.Р., Трошихина Е.Г.</i>	77	Contemporary psychological conceptions of well-being and maturity: identifying similarities and differences <i>Victoria R. Manukyan, Evgenia G. Troshikhina</i>
Психологические интервенции в формировании здорового пищевого поведения <i>Шевкова Е.В., Мишенкова О.В.</i>	86	Psychological interventions in the development of health eating behavior <i>Elena V. Shevkova, Olga V. Mishenkova</i>

Особенности цветовых предпочтений в связи с психическим состоянием у курильщиков марихуаны в период ремиссии <i>Бергфельд А.Ю., Дронго Е.А.</i>	95	Specificity of colour preferences determined by the mental state of marijuana smokers in remission <i>Alexandra Yu. Bergfeld, Elena A. Drongo</i>
Теоретическая модель переживания одиночества <i>Олейник Н.О.</i>	104	The theoretical model of the solitude emotional experience <i>Narmina O. Oleynik</i>

СОЦИОЛОГИЯ

Особенности социологического наблюдения <i>Ненашев М.И.</i>	111	The specificity of the sociological observation <i>Mikhail I. Nenashev</i>
Понятие социальной солидарности в работах классиков социологической науки <i>Сомхивили К.О.</i>	120	Social solidarity in classical sociological theory <i>Kristina O. Somhishvily</i>
Социологические модели системы социальной защиты населения <i>Волкова О.А., Гребеникова Ю.А.</i>	129	Sociological models of social security <i>Olga A. Volkova, Yulia A. Grebenikova</i>
Жизненный цикл воспроизводства интеллектуального потенциала личности <i>Булатецкая А.Ю.</i>	137	Life cycle reproduction of the intellectual potential of the individual <i>Alena Yu. Bulatetskaya</i>
Диагностика креативного управления <i>Салогуб А.М., Демина Н.В.</i>	145	Creative management diagnosis <i>Anzhela M. Salogub, Nina V. Demina</i>
Модернизационный потенциал ценностей людей среднего возраста (на примере Пермского края) <i>Маркова Ю.С.</i>	153	Modernization potential of values of middle-aged people (the case study of Perm Krai) <i>Yulia S. Markova</i>
Горожане как субъект формирования имиджа города <i>Антонова Н.Л., Ракевич Е.В.</i>	160	Citizens as the subject of city image forming <i>Natalia L. Antonova, Ekaterina V. Rakevich</i>
Социологические подходы к изучению профессионального самоопределения <i>Волегов В.С.</i>	167	The sociological approaches to the study of professional self-determination <i>Vladimir S. Volegov</i>

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

Научные направления кафедры психологии развития: обзор исследований <i>Корниенко Д.С.</i>	174	Research directions of the department of developmental psychology: overview <i>Dmitriy S. Kornienko</i>
Информация для авторов	185	Guidelines for English-speaking authors

ФИЛОСОФИЯ

УДК [24:1]:18(520)

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-5-14

**VALUE AND BEAUTY OF IMPERMANENCE:
BUDDHIST PHILOSOPHY THROUGH JAPANESE AESTHETICS**

Petek Nina

University of Ljubljana (Slovenia)

Spiritual tradition in Japan under the influence of philosophy of Buddhism, which mediated the insight about transience of all things and is oriented towards the acceptance of life in all forms, created important aesthetic concepts, which are defined by objective character (with a bunch of images, metaphors and styles); and according to subjective criteria they express the appearance of individual feelings, which are linked with mood, state of consciousness or atmosphere. Concepts of Japanese aesthetics reflect timeless and always current expression of non-dualistic attitude towards the world, which is based on understanding all things in their essential nature. The art form and aesthetic sensibility point to an important soteriological tendency of the Buddhist philosophy — holistic view, which does not allow gaps between human and reality, is the foundation for the highest state of being, *nirvāṇa*, which is the source of special beauty and leads to liberation from worldly adversities.

Key words: Buddhism; Japanese aesthetics; *nirvāṇa*; yoga; *anātman*, impermanence; *yūgen*; *sabi*; *Nō*; *dō*; *mono no aware*; emptiness; nature.

**ЦЕННОСТЬ И КРАСОТА ВРЕМЕННОСТИ: БУДДИСТСКАЯ
ФИЛОСОФИЯ В ПЕРСПЕКТИВЕ ЯПОНСКОЙ ЭСТЕТИКИ**

Петек Нина

Люблянский университет (Словения)

Духовная традиция Японии под влиянием философии буддизма, добившейся понимания мимолетности всех вещей и ориентированной на принятие жизни во всех ее формах, создала важные эстетические концепты, которые определяются характером объекта (соответствующей группой образов, метафор и стилей), а в соответствии с субъективными критериями выражают появление отдельных ощущений, связанные с настроением, состоянием сознания или атмосферой восприятия. Понятия японской эстетики отражают вневременное и постоянно изменяющееся мироощущение, которое основано на понимании всех вещей в их сущности. Форма искусства и эстетическая восприимчивость указывают на важную сoteriological тенденцию буддистской философии — на целостное видение, которое не оставляет зазора между человеком и действительностью и выступает как основание для высшего состояния бытия, *нирваны*, являющегося источником особой красоты и приводящего к освобождению от мирских напастей.

Ключевые слова: буддизм; японская эстетика; *нирвана*; *йога*; *анатман*; *временность*; *югэн*; *саби*; *но*; *до*; *моно-но аварэ*; *пустота*; *природа*.

1. The theory of *anātman*: beyond the subject and the object. Characters without identities in the theatre *Nō*

The theory of *anātman* is the centre of Buddhist thought and the basis of Siddhārtha Gautama's insight

into the nature of all existing. Buddhism with its ideas and concept rejected the whole Vedic and Upaniṣadic tradition and latter ideas about eternal *brahman*, all-pervading principle, the highest principle of the world, which is identical with human's immortal essence, *ātman*. The whole reality is denoted with impermanence,

anitya, and also a human does not have solid and eternal structure as an immortal soul, which is persistent through different times and spaces, but is marked with transience as all elements of the world. Life is a field of ceaseless alternation, the flow of procreating, senescence and passing under the law of *karma*, which designates human existence on the basis of his previous action. There is nothing eternal, absolute and changeless, the only stability is impermanence; world is nothing more than a chain of phenomena, designated with constant occurrences and passing. All is captured in this chain of causality — one phenomenon causes the other and passes away, the latter causes the next and also passes away, and so on. In this mechanism of permanent changeability, movement of life and death, also the human is involved. This means that there is nothing in which we could be attached. People are getting attached because of ignorance (*avidyā*) about truth about reality and ourselves. They believe in existence of immortal soul, which creates relations with phenomena and try to appropriate them — but they are denoted with impermanence, in one moment one small factor could destroy their joy and that is the source of human's suffering. Siddhārtha Gautama mediated the idea, that the life is unpleasant and painful (*duḥkha*), because the phenomenal world is denoted with constant changes and therefore nothing could guarantee permanent contentment. In the Upaniṣadic thought the liberation (*mokṣa*) is reached through realization of the identity between *brahman* and *ātman*, but in the Buddhism the main condition for human's release from worldly bondage on things and self is the insight into the nature of reality. *Nirvāṇa* could be reached only through right comprehension of the law of *karma*, which is attained by the so called «the middle path», which leads beyond all dualities. The aim of meditative Buddhist practice is interruption of the chain of births and deaths — rebirths are realised as something weak and bad, because they chained human into anew suffering. The condition for cessation the *saṃsāra* is the wisdom, insight into the nature of all existing.

Human, a person is nothing more than a unit of five changeable phenomena, flows, called *skandhas*, which appear on the basis of previous actions and their effects. *Skandhas* are five aggregates, elements of beings: (1) body, material aspect (*rūpa*); (2) senses (*vedāna*), (3) sensory perception (*saṃjñā*), (4) mental conditions, formation (*saṃskāra*), (5) consciousness (*viññāna*); they are not eternal, but arise because of wishes and ignorance and are the cause of human's entrapment into the mechanism of *saṃsāra*, circuit of rebirths. Human does not have a solid centre, from which different features arise, but is composed by transient phenomena, from which the whole world is consisted. The word human is actually only the other name for transient *skandhas*, and

one who becomes attached on five aggregates and thinks that it is his real self, suffers. Gautama's teaching about *anātman* was a revolutionary doctrine according to monistic Upaniṣadic thought, prevailed by idea of *ātman/brahman*. He took away also the privileged position of human, which was elevated with an eternal soul upon all existing and exposed that human is as all other elements of reality captured in the inexorable mechanism of causality. With his teaching he erased the sharp gap between human and the world, between the subject and the object, because all have the same nature, prevailed with transience. He did not devalue the position of human, but he set him in the middle of all existing, not beyond it. All existing deserve the same position because they are all the same, consolidated in their emptiness.

The idea of *anātman* is firmly represented also in Japanese art. In this chapter I try to expose its influences in the Japanese traditional theatre *Nō*. Characters in *Nō* are without refined characteristic, are actually only «impersonal persons» without a complex structure of different features. They are often ghosts, veiled with mask, which is the only indicator of their emotions. «It is up to the actor, through speech and movement, to animate the mask: to make it express the subtle emotional qualities that are the essence of Noh» [1, p. 6]. Mask is coming to life through actors, who are «depersonalized animators, (who) become the mechanism that breathes a simulated and disincarnated life into these perfect reproductions of human being» [1, p. 9]. The main feature of characterization is desolation of personality, absence of individuality, and as Lamarque exposed, «they seek to embody universal, rather than historical or contingent, significance» [8, p. 159]. I think that in the structure of character in *Nō* the idea about depersonalized, universal nature without specific characteristics, nullification of illusory ego is presented. Keene suggested that the creation of character is meaningless to *Nō* [5, p. 159], and Lamarque added that «characters can retain individuality as characters, (but) without lapsing into the stereotypes /.../. The focus in the characterization is on some specific emotion or predicament, not on the development of a “rounded” personality» [8, p. 160]. The character indicates the universal emotional states and mood, interlocked with suggestion. The mask is the element in *Nō*, which enables to depersonalise and universality. It distances a character from refined individuality and embodies collective human's emotions. In *Nō* plays actor often goes through different characters, transformations; the identity is not firm structure, but is designated with constant changeability, is only flow of *skandhas* without a track of resistance. Individual character is not the essence of the whole play, but only an instrument, through which the emotional states of character are exposed — the solid individuality is not important, be-

cause it is subdued to constant changes and transformations.

In the formation of character without individuality the most important role plays *yūgen*, significant concept in Japanese aesthetics, which is the object of analyses in the next chapter. When actor expresses *yūgen*, he attains the upper levels of *hana* («flower»). The look is not important, significant is only transformation — one can perform an old man and a young men in one person, and that is possible only through performing inner causes and states. Zeami Motokiyo (1363–1443), Japanese actor, playwright, founder of the theatre *Nō*, «who developed a subtle theoretical framework of *Nō*, supported by a number of key aesthetic concepts» [8, p. 158] exposed that an actor has to «learn to truly «become» the object of his performance», and «/.../ when every technique of Role Playing is mastered and the actor has truly become the subject of his impersonation, then the reason for the desire to imitate can no longer exist» [8, p. 163]. The actor reaches a state through his performance, which is similar to the state, based on the inner development in the process of Buddhist meditation, which leads beyond all dualities, subject and object. And also an actor, like a meditator, goes beyond himself to his true nature, which is the nature of all existing. This is what Zeami called the «internalization», absence of self-consciousness, ego, which is defined as the highest level of *hana*. Different moods are shown through movements and gestures, not from stable self. Gautama rejected the totality of person; human is only a union of impermanent features. The personality is invisible, important is only the universalization of inner states, distinctive for all people. Lamarque called this «abstracted inner spirit of the character» [8, p. 165]. The audience do not lament for character, because they cannot become attached to it because of its impermanence and impersonality. He is not unique, because his illusory centre is depleted of all individual features, but is an expression of the universal nature, which is shared with all existing. All things are identical in their emptiness.

2. Insight into the transcendence through plainness

One of the most remarkable features of Japanese aesthetics is suggestion, and according to expert opinion it gets the most superior expression in the theatre *Nō*, which is the purest form of suggestion in images, language, movements and music. Undecorated theatre stage, absence of props, use of language, which is hard to comprehend, abstract motions, which are on the first sight hardly connected with declared words, noncompliance with determinations of time and space ... All that bore the certain audience, but not that, which is capable to open a mind to the magic of suggestion, and for the sake of that are set on the other, different, un-

conventional level. Groans, moans and sharp music reveals to the more sensitive spectator the way, on which just with conciliation of words it is impossible to comprehend the relation and border between life and death, between attachment to this world, which is the source of suffering, and released spirit, which is beyond all the limits. This is in the theatre *Nō* mediated through the interlacement of music, gestures, motions and words. Monk Shōtetsu comprehensively described the nature of *yūgen*: «*Yūgen* can be apprehended by the mind, but it cannot be expressed in words. Its quality may be suggested by the sight of a thin cloud veiling the moon or by autumn mist swathing the scarlet leaves on a mountainside. If one is asked where in these sights lies the *yūgen*, one cannot say, and it is not surprising that a man who fails to understand this truth is likely to prefer the sight of a perfectly clear, cloudless sky. It is quite impossible to explain wherein lies the interest or the remarkable nature of *yūgen*» [5, p. 298].

Yūgen is the central concept in Japanese aesthetics, but its nature is evasive and subtle. Its effects are deep in even in on the first sight very simple poem. The truth lies under the surface of everyday life, beyond all words. Insight into the suchness (*tathatā*) of things is the condition for reaching the truth, which lies in the real nature of things. The sense of *yūgen* accompanies the sense of transience, which are not exclusive feelings, but essentially supplement each other. The transience is not something threatening, but is the essence of all existing, is actually the only foundation of existence and is a source of beauty. Yoshida Kenkō (1283–1350/52) in his book *Essays in Idleness* (Jap. *Tsurezuregusa*) wrote: «Are we to look at cherry blossoms only in a full bloom, the moon only when it is cloudless? To long for the moon while looking on the rain, to lower the blinds and be unaware of the passing of the spring — these are even more deeply moving. Branches about to blossom or gardens strewn with faded flowers are worthier of our admiration» [6, p. 115].

The aesthetics of suggestion is present in the unique art forms, like the tea ceremony, haiku poetry, theatre *Nō* and Japanese gardens. Japanese novelist Tanizaki exposed that we can find beauty not in things, but in patterns of shadows, light, darkness [8, p. 164]. And to the similar leads Kobayashi Issa's (1763–1828) poem:

*After long away,
I found
a clouded moon*
(Issa) [14, p. 101].

Issa's poems are filled with ambiguity, partially imposed by linguistic resources and selection of particular words. The part of beauty and greatness of poems is in the use of language, but the majority lies in something unspoken, beyond the surface of particular words.

Unutterable part of the poem arises from poet's feeling and therefore the objective analysis with its strategies remains irrelevant. Issa's poem is based on the suggestion, which is the source of its beauty. The latter indicate to the concept *yūgen*, which is difficult to translate and denotes mysteriousness, depth, indistinctly, obscurity and transcendence. That does not mean that a poem is completely unexplainable, wrapped in the cocoon of mystery with intent to stay inexplicable to human, but from reader demands different approach, which is beyond the theoretical comprehension. It is interesting that the poem simultaneously with its transcendent connotation causes also feeling of monotonousness, namely with his ascetically selection of linguistic resources. Monotony, predominate of black–white is also present in Japanese paintings — when all colours disappear, remains only black and white, which prepare a space for feeling of secluded beauty. Also many Japanese gardens are built only from stones and sands, living areas of human residences are unpainted, empty, without vivid colours. It is true that the use of manifold colours is also the feature of Japanese art, Japanese are keen to diverse assortments of tints, but this inevitably bounds and brings about suggestion to become more down to earth. Keene exposed that «(t)he use of colour can be brilliant, but it inevitably limits the suggestive range: when a flower is painted red, it can be no other colour, but the black outline of a flower on a white paper will let us imagine whatever colour we choose» [5, p. 297]. And that is the magic of suggestion, always opened space for non-meant, deep, transcendent, which are beyond all categories, surveys and limitations.

Yūgen therefore is not translatable, but its contest could be defined as transcendence, mystery, dark; it is a deep, affirmative sadness and majestic joy at the same time. The image of true nature of all things is mediated through foggy dreamlikeness, it is experience in which the idea of Reality, which is beyond the phenomenal world, is present. But this Reality is actually a part of this world, it is a true character of it. The phenomenal world is a place, in which we could see the Reality, but this vision, expressed through *yūgen*, is unclear, because we see it through colourful universe, full of dualities. Through *yūgen* the Reality seems as fuzzy and amorphous.

The content of the concept *yūgen* has a source in spiritual movement in China, so called movement of dark learning (*xuan xue*); some authors classify it, because of mainly Daoistic elements, as the neo-daoism. Milčinski wrote that the *xuan xue* is terminus technicus for thought from third and IV century, which was under the strong Buddhist influence. For the discourse of *xuan xue* it is distinctive to occupy oneself with blackness, darkness (*xuan*). Chinese character in the first sense means black, dark and latter distant, far away.

The centre of interest of *xuan xue* are «mysteries» of human and the world [9, s. 316–317].

According to Siddhārta Gautama's position, who rejected the existence of the other, higher world, I think that we could explain *yūgen* not as a concept, which indicate to higher, other reality, but comprehension and insight of the true nature of this, phenomenal world through dark glasses of transcendence. Beyond all particular colours, with which humans colour the colourless world, lays the Reality, which is not a faraway place like heaven, for example, but is this world in his true character, the reality as it is — perpetual flow of transient and impermanent elements beyond all dualities. And I conclude that transcendence is actually just a mode, a resource for comprehension of suchness of the immanence.

Zeami is in his work *Kakyō* from 1424 defines a stylistic nature of *yūgen* like sophistication and elegance, which are designated with melancholy and senses of solitude. *Yūgen* is the key aesthetic category for him, he called it «the flower (*hana*) of art», especially in *Nō*. *Yūgen* has a strong religious connotation, it opens a discussion about higher states of art and is narrowly related with spiritual ideas. It claims deepest comprehension and spiritual width (*shinriki*). In the work *Kyū'i shidai* (1427) Zeami defined this states with increasing spiritual depth, in which the essential criterion is *yūgen*, which is versatile aesthetic category, which express profound secret of life and art. *Yūgen*, related to the highest ideals of art, takes the character of indescribable beauty (*myō*), which stretches beyond itself to the spiritual dimension, coalescence of subject and object, beyond the dualistic comprehension: «The term *myō* denotes the mysteriously wondrous. That which I call *myō* is an appearance devoid of form. This absence of form is the essence of *myō*. In *Nō*, that which is called *myō* may be found in the two elements of singing and dancing, and also in other areas of acting. However, it cannot be clearly pointed out and identified. The actor expressing *myō* will be one who has reached the very highest level» [12, p. 298–299]. In the highest state, when an actor reaches *myō*, the distance between object and subject disappears — he fuses into it and they become one. That is the highest aesthetic experience for an actor and also for sensitive audience, analogue experiences on the spiritual path.

2.1. Absence of plentitude

The absence of plentitude is also one of the marked characteristics of Japanese aesthetics. Japanese gardens are not full of colourful flowers, the stones are raw, non-carving. Adoration of plainness and natural qualities is one of the features of the early Buddhist thought — let the things be as they are:

*Bright moon,
welcome to my hut —
such as it is*
(Issa) [14, p. 72].

The true nature of the world is beyond all dualities, beautiful–ugly, good–bad; the Reality is like a colourless flow, only human is the one who colours bland wet of phenomenal world. Also the early Buddhist temples are often coloured with plain, hazy red colour, many are built from untinged wood; uncoloured wood shows its natural qualities. The restriction of tastes is present also in food — plain fish without sauces and spices shows its real taste. The zen vegetarian kitchen offers small selection of tastes, but sensibility of person is shown through ability to distinguish different tastes in food, which has very mild taste. Personal homes and gardens are also designated with simpleness; Kenkō exposed that the most dull are strictly, unnaturally trimmed trees — «it is ugly to look and most depressing» [6, p. 10].

One of the Japanese fondness to inconspicuous and discrete elegance is also a tea ceremony. It is an example of art, made with the highest aesthetic sensibility, which is the opposite of spiritual poverty of luxury. The simpleness does not mean that one cannot afford more, but is the rejection of easily gained plentitude, and with this ideal the aesthetic concept, *sabi*, is related, which is indicated through image of rusty teapot, which is opposite of a new, painted with different figures and decorated with gold. One of the dimensions of *sabi*, which is exposed in the next chapter, is expression of Japanese fondness to plainness.

Also in the theatre *Nō* lack of requisites and spectacular light effects is obvious; attention is upwarded to actor, his movements and voice. Painters, actors and poets rarely made striking strokes; simpleness is much more controllable and more secure than plentitude, therefore in traditional Japanese art nothing is designated as a bad taste. And moreover — simpleness is capable to express sensibility, which is beyond ordinary comprehension, and it is not boring, but causes special aesthetic feelings, which are authentic and not hidden under the thick layer of oversaturation. These ideas are related to Buddhist thought about exceeding the opposites — insight into the true character of things, things as they are, enables one to see things in their neutrality and identity, common with all existing.

3. *Sabi*: the aesthetics of loneliness in the middle of plentitude. Imperfection as a perfection of things

As *yūgen* also *sabi* has its history and multitude of meanings. It designates loneliness, but not in a sense of sad, negative feeling because of separation of people and world, but it has a different connotation and is a

special experience, through which one directly perceives the nature of Reality. It indicates similarities with *yūgen*.

Important influence on the formation of *sabi* had a Buddhist thought; the ideal of solitariness is composed on the idea of Buddhist ideal of the distance from the world and mainly own illusory ego; the loneliness in this context is also connected with the idea of Buddhahood, or as Dōgen said, impermanent process of life and death is itself the life of Buddha, through solitude and division between it and society one beholds his true nature. Ienaga defined this situation as a special, higher state of spirit, designated with paradox contradiction — need for society and for self-realisation, which is based on the space of loneliness, which bring the highest joy and becomes salvation of the spirit [12, p. 296].

Sabi as loneliness is expressed in the following poems:

<i>Sprawled like an X —</i>	<i>no moon, no blossoms,</i>
<i>thoughts come —</i>	<i>just drinking sake</i>
<i>how carefree,</i>	<i>all alone</i>
<i>how lonely</i>	(Bashō) [2, p. 300]

(Issa) [14, p. 87].

In both poems the situation of solitude is present, but sensitive reader could quickly perceive, that this loneliness is not a fruit of traumatic personal sadness, but actually some kind of impersonal atmosphere is present, especially in the Matsuo Bashō's (1644–1694) poem. We could feel the note of feelings of loneliness in the nature through particular images — autumn, dusk, moonlight. All these images and accompanied feeling create a *sabi*.

Through adoration of the nature the sense of transience, the character of illusion of the phenomenal world is present, and at the same time the affirmation of that solitude, which is not blemish, which made human life miserable, but is the superior fusion, wakefulness with the insight into the transience, the real nature of phenomenal world, which is not veiled with false illusions about eternity here and now. «(N)ature becomes the ideal symbol to represent the way the human state of mind is affected by time. That is, the sorrow of lost or unrequited love is said to resemble fading blossoms, or loneliness is felt like a chilling autumn wind» [3, p. 387]. The colour of *yūgen* is deep black, the colour of *sabi* is the colour of rust, which designates worn, neglected, withered and exhausted, but so wonderfully in its loneliness. The perception of Reality is different in the domain of *sabi* — it is revealed through profound solitude, not through transcendence.

The beauty in the Japanese aesthetics is not just resource for reaching the truth, but directly expresses the truth, which is in the feelings of solitude, which does not need metaphysical truths, which are soaking in the clouds of unattainable, but is such as it is, simple in its

directness and deeper than all transcendental speculations. Pilgrim exposed that the *sabi* is Japanese aesthetisation of the form of Buddha's mind [12, p. 297]. Under the influence of *zen* Buddhism where poets from XVII century developed the precise definition of the concept *sabi*, rusty beauty, ranked with the moss, and set it as the highest aesthetic ideal. Bashō defined *sabi* as a colour of the poem [12, p. 300].

Solitude, expressed through *sabi*, is the interruption with all ordinary contexts of loneliness. Poems are itself the expression of *sabi* and also each image, meanwhile the prose illustrate the situation and environment, through which the *sabi* is expressed. Environment is awed with feelings of loneliness, silence, atmosphere with calmness, separation, abandoned houses and secluded sounds.

*stillness —
sinking into the rocks,
cicadas' cry
(Bashō) [2, p. 305].*

The cuckoo's or cicada's singing is very often motive in Japanese poetry; it demonstrates the inevitability of death together with affirmation of impermanence, which is the source of beauty. Most of Bashō's poems are based on the Buddhist concepts: Reality is not something transcendent, beyond, but is a special form of feeling and insight about emptiness, which is the only real form and suchness of all things. It is a special experience of the self, depleted of the ego, which is one with all existing and therefore impersonal character, like characters in the theatre *Nō*. Pilgrim exposed that Bashō disappears in the experience and therefore suddenly the poem is formed [12, p. 302]. And Bashō said: «We should transcend self and learn ... To learn means to submerge oneself into the object until its intrinsic nature becomes apparent stimulating poetic impulse» [12, p. 302]. A good designation of Bashō's poetry is in Dōgen's definition: «To study Buddhism is to study the self. To study the self is to forget the self. To forget the self is to forget even one's attachment to the goal. Doing that, one discovers oneself in all things and enters actual society» [12, p. 302]. Forget illusory self means immersion into the emptiness, in which one can swim through things and becomes fused with them.

I think that the contest of *sabi* combines two dimensions: it refers to old, neglected, worn things, for example solitary field or decrepit, abandoned huts in the middle of nowhere, and on the other hand to the feelings of loneliness, which arise by the view on that objects, when their suchness is revealed through vigilant and sensitive serenity. Described emotions are also present in the Japanese prose; it is possible to feel a special light-heartedness despite of accompanied and constant awareness of transience of all existing. The

main subject in Japanese narration and tales is the nature, every piece of which is filled with the essence of *kamis* and therefore alive. Mighty mountains, torrential rivers, dark forests and mysterious pools are with human in perpetual closeness, which grows from respect to all existing. From this attitude the special sense for beauty arises; Japanese are fascinated by object jagged from the ravages of time and are abandoned, forgotten, damaged. They do not discard them as old and useless, but gave them back the dignity with a special sensitivity and fondness.

I conclude that the thing is perfect in its imperfection, because in that way it is such as it is, because it is its true nature. Harmony and symmetry in Japanese art are not the measure for beauty — it is uncomfortable and monotonous, we could observe fondness to sensitive irregularity. «People often say that a set of books looks ugly if all volumes are not in the same format, but I was impressed to hear the Abbot Kōyū say, "It is typical of the unintelligent man to insist on assembling complete sets of everything. Imperfect sets are better"» [6, p. 70].

3.1. The relation between *yūgen* and *sabi*

Yūgen and *sabi* are both at the same time religious and aesthetic concepts. *Yūgen* designates a special sort of beauty and aesthetic experience, which is directed beyond beauty itself and explores its numinous dimensions, and on the other side *sabi* is a kind of immediate aesthetic comprehension of reality. Both concepts are definable with external form, objective character, with a bunch of images, metaphors and styles. The image of autumn evening haze under the lonely field expresses *yūgen*, image of old, decay hut expresses *sabi*. According to subjective criterions concepts express the appearance of individual feelings, which are linked with mood, state of consciousness or atmosphere. *Yūgen* is an expression of special feelings of melancholy and unutterableness, also mysteriousness, and *sabi* is a sense of placid loneliness, solitariness. Both emotional states are important points in the perception of art and also for the interpretation of the both concepts, which is not scientific objectification, it actually loses effectiveness of its resources, by trying to reveal the ultimate secret of work of art, which on that point remains powerless, but is a subtle, intuitive method, which is capable to reveal the secret of the peace of art, but not with aggressive grasping, but it reveals it in a manner that leaves it unspoken.

Yūgen therefore refers to transcendental, numinous dimension of things through feelings of impermanence, *sabi* to phenomenal suchness of things. Van Meter Ames excellently expressed the difference between one and the other: «There is a bipolar tension between the depth of *yūgen* and the everydayness of *sabi*, between the mysterious sense of more than is there and delight

in what is right there» [12, p. 293]. Ortolani [11, p. 325] defines *yūgen* as magnificent, mysterious, transcendent aspect of beauty and at the same time as deep, bitter beauty of human's transience.

Yūgen through glass veil express sublime, hidden reality and unutterable essence. The mysterious depth of numinous if perceivable together with awareness of fleetingness of phenomenal world also in ensuing poems:

*Autumn wind — I'm
coming closer to the age
of grandma's death
(Issa) [14, p. 73].*

Religious-aesthetic sense of poems lies in ability, that through style and atmosphere elicit certain feelings in the mind of a reader, but it depends on him, what kind of effect the poem has on him. The ideal of *yūgen* in these poems is mysterious and unutterable; through haze, veil, mirage and dreams the transcendence is perceived.

**4. Impermanence: the supreme stability.
Transience: the ultimate certainty**

Beyond the simpleness, worshipping natural features of things lays the most salient Japanese aesthetic ideal — transience. It is the urgent element of beauty and it is not depression or bitterness because of realisation that everything is liable to transience. This idea is evident also in ensuing poems:

<i>the fleeting transience of life, soon to die, yet no sign of it: a cicada's cry (Bashō) [2, p. 114].</i>	<i>Listen, all creeping things the bell of transience (Issa) [14, p. 3]</i>
---	---

Without death there would be no beauty. Kenkō says: «If man could never fade away like the dews of Adashino, never to vanish like the smoke of Toribeyama, but lingered on forever in the world, how things would lose their power to move us! The most precious thing in life is its uncertainty» [6, p. 7]. Fragility of all existing is the condition of beauty, and that attitude is in Japan mediated through art. The most beautiful flower is a cherry blossom; its life time is very short and many eyes do not see its beauty — but that is something stunningly and exceptional. The presence of transience is also the image of cracked or rusty cup; triteness and a rot are mysterious features of things, revealed after a long use. This attitude is different from striving to perfection of things. Perfection is not authentic, it is repulsive for the sensitive eye, which prefers different aspect of things.

Realisation of transience often accompanies the feeling, called *mono no aware*, bitter, poignant sadness (translated as «the sadness of things») because of transience of all existing. Kato in his article Some Notes on Mono no Aware [4] explains, that *aware*, as an attribute of *mono*, the vast material world, always expresses serious and profound feelings towards *mono*, whether the latter stands for human or non-human objects [4]. Motoori Norinaga (1730–1801) — he for the pure expression of *mono no aware* defined classical Japanese novel Tale of Genji — defined *mono no aware* on this way: «Whenever one has strong feelings, his understanding (that is, «mind») and feeling are identical. This is called, “to know *mono no aware*”» [4, p. 558]. So one, who gets the insight into the true Nature of Reality, knows *mono no aware*. It is deep sensitivity for all things, and as Milčinski wrote, it is the ability to comprehend the movement of life, also in such small, on the first sight unimportant event. This intuitive and cultivated view of life meant the highest aesthetic value [10, s. 184]. Feeling *aware* causes feelings of gentle melancholy in the presence of mortal beauty.

Sabi is therefore a feeling of solitude, calmness. When one in this loneliness feels soft sadness, this sense is *wabi*, or as Milčinski wrote, *wabi* is an unexpected comprehension of fate of suchness of things [10, s. 188]. When moment awakens intense, nostalgic feelings of sadness, this sense is called *aware (mono no aware)*. But this nostalgia and melancholy are high sophisticated feelings, superior emotions because of insight into the suchness of the Reality, and therefore liberate human from things, to which he cannot be attached because of their emptiness.

For this reason, so acceptance of transience, in the Japanese aesthetics the affirmation of death is withdrawn. It is not something grisly, what denies life and makes it desperate, but the essential part of it. Death «.../ brings individual into unity with a larger totality; the human being is not only like the dew and blossom, but in death is united with the totality of the cosmic and natural process» [7, p. 235]. The sensitivity to inevitable passing of all living beings is the basis for different attitude toward life, to respect each and every moment, which is unrepeatably and therefore so precious. Death is deeply anchored within life, it is indicated in every moment, every small event — overblown flower, beat cup, elderly and pooped warrior. Life and death are an interlacement of different phenomenon and their constantly flowed dynamism. I think that the acceptance of death is the affirmation of all dimensions of life, and not the morbid and depressed mode, accompanied with resignation, but the basis for different attitude toward life, filled with true values. Buddhism tends to negate life only in the sense of illusion, only its illusory status, which is not separated from death. «If one wants to ne-

gate and reject, then not only death but also life must be negated and rejected; if one wants to affirm and grasp, then not only life but also death must be affirmed and grasped» [13, p. 75].

The resource, through which human expresses his standpoint about transience and which is the mirror of his own impermanence, is the nature. The very important part of these attitudes is also compassion, aroused from comprehension about the same nature of all existing, which is the centre of Buddhist ethics. One could attain spiritual awakening only through awareness of omnipresent transience, which in an impermanent world is the ultimate and only stability. «.../ through Buddhist influence this attitude was eventually developed into a thoroughly subjective realization of spiritual freedom» [3, p. 377]. This holistic view does not allow many gaps between human and reality, with comprehension of his true self, which is *anātman*, human universalized his essence, identified it with all existing and at the same time offered him an opportunity for liberation from attachment, selfish desires and vain ambitions. On the basis of non-dualistic attitude arises the highest value, called *nirvāṇa*, which is beyond life and death, but it does not mean that is transcendent, but is a state, reached through insight of the nature of Reality, which raised human beyond the suffering, based on the wrong comprehension of the world. The Buddhist thought is oriented towards the acceptance of life in all forms, including death. This is, which is reached through the practice of *yoga*, it is the aesthetic pleasure of the world and the highest state of being. Here emerges the sensation of special beauty, which enables to exceed suffering and creates a space for liberation. Nature manifests impermanence through the transition of the seasons, it designates constant transformation, in which nothing is permanent and this awareness could be grasped only through Buddhist discipline.

5. The way of art — the way of inner fulfilment through sensitive insight into the emptiness

Every era of mankind is always a field of creative activity. Today it exceeds boundaries of common patterns and at the same time searches for ways to make sense for its own existence and existence of the world, which are too saturated with accumulation of spiritual and material. The strategies of art in Japan, which are essentially characterized by the philosophy of Buddhism, are not based on the naked appropriation of the art object, but the aesthetic experience and artistic activity are oriented towards adopting deeper, not yet comprehended views, and at the same time towards receiving and respecting things as they are. The manner of reaching liberation through art is an endless and incessant searching for truth and oneness.

Concept of way (*dō*) is significant aspect of soteriological dimensions of Japanese aesthetics. Toyo Izutsu defined *dō* on the field of art as «a way of leading to spiritual enlightenment through art; the *dō* consists here in making an art a means by which to achieve enlightenment as its ultimate goal. /.../ To every stage of a way a certain spiritual state corresponds, and at every stage the artist tries to get into communion with the quintessence of the art through the corresponding spiritual state, and make himself bloom in the art» [12, p. 286].

The idea of *dō* has its source in art, rather poetry, composition of verses, which is the analogue procedure of meditation. The excellent poem is a result of enlightenment in *zen* Buddhism and has the same status as reaching the enlightenment. This conviction is the basis for formation of the theatre *Nō* [10, s. 193]. Religious attitude, related to *dō*, is also indicated through tea ceremonies. Soetsu Yanagi exposed, that «(t)he Way of Tea is a way of salvation through beauty. Hence the *chajin* (tea master) must make a paragon of himself so as to preach laws like a religious man. He must have a profound love of beauty, high discernment of truth, and deep experience in practice. So far as *cha-no-yu* is a Way, spiritual discipline should come first» [12, p. 286].

Way, *dō*, is characterised with specific practice and discipline, which leads to spiritual fulfilment and salvation, the basis of which is *yoga*. The discipline of body and mind is essential for art, different techniques and artefacts, is the basis for self-transformation. For art, which has its source in *dō*, perfection is not the ultimate aim, but the state, spiritual/artistic fulfilment, which is beyond conventional techniques. In the theatre *Nō* different techniques of movements are becoming free expressions, based on the deeper level of artistic creativity. In the era Heian (794–1185) the connection between creativity and spirituality was clearly formed; the poetry as a part of *dō* was comprehended as an interlacement of poetic and meditative practice. Poetic creativity is a mystic fusion of the poet and his work, which was created on the basis of his intense concentration. Composing poetry becomes the way of life, which leads to wisdom about the highest Reality. Way, *dō*, is the way of religious-spiritual realisation, designated with peace and calmness. Bashō determined *dō* with the metaphor of pilgrimage; the poetic way is like travelling into the spirituality, it is the process, which leads one close to that, which is most real, authentic and is reached through spiritual awakening. This is the travel, which is a travel home, to himself, and poetry is a form, which leads one home. Izutsu Bashō's posture is understood as an «unremitting pursuit of poetic truthfulness» [12, p. 288]. It is human's tendency for approaching to the truth of human existence and existence of the whole world. It is the pursuit and expression of the essential meaning (*hon'i*) of something, what is caught into the artistic form, for dis-

covering deeper principles and the secrets of things, which cannot be revealed with theoretic-analytical methods, but on the basis of different comprehension. The main attitude of poets from Heian era and also for the other artist, Zeami, for example, is an interest for the essence of all things, which is under the surface of everydayness, for numinous dimension of the things, which is actually their true nature. Zeami defined *hon'i* as human's residence in the union with essential spirit and reality, which is depicted in the art [12, p. 289]. When one creates a new object, sees it with his inner eyes, from his inwards, then the gap between the object and the subject is overcome on that way. The Buddhist concepts *anātman* (Jap. *mu*) and *śūnyatā*, emptiness (Jap. *kū*) determined the essence, which is the object of one's endeavour. Zeami exposed that the one with his artistic artefact gave visible form to invisible essence of things [12, p. 289]. Japanese art tries to express the true nature of all phenomenal things, outlined on the background of emptiness; it is the expression of the empty, silent content of things, steady impermanency, which stands beyond the mask of all things. Reaching release from domination of illusory ego is the source of holistic and authentic life, anchorage of the field of being, its manifestation, the basis for transformation, serenity, and composure in the middle of active life. The knowledge about artistic techniques is not enough, one has to turn inward, to the real state of self, *anātman*, through which he is one with all existing, in absolute union with the nature and universe. With reaching the knowledge about *anātman* one transcends particular forms of art. The main feature of *dō* is the aesthetic sensitivity; one experiences it in the relation to the nature, and as such has the soteriological dimension, which in the Japanese art is one of the supreme aesthetic values.

6. Conclusion

The aesthetic tradition in Japan today is indicated through literal and philosophical heritage, works of art and attitude toward life. The religious tradition in Japan is manifested through art, which was essentially affected by Buddhist thought and both try to reach the calmness of the spirit and realise things as they are. This aspect of Japanese spiritual and cultural heritage shows that the development of different religious practices is always corresponded with the development of different artistic practices, which shows an important soteriological trend, which is most clearly represented in the connection between art creations and nature. Concepts of Japanese aesthetics, based on Buddhist thought, which offers a chance for rebirth of values, goals and attitudes and is the foundation for endeavouring the liberation from all worldly attachments, transcend all history eras and places and remain a timeless and always current expression of attitude towards the world, which is based on under-

standing all things in their essential nature, which is empty. All things are identical in their emptiness, and that idea is similar to the metaphor about Indra's net, which is depiction of principle, called *dharmadhātu*, which means nature-as-it-is, which is empty. The metaphor is a symbol of infinite connectedness between all elements in the space — each part is the condition for the whole and is dependent on the whole. And moreover — it mediates the non-anthropocentric view of human, who is not the measure of all existing, but is included into the net of endless mutual reflection and is the same with every single piece of world, because their essences are filled with the same content, emptiness.

References

1. Alland A.Jr. The Construction of Reality and Unreality in Japanese Theatre. *The Drama Review*. 1979. Vol. 23, no 2, pp. 3–10. (In English).
2. Bashō's haiku: selected poems by Matsuo Bashō / transl. by D.L. Barnhill. Albany: State University of New York Press, 2004. 348 p. (In English).
3. Heine S. From Rice Cultivation to Mind Contemplation: The Meaning of Impermanence in Japanese Religion. *History of Religions*. 1991. Vol. 30, no 4, pp. 373–403. (In English).
4. Kato K. Some Notes on Mono no Aware. *Journal of the American Oriental Society*. 1962. Vol. 82, no 4, pp. 558–559. (In English).
5. Keene D. Japanese Aesthetics. *Philosophy East and West*. 1969. Vol. 19, no 3, pp. 293–306. (In English).
6. Kenkō Y. Essays in Idleness: the Tsuzuregusa of Kenkō / transl. by D. Keene. N.Y.: Columbia University Press, 1967. 213 p. (In English).
7. LaFleur W.R. Death and Japanese Thought: The Truth and Beauty of Impermanence. *Death and Eastern Thought* / ed. F.H. Holck. Abingdon: Nashville and New York, 1974, pp.226–256. (In English).
8. Lamarque P. Expression and the Mask: The Dissolution of Personality in Noh. *The Journal of Aesthetics and Art Criticism*. 1989. Vol. 47, no 2, pp. 157–168. (In English).
9. Milčinski M. *Azijske filozofije in religije* [Asian Philosophies and Religions]. Ljubljana, Mladinska knjiga Publ., 2014, 412 s. (In Slovene).
10. Milčinski M. *Telo-duh v filozofsko-religijskih tradicijah* [Body-mind in philosophical-religious traditions]. Ljubljana, Slovenska matica Publ., 2014. 233 s. (In Slovene).
11. Ortolani B. The Japanese Theatre. From Shamanistic Ritual to Contemporary Pluralism. Princeton: Princeton University Press, 1995. 432 p. (In English).
12. Pilgrim R.B. The Artistic Way and the Religious-Aesthetic Tradition in Japan. *Philosophy East and West*. 1977. Vol. 27, no 3, pp. 285–305. (In English).

13. Tamura Y. Critique of Original Awakening Thought in Shōshin and Dōgen. *Japanese Journal of Religious Studies*. 1984. Vol. 11, no 2–3, pp. 243–266. (In English).

14. The Dumpling Field. Haiku of Issa / transl. by L. Stryk. Ohio: Ohio University Press, 1991. 133 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 08.10.2015

Об авторе

Петек Нина

аспирант, ассистент кафедры философии
Философского факультета

Люблянский университет,
Словения, 1000, Любляна, Ашкерчева ул., 2;
e-mail: nina.petek@ff.uni-lj.si

About the author

Petek Nina

Ph.D. Student, Researcher and Teaching Assistant
of Department of Philosophy, Faculty of Arts

University of Ljubljana,
2, Aškerčeva, Ljubljana, 1000, Slovenia;
e-mail: nina.petek@ff.uni-lj.si

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Петек Н. Ценность и красота временности: буддистская философия в перспективе японской эстетики // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 5–14.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-5-14

Please cite this article in English as:

Petek N. Value and beauty of impermanence: Buddhist philosophy through Japanese aesthetics // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 5–14. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-5-14

УДК 130.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-15-23

ОТЧУЖДЕНИЕ У ГЕГЕЛЯ

Бурков Роман Борисович

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается концепт отчуждения в творчестве Гегеля. Данная парадигма фундирует собой его учение. В каком-то смысле можно сказать, что все учение Гегеля — это одна большая теория отчуждения, где отчуждение — неотъемлемый предикат значительного числа составных элементов его концепции. Поэтому мы эксплицируем ее из единого содержания гегелевской теории с целью восстановления того пути, по которому пошел Гегель в процессе оформления этого концепта. Проводится связь между развитием гегелевских идей и той социально-экономической средой, в которой происходило формирование темы обсуждения. В дополнение рассматривается генетика проблемы отчуждения у ближайших предшественников немецкого мыслителя. Исследуется движение категории «отчуждение», ее отдельные этапы, специфические и всеобщие черты, проводится исторический и сравнительный анализ (в немецком идеализме) понятия. Вскрывается роль данного понятия в самой системе Гегеля, его смысловая связь с группой других родственных понятий. В результате чего мы получаем историко-философское исследование становления категории «отчуждение» в философии Гегеля. Именно Гегель сделал данное понятие универсальным. Он синтезировал две доселе необъединимые сферы его применения, соединив их в одно целое и дав первую всеобщую схематику отчуждения. Его открытия закрепили эти результаты в философии и сделали их неотъемлемой частью ее самой, подготовив дальнейшую революцию в прогрессе данной проблемы, осуществленную основоположниками марксизма.

Ключевые слова: Гегель; отчуждение; опредмечивание; диалектика; идеализм; предметность; труд.

HEGEL'S ALIENATION

Roman B. Burkov

Perm State University

The article reveals the alienation concept in heritage of Hegel. This paradigm funds the teaching of Hegel. In some sense, one may say all the teaching of Hegel is one big alienation theory, where alienation is an inseparable predicate of a significant number of contained elements of his conception. Therefore, the author makes explicit its content from a single Hegelian theory with the aim of restoring the path taken by Hegel in the process of forming this concept. The link is set between the development of Hegel's ideas and the socio-economic environment in which this theory formed. In addition genetics of the problem of the immediate predecessors of the German thinker is considered. The article explores the movement of «alienation», its separate stages, specific and universal features, making a historical and comparative analysis (in German idealism). The role of this concept in the system of Hegel, its semantic relationship with the group other related concepts, is revealed. Therefore we get historical and philosophic research of alienation concept in Hegel's philosophy. It is Hegel who made this concept a universal one. He synthesized two of its scope, connecting them together and giving the first universal patterns of alienation. His discoveries have consolidated these results in philosophy and made them an integral part of itself, preparing a further revolution in the progress of this problem, carried out of the founders of Marxism.

Key words: Hegel; alienation; thingification; dialectics; idealism; thingness; labor.

I

Гегель впервые вводит в философию само понятие «отчуждение» почти в том же смысле, который с определенными дополнениями впоследствии будет применять марксизм. Кроме того, он закрепляет за проблемой отчуждения определенную терминологию.

В понятии отчуждения соединяется все то, что было выработано ранее, в нем синтезируется все разнообразие накопленных философией представлений и перерабатывается в нечто новое. Следы такого синтеза хорошо обнаруживаются, если проследить эволюцию взглядов молодого Гегеля. В бернский период (1793–1796) он эксплуатирует понятие «позитив-

ность», которое обозначало «некое установление или свод мыслей», являющееся «мертвой объективностью», противостоящее субъективности человеческой практики как нечто чуждое [5, с. 583]. Такой позитивностью, по Гегелю, отличалась его современность в противовес эпохе греческой демократии, торжество идеалов которой во Франции, где незадолго до этого случилась Великая французская революция, жаждали в тот период увидеть многие просвещенные европейцы. Они искренне надеялись, что это станет первым шагом человечества на пути к всеобщей свободе. Однако после террора и последующего перерождения Французской республики в империю, после крушения первоначальных надежд многие, в том числе и Гегель, изменили свои взгляды. Если вначале Гегель считал, что отдельный строй или нация могут воплотить в себе идеал счастливой непосредственности и гармонии греков, гармонии индивидуального (человеческого) и общего (в том числе и общественного), то вскоре он переносит центр тяжести на религию. А точнее — на христианство. Именно христианство стало у него средством примирения разрыва между частным и всеобщим и приняло форму синтеза человеческого и божественного начал, который на новом уровне достигает античной целостности, проходя этап иудаизма, где имеется сильнейший разлад между всемогущим Богом и рабствующим в мироздании человеком [6, с. 63]. Вот так немецкая среда и неудача общественной практики на первых порах оттолкнули Гегеля от непосредственной истории. Уже по этому небольшому вступлению видно, что немецкий философ в самом начале своей карьеры шел по пути прежних мыслителей, противопоставляя индивида и общество/государство друг другу, сталкивая свободу личности с «безжизненными» проявлениями общественной машины, имеющей склонность подавлять волеизъявления живых людей. Однако можно заметить и нечто новое: типичная установка Просвещения рассмотрена более глубоко, она затрагивает уже онтологический пласт; кроме того, можно отметить здесь и зачатки того идеализма, который будет присущ более позднему Гегелю. В этом новом моменте чувствуется сильное влияние Фихте: его требование борьбы с диктатом объективного над субъективным. Гегель, хорошо почувствовавший общее движение передовой философской мысли в «Германии», принял на вооружение данный принцип и соединил его с достижениями французских и английских классиков. И, наконец, нельзя не заметить мощную установку на историзм (правда, еще в несколько мистической и спекулятивной форме), но уже смело ассоциирующей отдельные гипотетические состояния человеческого бытия с конкретными фазами развития его истории, понятиями и раскрытыми через религиозное мировоззрение. Это еще не совсем история, это всего лишь [религиозная] история мысли (эту идею Гегель про-

несет через все творчество), но это уже явный намек на действительное движение человечества во времени. К тому же Гегель использовал теологию лишь в качестве декоративного орнамента для своей онтологии, и потому эта теософская обивка не должна смущать нас.

Во франкфуртский период (1797–1800) усиливается «диалектизация» и «историзация» понятия «позитивность». Гегель исследует процесс возникновения и исчезновения связи между общественной практикой и социальными институтами. Он ищет истоки позитивности. В этот период он активно знакомится с произведениями английской классической политической экономии, перерабатывает их содержание под свою доктрину. Это во многом было связано с необходимостью, с одной стороны, оправдать, пусть и неприятные, результаты реальной истории (вырождение революции во Франции), а с другой, найти более фундаментальную опору человеческой культуры, нежели мораль и политика (впоследствии именно это приведет его к пониманию значительной роли труда в истории и позволит подняться над Просвещением). Со временем, по мере развития своей диалектики, Гегель все более отодвигает на задний план понятие «позитивность». Оно сильно изменит смысловой акцент, хотя и будет сохранять некий негативный оттенок. Отказ от понятия в его старом значении не означал, однако, отказа от скрывающейся за ним проблемы отношения человеческой/общественной деятельности к порождаемым ею объектам. Напротив, эта проблема обрастает все новыми дополнениями и наработками. Все сильнее на первый план выдвигается мысль, что человек в своей истории должен неизбежно преодолевать первичную естественность и непосредственность, так сказать, себя в качестве «*tabula rasa*». Оригинальным тут является то, что упор делается не только на общество само по себе с его нормами, требованиями и коллективными действиями (т.е. рассматриваемого непосредственно), но и на генезис этого общества с учетом порождающих его причин и их следствий (т.е. общество впервые берется предметно). Природа как среда сменяется комплексом предметов, порождаемых в процессе труда, в процессе людской орудийной деятельности [5, с. 586]. Именно этот фактор обусловил самовыражение индивида вовне себя через создаваемый им предмет. Этот новый акцент, проводимый через игру терминов и понятий, которую Гегель еще даже в йенский период (1805–1806) продолжал, подыскивая адекватное выражение своим идеям, закрепился в проблеме объективности вовне. В тот период Гегель, помимо чтения классиков английской политэкономии, активно дистанцировался от Шеллинга и продолжал критику субъективного идеализма. И можно с уверенностью сказать, что эта борьба, синтезировавшая все лучшее, что было у оппонентов, породила

«Феноменологию духа» с ее системой понятий, среди которых уже совершенно четко и ясно используются в их чисто гегелевском смысле термины «Entaeusserung» («овнешнение», «опредмечивание») и «Entfremdung» («отчуждение»). Здесь очевидно просвечивает и английское «alienation» («отчуждение»), трактуемое в качестве отторжения товаров от владельца при их сбыте на рынке, а также в классическом ключе философии Просвещения — в качестве присвоения обществом изначальной свободы индивидов, и «Entaeusserung» Фихте в смысле внешнего становления разума в «не-Я», и шеллинговское «обусловливание» как действие, превращающее нечто в вещь, и руссоистские наработки по историческо-трудовому подходу к частной собственности. Но Гегель двинул эту проблему дальше тех, кого он подверг своей «критической критике». Он не остановился, как многие, на констатации оригинального нюанса, необходимого лишь для более контурного очерчивания основных своих идей, а соединил эти нюансы в новую сцепку категорий, ставшую одной из центральных в его теоретических построениях, и добавил к ним некоторые из своих интенций. И, несмотря на то, что Гегель позаимствовал большинство аспектов концепции отчуждения у других философов, синтезировав их в свою доктрину, он придал им совершенно новое качество.

II

Так что же получилось в результате всех этих логических экспериментов, чего добился Гегель? А получилась новая оригинальная концепция отчуждения, разбросанная по отдельным работам. Эта концепция включает в себя несколько взаимосвязанных, но, в достаточной мере, автономных сторон, которые мы последовательно проследим и раскроем. Начать, наверное, стоит несколько издалека, с более отвлеченного ракурса — с общеонтологической ниши. Данная сторона основополагающая и связана с социальным отчуждением в той же мере, что и Дух по отношению к истории в самой доктрине. У Гегеля она фундирует собой все прочие и по своему месту в структуре данного концепта, и по уровню субстанциальности, и по степени всеобщности. Поэтому ее рассмотрение должно, на наш взгляд, предшествовать всему остальному, несмотря на то, что исторически Гегель, судя по всему, вел исследование проблемы отчуждения человека и Духа параллельно друг другу.

Итак, во-первых, Гегель понимал под отчуждением объективацию абсолютной Идеи. Понимание необходимости такого шага было уже у Фихте. Вместе с тем Фихте столкнулся с так до конца и не разрешенным им парадоксом: выводением сущности мира из сущности идеального. «Не-Я» суть объективация нашего «Я», его эманация, истечение. Но у немца оно оказывается слишком непосредственным,

слишком прямым. Оно неспособно найти компромисс с миром, слишком велика между ними разница, чтобы требовать от них родства. «Не-Я» напрямую следует из «Я» и, значит, границы первого должны подразумеваться последним. Однако Фихте так и не смог обосновать этого положения. Весь ход изложения этого перехода дает понимание того, что природа («не-Я») обладает слишком большой автономией, слишком мало похожа на сознание. Изнутри Духа невозможно полностью объяснить это движение вовне чувств. Итог этого движения невозможно редуцировать к его началу, а начало — к итогу. Здесь встают сложнейшие проблемы конечного и бесконечного, покоя и движения, субъекта и объекта. Фихтеанское «Я» не может оставаться завершенным в чувственном мире, оно не способно сохранить свою конечность, неподвижность и идеальный характер вовне себя, слишком плохо объясняет сущность материальной действительности и не обладает необходимыми свойствами для синтеза в себе противоречивых характеристик, которые оно с неизбежностью обязано аргументированно пояснить, если предполагается, что они выводятся из самого этого «Я». Одним словом, у него нет потенциала для генетического единства с природой и для диалектического движения к себе через свою противоположность. Оба акта этого движения оказываются чуждыми себе. Как и оба его исходных пункта. Отчуждение («овнешнение») оказалось тут чрезмерным. Фихте и сам понимал этот свой недостаток, внося постоянные изменения в свою доктрину и даже стремясь найти новый абсолют, сумевший бы заменить ему «Я», например «знание» [4, с. 136], но, тем не менее, не сумел вывести мир из *субъективного* субъект-объекта. Поэтому Шеллинг с Гегелем двинулись в сторону *объективного* субъект-объекта. Но без грамотного разрешения возникших противоречий даже это решение могло дать лишь частичный эффект. И оттого нет ничего удивительного в том, что Шеллинг, оказавшийся неспособным разгадать загадку кантовских антиномий, ударился в иррациональное, чувственное смешение субъективного и объективного Духа. Его философия тождества имела своим результатом дистанцирование от действительных различий вещей, разбавление существенных атрибутов их обобщенно-безразличными суррогатами [4, с. 193]. Гегель, стремившийся к конкретике в своих исследованиях и сильно тяготивший к рационализму, очень скоро разочаровался в шеллингианстве, что в дальнейшем привело к разладу в отношениях между бывшими друзьями. Как пошутил сам Гегель, абсолют Шеллинга подобен «ночи, в которой все кошки серы» [4, с. 136]. Сам он увязывал движение Идеи с необходимостью решения кантовских апорий, что было реализовано им через его диалектический метод. Его Дух переходит

в природу потому, что только в движении он и существует. Только в беспрестанном самопорождении и самовосстановлении он может иметь свое бытие. Каждая отдельная его форма и фаза неполна и стремится в «свое иное». Будучи противоположностью, она является односторонней и неизбежно переходит в свою противоположность. Так Дух формирует свою бесконечность, свою истинную субъект-объектность, свой движущийся покой — через непрерывные акты изменения и превращения одной формы в другую. Идея, понятие могут теперь не «бояться» своей непохожести на мир, так как их несходство и предполагает их взаимное единство и неизбежность перетекания в «свое другое». Новая диалектическая ситуация позволяет Духу быть бесконечным в связи со всем содержанием конечного, а не в качестве его простого отрицания («дурная бесконечность»), она позволяет ему сохранять свой покой не абсолютно, а увязывать его с движением своих форм, наконец, она делает его действительной субстанцией, которая проходит ряд субъект-объектных перевоплощений. Так понятие природа и история уже просто обязаны быть непохожими на Идею, так как только в этом случае они и смогут быть ее выражением. И такая природа вполне может породить из себя новую форму. В основе такого решения — закон отрицания отрицания, предполагающий существование Духа (=самодвижения) в три стадии: 1) бытие-в-себе; 2) инобытие; 3) бытие-в-себе-и-для-себя. Помимо диалектики, как уже было сказано, Гегель исходил также из *объективного* понятия, что позволяло ему преодолевать затруднения Фихте, связанные с переходом из «головы» в мир, ибо они (переходы) теперь все с самого начала осуществлялись объективно. Таким образом, кратко резюмируя сказанное, можно обнаружить, что диалектика и объективный идеализм стали для Гегеля способом преодоления сложнейшего затруднения со времен античного кризиса философии и, так сказать, средством «снятия» Канта и Фихте.

Итак, отчуждение у Гегеля, как видно из вышеизложенного, глубоко вплелось в его диалектику и стало выходом из непростой философской ситуации. Оно не только создавало диалектическую оппозицию в противовес сущности взаимодействующих противоположностей, но и выводило ее из самой природы философских реагентов: Гегель не пожелал сталкивать диалектичность мира с метафизичностью его явлений, он вместо внешнего навязывания раскрыл сам мир как глубоко диалектичный. То есть вместо прежних поисков «сущих вещей», коими занимались новоевропейские «натурфилософы» мысли, он занялся поиском субстанции, обнаружив помимо прочего и субстанцию диалектики — одностороннюю предметность, отчуждение. Оно стало обозначать такое овещствление и объективацию

Духа, которое, в отличие от фихтеанского, предполагало переход в полную свою противоположность с признанием всей полноты этой противоположности, но при наличии у них обеих единого основания. Фихте, как ни крути, пытался приписать природе сознание, подавив ее специфичность, сделав ее относительной и кажущейся, и поэтому в итоге природа, непонятая, гордо осталась стоять в стороне. Гегель, напротив, смотрит на природу как на природу, оставляя ее собой (хотя и он не обошелся без некоторых нюансов, к примеру, лишив природу времени и активности). Его отчуждение есть неотделимая часть его диалектики, отрицания отрицания, которая предписывает формам переходить в чужеродное для себя состояние, предполагаемое узостью их наличного бытия, а затем «возвращаться к себе», т.е. снова подвергать себя переходу в чуждое относительно предшествующего состояния. Это инобытие есть действительно инобытие. Оно предполагает переворот ключевых особенностей первичного этапа, при котором субстанция (ее воплощение) функционирует в прямом противоречии с тем, как она действовала прежде. Вот что Гегель говорит о природе: «Это ... становление духа, природа, есть его живое непосредственное становление; она, отрешенный дух, в своем наличном бытии есть не что иное, как это вечное отрешение от своего устойчивого существования» [1, с. 433]. Таким образом, речь идет здесь о предельно философском смысле понятия «отчуждение», об овещствлении, об опредмечивании (именно так лучше переводить термин «Entausserung»), о становлении предметности в мире и самого предметного мира как необходимого этапа на пути движения абсолюта к самому себе. Об опосредовании Духа своим вещественным воплощением. (Кстати, немного отступив от темы, заметим, что термин «опосредование» («Vermittlung») есть чуть ли не прямое заимствование Шеллинга «обусловливания» («Bedingen».) Этим термином Шеллинг описывал процесс превращения нечто в вещь, которая становилась благодаря этому «обусловленной», т.е. опредмеченной, овещенной (сравните с гегелевским «опосредованием» Духа). Вообще сам термин «Bedingen» происходит от слова «Ding» (вещь, предмет, дело, условие). Таким образом, мы получаем весьма многозначное определение, которое может быть переведено как «обусловливание», «опредмечивание» или даже «от-дел-ывание» (в смысле отделения от чего-либо). Сам Шеллинг очень искусно играет словами, используя многозначность для усиления одного или другого момента. Так, на основании процесса обусловливания он делает вывод о невозможности безусловных (то же, что «непредметных», «неотделенных») вещей и, следовательно, что ничто не может быть положено как вещь через самое себя, а только через свое дру-

гое. То ли Шеллинг гегельянистует, то ли Гегель шеллингианистует! ... На беду Шеллинга он не сумел использовать открывшуюся возможность и запутался в собственных противоречиях, тогда как Гегель, напротив, очень тонко оценил глубокое чутье своего коллеги). То есть фактически о принципе любого движения любой вещи, который предполагает на определенном этапе отделение сущности от существования. При этом предполагается, что предметность, обладающая собственной непосредственной сущностью, будет носителем и выражением другой сущности, содержание которой она будет передавать лишь формально, диалектически. «В непосредственном наличном бытии духа, в сознании, есть два момента: момент знания и момент негативной по отношению к знанию предметности. Так как дух развивается и раскрывает свои моменты в этой стихии, то им свойственна эта противоположность и все они выступают как формы сознания. ... Но дух становится предметом, ибо он и есть это движение, состоящее в том, что он становится для себя чем-то иным, т.е. предметом своей самости, и что он снимает это инобытие» [1, с. 19]. Такое понимание опредмечивания Гегель переносит и на все прочие формы действительного движения, а потому оно (опредмечивание) оказывается матрицей для объяснения социального отчуждения.

Во-вторых, отчуждение понимается Гегелем в качестве отчуждения человека. Здесь нужно сделать небольшое отступление и сказать, что в данном пункте немецкий философ вышел за рамки того, что предполагалось немецким идеализмом для проблемы отчуждения, и даже по многим направлениям ушел далеко вперед французских просветителей. Обычно традиция проблемы социального отчуждения в немецкой классике до Гегеля ограничивалась незначительным числом вторичных онтологических мазков на холсте своей теории, а также, для особого изыска, она могла быть дополнена непродолжительными разговорами о следствиях для человека становления субъекта внешним. Гегель первым столь радикально поставил вопрос о существовании социального отчуждения. А для этого он должен был прежде уразуметь для себя природу самого социума более глубоко, чем это делала вся догегелевская мысль. Его первоначальная установка на труд и орудийную (предметную) деятельность, почерпнутая им из трудов политэкономической теории и из происходивших в современной ему Англии грандиознейших преобразований в экономике (рождение капитализма), повлекших за собой ускорение темпов развития и появление новых реалий, а также из философии субъекта (опредмечивание Духа, абсолюта, Я), привели его к идее изменения характера труда (и человеческой предметности) во времени — к истории. С другой стороны, интересно, что ступень природы,

по Гегелю, не обладает атрибутом времени, а существует лишь в пространстве, в отличие от ступени общества («Философия Духа»). Поэтому эволюционизм немца оказывается не всеобщим, а общественным, минуя натурфилософию [2, с. 119].

Итак, Гегель исходит из труда (хотя в основу его, естественно, кладет все ту же субстанцию — Дух, сознание). Он подробно анализирует этот вопрос в «Феноменологии Духа» в главе «Господство и рабство» [1, с. 99–106]. Начинается все с самосознания, которое оказывается и самостоятельным и несамостоятельным одновременно. Такое положение становится возможным благодаря обществу, где сознания существуют отдельно. Но ввиду тенденции самосознания к целостности в своем движении, оно стремится соединиться с собой (со своим инобытием) и преодолеть разрыв. Оно жаждет сделать другое сознание (человека) своим предметом. И каждое сознание подчинено такой потребности, идет навстречу другому, ибо только через подобное соединение оно и способно достичь себя (стать собственно самосознанием). Однако здесь скрывается сложность: чтобы достичь ступени самосознания, отдельные сознания вынуждены подчиняться его логике и разделиться на предмет и субъект (самосознания), на активное и пассивное начала. Но в таком взаимодействии их обоюдная истина (для-себя-бытие, их самосознание, их знание о самих себе) выражена в чужой предметности, так как они еще не могут познавать себя прямо, а могут только признавать другое и через него себя, а другое — внешний предмет. Осознание другого (первичное преодоление до-самосознательного бытия) для них возможно лишь в качестве отрицания своего предметного модуса (т.е. другого). А это связано с отрицанием всякого наличного бытия, жизни. И тут Гегель делает остроумный спекулятивный переход от логики к человеку: обоюдное отрицание «жизни» другого сознаниями (абстракциями самосознания) становится у него движением людей к чужой смерти. Они как бы обречены на смертельную борьбу друг с другом во имя достижения гносеологической истины Духа, ради логического подтверждения самих себя. Все это сопряжено с риском для жизни — это критерий ориентации элементов системы «субъект-объект», «раб-господин». Презирающий смерть (и жизнь), идущий на риск — становится господином, ценящий жизнь — рабом. Первый есть самостоятельное сознание (для-себя-бытие), второй — подчиненное (бытие для другого), он лишь обрабатывает вещь, а владеет ей — господин. С другой стороны, господин также зависит от раба, которого он ставит между собой и вещью в посредники, теряя с ней контакт. Он имеет абстрактное отношение к социальной действительности, занимается лишь потреблением вещиности, предоставляя самостоятельную сторону

вещи рабу, а сам сталкивается исключительно с ее несамостоятельностью. Раб, напротив, содержательно преодолевает природную непосредственность через дисциплину. И поэтому данные противоположности переворачиваются: истина (сущность) господина — раб, раба — господин. Так, благодаря труду («образованию», «подавленному желанию») раб познает в-себе и для-себя самостоятельность, так как снимает свою противоположность в предмете (самостоятельность вещи). Таким образом, самосознание достигается в акте взаимного признания. Это происходит в «нравственном мире», т.е. в мире отчуждения. Этот же мир именуется еще «образованием». Здесь осуществляется создание сословного, классового общества с отчужденным индивидом, которое, что очень важно, творится самим этим индивидом в его практике. Значит, все социальное бытие вместе с его иерархическими нишами — прямое следствие человека и его особой активности. И тем самым Гегель связывает субъективное и объективное в истории, преодолевает разрыв необходимости и свободы в философии общества, связав их в диалектическом единстве в нечто цельное [5, с. 588]. То есть, пожалуй, впервые умудряется соединить прежде несоединимую частную деятельность человека с историей всего человечества. Перенос онтологического отчуждения всякой предметности на историю позволяет немцу констатировать два новых типа отчуждения: самоотчуждение человека (оторванность сознаний друг от друга), становление его сущности внешней по отношению к себе в другом индивиде и, как следствие, отчуждение человека от человека в процессе его практики (понятой субъективно через оцивилизовывающее «образование» = воспитание интеллекта индивидов + экономическая деятельность). Кроме того, «старое» отчуждение индивида от рода дополнено принципиально новым моментом: социальной предметностью. Теперь всякий вступает в конфликт с коллективом не только на уровне моральных и законодательных норм (или, в лучшем случае, посредством феномена собственности), а через «овнешвленный» предмет труда. Мир предметов труда порождает самостоятельную силу, опосредующую как отдельных лиц, так и всякого человека с его родом. А потому Гегель, разбирая на новом уровне отчуждающие функции общественных институтов (собственности, законов, государства), подчиняет их всех воле внешней социальной предметности (всей материальной культуре) — вещиности («Dingheit»), — так как теперь сама предметность и обладание ей — важнейшие источники отчуждения. И поэтому он сводит институты отчужденного коллектива к двум: государству и богатству (просто имуществу), как выражению обладания определенными трудовыми сущностями [1, с. 265].

Примечательно, что Гегель ставит во главу угла субъективную совокупную деятельность людей, функцией которой становится история. Деятельность эту, вслед за английскими экономистами, он именуется трудом, но, в отличие от них, понимает под этим термином не сугубо экономическую активность, а весь спектр специфически человеческой деятельности. Причем деятельность эта является отчужденной от индивида, юридически отторгнутой от него. Это, с одной стороны, безусловный плюс (Гегель первым вскрыл особый человеческий способ бытия человека), с другой, минус, поскольку отсутствие содержательной дифференциации этой деятельности не позволяет ему выделить ее фундаментальные основания и сущностные формы. Поэтому он ставит в основу труда другую сущностную силу человека — сознание, которая, с его позиции, детерминирует существо внешних проявлений человека. В конечном счете у Гегеля получается, что за трудом стоят потребности «самосознания» (т.е., в сущности, Духа). Однако, несмотря на перевертывание действительного характера взаимоотношений сторон сущности человека, Гегель велик уже тем, что поставил их рядом и рассмотрел как именно стороны одной и той же сущности. Труд отныне получает постоянную прописку в философии истории.

Остается рассмотреть еще один важный вопрос — собственность. Гегель видел в ней «сущее личности», опредмеченное выражение воли индивида, в котором объективируется «право человека на присвоение всех вещей», «внешнюю сферу свободы» личности, которая нужна ему, «чтобы быть как идея». Это отражение межчеловеческих отношений в отношениях природы и человека [1, с. 70–96]. Феномен собственности у Гегеля историчен, хотя историчность его несколько своеобразна ввиду того, что «современное» состояние он считает регрессом по сравнению с эпохой греческой демократии и Римской империи, когда воля отдельных лиц не требовала обязательного отчуждения. Однако это не отменяет самого факта изменения отношений владения и присвоения во времени. Но существует в них и нечто устойчивое — это необходимость собственности для человека, без которой тот не сможет понять и познать свою волю и себя как личность. Гегель не видит в собственности ничего дурного. Наоборот, все гражданское общество существует исключительно на ее основе и только посредством нее в нем осуществляется взаимодействие: собственники обмениваются владениями, заключают договора, т.е. предлагают друг другу «признание». Законы государства, подтверждающие данное положение дел, являются «овнешвленными» человеческими потребностями и потому его учреждения и установления есть конечная цель граждан. По сути, здесь философ защищает дворянское землевладение и систему сословного права. И это имеет под собой

то основание, что Гегель замечал рост богатства и одновременно с тем нищеты и специализации в английском обществе, желая отгородиться от этих пагубных явлений передового социума в более однородной среде отсталой производительной системы немецких земель. Таким образом, проявления отчуждения не вызывают у Гегеля стремления к их преодолению, более того, в своих устаревших формах они превозносятся в качестве идеала и даже альтернативы передовой современности. Его интересует лишь сама суть отчуждения, а это, считает он, закабаление духа предметностью, объективностью (типичная парадигма немецкого идеализма). Отсюда и рецепт снятия отчуждения — возврат Духа к себе, его «бытие-в-себе-и-для-себя». Применительно к человеку же это означает необходимость освободить его самосознание от власти вещественности посредством осознания этой вещественности как сферы отчужденного Духа. Такое освобождение реализовано в философии Гегеля, как высшей форме проявления Духа. Философия же эта — венец государства. Так Абсолют проходит путь через свое иное к самому себе посредством перерождения на различных ступенях и, в итоге, при возврате в самого себя, распредмечиваясь и «освобождая» человека в сфере его истинной жизни — в мысли, оставляя за бортом свободу его действительного человеческого бытия.

III

Теперь, когда мы изучили оба аспекта понятия «отчуждение», можно указать на разницу между терминами «Entaeusserung» и «Entfremdung». Оба они используются у Гегеля как синонимы. Более того, он их вообще не различает даже в качестве неких нюансов. Повсюду у него можно встретить выражения типа «entfremdete Geist» (отчужденный Дух), «veraessere Selbstbewusstsein» (отрешенное/опредмеченное самосознание) при описании одних и тех же метаморфоз. А вот весьма показательное место: «seine Substanz ist also seine Entaeusserung selbst, und die Entaeusserung ist die Substanz» (субстанция также есть опредмечивание себя, а опредмечивание есть субстанция) [7, S. 345]. То есть все (внеисторическое) движение субстанции со всеми ее переходами называется опредмечиванием, и все это описывается в главе «отчужденный Дух», где в самом названии употреблено слово «entfremdete». В связи с приписыванием субстанции Духу, Идеи и так далее эти предикаты очень часто дублируют друг друга без какой-либо существенной разницы. Поэтому позволю себе не согласиться с Э.В. Ильенковым, который также исследовал разницу терминов «Entaeusserung» и «Entfremdung» и пришел к выводу, что первое является более емким, тогда как второе фиксирует лишь момент или этап первого. Ситуация «Entaeusserung», по нему, не обязательно создает ситуацию «Entfremdung». Отчуждение явля-

ется якобы лишь частным случаем опредмечивания у Маркса и Гегеля [3, с. 143]. На самом деле подобное верно лишь в отношении Маркса, тогда как Гегель совершенно не обнаруживает в них никаких отличий, поскольку для него объективация Духа есть переход в нечто чуждое. Более того, именно сам Гегель ввел в философию термин «Entfremdung» в дополнение к позаимствованному им фихтеанскому «опредмечиванию», стремясь, таким образом, усугубить изначальный смысл чужеродности перехода в свое другое. И только Маркс первым проведет водораздел между опредмечиванием человеческих качеств и их отчуждением от их же создателя. Хотя и он сделал это далеко не сразу.

IV

Гегель в вопросе о способе формирования проблемы отчуждения обнаруживает сильное сходство с Платоном относительно его теории идей-эйдосов. Как первый, так и второй в большей степени занимались заимствованием и синтезом. Однако этот синтез был произведен обоими в рамках совершенно новой программной парадигмы и предлагал новые, во многом нестандартные решения и приемы. Данное сравнение позволяет подтвердить давно известную тривиальную истину о том, что целое не сводится к сумме и, тем более, к отдельно взятым частям, составляющим его. Ведь целое как раз-таки и может быть отнесено на счет принципа кооперации частей. Но, несмотря на эти комбинационные новшества, Гегель, широко используя теорию отчуждения, видит ее лишь в качестве дополнительного компонента своей философии абсолютной идеи. Да, это центральное дополнение, как бы странно ни звучало данное словосочетание, это важный аспект движения Идеи (и Духа), раскрывающий субстанциальный момент ее природы, а также сильно обновляющий представления о человеке и его истории. Но при всем этом тема отчуждения лишь одна из многих. Она тонет в массиве фактов и парадигм «Науки Логики». Возможно, дело здесь в первоначальной затее — в желании создать Энциклопедию с большой буквы, системный научный свод человеческих знаний, в котором даже такой серьезный принцип не устоит перед величественным объемом самой системы? Возможно, со стороны и может так показаться, однако все несколько сложнее. Дело в том, что система должна базироваться на некотором фундаментальном основании. Во времена Гегеля философия, столкнувшаяся с тяжелейшим кризисом познания (который поставил под сомнение в буквальном смысле все, что касалось философии), выраженным и сформулированным, прежде всего, в работах Юма и Канта, с неизбежностью вынуждена была начинать с самых исконных своих оснований. Она оказалась перед необходимостью заново осуществлять то, что прежде уже было сделано. Вновь

искать ответ на вопрос о первоначале, об отношении мышления и бытия, о способе нашего познания. И в силу определенных обстоятельств — невозможности выведения природы из сознания, а сознания из природы при имеющихся исходных посылах (таков итог философии Нового времени) — основание это стали искать в едином субъект-объекте (Шеллинг, Гегель), т.е., по сути, в платоновской идее, сущей в мире и в человеке. Она была присуща всему и мистическим образом преодолевала старый дуализм идеи и материи. Механикой ее онтологии и объясняли наше познание: мир есть идея, которая воспроизводится в нашем уме и потому мы верно отражаем объективную реальность; структура нашего мышления и мировой идеи одинакова в силу закона единства исторического и логического в знании (у Гегеля). То есть пришли к старому, как сама философия, буквальному метафизическому отождествлению мышления и бытия при неизбежной в такой ситуации редукции одного из них к другому. А в силу фундаментальных открытий Юма — о невозможности сведения содержания сознания к ощущениям (в XX в. эту теорию подтвердила физиология, на основании которой был сформулирован психофизиологический парадокс) — и Канта — о формировании нашего опыта не столько ощущениями, сколько трансцендентальными структурами (Гегель назвал их категориями) — становится понятным, почему субъект-объект стал не Материей, а Идеей. В тех условиях только такой подход обеспечивал философии право претендовать на истину. Это и стало фундаментом системы Гегеля. Все прочее, как бы разумно оно ни было, только мешало выполнению данной задачи. И вследствие этого, несмотря на верный принцип опосредования всяких противоположностей (диалектика Гегеля, которая разрешила вопрос антиномий Канта), Гегель никак не мог действительно опосредовать мышление и бытие, даже если бы захотел, потому что это разрушило бы всю его философию. А потому и вышло, что у него бытие стало чистым человеческим мышлением. Ведь для того чтобы остаться верным своей основной идее в своем самом важном пункте и при этом не нарушать прочих установлений, требовалось нечто, что действительно могло бы опосредовать мышление и бытие, стать их золотой серединой, их единством, быть их истиной. Такой истиной, как нам известно из истории философии, могла стать лишь сама история. Но история к тому времени еще недостаточно сильно проявилась в общественном бытии, и как бы ее не привлекали для своих целей многие мыслители (и даже сам Гегель), они не могли использовать ее по назначению, ибо не понимали до конца ее истинного значения (к этому придет лишь Маркс). Они использовали ее лишь частично и по частным поводам, в полном соответствии с характером ее раскрытия. А потому и проблемы истории не

могли стать центральными до тех пор, пока основной задачей для философов оставалась борьба за спекулятивные понятия. То есть за абстракции, за отвлечения, а не за конкретно-всеобщие проблемы, более или менее прямо связанные с практической деятельностью людей. Отсюда становится ясным, почему Гегель использует тему отчуждения как важный, но прикладной концепт, необходимый лишь для того, чтобы объяснить движение идеи и раскрыть ее метаморфозы.

Список литературы

1. Гегель Г.В.Ф. Сочинения: в 14 т. М., 1959. Т. IV. 440 с.
2. Дворцов А.Т. Гегель. Жизнь, деятельность, учение. М.: Наука, 1972. 178 с.
3. Ильенков Э.В. Философия и культура. М.: Политиздат, 1991. 464 с.
4. Кузнецов В.Н. Немецкая классическая философия. М.: Высшая школа, 2003. 438 с.
5. Лукач Д. Молодой Гегель и проблемы капиталистического общества. М.: Наука, 1987. 616 с.
6. Реале Д., Антисери Д. Западная философия от истоков до наших дней. СПб.: Петрополис, 1994. Т. IV. 880 с.
7. Hegel G.W.F. *Phaenomenologie des Geistes*. Stuttgart: Reclam, 1987. 597 S.

Получено 29.01.2016

References

1. Hegel G.W.F. *Sochineniya: v 14 t.* [Oeuvre: in 14 vol.]. Moscow, 1959, vol. 4, 440 p. (In Russian).
2. Dvortsov A.T. *Gegel. Zhizn, deyatelnost, uchenie* [Hegel. His life, activity and doctrine]. Moscow, Nauka Publ., 1972, 178 p. (In Russian).
3. Il'enkov E.V. *Filosofiya i kultura* [Philosophy and culture]. Moscow, Politizdat Publ., 1991, 464 p. (In Russian).
4. Kuznetsov V.N. *Nemetskaya klassicheskaya filosofiya* [German classical philosophy]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2003, 438 p. (In Russian).
5. Lukach D. *Molodoy Gegel i problemy kapitalisticheskogo obschestva* [Young Hegel and the capitalistic society problems]. Moscow, Nauka Publ., 1987, 616 p. (In Russian).
6. Reale D., Antiseri D. *Zapadnaya filosofiya ot istokov do nashikh dnei*. [Western philosophy. From genesis to present days]. Saint Petersburg, Petropolis Publ., 1994, vol. IV, 880 p. (In Russian).
7. Hegel G.W.F. *Phaenomenologie des Geistes* [The Phenomenology of Spirit]. Stuttgart, Reclam Publ., 1987, 597 p. (In German).

The date of the manuscript receipt 29.01.2016

Об авторе

Бурков Роман Борисович
аспирант кафедры философии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, Букирева, 15;
e-mail: roman555@mail.ru

About the author

Burkov Roman Borisovich
Ph.D. Student of Department of Philosophy

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: roman555@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бурков Р.Б. Отчуждение у Гегеля // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 15–23. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-15-23

Please cite this article in English as:

Burkov R.B. Hegel's alienation // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 15–23. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-15-23

УДК 111.1:159.955.4

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-24-31

СОВРЕМЕННАЯ МАТЕРИАЛИСТИЧЕСКАЯ ОНТОЛОГИЯ РЕФЛЕКСИИ

Шатова Наталья Дмитриевна

Омский государственный педагогический университет

О рефлексии довольно много говорят и пишут философы, психологи и педагоги. Но всё это в основном происходит на платформе идеализма, т.к. до сих пор проблема материалистической онтологии рефлексии даже не поднималась. И это при том, что в отечественной философии и психологии довольно глубоко разработано материалистическое понимание мышления. Взяв за основу материалистическую трактовку психики и мышления, опираясь на данные нейрофизиологии, автор предлагает современную материалистическую онтологию рефлексии. Источником рефлексии выступает рефлексивная потребность, которая субъективно ощущается как желание осознать собственную мыслительную деятельность. Эта потребность выражена нарушением динамического равновесия организма и возникновением повышенного возбуждения в нейронных системах головного мозга. Устранение возникшего возбуждения достигается посредством мгновенной кросс-корреляции, в результате которой формируется новая устойчивая функциональная связь, которая проходит своего рода проверку посредством двухтаблового «механизма» мышления: через первое и второе табло мышление «очищается» от субъективизма и психологизма эмпирико-сенсуалистического познания и от возможных антиномий рационалистической гносеологии. В результате новая устойчивая функциональная связь воспринимается субъектом как осознание собственного мыслительного процесса, т.е. рефлексия.

Ключевые слова: рефлексия; онтология; материализм; мышление.

MODERN MATERIALISTIC ONTOLOGY OF REFLECTION

Natalia D. Shatova

Omsk State Pedagogical University

Philosophers, psychologists, and teachers speak and write about a reflection very much. But all this generally occurs on an idealistic platform since still the problem of materialistic ontology of a reflection has not even been raised. And this is with the fact that in domestic philosophy and psychology the materialistic understanding of thinking is quite deeply developed. Having taken materialistic interpretation of mentality and thinking as a basis, being guided by data of neurophysiology, the author offers modern materialistic ontology of a reflection. The reflexive requirement which is subjectively felt as desire to realize own cogitative activity acts as a source of a reflection. This requirement is expressed by violation of dynamic balance of an organism and emergence of the increased excitement in neural systems of a brain. Elimination of the arisen excitement is reached by means of instant cross-correlation as a result of which new stable functional relation which undergoes some kind of testing by means of dvukhtablovyy «mechanism» of thinking is formed: through the first and second board the thinking «is cleared» of subjectivity and psychologism of empirio-sensualistic knowledge and of possible antinomy of rationalistic gnoseology. As a result new stable functional relation is perceived by the subject as understanding of own thought process, i.e. a reflection.

Key words: reflection; ontology; materialism; thinking.

На сегодняшний день материалистическая онтология рефлексии не разработана философами, равно как и не представлены ее нейрофизиологические основы.

Предварительный теоретический поиск показал, что для мыслительных операций в головном мозге имеются нервные «механизмы», обеспечивающие их выполнение. С позиции нейрофизиологии каждый запуск мыслительного «механизма» сопровож-

дается перестройкой (изменением) активности нервных клеток. Форма этой активности выражена соответствующим паттерном (кодом). Перестройка активности нервных клеток оставляет след (как память об этом изменении). Воспроизведение паттерна (активация следа памяти) происходит под воздействием импульсов, идущих от нервных центров и возникших вследствие нарушения динамического

равновесия организма (потребности). При этом «высвечивание» содержания образов или понятий, запечатлённых в паттерне, происходит благодаря «механизму» голографии. В этой связи в рамках материалистической онтологии мышления результат мышления представляет собой образование паттернов — нейрофизиологических выражений кодирования и декодирования (согласно Н.П. Бехтеревой [1]). Можно сказать и иными словами: в силу условно-рефлекторной природы мышления [4, 17] его начало есть несоответствие входного сигнала следу памяти. Устранение этого несоответствия достигается посредством установления новых устойчивых функциональных связей и означает замыкание временной связи. Субъективно это «ощущается» как размышление или процесс думания, при этом замыкание временной связи (иначе — образование следа памяти) и означает решение интеллектуальной проблемы. С нашей точки зрения, эти результаты, полученные нейрофизиологами, могут быть положены в основу материалистической онтологии рефлексии.

Для полного представления о материалистической онтологии мышления следует учитывать, что традиционно в философии выделяют эмпирический и теоретический уровни мышления (их явное различие впервые было проведено и представлено в трудах И. Канта [8] и Г.В.Ф. Гегеля [3]). В ходе эмпирического мышления осуществляется оперирование образами предметов или явлений, а в ходе теоретического мышления — оперирование абстракциями.

Согласно материалистической сущности мышления результаты и эмпирического, и теоретического мышления есть следы памяти (запечатленные в виде нейронных «узоров»), которые могут воспроизводиться («высвечиваться») под воздействием тех или иных импульсов (детерминированных внешним воздействием или потребностью). Результаты эмпирического мышления голографически проецируются на одном экране (табло), а результаты теоретического мышления — на другом. В результате мы можем говорить о двух голографических проекционных экранах или в традициях отечественной философии — двух табло мышления. Акцентируем внимание на том, что в своём исследовании, говоря о двух табло мышления, мы подразумеваем не какой-либо плакат или белую простыню, а *голографически* полученное изображение. Другими словами, можно сказать, что на табло мышления голографически проецируются следы памяти, которые «хранят» способы построения образов действительности и образов конструированных мыслей.

Ранее в философии не ставилась задача выявления «материи» табло мышления — скорее всего, табло понималось метафорически. В основном философы решают задачи, связанные с исследованием эволюции отражательной деятельности головного

мозга, её нейрофизиологического «механизма», памяти как «накопленного» отражения и т.д. В своём исследовании, ориентированном на выявление материалистической онтологии рефлексии, мы обращаемся к двум табло мышления в связи с тем, что рефлексия, по нашему мнению, может трактоваться как мышление на втором табло о мышлении на первом табло. Иначе, в первом приближении, можно сказать и так: рефлексия — это связь между вторым и первым табло мышления.

Прежде представим содержание каждого табло мышления. На первом табло отображаются результаты чувственного, во многом пассивного отражения предметов и явлений внешнего мира, на втором табло — результаты внутреннего конструирования (воображения). Всё в согласии с И. Кантом: «Чувство представляет явления эмпирически в *восприятии*, воображение — в *ассоциации* (и воспроизведении)... в основе всех восприятий a priori лежит чистое созерцание, ... в основе ассоциаций — чистый синтез воображения» [8, с. 646]. Следуя И. Канту, содержание первого табло получается как результат преобразования прямых образов восприятия, поэтому оно представляет собой результат эмпирического мышления. Содержание второго табло есть результат воображения, конструирования мысли, который, согласно И. Канту, посредством самодисциплины может превратиться в теоретическое мышление. Тем самым первое табло есть результат голографической проекции со стороны восприятия и памяти, а второе табло — воображения и памяти.

Представленное содержание первого и содержание второго табло явно не обнаруживают причину возникновения связи двух табло. Вместе с тем они, имеющие своими голографическими «прообразами» результаты эмпирического и теоретического мышления, задают направление поиска этой причины, которая может быть связана с «границами» эмпирического и теоретического мышления. В этой связи для выявления причины «обращения» двух табло друг к другу (связи двух табло) есть смысл сказать о «границах» эмпирического и теоретического мышления.

Полученные в ходе эмпирического мышления знания, как известно, могут быть результатом иллюзорного отражения внешнего мира. В этой связи, согласно Ф. Бэкону [2], ум больше похож на кривое зеркало, а задача мыслящего человека — не допустить этого искажения, избавиться от вселившихся «идолов», врождённых и приобретённых, действие которых и даёт эффект кривизны «зеркала» мышления. И. Кант, как известно, выйдя из «догматического сна», соглашается с доводами Д. Юма о том, что всякое познание начинается с ощущений и опыта. При этом он также утверждает: «Хотя всякое наше познание и начинается с опыта, отсюда вовсе не следует, что оно целиком происходит из опыта» [8, с. 41]. Ра-

зум, начав познание с рецепции, не сводится к ней и не ограничивается ею. Разум предлагает свой вариант видения мира. Ярким примером тому является гелиоцентрическая модель мира Коперника [11].

Пределы (границы) и эмпирического, и теоретического мышления свидетельствуют о том, что в рамках отдельно взятых первого и второго табло мышления невозможно решение проблем познания: в одном случае это приводит в «тупики» эмпиризма-сенсуализма, а в другом — к спекулятивно-диалектическим антиномиям (см. подробно: В.И. Жилин [6]). Решение проблемы познания, с нашей точки зрения, следует искать во взаимодействии двух табло, говоря более точно, во взаимодействии тех участков мозга, которые ответственны за эмпирическое мышление и теоретическое. Ведь, согласно И. Канту, «все суждения и даже сравнения нуждаются в *рефлексии*» [8, с. 252]. Именно рефлексия, по мнению И. Канта, есть то «состояние души», в котором субъект познания совершает поиск субъективных условий, в соответствии с которыми он может осуществлять логические преобразования. Другими словами, именно рефлексия является тем «мостиком», который связывает эмпирическое и рациональное.

В контексте нашего исследования позиция И. Канта относительно рефлексии находит своё материалистическое воплощение в связи двух табло мышления. В рефлексии мы не просто возвращаемся к памяти, к первому табло, мы ещё нечто осмысливаем. Связующую роль между первым и вторым табло играет гипотеза, именно ей принадлежит первостепенное значение в теоретическом мышлении. Гипотеза и теоретическое мышление освобождают нас от диктата воспринятых образов. Но, отказываясь от опоры на очевидность обыденного знания, мы не можем в полной мере доверять и «фантому» второго табло, содержание которого представлено образами элементов, по сути, являющихся результатом конструирования наших мыслей. По содержанию второго табло можно судить, насколько человек может мыслить, насколько продуктивно его мышление. В этой связи именно второе табло «запускает» механизм рефлексии, именно оно управляет и контролирует телесно-субъективными процессами отражения. Рефлексивный акт позволяет видеть и преодолевать «тупики» эмпиризма и тем самым вырабатывать способности к теоретическому мышлению.

Наряду с этим рефлексивный акт позволяет увидеть и «тупики» рационализма. Проявляется это в том, что разработанная разумом конструкция, «переданная» на первое табло, тоже проходит своего рода проверку: первое табло как бы начинает смотреть на мир, воспринимать его через призму этой конструкции. Полученный результат вновь оценивается с точки зрения достижения требуемого результата (удовлетворения потребности). Тем самым с

помощью рефлексии возможно преодоление «тупиков» и эмпиризма, и рационализма.

Вскрыв регулятивную сущность рефлексии, проявляющуюся во взаимодействии первого и второго табло, обратимся к поиску её нейрофизиологического «механизма». Для того чтобы понять нейрофизиологию взаимодействия двух табло, представим нейрофизиологический «механизм» содержания каждого табло.

Следует обратить внимание на то, что результат эмпирического мышления (образ восприятия) — это не прямая его копия (см., напр.: Д.И. Дубровский [5]). И хотя похожесть между предметом, вызвавшим образ, и его нейронной «копией» нет, вместе с тем, оставаясь в рамках материалистической гносеологии, мы не можем отрицать связи между этими структурами. Эта связь, по мнению нейрофизиологов (см., напр.: Н.П. Бехтерева [1], А.М. Иваницкий [7]), выражена корреляцией ранних волн вызванного потенциала с параметром сенсорной чувствительности, а поздних волн — с параметрами результата решения. При этом параметры вызванного потенциала определяются сигналом (под ним в данном случае понимается предмет или явление действительности, выступающие в качестве раздражителя), который и вызывает перестройки импульсной активности в части нейронных популяций. Перестройка импульсной активности характеризуется изменением частоты и появлением новой «мозаики» взаимоотношений между нейронами (новых нейронных связей). «Мозаика» взаимоотношений между нейронами образуется за счёт передачи сигнала между нейронами и осуществляется нервным импульсом, т.е. токи содержат коды «информации». Внешний мир, воздействующий посредством сигналов через органы чувств, модулирует определённым образом эти токи. Образованная нейронная «мозаика» субъективно воспринимается («высвечивается») как голографический образ предмета или явления. Согласно К. Прибраму [13], «узор» нейронов как неврологический эквивалент восприятия не просто «мозаика» нейронов, это «узор», в основе построения которого лежит голографический принцип, в процессе восприятия принимающий форму суперпозиции (наложение волн). В конечном итоге в головном мозге формируется своего рода «банк» следов памяти (энграмм) и соответствующих паттернов. Извлечение энграммы из «банка» памяти осуществляется не произвольно и не случайно: извлечение энграммы детерминировано каким-либо импульсом или снаружи и тогда это классический рефлекс, или потребностью, т.е. внутренним стимулом, и тогда это функциональная система (расширенное понимание рефлекса). Обращение субъекта к образу, «запись» о котором содержится в «банке», представляет собой активацию этой «записи» после «включения» той «мозаики» нейронов, которая соответствует воз-

никшей потребности (синаптическая связь между «элементами» которой становится повышенной).

Представив нейрофизиологический «механизм» получения образа восприятия («элемента» первого табло), обратимся к поиску нейрофизиологического «механизма» воображения.

Как выше уже было сказано, продукт воображения и памяти (абстракция) конструируется тем участком мозга, который «высвечивается» на втором табло мышления, и в этой связи важно отметить, что абстракция не является прямым отражением предмета или явления. С позиции нейрофизиологии в работе головного мозга предусмотрен нейрофизиологический «механизм» детекции признаков и их анализа и этот анализаторный «механизм» признаков сводится к структурно-функциональной особенности «элементов» следа памяти, образующих кортикальную колонку. Вместе с тем указание на связь абстракции с выделением признаков объекта позволяет утверждать, что в абстракции, как и в чувственном опыте, продолжается познание, но это познание приобретает уже другое, качественно новое, выражение.

Согласно П.В. Копнину [9], если в эмпирическом познании выделенный признак мыслится применительно к самому предмету или явлению, то в абстракции он мыслится отдельно (изолированно, отвлечённо) от предмета или явления. Этот признак может иметь отношение и к другим предметам или явлениям (в этом случае можно говорить о целом классе предметов или явлений, обладающих данным признаком). И уже затем «новые» свойства, отношения и т.д. могут «переноситься» на познаваемый предмет или явление. В этом, по нашему мнению, и заключается конструирование, преобразование мысли. Таким образом, за чувственной характеристикой предмета или явления обнаруживается его сущностная характеристика. Эта сущность является идеализированной. Однако что представляет собой идеальное?

Согласно К. Марксу, идеальное есть «материальное, пересаженное в человеческую голову и преобразованное в ней» [10, с. 21]. В нашем исследовании, выполняемом в традиции материалистического подхода, мы подразумеваем, что никакого преобразования материального в идеальное и, наоборот, идеального в материальное в буквальном смысле не существует. По этому поводу мы солидарны с С.А. Петрушевским, согласно которому, «преобразование или же скачок состоит лишь в том, что материальное, пересаженное в человеческую голову и перевоплощаясь в ней в нервно-мозговые процессы, “наполняется” по ходу этих процессов смысловыми значениями. В этом как раз и состоит наиглавнейшая суть преобразования материального в идеальное» [12, с. 341]. При этом преобразование мысли (построение идеального) осуществляется не спон-

танно, а детерминируется потребностью (подробно об этом говорят С.А. Петрушевский [12] и А.И. Яценко [18]). Говоря иначе, признак предмета (явления), о котором мы говорили выше, «выявляется» потребностью. Выделение одного признака объекта делает второстепенными, неактуальными другие признаки (что, с нашей точки зрения, есть «очищение» мысли от субъективизма восприятия, от случайного).

В рамках материалистического понимания мышления, во-первых, «информация» о потребности полностью сохраняется (точно так же, как и любая «информация» вообще, в виде энграммы); во-вторых, планирование и строительство идеальных проектов детерминировано потребностью, которую субъект опережающе предвидит (см.: П.В. Симонов [14]). Согласно К.В. Судакову [15], «модель» идеального задаётся в акцепторе результата действия. В нейрофизиологическом эквиваленте это выглядит как преобразование частот нейронами акцепторов результата действия функциональных систем. Идеальное будет «запечатлено» во вновь построенной функциональной системе.

Для того чтобы подойти к нейрофизиологическому «механизму» взаимодействия двух табло мышления, рассмотрим ситуацию, связанную с решением мыслительной задачи. При этом нас интересует ситуация, при которой возбуждение не устраняется простым действием, т.е. сразу не происходит «замыкания цепи» для снятия возбуждения (если нервная система субъекта, решающего задачу, содержит след памяти, устраняющий возбуждение, т.е. потребность удовлетворяется автоматически, то в этом случае ни о каком мыслительном процессе говорить не приходится, т.к. новое знание не генерируется). Такое состояние требует неоднократного «извлечения» (восстановления) имеющихся энграмм, формирования новых устойчивых функциональных связей.

Здесь следует сказать, что описанный процесс, начиная с возникновения мотивационного возбуждения до «извлечения» следов памяти, представляет собой, согласно теории функциональных систем [4, 16] афферентный синтез (импульсы передаются к нервным центрам), заканчивается он формированием аппарата акцептора результата действия. Именно в этом аппарате формируется паттерн мотивационного возбуждения, именно этим аппаратом «координируются» дальнейшие действия (из акцептора результата действия сигнал пойдёт к исполнительным органам). Достижение нервными импульсами исполнительных органов и есть выполнение намеченной в акцепторе результата действия «программы». (Следует заметить, что мы, вслед за основателями теории функциональных систем, употребляем термин «программа», но назвать это собственно программой в материали-

стической традиции мы не можем, полагая, что это не программа, кем-то написанная, а некий комплекс сил, действующих причин, которые как бы программируют дальнейшее поведение организма. Именно в таком смысле мы используем термин «программа».) При этом не факт, что будет достигнут именно требуемый результат. Вместе с тем и полученный результат «оформляется» и вновь поступает в акцептор результата действия — имеет место обратная связь. И так до тех пор, пока сообразно кольцевому взаимодействию не будет достигнут требуемый результат или не возникнет новая потребность, доминантная «сила» которой будет больше. Требуемый результат будет считаться достигнутым, если будет устранено мотивационное возбуждение, а нарушенное динамическое равновесие восстановлено (в терминах нейрофизиологии означает замыкание временной связи, а в терминах теории функциональных систем — построение новой функциональной системы). Этот «механизм» извлечения и связывания нервных структур в своей основе базируется на «физике» голографии.

Кроме того, следует признать, что в процессе решения задачи активация обратной связи может способствовать извлечению и восстановлению раздражителя, уже ранее действовавшего на субъект. Кольцевое взаимодействие акцептора результата действия и результата действия, осуществляемое по принципу обратной связи, способно посредством активации обратной связи извлечь и воспроизвести «информацию» о потребности, ранее возникавшую у субъекта и также связанную с мыслительным процессом. Вполне логично полагать, что индуктивно извлекаются («зацепляются») те следы памяти, которые имеют общие элементы с параметрами потребности и результата (пусть даже и незначительные). Очевидно, что при этом восстанавливается и вся соответствующая функциональная система. Восстановление функциональной системы обеспечивается голографическим «механизмом», сообразно которому она строилась: нейроны акцептора результата действия преобразуют «информацию» (частоты нервных воздействий) в голографические образы (аналогично тому, как видеокамера или фотоаппарат переводят некий зрительный образ в электромагнитные колебания, запечатлённые на том или ином материальном носителе, которые затем в обратной последовательности переходят на телевизионный экран и предстают в исходном образе).

В результате процесс решения задачи в рамках нейрофизиологии будет представлять собой процесс построения следа памяти, в который войдут и уже имеющиеся следы. Тем самым рефлексивную потребность следует рассматривать как источник активации хранящихся в памяти следов (энграмм) объектов, посредством которых возможно завершение начатой ранее мыслительной деятельности.

Вышесказанное позволяет понять принцип взаимодействия первого и второго табло мышления.

Как уже сказано, ни первое, ни второе табло не могут по отдельности без существенных искажений решать нетривиальные познавательные задачи. Такая проблема решается только во взаимодействии двух табло (в их «диалоге»). Предположим, субъект не может удовлетворить потребность, перешедшую в задачу. Поскольку на этот момент потребность остаётся незакрытой (временная связь не установлена), то напряжённость, возникшая в начале действия, сохраняется. В этой связи рассмотрим, каким образом взаимодействие двух табло «закрывает» неудовлетворённую потребность.

Эмпирическое мышление, образы которого «высвечиваются» на первом экране, как известно, при определённых обстоятельствах заходит в «тупик», и те попытки субъекта выйти из этого «тупика», которые не приводят к успеху (не снимают возбуждения), не «закрывают» потребность. При благоприятном стечении обстоятельств, а именно, при уже имеющейся координации в работе двух табло к удовлетворению этой потребности может «подключиться» и тот участок мозга, конструктивные образы или модели которого «высвечиваются» на втором табло. На этом этапе второе табло продуцирует мысли без критических «осмыслений». Другими словами, происходит своеобразный «мозговой штурм» (выработка гипотез). С позиции нейрофизиологии поиск решения во внешнем окружении в собственных конструкциях предполагает возбуждение и «высвечивание» уже построенных нейронных систем (следов памяти). Все эти образы голографически предстают, проецируются как на первый, так и на второй экран. Происходит своеобразная апробация гипотез: идеальные модели второго табло проецируются на первое табло, задавая тем самым первому табло ракурс видения внешнего мира. С позиции теории функциональных систем эти идеи проходят через акцептор результата действия: аппарат акцептора результата действия проверяет гипотезы по принципу «удачно—неудачно». Сигнал о том, «закрылась» или нет проблема, вновь с первого табло поступает на второе. И так далее, до тех пор, пока та или иная гипотеза не «закроет» проблему, тем самым устранив возбуждение и восстановив динамическое равновесие. Этот момент и воспринимается субъектом как осознание того, что задача решена. На втором табло остаётся след решения (при этом остаются и следы, не ставшие решением, но рассматриваемые как варианты решения).

Таким образом, мы утверждаем, что рефлексия, традиционно понимаемая как «мышление о мышлении», имеет под собой материалистический фундамент. Рассмотрим его компоненты и связи между ними.

1. Организм человека, как известно, представляет собой *саморегулирующуюся* биологическую систему, которая приходит в активность либо от внешних, либо от внутренних раздражителей, что ощущается как потребность.

2. Потребность выступает *источником активности* и мыслительной деятельности (как и любой другой деятельности). С позиции нейрофизиологии эта потребность выражена *нарушением динамического равновесия организма и возникновением повышенного возбуждения* (разности потенциалов) в нейронных системах головного мозга.

3. Потребность индуцирует *деятельность* (активность) организма, которая «направлена» на *устранение* нарушенного динамического равновесия.

4. Импульсы, возникшие в результате появления разности потенциалов (возбуждения), сначала идут по тем нейронным связям («каналам»), которые уже установлены под воздействием ранее действующих раздражителей. На своём пути этот сигнал «извлекает» те нейронные соединения (следы памяти или энграммы), которые были построены ранее.

5. Извлечённые следы памяти приходят в возбуждённое состояние и посредством голографической проекции воссоздают образы действительности или внутреннего конструирования на табло.

6. Наряду с непосредственно воспринимаемыми извне образами на первый экран проецируются и восстановленные образы действительности (результаты эмпирического мышления). А на второй экран проецируются наряду с восстановленными образами внутренних конструкций и те, которые конструируются непосредственно в данный момент.

7. Восстановление образов действительности и внутренних конструкций субъективно ощущается как осознание («воспоминание») прежней мыслительной деятельности. Пришедшая в состояние активности нейронная связь позволяет субъекту воспроизвести («вспомнить») не только сам результат мышления («запечатлённый» в акцепторе результатов действия), но и восстановить весь мыслительный процесс, в чём и состоит эволюционное преимущество голографической работы мозга. Но восстановление ранее построенных следов памяти ещё не есть собственно мышление, детерминированное исходной потребностью, поскольку новое знание ещё не получено.

8. В ситуации когда «извлечённые» сигналом нейронные связи не «закрывают» потребность (не устраняют возбуждения), происходит сигнальное взаимодействие между экранами (табло мышления). Физически это выражается движением сигнала по тем нейронным связям, которые образованы как результаты эмпирического и теоретического мышления (Г.П. Щедровицкий назвал этот «выход» рефлексивным). При этом можно говорить, что полученные голографически проекции на первом табло «проверяются» на логическую когерентность средствами вто-

рого табло и, наоборот, полученные голографически проекции на втором табло «проверяются» на соответствие внешнему миру средствами первого.

9. Изначальный сигнал (импульс) может «вовлечь» в построенную ранее и индуктивно «извлечённую» нейронную связь «новые» (ранее «молчащие») нейроны. И тогда будет получен новый след памяти. При этом если «молчащие» нейроны присоединяются к нейронной системе, выражающей результат эмпирического или теоретического мышления, то и полученная новая нейронная связь будет выражать результат эмпирического или теоретического мышления, но при этом очевидно, что голографический образ её будет уже иным.

10. Новый след памяти может быть построен и посредством «вызова» идущим сигналом ранее уже прошедшего сигнала. И тогда вслед за «старым» сигналом «извлекаются» и те следы памяти, которые были построены под его действием («рефлексивное поглощение» в теории рефлексии Г.П. Щедровицкого). В этом случае след памяти, построенный «старым» сигналом, соединяется с активированным следом памяти — образуется новая нейронная связь, новый след памяти, новое знание, которое, собственно, и является рефлексивным.

11. Полученная новая нейронная связь (след памяти) проходит своего рода проверку: через первое и второе табло мышление «очищается» от субъективизма и психологизма эмпирико-сенсуалистического познания и от возможных антиномий рационалистической гносеологии. С позиции нейрофизиологии это представляет собой «высвечивание» нейронной системы, что субъективно ощущается как осознание мыслительного процесса. С позиции материалистической онтологии мышления результат рефлексии фиксируется как след памяти. Именно так, с позиции материалистической онтологии, и происходит «осмысление и осознание собственных форм и предпосылок мышления», т.е. рефлексия.

Список литературы

1. Бехтерева Н.П. Здоровый и больной мозг человека. М.: АСТ; СПб.: Сова, 2010. 399 с.
2. Бэкон Ф. Сочинения: в 2 т. М.: Мысль, 1977. Т. 1. 572 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа // Соч. М.: Изд-во социал.-экон. лит., 1959. Т. IV. 488 с.
4. Данилова Н.Н., Крылова А.Л. Физиология высшей нервной деятельности. Ростов н/Д: Феникс, 2005. 478 с.
5. Дубровский Д.И. Проблема духа и тела: возможности решения // Вопросы философии. 2002. № 10. С. 92–107.
6. Жилин В.И. Психология восприятия и эпистемология // Известия Саратовского государственного университета. Новая серия. Философия. Психология. Педагогика. 2014. № 4. С. 18–23.

7. *Иваницкий А.М., Стрелец В.Б., Корсаков И.А.* Информационные процессы мозга и психическая деятельность. М.: Наука, 1984. 201 с.
8. *Кант И.* Критика чистого разума. М.: Эксмо, 2011. 736 с.
9. *Копнин П.В.* Философские идеи В.И. Ленина и логика. М.: Наука, 1969. 482 с.
10. *Маркс К.* Капитал. Критика политической экономии. Т. 1. Кн. I: Процесс производства капитала. М.: Политиздат, 1988. 891 с.
11. *Нугаев Р.М.* Коперниканская Революция: Интертеоретический контекст // Вопросы философии. 2012. № 3. С. 110–120.
12. *Петрушевский С.А.* Диалектика рефлексорных процессов. М.: Изд-во МГУ, 1967. 400 с.
13. *Прибрам К.* Языки мозга: Экспериментальные парадоксы и принципы нейропсихологии. М.: Прогресс, 1975. 464 с.
14. *Симонов П.В.* Память, эмоции и доминанта // VII Гагрские беседы: Нейрофизиологические основы памяти. Тбилиси: Мецниереба, 1979. С. 358–377.
15. *Судаков К.В.* Субъективная сторона жизнедеятельности // Вопросы философии. 2008. № 3. С. 115–127.
16. *Судаков К.В.* Функциональные системы. М.: Изд-во РАМН, 2011. 320 с.
17. *Шатова Н.Д.* Материалистическая онтология мышления в современном решении психофизической проблемы // Новое слово в науке и практике: гипотезы и апробация результатов исследований: междунар. сб. науч. тр. / отв. ред. С.С. Чернова. Новосибирск, 2015. С. 210–214.
18. *Яценко А.И.* Целеполагание и идеалы. Киев: Наукова думка, 1977. 276 с.
- series. Philosophy. Psychology. Pedagogics.]. 2014, no 4, pp. 18–23. (In Russian).
7. *Ivanitskij A.M., Strelets V.B., Korsakov I.A.* *Informacionnyye processy mozga i psicheskaya deyatel'nost'* [Information processes of a brain and mental activity]. Moscow, Nauka Publ., 1984, 201 p. (In Russian).
8. *Kant I.* *Kritika chistogo razuma* [The critique of pure reason]. Moscow, Ehksmo Publ., 2011, 736 p. (In Russian).
9. *Kopnin P.V.* *Filosofskie idei V.I. Lenina i logika* [Philosophical ideas of V.I. Lenin and logics]. Moscow, Nauka Publ., 1969, 482 p. (In Russian).
10. *Marx K.* *Kapital. Kritika politicheskoy ehkonomii. T. 1. Kn. I. Process proizvodstva kapitala* [Criticism of political economy. Vol. 1. Book I. Process of production of the capital]. Moscow, Politizdat Publ., 1988. 891 p. (In Russian).
11. *Nugaev R.M.* [Copernican Revolution: Interteoretichesky context]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2012, no 3, pp. 110–120. (In Russian).
12. *Petrushevskij S.A.* *Dialektika reflektornyh processov* [Dialectics of reflex processes]. Moscow, Moscow State University Publ., 1967, 400 p. (In Russian).
13. *Pribram K.* *Yazyki mozga: Ehksperimental'nye paradoksy i principy nejrpsihologii* [Brain languages: Experimental paradoxes and principles of a neuropsychology]. Moscow, Progress Publ., 1975, 464 p. (In Russian).
14. *Simonov P.V.* [Memory, emotions and dominant]. *VII Gagrskie besedy: Nejrpfiziologicheskie osnovy pamyati* [VIIth Gagry talks: Neurophysiological bases of memory]. Tbilisi, Metsniereba Publ., 1979, pp. 358–377. (In Russian).
15. *Sudakov K.V.* [Subjective party of activity]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2008, no 3, pp. 115–127. (In Russian).
16. *Sudakov K.V.* *Funkcional'nye sistemy*. [Functional systems]. Moscow, Russian Academy of Medical Sciences Publ., 2011, 320 p. (In Russian).
17. *Shatova N.D.* [Materialistic ontology of thinking in the modern solution of a psychophysical problem]. *Novoe slovo v nauke i praktike: gipotezy i aprobaciya rezul'tatov issledovanij: mezhdunarodnyj sbornik nauchnyh trudov* [The new word in science and practice: hypotheses and approbation of results of researches: international collection of papers]. Novosibirsk, 2015, pp. 210–214. (In Russian).
18. *Yacenko A.I.* *Celepologanie i ideally* [Goal-setting and ideals]. Kiev, Naukova dumka Publ, 1977, 276 p. (In Russian).

Получено 18.01.2016

References

1. *Bekhtereva N.P.* *Zdorovyj i bol'noj mozg cheloveka* [Healthy and sore brain of the person]. Moscow, AST Publ.; Saint-Petersburg, Sova Publ., 2010, 399 p. (In Russian).
2. *Bacon F.* *Sochineniya: v 2 t.* [Oeuvre: in 2 vol.]. Moscow, Mysl' Publ., 1977, vol. 1, 572 p. (In Russian).
3. *Hegel G.V.F.* [Spirit phenomenology]. *Sochineniya* [Oeuvre]. Moscow, Izd-vo social'no-ehkonomicheskoy literatury Publ., 1959, vol. 4, 488 p. (In Russian).
4. *Danilova N.N., Krylova A.L.* *Fiziologiya vysshej nervnoj deyatel'nosti* [Physiology of higher nervous activity]. Rostov-na-Donu, Feniks Publ., 2005, 478 p. (In Russian).
5. *Dubrovskij D.I.* [Problem of mind and body: possibilities of the decision]. *Voprosy filosofii* [Issues of philosophy]. 2002, no 10, pp. 92–107. (In Russian).
6. *Zhilin V.I.* [Psychology of perception and epistemology]. *Izvestiya Saratovskogo gosudarstvennogo universiteta. Novaya seriya. Filosofiya. Psihologiya. Pedagogika*. [Tidings of the Saratov State University. New

The date of the manuscript receipt 18.01.2016

Об авторе

Шатова Наталья Дмитриевна

кандидат педагогических наук, доцент,
научный сотрудник отдела организации
и планирования НИР

Омский государственный педагогический
университет,
644099, Омск, наб. Тухачевского, 14;
e-mail: shatova.nat@yandex.ru

About the author

Shatova Natalia Dmitriyevna

Ph.D. in Pedagogical Sciences, Docent,
the Researcher Associate of Department
of the Organization and Planning
of Research Work

Omsk State Pedagogical University,
14, Tukhachevsky emb., Omsk, 644099, Russia;
e-mail: shatova.nat@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шатова Н.Д. Современная материалистическая онтология рефлексии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 24–31. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-24-31

Please cite this article in English as:

Shatova N.D. Modern materialistic ontology of reflection // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 24–31. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-24-31

УДК 141.112

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-32-38

КРИЗИС КАРТЕЗИАНСКОЙ ПАРАДИГМЫ СУБЪЕКТА КАК «ЭПИСТЕМНЫЙ СДВИГ»

Панкова Екатерина Сергеевна

Казанский федеральный университет

Статья посвящена анализу картезианской парадигмы субъекта и ее критическому переосмыслению в обществе постмодерна. Методологически исследование представляет собой интеграцию двух направлений — классической философии рационализма и структурализма, причем рассмотрены не только фундаментальные труды представителей этих направлений, но и работы их методологических последователей. Научное исследование человеческой природы и идентичности, субъекта и субъективности начинается в рамках классической философии рационализма. Со структурализма начинается исследование механизмов функционирования субъекта и социального, которое логически продолжается в постструктурализме. Кроме того, в основе постструктурализма содержится методологическая дифференциация преמודерна, модерна и постмодерна, которая очень важна для исследования. В работе обозначены основные положения картезианской субъективности, ставшие основанием для последующей критики в философии XX в. Сделан вывод о том, что гносеологическая трансформация субъекта в постструктуралистской методологии приводит к «эпистемному сдвигу» и выделению трех форм субъекта: ренессансной эпистемы, классической и современной, представляющих преמודерн, модерн и постмодерн. Постепенная девальвация субъекта, которую можно проследить в эпистемах, приводит к кризису идентичности, отчуждению человека от собственного «Я» и тому, что может быть названо смертью субъекта.

Ключевые слова: картезианская парадигма субъекта; субъект; эпистема; постструктурализм; постмодерн.

CARTESIAN PARADIGM OF THE SUBJECT CRISIS AS AN «EPISTEMIC SHIFT»

Ekaterina S. Pankova

Kazan Federal University

The paper focuses on the analysis of Cartesian paradigm of the subject and its critical reflection in the Postmodern. The methodology of the research is an integration of the two schools such as classical philosophy of rationalism and structuralism. Moreover, not only the fundamental works of the representatives of these schools would be regarded, but the works of their methodological successors as well. The scientific consideration of human nature and identity and the subject and subjectivity begins right from the classical philosophy of rationalism. Structuralism set out the cornerstones for the studies of mechanisms of functioning of the subject and social that is logically continued in poststructuralism. Apart from that, at the heart of poststructuralism there is a methodological differentiation of the Premodern, the Modern and the Postmodern that is of great importance for the research. The main provisions of Cartesian subjectivity, which became the basis for the subsequent criticism in the 20th-century philosophy, are designated in the paper. It is concluded that the epistemological transformation of the subject in the poststructuralist methodology leads to the «epistemic shift» and isolation of the three forms of the subject, such as the Renaissance episteme, the classical episteme and the modern episteme that will present the Premodern, the Modern and the Postmodern. The gradual devaluation of the subject, which can be seen in epistemes, leads to a crisis of identity, the alienation of man from himself and to what might be called the death of the subject.

Key words: Cartesian paradigm of the subject; subject; episteme; poststructuralism; Postmodern.

Картезианская парадигма субъекта является в философии одной из основополагающих и господствующих идей, причем речь идет не столько о концепции самого Р. Декарта, сколько именно о картезианской

парадигме, т.е. о комплексе учений, связанных с рационалистическим пониманием субъекта. Именно после Декарта в новоевропейскую философию приходит идея субъекта как субстанции, человека как

субъекта со своей особой самостью, идентичностью и «Я». В античной философии человек уподоблялся космосу и не мог быть от него отделен, в Средневековье логически последовательно под определение субъекта подходил только Бог, и только в Новое время человек обретает статус полноценного, а самое главное, самостоятельного субъекта.

Утверждая рациональность в качестве субстанциональной основы субъекта, с одной стороны, Декарт и его методологические последователи в лице Спинозы, Канта и Гегеля, с другой стороны, в разных моментах и в разной степени признают нечто иррациональное в субъекте. Это позволяет найти определенные основания для той критики картезианского субъекта, которая развернется в истории философии в конце XIX в. и будет продолжаться на протяжении всего XX в.:

– Декартовское признание недифференцированности телесного и разумного, невозможности отрицания их взаимодействия приводит к пересмотру субстанции тела, его реабилитации и возникновению дискурса тела и философии желания. Внимательное чтение работ Декарта позволяет понять, что для него самого достаточно тяжело было обнаружить грань между телесным и разумным, грань между тем, где заканчивается тело и начинается независимый, самостоятельный разум. Декарт подчеркивает, что душа связана с телом [4, с. 495], причем связана так, что именно тело в конечном счете определяет потребности и мышление субъекта: «это тело, которое я по некоему особому праву именовал своим, имеет более тесную связь со мною, чем какие-либо другие тела; в самом деле, я ни в коем случае не мог быть от него отделен, как от остальных тел; все свои вожделения и аффекты я испытывал в нем и ради него» [5, с. 61].

– Существование картезианского пассивного субъекта, а также несвобода, детерминированность субъекта социального действия приводят к признанию онтологической несамостоятельности субъекта и такому его пониманию: субъект может быть объектом социального манипулирования — «неполным субъектом». Декарт выделяет два модуса, две возможности субъекта: социальную и гносеологическую — субъект действия и субъект познания. Декарт определяет различия между двумя модусами субъекта самим разделением мышления. Он пишет: «Нам присущи два модуса мышления — восприятие разума (*perceptio intellectus*) и действие воли (*operatio voluntatis*)» [4, с. 327]. К восприятию разума относятся чувства, воображение и чистое разумение, к воле — различные действия. Спиноза показал, что «*operatio voluntatis*», социальный субъект, по своей сущности аффективен — на него действуют силы причинности и детерминизма. Все, что нам кажется свободным действием — все это на самом

деле необходимость. Идея заключается в пассивности субъекта: субъект, как и всё в мире, необходимо определен к тем или иным действиям и желаниям, он ничего не делает свободно, не выбирает сам, как поступать, и поэтому он не свободен социально.

– «Парадокс референции» и излишний психологизм Декарта приводят к проблеме невозможности полного осознания внутренней, психической реальности субъекта и рождению феномена бессознательного. Декарт сводит субъект к чисто рефлексивному продукту самопрояснения и самоочевидности своего «Я». В работе «Размышления о первой философии» Р. Декарт пытается подвергнуть сомнению собственную самость и найти основания своего существования. Он проводит мысленный эксперимент, в котором отказывается от признания своей телесности и представляет себя существом, лишенным рук, глаз, плоти и крови, каких-либо чувств, желаний, влечений. Таким образом, исключая все ложное и привходящее, по мнению Декарта, остается только мышление и восприятие себя как тела, основанное не на чувствах, а на «*intellectus*» [5, с. 21]. Однако такое понимание субъективности приводит к парадоксу референции: «знание о том, что “Я” имеет свойство быть объектом моего внутреннего чувства, должно быть основано на некотором знании самого себя, но если мы предполагаем возможность такого знания (т.е. наблюдения за собой посредством внутреннего чувства), то мы предпосылаем объяснению то, что должно быть объяснено» [11, с. 3].

– Симптом разделения субъекта у Канта на две логические функции приводит к децентрации субъекта, отрицанию его единства и цельности. Ввиду понимания мыслящей субстанции как непротяженной, единство и цельность субъекта являлись для Декарта неоспоримым априорным фактом. Ни в коей мере не отрицая цельность и единство субъекта, Кант все же различает функции рассудка и разума, вследствие чего субъект логически распадается. Онтологическая цельность субъекта обеспечивается трансцендентальным единством апперцепции. Появляется так называемый трансцендентальный субъект, являющийся онтологическим субъектом мышления, субстанцией, «“Я” в собственном смысле, как оно существует само по себе» [8, с. 306]. И такой кантовский субъект — это определенная функция, некая внутренняя, духовная активность, задача которой в оформлении ощущений посредством категориального синтеза. Вследствие этого мир вещей, природа, выступающая для каждого индивидуального, эмпирического субъекта как данная ему, существующая независимо от сознания действительность, теряет объективный характер. Кант отождествляет субъект и объект и сводит свое объяснение единства субъекта к единству восприятия объекта. Как он пишет, «все данное в созерцании мно-

гообразное объединяется в понятие об объекте» [8, с. 104]. И именно это объединение объекта позволяет ему сказать, что и субъект в конечном итоге един. Если считать истинным такое понимание субъекта, то логически вытекает и обратное утверждение, согласно которому можно предположить, что невозможность цельного восприятия и постижения объекта как чего-то единого приводит к «нецельности» самого субъекта, т.е. к тому, что сам постмодерн назовет децентрацией субъекта.

– Идея несчастного сознания и опыта абсолютной потери приводит к властному, репрессивному пониманию природы и сущности механизма возникновения, становления субъекта и появлению большого Другого, Символического мира, противостоящего субъекту. Проблема несчастного сознания у Гегеля — это важная методологическая проблема, раскрывающая противоречивость автономности субъекта. Субъект переживает свою конечность в действительности, однако несчастье сознания указывает даже не столько на это осознание конечности, сколько на отчужденность самой действительности от субъекта. Несчастье состоит в том, что субъект знает эту истину отчуждения, что он отнесен к действительности, которая в то же время противостоит ему и отдалается от него. Экспансивный (властный) характер действительности, с одной стороны, оказывает решающее воздействие на самоактуализацию субъекта, а с другой — отчуждает субъекта от этой действительности. В этой практике отчуждения субъект переживает свою собственную свободу как личное достижение, как то, что он гарантирует и удерживает сам. Однако верно и обратное утверждение — сама эта субъектность возможна благодаря милости действительности. Таким образом, субъект теряет свое привилегированное, свободное положение и оказывается прикован к своему Другому. Сознание теряет себя в Другом. Гегель пишет об этом так: «Оно (сознание) провозглашает ничтожество видения, слышания и т.д., а само оно видит, слышит и т.д.; оно провозглашает ничтожество нравственных сущностей — и в то же время само подчиняет свои поступки их власти» [3, с. 111].

Эти основания лежат в плоскости самой картезианской субъективности, являются ее неотъемлемой частью, а значит, они и есть ее логические элементы. Отсюда призрачность всех идей, сомнений и надежд на преодоление картезианской парадигмы. Как пишет С. Жижек, несмотря на то что весь XX век считается попыткой опровержения данной парадигмы, «картезианская субъективность продолжает признаваться всеми академическими силами сильной и все ещё действенной интеллектуальной традицией» [7, с. 24]. Задача, следовательно, состоит не в ее отрицании, опровержении, а в ее утверждении с учетом тех социальных и исторических разломов, которые происхо-

дили в истории философии. Разлом — это не отрицание картезианского субъекта, не попытка преодоления парадигмы (хотя очень часто он манифестировался под эгидой именно такой цели), сколько новое осмысление картезианской субъективности, основанное на изменении самой исторической и социальной ситуации субъекта. Одним из таких разломов был гносеологический, возникший вследствие лингвистического поворота в философии. Именно лингвистический поворот повернул фокус человеческого познания на изучение знака и знаковых систем (прежде всего языка) как важнейших смыслообразующих факторов общественного развития. Основным тезисом социально ориентированной семиотической теории стал сосюрковский принцип: «знак надо изучать как общественное явление» [12, с. 24]. Именно Ф. де Соссюр артикулировал семиотику в качестве особой дисциплины и повлиял на становление взаимозависимых дискурсивных жизненных практик, открыв совершенно новые перспективы развития социогуманитарного знания XX в. Ж. Деррида очертил перспективы семиотического исследования, высказав утверждение, «что наша историко-метафизическая эпоха должна определить целостность своего проблемного горизонта именно через знак» [6, с. 120]. Таким образом, сосюрковский принцип был проинтерпретирован: знак надо изучать как общественное явление, а общественное явление — как знак, точнее, через знак. Такое «переворачивание» и привело к появлению структурной антропологии К. Леви-Стросса, а в дальнейшем к постструктурализму М. Фуко, Ж. Бодрийяра, Ж. Деррида.

Структуры — вот что стало объектом социогуманитарной науки и субъектом исторического процесса. Изучение субъекта, как и любой структуры знаковой системы, с позиций семиотики включает в себя рассмотрения трех основных вопросов: что он означает, как он кодирует свое значение и почему он означает то, что означает. Первый вопрос предполагает анализ исторической динамики взаимоотношения субъекта и социальной структуры. Пересмотр истории субъекта с точки зрения семиотического исследования привел к гносеологическому перевороту в понимании взаимодействия картезианского субъекта и социальной структуры. В такой системе субъект утрачивает значение субъекта, превращается в объект «эпистемы», в объект «социального бессознательного». Второй вопрос заключается в выяснении механизма конструирования субъективности, что в конечном итоге приводит к рассмотрению субъекта как особой методологической скобки социального бытия. Наконец, изучение того, почему та или иная эпистема, почему та или иная модель субъекта означает то, что она означает, включает следующие две формы анализа: историческое исследование предпосылок формирования мо-

делей субъекта, что позволяет выяснить истоки субъективности, и коннотативный анализ, раскрывающий социальную и культурную подоплеку историзации субъекта.

Идея историзации субъекта — это идея гносеологической трансформации знака «субъект», определенное заключение, последовательно развернувшееся в постмодернистском дискурсе на фоне тотальной «семиократии» [2, с. 158]. Смысл идеи историзации субъекта, одним из авторов которой является М. Фуко, состоит не столько в идее его исторической изменчивости или идее возникновения (собственно, идея историчности субъекта была известна задолго до М. Фуко). М. Фуко не анализирует историческую природу субъекта, он не ищет его истоки и генезис. Опираясь на субъект как на факт эпохи модерна (XVI–XIX вв.), он выстраивает определенную знаковую матрицу, выделяет гносеологические формы субъекта: ренессансную эпистему, классическую и современную [14], представляющие трихотомию — премодерн, модерн и постмодерн.

Ренессансную эпистему описывает знак, который «предназначен приблизить мир к нему самому и связать его с его же собственными формами» [14, с. 111]. Фуко подчеркивает, что в этот период еще нет четкого понятия субъекта. Появляются только предпосылки для его артикуляции. В этот период человек впервые осознает, что он не Бог, не сатана, а нечто принципиально иное — уникальное и самобытное. Возникает необходимость утвердить свое самостоятельное существование, самоутвердиться на уровне сознания. Отсюда появляется опасность антропоцентризма, титанизма, нарциссизма. Лосев подчеркнет, что экспликация человека, индивидуализма и субъектности была лишь подобием «дикой и звериной эстетики» [10, с. 137]. Бодрийяр называет такую связь подделкой, «свободным производством знаков» [2, с. 114], осуществляемым не за счет извращения оригинала, а за счет его расширительного употребления, при котором ценность теряет свое монопольное сакральное право на дискриминацию, принудительность, присущую ей в феодальном обществе, и создает уникальную возможность, пространство для интерпретации. В этот исторический период впервые в практике власти знака происходит отрыв означающего от означаемого. В социальной структуре возникают новые капиталистические отношения, общество буржуазной морали, т.е. такое общество, которое не зависит от различий по крови, рангу, касте.

Симулякр буквально «подделывается под» ценность, сущность, не вызывая при этом подозрения в подмене. Неудивительно, что в начале пути такие ценности подделывались по законам «чудовища универсальности» [1, с. 180], где человека оправдывали в самых коварных и вероломных поступках,

где цель — утверждение сущности человека — достигалась всеми доступными средствами и путями.

Таким образом, в данный период возникает главная метафизическая предпосылка для возникновения классического субъекта — это господство самого человека над собой, а не Бога (как было в Средневековье) и космоса в целом (как было в Античности).

Классическая эпистема модерна, — эпоха, где «знак начинает что-либо обозначать лишь внутри познания; именно у него знак заимствует теперь свою достоверность или свою вероятность» [14, с. 109]. В этот период складывается представление о классическом, картезианском субъекте. В этот период, собственно, и возникает определенная гносеологическая установка на субъект, который познает, знает, понимает что-то с очевидностью, и именно это познание становится той производительной силой, которая определяет его бытие. Таким образом, формируется определенная модель субъекта — «субъект знающий», появление которого возможно только прогрессивным способом: путем накопления знаний, информации, путем постепенного развития и расширения культурных и социальных полей. Картезианский субъект представляет индивида, в котором «ядро бытия» человека совпадает с его «Я». Такой субъект целостен, индивидуален, а все многообразие идентичностей как раз и представляют его своеобразие и исключительность.

Бодрийяр описывает данную эпистему с позиции симулякра «производства» — это «новое поколение знаков и вещей» [2, с. 122], не знающих статусных ограничений: их больше не нужно подделывать, так как они начинают производиться общественным бытием. Человек буквально становится социальным продуктом, копией универсальной сущности или бытия.

В истории западной философии можно обнаружить развитие множества идей, которые поддерживают данную эпистему: идея человека как машины у Ламетри; идея «естественного человека», идея натурализации человеческого тела и др. В этот период конструируется и трансцендентальный субъект как продукт автономной и суверенной духовной жизни человека, который преобразуется в идею инструментального разума и человека как слуги Абсолютного Духа. Все «модерные» концепции о сущности и природе человека как субъекта сводят его к рациональной тоталитарной субстанции общественного развития. Все они свидетельствуют в пользу поиска универсального человеческого начала, которое бы нивелировало все исключительное, т.е. приводящее, ненужное. Поиск «человеческого» привел к тому, что о человеке заботились, любили его и уважали так же сильно, как и ненавидели, бросали на произвол судьбы и забывали. Человеческое, рацио-

нальное в человеке любили, а нечеловеческое, аффективное или иное (то, что по разным причинам маркировалось таковым) пытались искоренить таким образом, что сам человек очень часто оказывался выброшен из этой дискурсивной практики. Отчуждение человека от человеческой сущности привело к символической перестройке общества, а все гуманистические надежды на то, что у человека есть особая человеческая природа, исчезли вместе с исчезновением классической модели субъекта.

На смену классической эпистемы пришла современная — постмодерная, которая привела к разрушению понятия «знак», своеобразной инфляции знака, субъекта и ценности. Неклассическая модель субъекта предполагает его «расцентровку», децентрацию, где цельность «Я» определяется лишь набором случайных, временных идентификаций, где само случайное и становится идентификацией субъекта [9, с. 194]. Это приводит к проблеме целостности личности, полноты самого субъекта и кризису идентичности.

Бодрийяр называет эту эпоху временем симуляции: «Симуляция в том смысле, что теперь все знаки обмениваются друг на друга, но не обмениваются больше ни на что реальное» [2, с. 52]. На смену эпохи текста приходит эпоха гипертекста и игры. Симулякр «симуляция» — это код, означаемое без означающего, совокупность нулей и единичек. Такой симулякр иллюстрирует мироощущение постмодерна: мир как текст, деятельность как чтение, т.е. «селективная расшифровка». Ярким социальным примером такого рода симулякра является граффити, где нет содержания и сообщения (означаемое без означающего).

В таком обществе нет ясного, отчетливого, очевидного понимания того, что есть «Я», ничем не детерминировано человеческое. Универсализация понятия «человек» превращает его в чистый концепт, лишенный реального содержания. Человек и человеческое не просто не совпадают, они исключают друг друга из системы власти и знаний, да еще так, что обычный человек, неспособный по разным причинам дотянуться до абстрактной человечности, оказывается закрепощен этим человеческим и выброшен за его границы.

Так возникает достаточно традиционная для современности тема смерти как «некоторой формы — в известных случаях формы социальных отношений, — в которой утрачивается детерминированность субъекта и ценности» [2, с. 48]. Проблема смерти приобретает особую актуальность в постмодерне, в эпоху господства симулякров и симуляций. Во всех трех знаковых моделях субъекта присутствует элемент отчуждения и неподлинности, однако в «подделке» (ренессансная эпистема) и в «производстве» (классическая эпистема) нельзя говорить о полной

утрате ценностей. Уникальность субъекта, его исключительность в ренессансной эпистеме (сущность — прототип), а также серийное, рациональное производство субъектности в классической эпистеме (сущность — прототипы) свидетельствует лишь о какой-то части недетерминированности, о какой-то части несовпадения человека и субъекта. В «симуляции» уже нет самого ядра, нет самой сущности, ценности, ее невозможно обозначить, найти в бесконечности смыслов (прототип — прототипы). Идея смерти субъекта в постмодерне — это идея девальвации рационального, а оттого и ценностного отношения к собственному «Я». Такой субъект лишен своего стержня, он больше не личность, не имеет самость и идентичность как нечто устойчивое и неизменное, он даже может не иметь своего «Я». «Ибо, — как пишет Э. Фромм, — он меняет свое “Я” постоянно, исходя из принципа: “Я таков, каким ты хочешь меня купить”» [13, с. 227].

Таким образом, можно сделать вывод, что постструктуралисты осуществляют гносеологический разрыв с картезианской парадигмой субъекта, предпосылки которого рождаются как определенные кризисные точки системы в рамках самой картезианской парадигмы. Однако «эпистемный» сдвиг, т.е. выделение, разделение различных модальностей субъекта, на наш взгляд, не являются исключительно дискурсивными конструкциями различных философских методологий. В своих истоках они базируются на социально-антропологических предпосылках. Классическая эпистема — это эпоха Нового времени, эпоха бурного развития наук, эпоха прогрессистских воззрений на историю, эпоха становления и развития капиталистических отношений. Это время, когда человек объявлялся центром всего существующего. Центр находился буквально в самом человеке, в его субъектности, в его разумности, рациональности и просвещенности. Неклассическая, современная эпистема — это время социальных потрясений — она уже знает мировые войны, ядерное оружие, экономические и экологические кризисы, второй закон термодинамики. Человек уступает место центра тому, что Ж. Лакан назовет Символическим. Субъект — уже не человек, а большой Другой, который расчленен, децентрирован и не подконтролен [9, с. 79].

Различение классической и неклассической моделей субъекта приводит к совершенно иному пониманию человека как субъекта. Согласно этому новому взгляду человек не лежит в основании самого себя, не является господином ни себя, ни бытия, не рассматривается более ни как самоочевидность, ни как самополагание. Если опрокинуть гегелевскую диалектику раба и господина, то окажется, что картезианская парадигма субъекта как источник воли и власти, деятельности и автономии, как носитель свободы марки-

руется фигурой господина, суверена. Однако современная теория ставит во главу угла именно образ раба, подчиняющегося господину.

Субъект — это не универсальный социальный принцип, это гносеологическое приобретение философии и науки Нового времени; он имеет свое важное историческое значение на определенном этапе развития знания, но он и теряет свое значение вместе с трансформацией этого знания. Таким образом, структуралистская проблема «децентрации», с одной стороны, является когнитивной проблемой ограниченности наших дискурсивных и описательных практик, с другой — проблемой автономности человека, сознательности и целостности. Постепенная девальвация субъекта, отчуждение человека от субъекта, которые можно проследить в эпистемах «субъекта», в конечном итоге должны побудить человека пересмотреть свое место в мире и найти новые основания для самоопределения и становления себя как субъекта социального и исторического процесса.

Дальнейшей перспективой исследования может стать изучение другого историко-философского разлома — онтологического пересмотра картезианской парадигмы субъекта. Причем ввиду исторических особенностей развития философского дискурса сам онтологический поворот должен быть рассмотрен с двух позиций. Во-первых, с точки зрения критической онтологии франкфуртской школы, предпосылкой которой является диалектический материализм Маркса. Основная идея франкфуртцев заключается в том, что познающим субъектом является не обособленный человек, а человек, включенный во всю совокупность общественных отношений (тотальный субъект), редуцированный до объекта господства, манипулирования, порабощения. Во-вторых, с точки зрения таких философских направлений, как философия жизни, экзистенциализм, персонализм, прагматизм, критикующих картезианскую парадигму субъекта за излишний гносеологизм. Согласно данной философской позиции человек — это не только познающий субъект, но также субъект действующий, поэтому необходимо акцентировать внимание не только и не столько на познавательных, сколько на «жизненных», экзистенциальных аспектах человеческого бытия.

Список литературы

1. Баткин Л. Итальянское Возрождение в поисках индивидуальности. М.: Наука, 1989. 272 с.
2. Бодрийяр Ж. Символический обмен и смерть. 4-е изд. М.: Добросвет: Изд-во КДУ, 2011. 392 с.
3. Гегель Г.В.Ф. Феноменология духа / пер. с нем. Г.Г. Шпета. СПб.: Наука, 1992. 444 с.
4. Декарт Р. Сочинения: в 2 т.: пер. с лат. и фр. Т. 1 / сост., ред., вступ. ст. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1989. 654 с.

5. Декарт Р. Сочинения: в 2 т.: пер. с лат. и фр. Т. 2 / сост., ред. и примеч. В.В. Соколова. М.: Мысль, 1994. 633 с.
6. Деррида Ж. О грамматологии / пер. с фр. Н. Автономовой. М.: Ad Marginem, 2000. 512 с.
7. Жижек С. Щекотливый субъект: отсутствующий центр политической онтологии / пер. с англ. С. Щукиной. М.: Изд. дом «Дело» РАНХиГС, 2014. 528 с.
8. Кант И. Критика чистого разума. М.: Мысль, 1994. 591 с.
9. Лакан Ж. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55) / пер. с фр. А. Черноглазова. М.: Гнозис: Логос. 1999. 520 с.
10. Лосев А. Эстетика Возрождения. М.: Мысль, 1978. 623 с.
11. Рябушкина Т. Рефлексия как метод самопознания: к вопросу о кризисе оснований картезианской и посткартезианских теорий субъективности // NB: Философские исследования. 2013. № 1. С. 1–59. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.1.268.
12. Соссюр Ф. Курс общей лингвистики / под ред. Ш. Балли, А. Сеше; пер. с фр. А. Сухотина. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 432 с.
13. Фромм Э. Иметь или быть? / пер. с нем. Э.М. Телятниковой. М.: АСТ: Астрель, 2010. 314 с.
14. Фуко М. Слова и вещи. Археология гуманитарных наук. М.: Прогресс, 1977. 488 с.

Получено 28.01.2016

References

1. Batkin L. *Italyanskoe Vozrozhdenie v poiskah individualnosti* [The Italian Renaissance in search of individuality]. Moscow, Nauka Publ, 1989, 272 с. (In Russian).
2. Baudrillard J. *Simvolichiskii obmen i smert* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet Publ, KDU Publ, 2011, 392 p. (In Russian).
3. Hegel G.W.F. *Fenomenologiya duha* [Phenomenology of spirit]. Saint Petersburg, Nauka Publ., 1992, 444 p. (In Russian).
4. Descartes R. *Sochineniya: v 2 t. T. 1* [Writings: in 2 vol. Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ, 1989, 654 p. (In Russian).
5. Descartes R. *Sochineniya: v 2 t. T. 2* [Writings: in 2 vol. Vol. 2]. Moscow, Mysl Publ, 1994, 633 p. (In Russian).
6. Derrida J. *O grammatologii* [On grammarology]. Moscow, Ad Marginem Publ, 2000, 512 p. (In Russian).
7. Zhizhek S. *Schekotlivyiy subect: otsutstvuyushchii centr politicheskoi ontologii* [The ticklish subject: the absent centre of political ontology]. Moscow, Delo Publ., Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration Publ., 2014, 528 p. (In Russian).
8. Kant I. *Kritika chistogo razuma* [The critique of pure reason]. Moscow, Mysl Publ, 1994, 591 p. (In Russian).

9. Lacan J. «Я» в теории Фрейда и в технике психоанализа (1954/55) [The ego in Freud's theory and in the technique of psychoanalysis]. Moscow, Gnozis Publ, Logos Publ, 1999, 520 p. (In Russian).
10. Losev A. *Estetika Vozrozhdeniya* [Aesthetics of the Renaissance]. Moscow, Mysl Publ, 1978, 623 p. (In Russian).
11. Ryabushkina T. [Self-Reflection as a method of self-knowledge: on the question about the crisis of foundations of the Cartesian and Post-Cartesian theories of subjectivity]. *NB: Filosofskie issledovaniya* [NB: Philosophical thought]. 2013, no 1, pp. 1–59. DOI: 10.7256/2306-0174.2013.1.268. (In Russian).
12. Saussure F. *Kurs obshchey lingvistiki* [Course of general linguistics]. Ekaterinburg, Ural University Publ, 1999, 432 p. (In Russian).
13. Fromm E. *Imet ili byt?* [To have or to be?]. Moscow, AST: Astrel' Publ, 2010, 314 p. (In Russian).
14. Foucault M. *Slova i veschi. Arheologiya gumanitarnykh nauk* [The order of things: an archaeology of the human sciences]. Moscow, Progress Publ, 1977, 488 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 28.01.2016

Об авторе

Панкова Екатерина Сергеевна

аспирант кафедры социальной философии

Казанский федеральный университет,
420008, Казань, ул. Кремлевская, 18;
e-mail: kotyshenka@mail.ru

About the author

Pankova Ekaterina Sergeevna

Ph.D. Student of Department of Social Philosophy

Kazan Federal University,
18, Kremlyovskaya str., Kazan, 420008, Russia;
e-mail: kotyshenka@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Панкова Е.С. Кризис картезианской парадигмы субъекта как «эпистемный сдвиг» // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 32–38. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-32-38

Please cite this article in English as:

Pankova E.S. Cartesian paradigm of the subject crisis as an «epistemic shift» // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 32–38. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-32-38

УДК 14:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-39-44

КОНЦЕПЦИЯ НЕМАТЕРИАЛЬНОГО ТРУДА В ФИЛОСОФИИ ПОСТОПЕРАИЗМА И ЕЁ КРИТИКА

Григорова Яна Викторовна, Гриценко Виктория Сергеевна

Пермский национальный исследовательский политехнический университет

В статье раскрываются основные особенности концепции нематериального труда в философии постопераизма. Авторы рассматривают историю течения, выделяя такой её ключевой момент, как связь теоретиков постопераизма с новыми левыми, и показывают, что в их философских работах большое внимание уделяется изменениям социальной структуры общества. Становление т.н. информационного общества существенным образом повлияло на проблематику постопераизма: его представителям принадлежит основная заслуга во введении в научный оборот и дальнейшей разработке понятия нематериального труда, ставшего сегодня общим местом для описания современного общества. Основными категориями, описывающими новое общество, являются нематериальный труд, творческий труд, символический труд, аффективный труд, экономика знаний. Речь идёт о возрастании роли компетенции, коммуникации, аффективной составляющей нового типа труда и особенностях эксплуатации этой составляющей в условиях капитализма. Авторы показывают, что в современном обществе размывается грань между свободным и рабочим временем, что ведёт, с одной стороны, к постоянному развитию индивидуальности работника, с другой стороны, к принципиальной возможности эксплуатировать всё время его жизни. Анализируются представления М. Лаззарато и П. Вирно о нематериальном труде, а также критика этих представлений Ш. Сэйерсом и В.В. Орловым, делается вывод о том, что хотя современный труд авторы называют «нематериальным», все же они не делают резкого противопоставления материального и нематериального труда. Между тем абстракция нематериального труда помогает увидеть определённую специфику современного типа труда, отличить его от предшествующих типов труда в условиях капитализма. Этот концепт может работать только при грамотном понимании сущности труда и человека, и поэтому его не следует трактовать в буквальном смысле.

Ключевые слова: постопераизм; нематериальный труд; современный тип труда; рабочее время; свободное время; эксплуатация; символический труд; аффективный труд.

CONCEPT OF IMMATERIAL LABOUR IN POST-OPERAIST PHILOSOPHY AND ITS CRITIQUE

Yana V. Grigороva, Viktoria S. Gritsenko

Perm National Research Polytechnic University

In the article the main features of the concept of immaterial labour in Post-Operaist philosophy are unveiled. The authors consider the history of Post-Operaism, allocating its key moment as communication of Post-Operaist theorists with the new left and show that in their philosophical works much attention is paid to the changes of social structure of society. Formation of the so-called information society has essentially affected Post-Operaism perspective: its theorists possess the main merit in an introduction to a scientific turn and further development of concept of the immaterial labour, which has become today a platitude for the description of modern society. The main categories describing new society are immaterial labour, creative activity, symbolical work, affective work, economy of knowledge. It is all about increasing role of competence, communication, an affective component of new type of labour and new features in exploitation of this component in the conditions of capitalism. The authors show that in modern society the border between free and working hours is washed away that leads both to continuous development of individuality of the worker, and to a basic opportunity to exploit all the time of his life. Analyzing M. Lazzarato and P. Virno's ideas of immaterial labour, and also criticism of this representation by S. Sayers and V.V. Orlov, the authors come to a conclusion that though modern theorists call «immaterial», nevertheless they doesn't make a sharp opposition of material and immaterial labour. The abstraction of immaterial labour, according to authors, helps to see certain specifics of modern type of work, to distinguish it from the previous work types in the

conditions of capitalism. This concept can work only along with a competent understanding of the essence of labour and the man and therefore it should not be treated in literal sense.

Key words: Post-Operatism; immaterial labour; modern type of labour; working time; free time; exploitation; symbolic labour; affective labour.

Постопераизм (другие его названия: автономный или автономистский марксизм) — возможно, наиболее развитое современное течение марксизма за рубежом — началось с борьбы итальянских рабочих, студентов и феминисток в 1960–70 гг. и было теоретически оформлено в работах таких революционеров-интеллектуалов, как Р. Панзери, М. Тронти, С. Болонья, М. Далла Коста, Ф. Берарди и А. Негри. Когда в 1979 г. цвет движения итальянских Новых левых был репрессирован под предлогом их участия в контрразведке Красных бригад, развитие ими современной марксистской теории оказалось прервано. «Еретическая» позиция представителей автономного марксизма — полное неприятие неолибералов, советской бюрократии и социал-демократов — обусловило их подпольное положение даже в лагере левых. Однако поражение движения, которое породило автономный марксизм, не стало препятствием для его теоретического развития, углубления и преобразования применительно к новым историческим условиям. И сегодня для левых революционеров работы в русле автономного марксизма могут служить прекрасным теоретическим оружием в борьбе против капитала, создавшего беспрецедентный уровень автоматизации, мобильности и безопасности рабочих мест.

В последние два десятилетия в работах постопераистов все больше внимания уделяется социальным последствиям разросшегося информационного аппарата. Что делает их анализ особенно важным — это акцент на возможности использования новых форм знания и коммуникаций не только в качестве инструментов капиталистического давления, но и в качестве потенциальных ресурсов для борьбы рабочего класса. Марксистский ответ высокотехнологичному капитализму — это «модный» анализ новых общественных движений и культуры постмодерна и «немодная» связь с продолжающимися исследованиями автономных марксистов под лозунгом «Маркс после Маркса» (Негри, 1984), которые открывают дорогу к построению коммунизма XXI в., способного противостоять капитализму информационной эпохи в своем радикально-альтернативном видении общества и коммуникаций.

Наш интерес к данному течению общественной мысли связан прежде всего с тем, что его представителям принадлежит основная заслуга во введении в научный оборот и дальнейшей разработке понятия нематериального труда, ставшего сегодня общим местом для описания современного общества. Концепт нематериального труда превратился в своего рода синтетический термин для описания современного

типа труда. Такое значение понятия нематериального труда связано с возрастанием роли интеллектуальной, коммуникационной и эмоциональной составляющих любой деятельности. Например, известный политик и социолог Р. Райх пишет о «знаковых аналитиках» («symbolic analysts»), которые включают представителей профессий, связанных с обработкой информации и креативностью. Как отмечает Райх, «это люди, живущие в мире абстрактных понятий и знаков, от строчек биржевого курса до визуальных образов, производимых в Голливуде и на Мэдисон Авеню, и специализирующиеся на интерпретировании и развертывании знаковой информации» [9, р. 177]. Таким образом, создается иллюзия утраты материальным трудом своего определяющего места в развитии общества и передачи этой роли различным видам нематериальной деятельности.

Постопераисты выдвигают тезис о смене производственной парадигмы, которая произошла в середине XX в. и привела к кардинальному изменению всего общества. Новая производственная парадигма, по их мнению, основывается на распространении нематериального труда, который стал не только доминирующей формой автоматизированного труда, но и машинного, а также ручного. По их мнению, креативность, изобретение и знание являются важнейшей составляющей современного способа производства. Роль изобретений и производства знания как основы нового экономического порядка проявляется на фоне быстрого развития новых информационных и коммуникационных технологий, усиления правового обеспечения интеллектуальной собственности и попыток превращения знания в товар. Основными категориями, описывающими новое общество, являются нематериальный труд, творческий труд, символический труд, аффективный труд, экономика знаний.

Яркий представитель течения итальянский философ М. Лаззарато пишет, что понятие нематериального труда относится к двум разным аспектам современной работы. Во-первых, оно отражает изменения, которые произошли в трудовых процессах современных работников больших компаний в промышленных отраслях и на рынке услуг, где все более востребованы навыки компьютерного управления, а также навыки горизонтальной и вертикальной коммуникации. Во-вторых, нематериальный труд включает в себя множество процессов, которые обычно не считаются «работой», а именно: создание культурных и художественных стандартов, моды, вкуса, норм потребления, формирование общественного мнения. В конечном счете под нематериальным трудом Лаззарато понимает такой труд, ко-

торый «производит информационное и культурное содержание товара» [2].

Схожую позицию занимают А. Негри и М. Хардт. Нематериальный труд, с одной стороны, выступает как интеллектуальный, направленный на решение аналитических задач при помощи информационных и коммуникационных технологий. С другой стороны, он порождает аффекты и манипулирует ими. В нематериальном труде задействованы такие навыки, как умение выстраивать отношения с клиентами и с коллегами. Продукты такого труда носят событийный, символический характер, не фиксируемый в материальных результатах. Авторы считают, что нематериальный труд «создает такие состояния, как непринужденность, благополучие, удовлетворение, беспокойство и страсть, или манипулирует ими» [8, с. 139].

Итак, нематериальный труд, по мысли постопераистов, направлен не на создание непосредственного «продукта», а на то, какого человека он производит в форме своего конечного результата. Так искусственно создаются новые желания покупателей, основанные на внушении им модных образов и вкусов. Нематериальный труд становится мощной фабрикой потребностей. Важной особенностью товара, производимого нематериальным трудом, является то, что он не только не уничтожается в процессе потребления, но, напротив, преобразуется и формирует так называемую «идеологическую среду». «Идеологический продукт» становится товаром во всех отношениях, не теряя при этом своих особенностей.

Моделью потребителя, считает М. Лаззарато, является общественность в широком смысле. Публика теперь выполняет двойную производственную функцию, как реципиент идеологической продукции, она становится элементом процесса производства. Ее роль — обеспечивать продуктам «место в жизни» [2]. Таким образом, творческое действие становится интегральной частью продукта.

Производство человека определяется конструированием общественных связей, которые продолжают подчиняться нормам капиталистического производства. Капиталист-предприниматель, резюмирует Лаззарато, не производит форму и содержание нематериального труда, не производит инновации [2]. Возможность управления такой деятельностью, введения определенных инструментов контроля сохраняется благодаря контролю коммуникации, информационных технологий и процессов их организации.

С другой стороны, в процессе нематериального труда производится такой человек, который самостоятельно способен организовывать производственные связи. В индустриальную эпоху творческое мышление работника «находилось в тени». Теперь же, отмечает Лаззарато, «каждый работник становится “умственным работником”» [2]. Любой труд

все более активно задействует операции, которые можно назвать интеллектуальными. Соответственно, современный труд, соединяя в себе особенности материального и интеллектуального труда, все больше приобретает универсальный характер.

Особую ценность в труде таких работников приобретает «неявное знание» (tacit knowledge) [см.: 7], включающее индивидуальное мастерство и талант. Под неявным знанием понимается такой вид знания, которое не может быть легко передано другим, т.е. оно полностью или частично не формализуемо. В то же время новые коммуникативные технологии повышают общую компетентность работника.

В сложившейся ситуации границы работы и досуга стираются, т.к. все более сложно различать рабочее время и отдых. Именно в свободное время формируются творческие способности работника, которые реализуются в рабочее время. Это значит, что применительно к современному типу труда сбываются слова К. Маркса: «Таким образом, капитал помимо своей воли выступает как орудие создания условий для общественного свободного времени, для сведения рабочего времени всего общества к всё сокращающемуся минимуму и тем самым — для высвобождения времени всех [членов общества] для их собственного развития» [4, с. 217]. Источником общественного богатства является деятельность, развивающая человеческие способности, а именно труд самосознания, который выполняют индивиды, каждый в отдельности и все вместе во всеобщем и всестороннем обмене. Различие между производством и самопроизводством, или работой над собой, в конце концов стирается. М. Лаззарато считает, что «экономика перестает господствовать над обществом, а человеческие силы и способности становятся уже не средствами для производства богатства, а самим богатством» [2]. Далее, ссылаясь на Маркса, автор пишет, что производительный труд осуществляется так, что он служит прежде всего «развитию богатой индивидуальности», «столь же многосторонней в производстве, как и в потреблении, и труд, которой предстает уже не трудом, а полным развитием деятельности как таковой» [2].

Тем не менее, такое стирание границ свободного и рабочего времени не всегда является благом для самого работника. В этом заключается и реальная возможность эксплуатации и отчуждения не только рабочего, но и свободного времени. «В некотором смысле жизнь становится неотделима от работы» [2].

Так называемая «массовая интеллектуальность» продолжает подчиняться нормам капиталистического производства. Однако формы подчинения изменились. По мнению Лаззарато, нематериальный труд существует в форме сетей и потоков, которые разворачиваются в «бассейне нематериального труда». Данная метафора означает, что «производственные единицы» специально организуются под

задачи определенных проектов и дезорганизируются после их завершения. «Производственный цикл запускается только тогда, когда требуется капиталисту; по выполнении работы цикл вновь растворяется в сетях и потоках, которые и делают возможным воспроизводство и обогащение его производственного потенциала». Такая ситуация определяет неустойчивость, гиперэксплуатацию, мобильность нематериального труда. «За статусом независимого работника-фрилансера мы на самом деле обнаруживаем пролетария умственного труда, признаваемого в данном качестве только лишь эксплуатирующими его работодателями» [2].

Несмотря на то что современный труд Лаззарато называет «нематериальным», все же он не делает резкого противопоставления материального и нематериального труда. Лаззарато отмечает, что не следует понимать трансформацию общества как простой переход от физического труда к умственному. Вместо этого следует говорить о параллельном движении к «дематериализации», информатизации и ускорению коммуникаций в центрах капиталистической экономики и об одновременном перемещении традиционного индустриального и физического труда на зависимые периферии. Далее теоретик подчеркивает, что выражение «нематериальный труд» отнюдь не подразумевает некую смутную идеальность свободной творческой активности или утопическое разрешение социальных и политических противоречий. Напротив, по характеру своего процесса этот новый тип труда является материальным и подвергается такой же эксплуатации, как и любой другой труд, однако его продукты носят событийный, аффективный, символический характер, не фиксируемый в овеществленных результатах. Лаззарато для подтверждения данного тезиса, приводит пример работы в сфере сервиса и коммуникации, которая стала одним из ведущих сегментов современной экономики, где «общительность, речевые способности и внешняя привлекательность являются частью требований, предъявляемых рынком труда» [2].

Концепцию нематериального труда поддерживает и П. Вирно. Он считает, что исторической моделью нового типа труда является культуриндустрия. Заимствуя понятие культуриндустрии (Kulturindustrie) из работ немецких философов Т. Адорно и М. Хоркхаймера, Вирно показывает, что истинный смысл культуриндустрии раскрывается в современную «постфордистскую» эпоху. Он утверждает, что теперь сама промышленность принимает формы культуриндустрии, становится организованной по ее модели [1, с. 60].

Центральным элементом культурной индустрии, считает Вирно, является работа без произведения, т.е. коммуникативная деятельность. Характеризуя этот феномен, он подчеркивает, что процесс нематериального труда совпадает с его результатом и

утверждает, что виртуозность и импровизация становятся определяющими качествами такого труда. Импровизация понимается им как «деятельность без произведения» [1, с. 53]. Для Вирно понятие виртуозности является основополагающим качеством не только творческой деятельности, но и политического действия. Такой способ производства становится всеобщим правилом: «пересечение между виртуозностью, политикой и трудом наблюдается везде и повсюду» [1, с. 65].

Вирно показывает, что труд «без произведения», например труд священника или журналиста, неценным с точки зрения его продукта. Способность убеждать аудиторию или потребителя в этом смысле является способностью «политического типа». Ссылаясь на К. Маркса, Вирно делит нематериальную деятельность на два основных вида. С одной стороны, нематериальная, или умственная, деятельность «имеет своим результатом товары, которые существуют отдельно от производителя <...> например, книги, картины, все произведения искусства, которые существуют отдельно от художественной деятельности создающего их художника» [1, с. 52]. Это первый вид интеллектуального труда. С другой стороны, нужно учитывать такую деятельность, продукт которой неотделим от производительного акта и которая находит завершение в самой себе, не воплощаясь в конкретное произведение. Именно такая деятельность, согласно Вирно, становится определяющей в современном обществе. Он утверждает, что виртуозность и импровизация — важнейшие качества такого труда.

Резюмируя наиболее существенные идеи постопераизма по вопросу нематериального труда, необходимо отметить, что авторы сделали важный шаг к пониманию изменений современных форм труда. Во-первых, постопераисты зафиксировали усложнение интеллектуальной составляющей современного труда. Во-вторых, они отметили возрастающую роль коммуникативных, и аффективных сторон труда. В-третьих, эти факты они связали с развитием богатой индивидуальности и общества в целом. И наконец, они выявили, что современные капиталистические отношения подчиняют себе и тем самым сдерживают развитие универсальных творческих способностей, подвергая современного работника эксплуатации и отчуждению. Однако, на наш взгляд, постопераистская концепция ошибочно фиксирует изменение труда как переход от материальной деятельности к нематериальной. Слабость рассмотренных взглядов связана с ошибочным пониманием таких философских абстракций, как материальное и нематериальное.

Согласно классическому определению В.И. Ленина, материальное следует трактовать как объективно реальное, существующее до, вне и независимо от сознания [3, с. 149], а материальные общественные от-

ношения складываются, не проходя через сознание индивидов [3, с. 343]. По нашему мнению, материальное и нематериальное в современном труде противопоставлять нельзя, а следует говорить о взаимобусловленном усложнении этих сторон универсального трудового процесса. Материальное производство, определявшее («образовывавшее») в конечном счете, все стороны жизни общества, не уступило вдруг нематериальному производству своей ведущей роли. Действительно, нематериальная деятельность приобретает огромное значение в современном обществе, но не сама по себе. Такая деятельность входит в производственный процесс в виде средств производства, в новых формах организации труда и т.д.

Представление постопераистов о новом типе труда как о нематериальном критикует также Ш. Сэйерс, говоря о том, что ни эмоциональный, ни символический труд как таковые не направлены непосредственно на создание материального продукта, но, тем не менее, это образующая активность. Как и у других типов так называемого «нематериального» труда, о которых речь шла выше, «их материальный результат — это производство и воспроизводство социальных отношений. В этом аспекте они являются формами самосозидания человека, конечный продукт которого — общество» [10, р. 448]. Считая, однако, приведенное рассуждение недостаточным для опровержения теории «нематериального труда», Сэйерс рассматривает его структуру с марксистских позиций, выделяя в ней «простые моменты»: целесообразную деятельность, или самый труд; предмет труда; средство труда — и сравнивает ее со структурой материального труда. «Точно так же, как любой “нематериальный” труд с необходимостью вовлекает материальную деятельность (самый труд), так и любой материальный труд включает “нематериальные” стороны (цель, план, субъективность). Он полагает, что между материальным и так называемым “нематериальным” трудом в этом отношении нет четкой грани» [10, р. 448].

Аргументация Сэйерса отличается глубиной осмысления проблемы. Представители теории «нематериального» труда, по мнению Сэйерса, принимая за материальное только непосредственно осязаемое, отрицают наличие материального результата новых видов труда. По Сэйерсу же, *материальный результат новых видов труда* — это прежде всего *сам человек, творящий себя и свое бытие, самосозидающий человек*. Затем, это *общественные и экономические отношения*, которые создаются, сохраняются и преобразуются в процессе труда. И наконец, это *все человеческое общество, весь мир* с овеществлённым в нем трудом. В своей аргументации материальности современного типа труда Сэйерс учитывает и *создание стоимости* как материально-образованного, и ее реализацию через распределение и обмен как материальный процесс.

Но ключевым аргументом в решении проблемы сущности современного типа труда может стать, на наш взгляд, указание на его сложность. Наука, искусство, коммуникация и аффективность выступают нематериальными составляющими этого труда, в то же время «наивно было бы думать...», — указывает В.В. Орлов, — что наука, как всеобщая духовная сила, может воплощаться в производственный процесс “просто” физическим трудом, без какой-либо соответствующей ее уровню *всеобщей материальной субстанции — всеобщего труда*» [6, с. 180]. Отрицание материального, предметного характера современного типа труда фактически означает отрицание самого человека в его развитии с его материальной, предметной стороны. «Непредметное существо есть *невозможное, нелепое существо...* А *непредметное* существо, это — недействительное, нечувственное, только мыслимое, т.е. только воображаемое существо, продукт абстракции» [5, с. 163].

Итак, абстракция нематериального труда помогает увидеть определённую специфику современного типа труда, отличить его от предшествующих типов труда в условиях капитализма. Этот концепт может работать только при грамотном понимании сущности труда и человека. Не следует трактовать его в буквальном смысле, иначе это приведёт к смещению ориентиров в понимании особенностей развития ведущих стран мира и выхолащиванию проблематики зависимости стран периферии.

Список литературы

1. *Вирно П.* Грамматика множества: к анализу форм современной жизни. М.: Ад Маргинем Пресс, 2013. 170 с.
2. *Лаззарато М.* Нематериальный труд // *Художественный журнал*. 2008. № 69. URL: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (дата обращения: 08.03.2016).
3. *Ленин В.И.* Материализм и эмпириокритицизм // *Полн. собр. соч.* М.: Политиздат, 1968. Т. 18. 525 с.
4. *Маркс К.* Экономические рукописи 1857–1859 гг. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1969. Т. 46, ч. 2. 618 с.
5. *Маркс К.* Экономическо-философские рукописи 1844 г. // *Маркс К., Энгельс Ф.* Соч. 2-е изд. М.: Политиздат, 1974. Т. 42. С. 41–174.
6. *Орлов В.В.* Философия экономики / *Перм. гос. ун-т.* 3-е изд., испр. и доп. Пермь, 2013. 268 с.
7. *Полани М.* Личностное знание. На пути к посткристической философии. Благовещенск: БГК им. И.А. Бодуэна де Куртенэ, 1998. 344 с.
8. *Хардт М., Негри А.* Множество: война и демократия в эпоху империи. М.: Культурная революция, 2006. 599 с.
9. *Reich R.* The Work of Nations: Preparing ourselves for 21st-century Capitalism. London: Simon & Schuster, 1991. 339 p.

10. Sayers S. The Concept of Labour: Marx and His Critics // *Science and Society*. 2007. Vol. 71, no 4. P. 431–454.

Получено 09.03.2016

References

1. Virno P. *Grammatika mnozhestva: k analizu form sovremennoj zhizni* [A grammar of the multitude: on an analysis of contemporary forms of life]. Moscow, Ad Marginem Press Publ., 2013, 170 p. (In Russian).
2. Lazzarato M. [Immaterial labour]. *Hudozhestvennyj zhurnal* [Journal of art]. 2008, no 69. Available at: <http://xz.gif.ru/numbers/69/nmtrln-trd/> (accessed 08.03.2016). (In Russian)
3. Lenin V.I. *Materializm i jempiriokriticizm* [Materialism and empirio-criticism]. *Polnoe sobranie sochinenij* [Complete set of works]. Moscow, Politizdat Publ., 1968, vol. 18, 525 p. (In Russian).
4. Marx K. *Jekonomicheskie rukopisi, 1857–1859*. [Economic manuscripts of 1857–1859]. *Marks K., Engels F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Works], Moscow, Politizdat Publ., 1969, vol. 46, part 2, 618 p. (In Russian).
5. Marx K. *Jekonomicheskoe-filosofskie rukopisi, 1844*. [Economic and philosophic manuscripts of 1844]. *Marks K., Engels F. Sochineniya* [Marx K., Engels F. Works]. Moscow, Politizdat Publ., 1974, vol. 42, pp. 41–174. (In Russian).
6. Orlov V.V. *Filosofija jekonomiki* [Philosophy of economics]. Perm, 2013, 268 p. (In Russian).
7. Polany M. *Lichnostnoe znanie. Na puti k postkriticheskoj filosofii* [Personal knowledge: towards a post-critical philosophy]. Blagoveshchensk, BGK Publ., 1998, 344 p. (In Russian).
8. Hardt M., Negri A. *Mnozhestvo: vojna i demokratija v jepohu imperii* [Multitude: war and democracy in the age of empire]. Moscow, Culture Revolution Publ., 2006, 599 p. (In Russian).
9. Reich R. *The Work of Nations: Preparing ourselves for 21st-century Capitalism*. London, Simon & Schuster, 1991, 339 p. (In English).
10. Sayers S. The Concept of Labour: Marx and His Critics. *Science and Society*. 2007, vol. 71, no 4, pp. 431–454. (In English).

The date of the manuscript receipt 09.03.2016

Об авторах

Григорова Яна Викторовна

ассистент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, Пермь, Комсомольский пр., 29; e-mail: janasweet@mail.ru

Гриценко Виктория Сергеевна

кандидат философских наук, доцент кафедры философии и права

Пермский национальный исследовательский политехнический университет, 614990, Пермь, Комсомольский пр., 29; e-mail: gritsenkovs89@mail.ru

About the authors

Grigorova Yana Viktorovna

Assistant of Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomolsky av., Perm, 614990, Russia; e-mail: janasweet@mail.ru

Gritsenko Viktoria Sergeevna

Ph.D. in Philosophy, Associate Professor of Department of Philosophy and Law

Perm National Research Polytechnic University, 29, Komsomolsky av., Perm, 614990, Russia; e-mail: gritsenkovs89@mail.ru

Пробьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Григорова Я.В., Гриценко В.С. Концепция нематериального труда в философии постопераизма и её критика // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 39–44. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-39-44

Please cite this article in English as:

Grigorova Ya.V., Gritsenko V.S. Concept of immaterial labour in Post-Operaist philosophy and its critique // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Вып. 2(26). P. 39–44. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-39-44

УДК 316.647.5

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-45-53

ДИНАМИКА ИССЛЕДОВАНИЯ ФЕНОМЕНА ТОЛЕРАНТНОСТИ

Диденко Вероника Викторовна

Дальневосточный федеральный университет

В статье рассматриваются и сопоставляются концепции явления толерантности зарубежных и российских исследователей. Делается акцент на философском, социально-политическом и лингвокультурологическом аспектах толерантности. Исследование феномена толерантности в настоящее время приобретает актуальность в контексте процесса глобализации и явления мультикультурализма. Однако ракурсы его рассмотрения российскими и зарубежными исследователями различны, что обусловлено культурной, социальной, экономической и политической спецификой. Представляется, что исследование данного явления будет продолжаться, причём акцент будет делаться не только на его социально-политическую сторону, но и на экзистенциальную, культурологическую, лингвистическую и ценностную. Толерантность как лингвокультурный концепт до сих пор отсутствует в русской концептуальной сфере либо выражен неявно. Представляется, однако, что в скором времени он оформится и займет одно из существенных мест в русской национальной концептосфере. Одной из причин данного явления выступает постепенное сглаживание различий между русской и европейской системами ценностей. Русская культура в принципе готова принять ценностный концепт толерантности, но потребуются время, чтобы он стал одной из ключевых ценностей.

Ключевые слова: междисциплинарные исследования; толерантность; мультикультурализм.

HISTORY AND TRENDS OF THE RESEARCHES OF THE PHENOMENON OF TOLERANCE

Veronica V. Didenko

Far Eastern Federal University

The article concerns and compare different concepts of the phenomenon of tolerance of Russian and foreign researchers. Philosophical, social, political, cultural and linguistic aspects of tolerance are highlighted. Nowadays there is a great interest in the evolution of value of tolerance in the context of globalization and multiculturalism. However perspectives of its study by foreign and Russian researchers differ due to cultural, economic and political specifics. Future researches will deal not only with its social and political aspects, but also with existential, cultural, linguistic and axiological ones. The concept of tolerance still lacks in the conceptual sphere of Russians or there is a slight trend of its appearance. It seems, however, that in a short tie the concept will be fored and will take a substantial place in Russian national concept sphere. One of the reasons of it is the annihilation of differences between Russian and European systems of values. The mentality of Russians is ready to accept the concept of tolerance, although the time is needed to make it one of the key cultural values.

Key words: interdisciplinary researches; tolerance; multiculturalism.

В настоящее время толерантность признаётся одним из ключевых принципов практически во всех сферах социального взаимодействия. Так, Е.Г. Трубина в статье «Повествование и наука: от вражды к толерантности» говорит о наличии идеи толерантности в обсуждениях расовых, этнических, сексуальных, культурных, социальных проблем [9]. В трудах западных философов, теоретиков политики и социологов проблема толерантности становится одной из центральных уже начиная с XVIII в. Среди наиболее современных авторов следует упомянуть следующие:

П. Николсон, У. Кимлика, Б. Уильямс, М. Уолцер. В России к проблеме толерантности начинают обращаться лишь после перестройки 1991 г. Основными аспектами её изучения являются философский (М.Б. Хомяков, А.В. Перцев, Е.Г. Трубина, В.Н. Маров), социально-политический, педагогический (А.С. Крайнова, Н.М. Лебедева), культурологический (Б.В. Емельянов, А.Д. Шмелев), позднее также лингвистический (И.А. Стернин, К.М. Шилихина, О.А. Михайлова, О.П. Ермакова, И.Т. Вепрева, А.И. Дунев, Н.Д. Голев, Н.Д. Лебедева). В нача-

ле XXI столетия в связи с такими событиями, как глобализация, распространение международного терроризма, кризис беженцев в Европе, противостояние развитых и развивающихся стран, идея толерантности обретает новую актуальность и в то же время нуждается в пересмотре.

Толерантность в работах западных исследователей: социально-политический аспект

Исследовательский интерес западных учёных к проблеме толерантности усиливается во второй половине XX в. в связи с послевоенными политическими, социальными, культурными переменами в странах Европы и США, а также усиливающейся глобализацией, межкультурными взаимодействиями и различными миграционными потоками. Явление толерантности становится одним из центральных предметов исследования таких зарубежных политических философов, как М. Уолцер, У. Кимлика, Р. Коэн-Альмагор. Они исследуют разницу в реализации принципа толерантности в различных обществах, а также её границы и области применения. При этом рассматривается социально-политический и культурологический аспекты данного феномена. Р. Инглхарт также имплицитно обращается к явлению толерантности, признавая её одной из постматериальных ценностей развитых стран [ср., напр.: 4].

М. Уолцер в работе «О толерантности» [14] рассматривает специфику проявления толерантности в многонациональных империях, международном сообществе, консоциативных государствах, национальных государствах и иммигрантских сообществах. Уолцер постулирует наличие явления толерантности в каждом из данных сообществ, однако они имеют особенности и аспекты. Главным критерием отличия одного типа толерантности от другого выступает направленность толерантности — на сообщество или на индивида. Это определяет в свою очередь специфику проявления толерантности. Так, во многонациональных империях толерантность направлена на определённую группу (автономное сообщество или отдельное государство), а не на индивида. Государство не вмешивается во внутренние дела автономных сообществ. Поэтому Уолцер называет многонациональные империи толерантными режимами, в которых государство в целом относится толерантно к любому образу жизни, но члены различных сообществ не обязательно относятся толерантно друг к другу. В общем, выживание отдельных групп не зависит от глубинной толерантности, важной оказывается лишь толерантность официальная. Многонациональные империи в принципе способны успешно обеспечивать мирное сосуществование различных групп, однако такое устройство не является либеральным или демократическим. В то же время пра-

вительство стремится держать индивидов в рамках их сообществ, не позволяя им лишаться своей религиозной и национальной идентичности. Такие сообщества не организуются добровольно, исторически в них отсутствуют либеральные ценности. То есть при высокой степени толерантности к отдельным группам отсутствует толерантность к индивидам, имеющим свою линию поведения, отклоняющимся от своего сообщества. По мнению Уолцера, на настоящий день многонациональные империи прекратили своё существование (Советский Союз был последней из них), однако этнические и религиозные различия остались, поэтому идет снова поиск решений проблем, с ними связанных.

Международное сообщество Уолцер называет весьма слабым, хотя и толерантным, устройством [14]. Толерантность в нём зачастую поддерживается благодаря неспособности или неготовности одной из стран вступить в открытую конфронтацию. Таким образом, речь идёт о формальной толерантности, более заметной на высоком государственном уровне и менее заметной на уровне бытовом, когда группы вынуждены сосуществовать при взаимном нежелании тесных социальных отношений. Однако при таком положении дел толерантность имеет свои границы — она заканчивается там, где нарушаются принципы гуманизма. В таком случае Уолцер оправдывает такие виды вмешательства в дела другой страны, как экономические санкции, прекращение культурного обмена, активная пропаганда — их он называет «гуманитарной нетолерантностью» [14].

В консоциативных государствах, в отличие от многонациональных империй, обычное гражданство оказывается более эффективным, и это предоставляет государству возможность вмешиваться в дела отдельных групп с целью защиты прав индивидов. В них к различным группам относится толерантно не власть, одинаково отстранённая от каждой из них, а каждая из этих групп толерантна к другой. Этот режим успешен, пока в одной из групп не появляются националистические настроения или идеологическое давление. В таком случае необходим диалог между представителями элиты, уважающими друг друга и заинтересованными в стабильности, мире и разделении власти. Поэтому такой режим зависит от стабильности социального базиса. При этом члены каждой группы испытывают страх, что консоциативное государство превратится в государство национальное, где они станут принадлежать к меньшинствам.

Наиболее эффективными Уолцер считает национальные государства. Национальные государства, однако, не предполагают этнически или религиозно однородного населения. В них определённая доминирующая группа организует жизнь таким спосо-

бом, который соответствует её собственному культурному и историческому развитию. При этом (по крайней мере, в либеральных и демократических национальных государствах) в них есть толерантность по отношению к меньшинствам. Объектами толерантности выступают индивиды как граждане страны и как члены определённой группы, при этом их восприятие ограничено стереотипами. В качестве граждан страны все индивиды имеют одинаковые права и обязанности, а в качестве членов меньшинств они могут вступать в добровольные объединения, организации и т.д. В то же время, по словам Уолцера, в национальных государствах наблюдается следующее явление: большинство менее толерантно к группам меньшинств, но государство заставляет группы быть более толерантными к индивидам — их членам. Такой эффект происходит вследствие трансформации групп в добровольные объединения. Национальные меньшинства в большей степени, чем религиозные, испытывают страх потери своей идентификации, особенно во время войн или кризисов. Во времена нестабильности толерантность часто даёт сбой, как только «другие» кажутся опасными или если националистическая пропаганда заставляет поверить в их опасность.

Иммигрантские сообщества характеризуются отсутствием организованных групп, так как прибытие иммигрантов имеет волнообразный характер. Они объединяются в небольшие группы лишь в целях удобства и часто смешиваются с другими сообществами. При этом их политическая автономия полностью исключается. Если этническая или религиозная группа желает противиться ассимиляции, она должна выступать как добровольная организация. Это означает, что больший риск для неё представляет нежелание самих её членов входить в состав группы, чем нетолерантность со стороны других. Государство одинаково отстранено от каждой из подобных групп, и одинаково толерантно к каждой из них, поддерживая язык, политическую культуру и общественное устройство лишь самой первой волны иммигрантов. Объектами толерантности в данном случае выступают не члены группы, а личный выбор и предпочтения индивидов. Остаётся открытым вопрос о том, сможет ли группа избежать ассимиляции, не являясь автономной, не имея доступа к государственной власти и официального признания. Уолцер считает, что именно нетолерантность со стороны других может предотвратить ассимиляцию такой группы. Теоретически толерантность по отношению к личному выбору, особенностям культуры и религии не имеет очерченных границ, но политические и экономические ресурсы государства при любом устройстве являются ограниченными.

У. Кимлика в статье «Две модели плюрализма и толерантности» обращается к проблеме толерантности в условиях религиозного плюрализма [13]. Так же, как и Уолцер, он разграничивает толерантность по отношению к определённому сообществу в целом и толерантность, направленную на индивида. Таким образом, он выделяет две модели толерантности: толерантность по отношению к свободе личности, с одной стороны, и толерантность, основанная на правах определённой группы, а не индивида, с другой. Обе модели обеспечивают толерантность между определёнными группами, но лишь последняя из них включает толерантное отношение к индивидам внутри данных групп. Исторически первая модель возникла раньше в форме религиозной толерантности и лишь позднее европейские либералы расширили её и распространили на другие сферы, касающиеся смыслов и ценностей человеческой жизни.

Таким образом, в контексте западных демократий толерантность приобретает особую форму, основанную на идее личной свободы совести. Обе модели защищают религиозные меньшинства от притеснений, но делают это разными способами. Первая модель отнюдь не признаёт за индивидом право на свободу совести, что ограничивает его возможности отклониться от курса его сообщества, например, сменить религию. В качестве примера первой модели Кимлика приводит систему миллетов в Османской империи, которую он характеризует как гуманную и толерантную к групповым различиям, но не толерантную к индивидуальным отклонениям внутри существующих сообществ [13]. В качестве примера можно также привести другие многонациональные империи, о которых говорит М. Уолцер [ср., напр.: 14]. Такая модель толерантности является противоположностью западной модели, однако обе модели имеют одинаковые исторические основания — сосуществование разных религий в одном государстве: греко-православной, мусульманской, иудейской, армяно-григорианской в Османской империи и протестантской и католической в странах Запада. Западная модель толерантности, однако, привела к признанию права на свободу совести, чего не случилось на Востоке. Кимлика называет Османскую модель толерантности альтернативой западному либерализму, наиболее естественной формой религиозной толерантности и наиболее развитой формой защиты групповых интересов. Вариации данной модели и в наше время встречаются в некоторых демократических странах: в некоторых племенах американских индейцев, западных религиозных сектах, мусульманских сообществах иммигрантов в Европе [13]. Кимлика приводит в пример Великобританию, куда за последнее время прибыло множество иммигрантов из мусульманских стран

[13]. Некоторые традиционные для них практики идут вразрез с британскими законами, например, браки по договору, половая дискриминация в различных формах, ограничение доступа к образованию. В данной ситуации этническая или религиозная группа стремится ограничить свободу своих собственных членов для сохранения традиционных религиозных практик. Однако такое ограничение свободы требует согласования с официальной государственной властью. Требования данных групп обычно выражаются в терминах толерантности, однако это не та модель толерантности, которая принимается в странах Запада. Религиозные группы требуют от государства не гарантии прав отдельных их членов и свободы совести, позволяющей подвергать сомнению их веру, а, наоборот, ограничения религиозной свободы индивидов. Такое глубинное различие в понимании сути принципа толерантности является, на наш взгляд, одной из причин современных столкновений между сообществами иммигрантов и гражданами европейских стран.

Мы видим, что либеральная, западная концепция толерантности не является единственно возможной. В то же время с либеральной точки зрения восточная концепция толерантности кажется ограничивающей личные свободы индивидов, их право самостоятельно избирать свои ценности, практики и верования. В этих обстоятельствах не следует упускать из внимания тот факт, что толерантность к определённым группам не влечёт за собой толерантности внутри этих групп, к самим их членам. В рассмотренных выше концепциях постулируется тот факт, что если целью государства является защита прав личности, то следует пойти дальше толерантности к группам и дать каждому индивиду возможность самому формировать и пересматривать свои ценностные установки [ср., напр.: 13, 14].

Рафаэль Коэн-Альмагор развивает идеи У. Кимлика. Так, в работе «Либерализм, толерантность и мультикультурализм: границы либерального вмешательства в дела культур меньшинств» он говорит о тенденции меньшинств требовать признания своей культурной идентичности, что приводит к проблемам, когда данные требования противоречат либеральным принципам государств, где они проживают (Коэн-Альмагор приводит в пример государства Северной Америки и Европы, Израиль) [12]. Практически все либеральные демократии характеризуются этническим и культурным разнообразием, поэтому в любой из этих стран можно говорить о мультикультурализме. Однако правовые нормы порой не покрывают всех аспектов, связанных с таким культурным разнообразием, поэтому в настоящее время намечается тенденция к признанию особых прав, касающихся меньшинств. В этом случае либе-

ральные демократии сталкиваются со следующими проблемами: Как права группы связаны с правами индивидуальными? Что следует делать, если они вступают в противоречие? Может ли либеральная демократия позволить меньшинствам ограничивать права своих членов? Первый шаг, который Коэн-Альмагор советует предпринять при решении данных проблем, — это установление различия между случаями, когда индивид причиняет вред сам себе и когда он делает это по отношению к другим, т.е. обозначить дихотомию поведения по отношению к себе и поведения по отношению к другим. Иллюстрациями первого случая, при котором происходит нарушение либеральных принципов, являются самоубийства стариков и обряды инициации, связанные с нанесением себе увечий, принятые в некоторых культурах. Ко второму случаю относится притеснение женщин и кровная месть. В принципе, подобные практики не должны допускаться в либеральных государствах, однако некоторые меньшинства требуют их признания, объясняя это требованием культурной независимости.

Возникает вопрос: должно ли либерально-демократическое государство толерантно относиться к подобным обычаям? Чтобы ответить на него, Коэн-Альмагор предлагает рассмотреть два вида прав, которые требуют меньшинства. Вслед за У. Кимлика он разделяет их на «внутренние ограничения» и «внешние защиты», т.е. на права, позволяющие им воздействовать на своих членов, и права, защищающие их от внешних влияний. В данном случае есть опасность того, что под видом требования сохранения своей культуры меньшинства заставляют признавать практики, противоречащие либеральным законам и ограничивающие вмешательство общества для их прекращения. С точки зрения либерализма каждый, кто применяет политическую власть в определённом сообществе, должен уважать гражданские и политические права его членов. Однако к некоторым практикам либеральное общество не в состоянии относиться толерантно. Коэн-Альмагор придерживается мнения, что в таких случаях власть группы над её членами не является абсолютной, и иногда общество вправе вмешаться и запретить определённые практики. Таким образом, границы толерантности определяются причинением вреда другим. В качестве оснований таких границ Коэн-Альмагор приводит принцип уважения к другим (Respect for Others) и принцип не нанесения вреда (Harm Principle). Кроме того, для определения границ толерантности Коэн-Альмагор считает необходимым различать внутригрупповые и межгрупповые отношения. Так, одна группа не имеет права заставить целое общество разделять её ценности и культурные нормы. Если это происходит, Коэн-

Альмагор предлагает следующее решение: обществу необходимо разрешить ситуацию мирными средствами, в случае, если эти средства не работают, следует задействовать авторитарные методы для установления границ между группой и остальным обществом.

Некоторые группы иммигрантов и религиозные меньшинства используют термин «мультикультурализм» как оправдание применения традиционных патриархальных практик по отношению к женщинам и детям, например, воспрепятствование получению образования или организации браков по договору. Таким образом, толерантное отношение к какой-либо культуре может повлечь за собой разрешение одним её членам проявлять неуважение по отношению к другим. В то же время Кимлика и Коэн-Альмагор считают, что притесняемые члены, которые недовольны существующим положением в своей группе, могут покинуть её, поэтому вмешательство во внутренние дела этой группы могут оказаться ошибкой [12, 13]. Однако тот факт, что вмешательство является ошибкой, не исключает того, что та или иная практика данного сообщества морально легитимна [12]. Возникает парадокс: с точки зрения либерализма определённая практика незаконна, однако у либерального общества отсутствуют легитимные основания навязывать свои моральные принципы другому сообществу. В данном случае позиция Коэна-Альмагора совпадает с позициями М. Уолцера и У. Кимлика: он считает, что задачей правительства является защита интересов общества и поэтому демократия должна защищать себя от угроз, даже если меры иногда включают исключение нетолерантных групп из демократического государства [5]. Факторами, определяющими легитимность такого вмешательства, Коэн-Альмагор и Кимлика считают следующие: 1) степень нарушения прав человека в той или иной группе; 2) степень распространения формализованных механизмов разрешения конфликтов в данном сообществе; 3) степень того, насколько данные механизмы членами этого сообщества считаются легитимными; 4) возможность членов покинуть группу, если они этого хотят; 5) наличие исторических соглашений, обосновывающих требование меньшинства своей автономии [12, 13]. Таким образом, Коэн-Альмагор считает основной задачей европейских демократий развитие межкультурной толерантности, основой которой является понимание другого, образование, которое делает чужого знакомым, приближая его к членам другой культуры [12]. Диалог и обмен идеями позволяет избавиться от границ мирными средствами, без навязывания своих ценностей и злоупотребления.

Толерантность в работах российских исследователей

Российские исследователи обращаются не только к социально-политическим и культурологическим, но и к философским, лингвистическим, аксиологическим аспектам явления толерантности. Причём во многих исследованиях подчёркивается разница в восприятии данного феномена между Россией и странами Запада, его чуждость для российского менталитета и неоднозначность.

Философские аспекты толерантности рассматривает М.Б. Хомяков в статье «Толерантность и её границы: размышления по поводу современной англо-американской теории» [10]. Он называет толерантность многоаспектным, сложным и противоречивым явлением — она требует принять то, что кажется субъекту заведомо ошибочным. Хомяков называет «внутренним парадоксом толерантности» тот факт, что она требует считать некоторые представления абсолютно неверными, но в то же время принимать их на основании какого-то внутреннего блага [10, с. 17]. Западные философы находят разрешение данного парадокса в утверждении либеральных ценностей, которые, однако, не всегда разделяются жителями России. В целом М.Б. Хомяков разделяет все концепции толерантности на две группы: касающиеся нетерпимого, к которому можно относиться толерантно, и нетерпимого, к которому относиться толерантно нельзя ни при каких условиях. Концепции, относящиеся к последней группе, в свою очередь различаются в зависимости от типа обоснования толерантности или от определения границ недопустимого. Так, он выделяет три группы таких типов обоснования толерантности: прагматические; в зависимости от блага, развитию которого она способствует; обоснование толерантности как «ценности-в-себе». По прагматическим соображениям толерантность является предпочтительной из-за нерациональности нетолерантности. Однако в этом случае возникает вопрос о границах такой толерантности — она ценна только пока эффективна, а нетолерантность становится недопустимой только в крайних своих проявлениях. Поэтому данная концепция ограничена эффективностью и полезностью применения толерантности и, как следствие, недолговечностью основанных на ней решений. Во второй концепции — понимание толерантности как ценности, ведущей к каким-либо благам, — толерантность связывается с понятием личной свободы. Согласно этой концепции толерантность ценна не потому, что эффективна, а потому, что ведёт к развитию общества. Причём свобода рассматривается не как инструмент прогресса, а как его условие, поэтому общество не должно принуждать человека к чему-либо, даже если это ведёт к его

счастью. Границы нетерпимого определяются этой теорией в зависимости от вреда, причиняемого индивиду. Хомяков, в отличие от многих западных философов, придерживается мнения, что либеральные государства не вправе насаждать принципы либерализма в группах, проживающих на их территориях. Иногда речь идёт даже о невозможности толерантности в принципе, о том, что это «идеал, неадекватный для обществ» [10].

Концепция толерантности как «ценности-в-себе» не предполагает вообще никакого обоснования толерантности, так как она является ценностью через саму себя, а не через что-либо иное [там же]. Однако в таком случае возникает вопрос, зачем говорят о необходимости обоснования ценности толерантности в обществе, если согласно этой концепции она в нём не нуждается. И, кроме того, в данном случае мы снова возвращаемся ко второй концепции, обосновывающей ценность толерантности через другие блага. Таким образом, каждое из рассмотренных обоснований ценности толерантности имеет свои ограничения. Из-за этого данное явление и называют одним из самых сложных и противоречивых в современном обществе и вместе с этим весьма значимым для дальнейшего его развития и межкультурного взаимодействия.

Ещё один российский философ А.В. Перцев в статье «Современный миропорядок и философия толерантности» обращается к философским, политическим и социальным аспектам толерантности [6]. Он говорит о том, что с 1991 г. проблема толерантности начинает обретать свою актуальность в России, при этом необходимо говорить о движении от политической толерантности к толерантности ментальной. Исследователи вплоть до настоящего времени постулировали важность утверждения принципа толерантности во внешней и внутренней политике, в международных отношениях. Однако сейчас проблема состоит в установлении толерантности на более глубинном уровне. В то же время в начале XXI в. идут разговоры о том, что принцип толерантности, основанный на европейских ценностях, дискредитировал себя как неэффективный. Так, европейские ценности, такие как свобода, демократия, ненасилие, толерантность, часто называемые «общечеловеческими», разделяются далеко не всеми. Поэтому А.В. Перцев выдвигает следующие требования, которым должны следовать современные исследования: рассматривать все виды конфронтации в стране и в мире не просто как политические противостояния, а как столкновения разных менталитетов; изучать эти менталитеты, не принимая их конфронтацию как необходимую, неизменяемую данность, а искать корни различия менталитетов в различии образа жизни их носителей; искать новые ос-

нования для налаживания толерантного диалога, преодоления конфронтации.

Поверхностное представление о толерантности доказало свою неэффективность. Поэтому Перцев выдвигает тезис о промежуточности этапа толерантности на пути от конфликта к его разрешению и взаимопониманию. Политическая и моральная толерантность как переходное состояние, основывающееся на решении разума, является неустойчивым равновесием, так как устойчивая толерантность должна основываться на привычке, стать органической составляющей менталитета. Перцев характеризует традиционное общество как нетолерантное, нетерпимое к инакомыслию, оно коренится в навязывании всем безальтернативного образа действий, и, по мнению автора, такое положение вещей не изменится, пока не изменится образ жизни данного общества. Более того, автор считает, что толерантность невозможна, пока сохраняется противопоставление субъекта и объекта и представление об объективной истине, так как толерантность предполагает права другого на инакомыслие, так как этот другой так же достоин уважения, как и субъект, проявляющий толерантность. Вследствие этого особую важность приобретают компаративистские исследования национальных менталитетов, иначе религиозная, политическая, межэтническая толерантность так и останется поверхностной и непрочной.

Первым опытом разработки проблемы толерантности в лингвистическом плане стало исследование коммуникативного аспекта толерантности И.А. Стернина и К.М. Шилихиной. В дальнейшем исследование толерантности в ракурсе лингвистики проводилось О.А. Михайловой, А.Д. Шмелевым, О.П. Ермаковой, А.Д. Голевым [ср., напр.: 1–3, 5, 7, 11]. Стернин и Шилихина изучили явление толерантности в двух аспектах — через анализ языковых средств, объективирующих его в языке, и на коммуникативном уровне, когда явление толерантности описывается исходя из особенностей межличностного общения. По их словам, в конце XX в. слово «толерантность» окончательно вошло в русский язык, однако концепт «толерантность» до сих пор является лакунарным в русской национальной концептосфере [8]. Причины такой лакуарности исследователи видят в русском менталитете, характеризующемся следующими особенностями: тенденция к биполярному мышлению, нелюбовь к компромиссам и ко всему среднему. Толерантность не предполагает разделения или одобрения чужого мнения или поступка, она заключается не в избавлении от негативного отношения, а в невысказывании несогласия в резкой или агрессивной форме, в признании за другими права иметь собственное мнение. По Стернину и Шилихиной, объективное основание толерантности заключается в понимании со-

циальной жизни как целого, необходимости иного, различий и особенностей как элементов этого целого [8]. Авторы исследования считают, что русскому сознанию требуется концепт «толерантность», однако его принятие вызывает споры и дискуссии. Стернин и Шилихина в ходе своих исследований установили положительную эмоционально-оценочную характеристику концепта «толерантность», следовательно, это концепт-ценность. Они определяют толерантность как «положительное нравственное качество человека, заключающееся в ценностной ментальной установке на терпимость к мнениям, убеждениям и формам поведения другого человека» [8, с. 25]. Как ментальной установке толерантности присуще два аспекта проявления — деятельностный (в формах поведения, действиях людей в отношении друг друга) и коммуникативный (в формах межличностного, межгруппового и межнационального общения).

Авторы исследования также разграничивают понятия «толерантность» и «терпимость». Так, терпимость в русском менталитете традиционно оценивается в основном неодобительно, так как преимущественно означает терпение к плохому. Толерантность же — это терпение к другому, иному, отличающемуся от своего. То есть толерантность в любых обстоятельствах имеет положительную окраску, а терпимость — в зависимости от определённых границ, предела. Терпимость связана с понятием «прощать» как со способностью забывать плохое. Толерантность же не оперирует понятиями вины, хорошего и плохого. Она основана на оппозиции «свои – чужие» и безоценочной её интерпретации, на отсутствии враждебности к чужому. Толерантность связана с понятиями «вежливость», «культурность», «терпение», «бесконфликтность», «сочувствие», «миролюбие». Однако, хотя концепт «толерантность» и формируется в русском языковом сознании, он испытывает давление таких сходных концептов, обладающих отрицательной коннотацией, как бесхребетность, беспринципность, бесконфликтность. С другой стороны, в ходе исследования авторы выяснили, что коммуникативный идеал в сознании русских обладает чертами толерантного собеседника, например, умением слушать, вежливостью, воспитанием, хорошими манерами, тактичностью, отсутствием грубости, пониманием, дружелюбием, умением соглашаться, спокойствием, сдержанностью, интеллигентностью. Таким образом, русская концептосфера готова принять концепт «толерантность», хотя пока не на глубинном, а на бытийном уровне.

Выводы

Российские исследователи, в отличие от западных, не склонны рассматривать толерантность как абсолютную ценность. Они постулируют либо полную

несостоятельность принципа толерантности как идеала, не соответствующего реальному общественно-политическому положению, либо его неоднозначность. Так, для западных стран, с их традициями либерализма и демократии, толерантность органично становится одной из ключевых ценностей. В России же её целесообразность порой ставится под сомнение, хотя в настоящее время уже можно говорить о наметившейся динамике положительного образа толерантности в российском сознании. Динамика обусловлена социальными, политическими и экономическими изменениями, произошедшими в России в конце XX – начале XXI в., приблизившими её к странам Запада. Однако, принимая тезис об отставании изменения ценностной картины мира от фактических изменений в жизни жителей той или иной страны, о полном принятии принципа толерантности как фундаментальной ценности говорить пока не приходится.

Список литературы

1. *Голев Н.Д.* Толерантность как вектор антиномического бытия языка // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллект. монография.* М.: Олма-Пресс, 2005. С. 172–187.
2. *Дунев А.И.* Толерантность и интенциональность орфографии в текстах современной рекламы // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллект. монография.* М.: Олма-Пресс, 2005. С. 165–172.
3. *Ермакова О.П.* Толерантность и некоторые особенности русского менталитета // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллект. монография.* М.: Олма-Пресс, 2005. С. 124–132.
4. *Инглхарт Р.* Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества // *Полис (Политические исследования).* 1997. № 4. С. 6–32. URL: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingheart_Postmodern.pdf (дата обращения: 20.01.2016).
5. *Попова Т.В.* Толерантность русского словообразования (на материале новообразований конца XX века) // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллект. монография.* М.: Олма-Пресс, 2005. С. 132–153.
6. *Перцев А.В.* Современный миропорядок и философия толерантности // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллект. монография.* М.: Олма-Пресс, 2005. С. 29–51.
7. *Михайлова О.А.* Толерантность и терпимость: взгляд лингвиста // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллект. монография.* М.: Олма-Пресс, 2005. С. 99–111.
8. *Стернин И.А., Шилихина К.М.* Коммуникативные аспекты толерантности. Воронеж, 2000. 110 с.

9. Трубина Е.Г. Повествование и наука: от вражды к толерантности // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллект. монография*. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 59–83.
10. Хомяков М.Б. Толерантность и её границы: размышления по поводу современной англо-американской теории // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллект. монография*. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 15–29.
11. Шмелев А.Д. Терпимость в русской языковой картине мира // *Философские и лингвокультурологические проблемы толерантности: коллект. монография*. М.: Олма-Пресс, 2005. С. 111–124.
12. Cohen-Almagor R., Zambotti M. Liberalism, Tolerance and Multiculturalism: The Bounds of Liberal Intervention in Affairs of Minority Culture // *Ethical Liberalism in Contemporary Societies*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009. P. 79–98.
13. Kymlicka W. Two Models of Pluralism and Tolerance // *Analyse & Kritik*. 1992. № 14(1). P. 33–56. URL: http://www.analyse-und-kritik.net/1992-1/AK_Kymlicka_1992.pdf (дата обращения: 29.12.2015).
14. Walzer M. On Toleration. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1997. 127 p.
5. Popova T.V. [Tolerance of Russian word-building (on the material of new-built words of the late XXth century)]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 132–153. (In Russian).
6. Pertsev A.V. [Modern world order and the philosophy of tolerance]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 29–51 (In Russian).
7. Mikhaylova O.A. [Tolerance and indulgence: view of a linguist]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 99–111. (In Russian).
8. Sternin I.A., Shilikhina K.M. *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative aspects of tolerance]. Voronezh, 2000, 110 p. (In Russian).
9. Trubina E.G. [Narrative and science: from hostility to tolerance]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 59–83. (In Russian).
10. Khomyakov M.B. [Tolerance and its borders: speculations on the modern Anglo-American theory]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 15–29. (In Russian).
11. Shmelev A.D. [Tolerance in the Russian linguistic world picture]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 111–124 (In Russian).
12. Cohen-Almagor R., Zambotti M. Liberalism, Tolerance and Multiculturalism: The Bounds of Liberal Intervention in Affairs of Minority Culture. *Ethical Liberalism in Contemporary Societies*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009, pp. 79–98 (In English).
13. Kymlicka W. Two Models of Pluralism and Tolerance. *Analyse & Kritik*. 1992, no 14(1), pp. 33–56. Available at: http://www.analyse-und-kritik.net/1992-1/AK_Kymlicka_1992.pdf (accessed: 29.12.2015) (In English).
14. Walzer M. On Toleration. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1997, 127 p. (In English).

Получено 25.01.2016

References

1. Golev N.D. [Tolerance as the vector of the antinomies being of language]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 172–187. (In Russian).
2. Dunev A.I. [Tolerance and intentionality of orthography in the texts of modern advertisements]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 165–172. (In Russian).
3. Ermakova O.P. [Tolerance and some features of Russian mentality]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 124–132. (In Russian).
4. Inglehart R. [Postmodern: changing values and changing societies]. *Polis (Politicheskiye issledovaniya)* [Political Studies]. 1997, no 7. Available at: http://www.polisportal.ru/files/File/puvlication/Starie_publicacii_Polisa/I/1997-4-2-Ingleheart_Postmodern.pdf (accessed: 20.01.2016) (In Russian).
5. Popova T.V. [Tolerance of Russian word-building (on the material of new-built words of the late XXth century)]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 132–153. (In Russian).
6. Pertsev A.V. [Modern world order and the philosophy of tolerance]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 29–51 (In Russian).
7. Mikhaylova O.A. [Tolerance and indulgence: view of a linguist]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 99–111. (In Russian).
8. Sternin I.A., Shilikhina K.M. *Kommunikativnye aspekty tolerantnosti* [Communicative aspects of tolerance]. Voronezh, 2000, 110 p. (In Russian).
9. Trubina E.G. [Narrative and science: from hostility to tolerance]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 59–83. (In Russian).
10. Khomyakov M.B. [Tolerance and its borders: speculations on the modern Anglo-American theory]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 15–29. (In Russian).
11. Shmelev A.D. [Tolerance in the Russian linguistic world picture]. *Filosofskie i lingvokul'turologicheskie problemy tolerantnosti: kolektivnaya monographiya* [Philosophical and linguoculturological problems of tolerance: collective monograph]. Moscow, Olma-Press Publ., 2005, pp. 111–124 (In Russian).
12. Cohen-Almagor R., Zambotti M. Liberalism, Tolerance and Multiculturalism: The Bounds of Liberal Intervention in Affairs of Minority Culture. *Ethical Liberalism in Contemporary Societies*. Frankfurt am Main: Peter Lang, 2009, pp. 79–98 (In English).
13. Kymlicka W. Two Models of Pluralism and Tolerance. *Analyse & Kritik*. 1992, no 14(1), pp. 33–56. Available at: http://www.analyse-und-kritik.net/1992-1/AK_Kymlicka_1992.pdf (accessed: 29.12.2015) (In English).
14. Walzer M. On Toleration. New Haven, Conn.: Yale University Press, 1997, 127 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 25.01.2016

Об авторе

Диденко Вероника Викторовна
аспирант кафедры лингвистики
и межкультурной коммуникации

Дальневосточный федеральный университет,
690922, Владивосток, о. Русский, пос. Аякс,
кампус ДВФУ, корп. 10, D402;
e-mail: monikunulo@mail.ru

About the author

Didenko Veronica Viktorovna
Ph.D. Student of Department of Linguistics
and Intercultural Communication

Far Eastern Federal University,
D402, bldg. 10, FEFU Campus, Ayaks st.,
Russkiy isl., Vladivostok, 690922, Russia;
e-mail: monikunulo@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Диденко В.В. Динамика исследования феномена толерантности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 45–53. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-45-53

Please cite this article in English as:

Didenko V.V. History and trends of the researches of the phenomenon of tolerance // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 45–53. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-45-53

УДК 111

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-54-60

«МАТРИЦА» БОЛЕЗНИ ЧЕЛОВЕКА В СОЦИАЛЬНО-ФИЛОСОФСКОМ ИЗМЕРЕНИИ

Галочкина Наталья Евгеньевна

Нижегородская государственная медицинская академия

В современных исследованиях вопросу о философской структуре болезни уделяется недостаточно внимания. Существует несколько концепций относительно поисков философской сущности данного феномена — объективная, субъективная, гибридная, альтернативная и социальная. Однако ни одна из них не представляет комплексного философского анализа морфологии болезни.

В статье представлены результаты философского исследования структуры феномена болезни. Структура болезни изображается в виде «матрицы» системы двоичной кодировки, где первый код «бытие-в-себе» соотносится с количественно-качественным нейтральным значением «0». Это означает, что болезненное состояние заложено в живой материи априорно пространством жизненного мира. Хотя данный код и допускает влияние извне, он существует как данность по необходимости. Второй код «бытие-для-нас» содержит в себе все известные критерии человеческого бытия — биологические, социальные, историко-культурные, духовные, ментальные и др. и обладает собственными количественно-качественными характеристиками. Он содержит количественно-качественный синтез различных измерений человеческого бытия и соотносится с положительным значением «1».

Имплицитный код болезни трансформируется в эксплицитные «символы болезни» путём декодирования, осуществление которого проходит в три этапа. Декодирования «матрицы болезни человека» сопровождается деривационным процессом. В результате та или иная вариабельность «изображения болезни» проецируется во внешний мир.

Ключевые слова: болезнь; человек; матрица; матричная структура болезни; двоичная система кодировки; «бытие-в-себе»; «бытие-для-нас»; декодирование; деривация; «символы болезни».

«MATRIX» ILLNESS OF A MAN IN SOCIO-PHILOSOPHICAL DIMENSION

Natalia E. Galochkina

Nizhny Novgorod State Medical Academy

In the current research on the philosophical structure of disease it has received insufficient attention. There are several concepts regarding the search for the philosophical essence of this phenomenon — objective, subjective, hybrid, alternative and social. However, none of them represent a complex philosophical analysis of the morphology of the disease.

The article presents the results of the philosophical study of the structure of the phenomenon of disease. Structure of disease is depicted as a «matrix» system of binary encoding, where the first code «being-in-itself» is related to quantity-quality neutral value of «0». This means that the painful condition is inherent in living matter a priori by space of the life-world. Although this code allows the impact from the outside, it exists as a given necessity. The second code «being-for-us» contains all the known criteria of the human being — biological, social, historical, cultural, spiritual, mental, etc., and has its own quantity-quality characteristics. It includes synthesis of the various dimensions of the human being and is correlated with a positive value of «1».

Implicit disease code is transformed into explicit «symbols of disease» by the decoding, while the implementation of that takes place in three stages. Decode «matrix of human disease» is accompanied by a derivational process. As a result of this or that variability, «the image of the disease» is projected to the outside world.

Key words: illness; man; matrix; the matrix structure of the disease; the binary coding system; «being-in-itself»; «being-for-us»; decoding; derivation; «the symbols» of the disease.

Введение

Доступ в мир болезни человеческого существа весьма затруднителен. Обитель её влияния, во многом скрытая от нашего взора, расположена одновременно как минимум в трёх пространственных измерениях бытия — *на границе биологической телесной, социальной и ментальной (духовной) ипостасей человека*. Зачастую о болезни пытаются судить на основе деструктивных функциональных изменений, протекающих в организме индивида, обладающих естественной природой. Такого рода взгляды присущи во многом представителям естественно-научных отраслей знания, прежде всего медицинской, биологической. Но учение о болезни давно перестало быть привилегией естествознания по причине невозможности объяснить с биологических позиций её многоаспектность применительно к человеку, и оно трансформировалось в проблемное поле философии.

Впервые *апорию «естественно-научной картины» болезни* осознали западные философы. Это спровоцировало философский научный резонанс, что выразилось в появлении «объективной», «субъективной», гибридной и альтернативной концепций болезни. Сторонники объективного направления, прежде всего С. Boorse [12], J. Lennox [18], K. Rothschild [19], характеризовали болезнь с позиций «реальной сущности», т.е. её биологической основы. Эти взгляды не привнесли ничего нового в философскую концепцию болезни, так как под «реальной сущностью» скрывались известные медикам и биологам естественные механизмы болезни. Авторы субъективной концепции болезни, такие как L. King [17], T. Englehardt [15], Ж.-П. Сартр [11, с. 128–129], утверждали, что сущность болезни «субъективна», «номинальна» и оценка тех или иных состояний как болезненных зависит от господствующих субъективных представлений. Они отвергали естественные критерии болезни. В начале 90-х гг. XX в. А. Caplan [14] и J. Wakefield [21] предложили некий компромисс в споре эпигонов «объективной» и «субъективной» концепции, утверждая, что под болезнью следует понимать те субъективные состояния, которые имеют естественную болезненную этиологию. Эти взгляды лишь синтезировали объективные и субъективные идеи, не дав главный ответ на вопрос о структуре болезни. Ряд философов — W.M. Brown [13], P.H. Schwartz [20], G. Hesslow [16] — вообще не признавали сущностных основ болезни, считая её областью практики и лингвистики.

В отечественной сфере философского познания болезнь рассматривается в рамках *диалектического материализма*, с позиций движения и изменения живой материи на базе трёх универсальных гегелевских законов: единства и борьбы противоположно-

стей, перехода количества в качество, а также закона отрицания отрицания. Прежде всего это исследование А.А. Королькова и В.П. Петленко [7], Ю.К. Абаева [1], И. Калайкова [6], Ю.А. Лукина [9]. Подобный подход не принес практически никаких новаторских идей в изучение феномена болезни, кроме философских принципов бытия, которые лишь придали иную форму интерпретации уже давно известной в медицине «реальной», биологической сущности данного феномена с позиций диалектического изменения и движения естественной материи. Между тем ни в западной, ни в отечественной литературе не уделялось внимания философскому анализу структуры болезни.

Цель данной статьи — попытка представить *структуру болезни в виде матричной системы двоичной кодировки*, которая может быть использована при изучении морфологии болезни в целом, чем и объясняется актуальность исследования. Основными задачами выступают: во-первых, выявление содержания двоичной кодировки болезни; во-вторых, выделение структуры и элементов кодов болезни; в-третьих, обоснование процесса проявления матричной структуры болезни во внешнем мире.

Изучение структуры феномена болезни проводится на основе диалектического метода, включающего в себя принципы системности и целостности. В рамках системного подхода отдельные элементы структуры болезни рассматриваются в контексте единой матричной системы. Принцип целостности предполагает сохранение идентичности кодов «матрицы» болезни при вариативности эксплицита «изображения болезни». В рамках принципа *элементаризма* цельная матрица болезни включает в себя два элемента (кода), состоящие, в свою очередь, из исходного множества элементов. С помощью метода абстрагирования возникает возможность представить её универсальное строение с позиций философии, отвлекаясь от конкретных, общепринятых характеристик

«Код» болезни человека

Феномен болезни парадоксален и многоаспектен. Каждый из живущих людей в той или иной степени переживает опыт болезни, когда на биологическом уровне происходят количественно-качественные структурные изменения телесной субстанции, каким-либо образом отражающиеся на форме мышления и социальной активности. Это совсем не означает, что все пережившие болезнь имеют её следствием серьёзные ментальные метаморфозы. Это означает лишь только то, что люди, пережившие более серьёзный опыт болезненного состояния и сумевшие перешагнуть через него, невольно оказываются в качественном противостоянии, возникающим между большой телесной субстанцией, её социальным конструктом и

сознанием или осознанием собственного «Я» в состоянии болезни. Отсюда следует, что, с одной стороны, болезнь можно рассматривать как негативное состояние человеческого существа, что, несомненно, будет побуждать индивида обращаться к всевозможным способам вернуть себе состояние здоровья. С другой стороны, болезненное состояние служит неким инструментом для выработки стратегии биологической адаптации, общественного поведения с учетом социального конструкта болезни и, как результат, формирования собственного «Я-образа». Болезнь тела представляет собой своего рода импульс, на основе которого развивается та или иная форма мышления и способ биосоциальной жизнедеятельности индивида.

В этом случае возникает весьма справедливый вопрос об истоках такого рода взаимосвязей. Применительно к человеку он должен рассматриваться преимущественно в составе целого, составляющего его существо, по причине того, что его континуум включает в себя суть не только примитивного биологического порядка, но и эссенциальной основы более высокого социального и особенно ментального уровня.

Из вышеизложенного следует, что болезни человека присуще многомерное устройство. Здесь на первый план выходит серьёзная проблема соотношений болезни, тела, духа (сознания), подвергшихся воздействию социальных конструктов и их общей детерминанты. Такого рода связь можно выразить в форме *матричной структуры*, состоящей из отдельных элементов.

Понятие «матрица» происходит от латинского слова *matrix*, означающего «матка», «материнская утроба». В современном языке под «матрицей» понимают некую общую основу, упорядоченную схему, начальную форму, порождающую дальнейшие воспроизведения чего-либо. Так, Т. Кун «дисциплинарной матрицей» называет упорядоченные элементы, интегрирующие сообщество определенных специалистов [8, с. 234]. М.С. Каган с помощью «матрицы» описывает природные компоненты сущности человека [5, с. 355].

«Матрица» «задаёт» общий фундамент, «каркас» природе болезни $\psi\theta\rho\lambda\omicron\varsigma$. В своей основе «матрица» болезни имеет определенную специфическую двоичную кодировку, т.е. два устойчивых базиса, которые определяют все измерения человеческого бытия. Кодирование заключается в том, что каждой структурной единице «матрицы» болезни человека присущ определенный уникальный код, имеющий определенную специфическую природу. Двоичная кодировка являет собой единство противоположных, но комплементарных ипостасей «бытия-в-себе» и «бытия-для-нас», где «бытие-в-себе» отражает качественное, имплицитное содержание болезни, определяемое априорно простран-

ством жизненного мира, а «бытие-для-нас» — это количественные характеристики болезни, связанные с различными измерениями человеческого бытия. В этом случае код «бытие-в-себе» по отношению к коду «бытие-для-нас» выступает как *инобытие*, дающее импульс к трансляции кода «бытие-для-нас». Первый код, обозначенный выше как «бытие-в-себе» в двоичной системе «матрицы» можно свести к математическому значению «0», тогда как второй код соотносится с «1».

Первым компонентом двоичной системы «матрицы» болезни является «бытие-в-себе». Код болезни «бытие-в-себе» соответствует «0», так как он выступает качественно нейтральным по своей сущности явлением, в качестве самости, независимой от человека и внешнего мира, существуя как *случайная данность по необходимости, порожденный пространством жизненного мира*. Его природа выходит за пределы познания. Однако эта ячейка болезни носит неоднозначный характер. С одной стороны, «бытие в себе как субстанция физически не может быть обусловлено чем-то извне» [10, с. 28]. Она имеет *a priori* свою устойчивую, ригидную, природную структуру. С другой стороны, болезнь как «бытие-в-себе» — это отношение внутренних изменений организма к воздействию извне, выступающее необходимостью, обусловленной внешним воздействием. Однако болезненная реакция организма на внешнее воздействие также *априорно заложена в данном коде*. Следовательно, *первый код в двоичной «матрице» болезни содержит в себе противоречивые детерминантные элементы болезни, т.е. одновременно зависит от внешних обстоятельств, являясь априорной ригидной структурой*. Он характеризует болезнь как качественное состояние, имманентное всем живым системам.

Второе «число» двоичного кода в «матрице» болезни можно обозначить как «бытие-для-нас». Это её количественная характеристика. Болезнь в качестве «бытия-для-нас» соответствует положительному значению «1» и включает все известные критерии — *биологические, социальные, историко-культурные, духовные, ментальные* и другие, поэтому обладает количественными характеристиками. С этих позиций болезнь познаваема. «Бытие-для-нас» состоит из нескольких эссенциальных компонентов.

Главным элементом здесь выступает биологические, содержательные характеристики болезни. Прежде всего это патологический процесс, т.е. морфофизиологические изменения, имеющие своим следствием нарушение целостности и функциональности биологической материи человеческого организма, представленные в различных формах девиаций. Он возникает как реакция в результате воздей-

ствия экзогенных или эндогенных факторов на организм человека. Патологическое обладает естественностью и «законностью». Это один из процессов организма, который находится в одном ряду с обменом веществ, размножением, смертью. Биологический элемент является отправной точкой, в которой заложен определенный диапазон векторов форм патологических реакций.

Вторым элементом матрицы болезни выступает ее *социальный и историко-культурный конструкт*. Здесь следует выделить два момента. Во-первых, *объективный*, который предполагает, что по мере развития общества социальная материя вступает в противоречие с биологической. Искусственная среда оказывает негативное воздействие на состояние биологического здоровья человека, которое выражается в возникновении новых количественно-качественных видов патологий. Во-вторых, *субъективный фактор*, связанный с оценкой болезни как антиидеала общества. По мнению Ж. Бодрийяра, опасность болезни для общества заключается в ее стремлении быть принятой, так как «самая серьезная опасность, которую представляет больной, в чем он по-настоящему асоциален и подобен опасному безумцу, — это его глубинное требование быть признанным в качестве такового и обменивать свою болезнь» [2, с. 319]. Между тем болезнь есть необходимость по той причине, что вернуть больного к нормальной жизнедеятельности означает «полную ликвидацию медицины и больницы... а в конечном счете и ликвидацию всего господствующего социального порядка...» [2, с. 320]. Если исходить из подобной трактовки болезни, то становится очевидной её неоднозначная роль в силу того, что, заключая в себе изначально образ *антиидеала* здоровью, она выступает в качестве социальной необходимости, формирующей общественные институты, связанные с лечением болезненного состояния. Этот элемент в коде «бытие-для-нас» матричной структуры болезни определяет неоднозначное, противоречивое социальное бытие больного человека, связанное с ограниченностью в выполнении своих общественных функций. В результате, действия данного компонента «человеческие болезни социально обусловлены...» [3, с. 170]. *Социальный элемент в коде «бытие-для-нас» «матрицы» болезни* играет важную роль в жизнедеятельности больного человека. Он не просто существует обособленно, а вступает в противоречие с главным естественным элементом «матрицы» болезни человека. Сюда входит также и «картина болезни». Это стихийное формирование представлений о болезни, которое носит *имплицитно-фоновый, необратимый и традиционный характер*. Больные и здоровые люди вступают в независимые от их воли взаимоотношения, в результате

чего формируется определенная система ценностей, эталонов, ориентиров, ничем и никем не регулируемая. Проективное развитие представлений о болезни и больном человеке связано с использованием её образа в маркетинге, рекламе, СМИ. Социальный образ болезни содержит в себе синтез *стихийных и проективных факторов*. Еще одним важным моментом, определяющим сущность социального элемента в «матрице» болезни, является адаптация больного человека к внешним, общественным условиям, при учёте естественных ограничений.

Третьим элементом кода «бытие-для-нас» «матрицы» болезни следует считать *индивидуальные механизмы*, формирующие «Я-бытие» в соответствии с «Я-образом» в состоянии болезни. Соотношение тела и духа в человеческом организме существуют и конструируются в пространстве социального бытия. «Слишком обобщенное различие между телом-субъектом и телом-объектом уточняется с помощью противопоставления “тела для себя” и “тела для других”» [4, с. 6]. В момент непосредственного наступления болезни телесность и ментальность индивидуального по отношению к ней характеризуются тождественностью. Их противопоставление постепенно усиливается. Этому способствует общественный фактор. Вышеуказанный элемент кода матрицы «бытие-для-нас» балансирует на границе биологических и социальных компонентов. «Я-бытие» формируется путем качественного синтеза «Я-индивидуального» и «Я-коллективного» в пространственно-временном континууме болезни. Индивидуальное начало болезни опосредуется общественными установками по отношению к ней. «Я-образ» отчасти создается путем навязывания социальных стереотипов. Сначала «Я-ментальное» отчуждает «Я-телесное» и возвращается в новом качественном состоянии, формируя специфическое *бытие больного человека* в социальном пространстве.

Декодирование «матрицы» болезни

В отличие от матрицы математической, где составляющие элементы характеризуются обособленностью друг от друга, в «матрице» болезни они тесно взаимосвязаны и оказывают взаимное влияние. В силу того что код «бытия-в-себе» а priori предполагает эксплицит себя под воздействием второго кода, он так или иначе связан с пространством человеческих измерений, т.е. «бытия-для-нас». Трансляция «бытия-в-себе» болезни как специфического *инобытия* в наше бытие возможна только под влиянием «бытия-для-нас».

Закодированная информация определяет дальнейшее биосоциальное бытие человека. При определенных внутренних и внешних воздействующих условий происходит преобразование «двоичного кода болезни» априорной «информации» имплицитного

«бытие-в-себе» в эксплицитное «бытия-для-нас». Другими словами, трансляция внешнего проявления заболевания происходит путем обратного процесса — **декодирования**, т.е. преобразования *матричного кода болезни в символы болезни — её вариабильные симптоматические проявления. Символы болезни* представляют собой *a priori* заданные кодом болезни «бытие-в-себе» при участии кода «бытия-для-нас».

Процесс декодирования проходит несколько этапов. На первом этапе происходит контакт *провоцирующего внешнего или внутреннего фактора* с матрицей болезни. Второй этап этого процесса связан с *активизацией*, т.е. с «запуском» *запрограммированного «кода» болезни*. На третьем этапе происходит перевод двоичного кода в систему эксплицитных «символов» болезни. Его трансляция во внешний мир сопряжена с *деривационным процессом*. Это означает, что исходная общая кодировка проявляется в бытии человека индивидуально, специфически, субъективно. Деривация двоичного кода «матрицы» болезни формирует вариабельность определенного целостного внутреннего и внешнего **«изображения болезни»** в зависимости от **«символа»** или совокупности **«символов»**. Эксплицитные **«изображения болезни»** отличаются от первичной закодированной информации, претерпевшей трансформации в результате процесса декодирования. Следовательно, **«изображения болезни»** — это своеобразные «кодовые трансформации» во внешний мир. Отношение между исходной «кодировкой» и «переводным изображением» существует как объективная, реальная данность, в которой заложен субъективный фактор, лежащий в основе качественных индивидуальных характеристик человека. Процесс декодирования болезни существует как адекватная передача характера «оригинала» в условиях системы человеческого бытия.

Заключение

Таким образом, феномен болезни становится наиболее понятным, если представить его в виде *ранжированной кодификационной двоичной системы матрицы*, где первый код характеризует ее как качественно-нейтральное «бытие-в-себе», выступающее в качестве инобытия, соответствующее нейтральному по своей природе значению «0» матрицы, зависимое и независимое от внешнего мира одновременно, где зависимость от внешнего мира заложена в качественно-нейтральной независимости. Второй код матрицы — это «бытие-для-нас», представляющее собой количественный синтез биологических, социальных и ментальных конструктов, соотносящееся с положительным значением «1». Они имеют разнокачественные характеристики, но, между тем, взаимосвязаны и едины. Матрица болезни человека выступает одной из частей проектно-конструирующей его бытие не

только как биологического организма, но и как существа социального, деятельного. Биосоциальная ограниченность человека *a priori* «вписана» в структуру **«матрицы» болезни**.

Наглядней всего *матричная структура болезни* предстает в форме структурной основы одной из подсистем жизнедеятельности человека. Употребляя понятие «матрица болезни человека», мы ограничиваем сферу ее применения к жизнедеятельности индивида, в определенном качественном состоянии человеческого существа, связанное с биосоциальными ограничениями. Следует заметить, что «матрица» является единственной чертой, позволяющей раскрыть единую сущность структуры всех болезней человека. Она существует объективно, как общая система **«программирования» болезни, заложенная в каждом человеке a priori природой**. Двоичный код этой системы — **«бытие-в-себе» как качественно-нейтральный «0» или инобытие и количественное «бытие-для-нас» как «1», включающее синтез элементов нашего бытия**, являются основополагающими **«матрицы»** болезни. Отсутствие хотя бы одного элемента влечет крах всей системы болезни. *Декодирование и трансляция* болезни во внешний, наш мир проходят несколько этапов и сопряжены с деривационным процессом, который определяет вариабельность **«изображения болезни»**.

Человек является носителем **«матрицы»** болезни *a priori* с момента его зачатия и до самой смерти. Её проявление возникает спонтанно, неожиданно и влечёт изменение всей системы бытия человека на биологическом, социальном и ментальном уровнях, заставляя его вырабатывать специфические модели **«другого»** бытия. Устранить, полностью искоренить **«матрицу»** болезни абсурдно *per se*. Она часть общей «матрицы» человеческой сущности, его бытия и органично в него вписана.

Список литературы

1. *Абаев Ю.К., Гриневич Ю.М.* Законы и категории диалектики в медицине // Медицинский журнал. 2009. № 4. С. 146–149.
2. *Бодрийяр Ж.* Символический облик и смерть. М.: Добросвет: КДУ, 2006. 320 с.
3. *Изуткин А.М.* Болезнь как стесненная в своей свободе жизнь // Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни. М.: Медицина, 1975. С. 161–178.
4. *История тела: в 3 т. / под ред. А. Корбена, Ж.-Ж. Куртина, Ж. Вигарелло. Т. 2: От Великой французской революции до Первой мировой войны / пер. с фр. О. Аверьянова. М.: Новое литературное обозрение. 2014. 384 с.*
5. *Каган М.С.* Философия культуры. СПб.: Петрополис, 1996. 416 с.

6. Калайков И. Нормалогические и патологические — разные качества материальных форм отражения // *Философские и социально-гигиенические аспекты учения о здоровье и болезни*. М.: Медицина, 1975. С. 137–161.
7. Корольков А.А., Петленко В.П. Философские проблемы теории нормы и патологии в биологии и медицине. М.: Медицина, 1977. 393 с.
8. Кун Т. Структура научных революций. М.: АСТ, 2003. 268 с.
9. Лукин Ю.А. Философский анализ феноменов и категорий «здоровье/болезнь»: дис. ... канд. филос. наук. Барнаул, 2003. 155 с.
10. Нуруллин Р.А. Небытие бытия-в-себе и ничто // *Вестник Оренбургского государственного университета*. 2006. № 7. С. 27–33.
11. Сартр Ж.-П. Проблемы метода / пер. с фр. М.: Прогресс, 1993. 240 с.
12. Boorse C. Concepts of health and disease // *Philosophy of medicine*. Amsterdam: Elsevier, 2011. P. 13–64.
13. Brown W.M. On defining «disease» // *Journal of Medicine and Philosophy*. 1985. № 10(4). P. 311–328.
14. Caplan A. If gene theory is the cure, what is the disease? // *Gene Mapping: Using Law and Ethics as Guides* / ed. by G.J. Annas, S. Elias. New York: Oxford University Press, 1992. P. 128–141.
15. Engelhardt T. Ideology and etiology // *Journal of Medicine and Philosophy*. 1976. № 1. P. 256–268.
16. Hesslow G. Do we need a concept of disease? // *Theoretical Medicine*. 1993. № 14. P. 1–14.
17. King L. What is a Disease? // *Philosophy of Science*. 1954. № 21. P. 193–203.
18. Lennox J. Health as an objective value // *The Journal of Medicine and Philosophy*. 1995. № 20. P. 499–511.
19. Rothsuh K. Der Krankheitsbegriff (Was ist Krankheit?) // *Hippokrates*. 1972. № 43. S. 3–17.
20. Schwartz P.H. Decision and discovery in defining «disease» // *Establishing medical reality. Essays in the metaphysics and epistemology of biomedical science*. 2007. P. 47–63.
21. Wakefield J. The concept of mental disorder: on the boundary between biological facts and social values // *American Psychologist*. 1992. № 47. P. 373–388.
4. *Istoriya tela: v 3 t. T. 2: Ot Velikoj frantsuzskoj revolyutsii do Pervoj mirovoj vojny* [History of body: in 3 vol. Vol. 2. From the French Revolution to World War I]. Moscow, Novoe literaturnoe obozrenie Publ., 2014. 384 p. (In Russian).
5. Kagan M.S. *Filosofiya kultury* [Philosophy of culture]. St. Petersburg, Petropolis Publ., 1996. 416 p. (In Russian).
6. Kalaykov I. [Normalologic and pathologic — different features of material forms of reflexion]. *Filosofskie i sotsialno-gigienicheskie aspekty ucheniya o zdorove i bolezni* [Philosophic and social and hygienic aspects of doctrine of health and disease]. Moscow, Meditsina Publ., 1975, pp. 137–161. (In Russian).
7. Korol'kov A.A., Petllenko V.P. *Filosofskie problemy teorii normy i patologii v biologii i meditsine* [Philosophic problems of theory of norm and pathology in biology and medicine]. Moscow, Meditsina Publ., 1977. 393 p. (In Russian).
8. Kuhn T. *Struktura nauchnykh revolyutsiy* [The structure of scientific revolutions]. Moscow, AST Publ., 2003. 268 p. (In Russian)
9. Lukin Yu.A. *Filosofskiy analiz fenomenov i kategoriy «zdorove/bolezni»*. Dis. ... kand. fil. nauk. [Philosophic analysis of phenomena and categories of health and disease: Dissertation of candidate of philosophic sciences]. Barnaul, 2003. 155 p. (In Russian)
10. Nurullin R.A. [Nonbeing of being-in-itself and nothingness]. *Vestnik Orenburgskogo Gosudarstvennogo Universiteta* [Orenburg State University Bulletin]. 2006, no 7. pp. 27–33. (In Russian).
11. Sartre J-P. *Problemy metoda* [Search for a method]. Moscow, Progress Publ., 1993, 240 p. (In Russian).
12. Boorse C. Concepts of health and disease. *Philosophy of medicine*. Amsterdam: Elsevier, 2011, pp. 13–64. (In English).
13. Brown W.M. On defining «disease». *Journal of Medicine and Philosophy*. 1985, no 10(4), pp. 311–328. (In English).
14. Caplan A. If gene theory is the cure, what is the disease? *Gene Mapping: Using Law and Ethics as Guides* / ed. by G.J. Annas, S. Elias. New York: Oxford University Press, 1992, pp. 128–141. (In English).
15. Engelhardt T. Ideology and etiology. *Journal of Medicine and Philosophy*. 1976, no 1, pp. 256–268. (In English).
16. Hesslow G. Do we need a concept of disease? *Theoretical Medicine*. 1993, no 14, pp. 1–14. (In English).
17. King L. What is a Disease? *Philosophy of Science*. 1954, no 21, pp. 193–203. (In English).
18. Lennox J. Health as an objective value. *The Journal of Medicine and Philosophy*. 1995, no 20, pp. 499–511. (In English).
19. Rothsuh K. Der Krankheitsbegriff (Was ist Krankheit?). *Hippokrates*. 1972, no 43, pp. 3–17. (In German).
20. Schwartz P.H. Decision and discovery in defining «disease». *Establishing medical reality. Essays in the*

Получено 25.01.2016

References

1. Abaev Yu. K., Grinevich Yu.M. [Rules and categories of dialectics in medicine]. *Meditsinskiy zhurnal* [Medical journal]. 2009. no 4, pp. 146–149. (In Russian).
2. Baudrillard J. *Simvolicheskiy oblik i smert'* [Symbolic exchange and death]. Moscow, Dobrosvet Publ., KDU Publ., 2006. 320 p. (In Russian).
3. Izutkin A.M. [Disease as life tight in its freedom]. *Filosofskie i sotsialno-gigienicheskie aspekty ucheniya o zdorove i bolezni* [Philosophic and social and hygienic aspects of doctrine of health and disease]. Moscow, Meditsina Publ., 1975, pp. 161–178. (In Russian).

metaphysics and epistemology of biomedical science.
2007, pp. 47–63. (In English).

21. Wakefield J. The concept of mental disorder: on the boundary between biological facts and social values.

American Psychologist. 1992, no 47, pp. 373–388. (In English).

The date of the manuscript receipt 25.01.2016

Об авторе

Галочкина Наталия Евгеньевна

аспирант кафедры социально-гуманитарных наук

Нижегородская государственная медицинская академия,

603950, Нижний Новгород, пл. Минина и Пожарского, 10/1;

e-mail: galonatasha@yandex.ru

About the author

Galochkina Natalia Evgenyevna

Ph.D. Student of Department of Social and Humanity Sciences

Nizhny Novgorod State Medical Academy,
10/1, Minin and Pozharsky sq., Nizhny Novgorod,
603950, Russia;

e-mail: galonatasha@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Галочкина Н.Е. «Матрица» болезни человека в социально-философском измерении // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 54–60. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-54-60

Please cite this article in English as:

Galochkina N.E. «Matrix» illness of a man in socio-philosophical dimension // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 54–60. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-54-60

ПСИХОЛОГИЯ

УДК 159.923

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-61-70

**ЦЕЛОСТНЫЙ ЧЕЛОВЕК КАК ПРОБЛЕМА
В РОССИЙСКОЙ ПСИХОЛОГИИ****Логина Наталья Анатольевна**Санкт-Петербургский государственный университет*

В статье анализируется история разработки проблемы целостного человека в российской психологии в период 1960–2010 гг. Актуальность работы обусловлена существующим в психологии постоянным интересом к проблеме человека и методологии комплексных исследований. В 1960-х гг. Б.Г. Ананьев обратился к антропологическому принципу и обосновал возможность синтетического человекознания. Проблема человека в психологии описана понятиями «целостный человек», «индивид», «личность», «субъект», «индивидуальность», «структура личности». В изучаемый период были проведены три крупных цикла комплексных исследований человека — в школах Б.Г. Ананьева, В.С. Мерлина, Б.М. Теплова. В постсоветский период в психологии произошел «антропологический поворот». В российской психологии антропологизм связывается с субъектным подходом С.Л. Рубинштейна. В 1991 г. создан Институт человека РАН. На разработку проблемы человека в 1990-х гг. повлияли труды дореволюционных философов-идеалистов и отчасти религия. В современной психологии сложились разные подходы к проблеме целостного человека, антропологических концепций внедряются в практическую деятельность психологов и педагогов. Была возрождена педагогическая антропология (В.И. Слободчиков). В настоящее время синтетическое познание человека является первостепенной задачей психологии и других наук.

Ключевые слова: целостный человек; личность; субъект; индивидуальность; структура личности; человекознание; комплексный подход; антропологический принцип; антропологическая психология; психологическая антропология; педагогическая антропология.

WHOLE HUMAN AS A PROBLEM IN RUSSIAN PSYCHOLOGY*Natalia A. Loginova**Saint-Petersburg State University*

The article analyzes the history of the problem of a whole man in Russian psychology in 1960–2010s. The urgency of the article is due to the growing interest in the problem of man and methodology of comprehensive studies in psychology. In the 1960s, B.G. Ananiev came out with an idea of the synthetic anthropology and of the anthropological principle. The problem of man in psychology has been described by the concepts of «a whole man», «individual», «personality», and «subject», «individuality», «personality structure». During the studied period there were implemented three big cycles of the integrated human studies in B.G. Ananiev, V.S. Merlin, B.M. Teplov scientific schools. In the post-Soviet period in psychology «anthropological turn» occurred. Anthropologism in Russian psychology connects with the subject approach of S. Rubinstein. A Man Institute was established in Russian Academy of Sciences, 1991. Within the post-soviet period the elaboration of the man problem has been influenced by the pre-revolutionary Russian philosophers-idealists and partly religion conceptions. There have been existed a variety of the approaches and conceptions, which have been applied to a practice. The pedagogical anthropology has been animating (V. Slobodchikov). Nowadays synthetic cognition of a man is a super task of psychology and other sciences.

Key words: whole man; personality; subject; individuality; structure of personality; human cognition; comprehensive approach; anthropological principle; anthropological psychology; psychological anthropology; pedagogical psychology.

* Публикация поддержана грантом Российского гуманитарного научного фонда, проект № 14-06-00668.

Идея целостного человека разрабатывается и описывается в разных понятиях, относимых к отдельному человеку — индивид, личность, субъект, индивидуальность, человек. Существуют две вечные методологические позиции в разработке этой идеи и соответствующей проблемы — материалистическая и идеалистическая и есть смягченные их разновидности. Для всех этих методологических позиций современная психология не использует четких маркировок. В современной российской психологии все они имеют место и довольно легко уживаются в едином интеллектуальном поле. Это обстоятельство, обусловленное методологическим либерализмом, приводит к появлению новых концепций о человеке, мало взаимодействующих друг с другом. Обобщение фактов из новейшей истории отечественной психологической науки, направленных на развитие представлений о человеке в разных его ипостасях, может быть полезным для понимания тенденций ее развития и формулирования нерешенных задач психологического познания. Об этом наша статья. Мы ограничиваем обсуждение темы сферой академической психологии, оставляя в стороне практическую психологию. Временные рамки — 1960–2010-е гг.

Необходимость понятия о целостном человеке в психологии объясняется тем, что психическое — атрибут человека, биосоциального материального существа. Целостный человек — многоуровневая система, в которой свое вершинное место занимает сознание. Является ли человек в целом предметом психологии? И да, и нет. В первую очередь предметом является психическое, разные его формы (сенсорная, перцептивная, мыслительная, речевая, аффективно-волевая и мотивационная) и уровни (сознательное, надсознательное и бессознательное, подсознательное). Сознание, психика — особый жизненно необходимый элемент в структуре человека. А элемент зависит от системы. Зависимость психического элемента от самого человека — его носителя и субъекта фиксируется *антропологическим принципом*. Предложенный Б.Г. Ананьевым в 1960-х гг. в системе диалектико-материалистической психологии антропологический принцип обращает психологию лицом к психобиосоциальной структуре человека, которая опосредует все внешние влияния и производит психические процессы [3].

В российской психологии антропологический принцип, или подход, существует в разных формах. Он более всего применяется в психологии личности. Исследования личности с начала XX столетия привели к выделению самостоятельной научной дисциплины «психология личности» к концу 1950-х гг. В 1960-х гг. обоснована принципиальная необходимость личностного подхода ко всем проблемам психологии, направленная против абстрактного функционализма [28, 29]. При этом человек был отожд-

ествлен с личностью. Против такого распространенного в психологии отождествления выступил Б.Г. Ананьев. Он определил четыре формы существования человека — индивид, личность, субъект, индивидуальность — и предложил концепцию индивидуальности как высшего уровня развития человека [3].

В 1960–70-е гг. начинается становление субъектного подхода и активная разработка понятия субъекта школой С.Л. Рубинштейна. Ученики и последователи Рубинштейна К.А. Абульханова и А.В. Брушлинский выстроили на базе философской антропологии своего учителя концепцию субъекта, видя в нем максимальное воплощение родового человека, наделенного всеми лучшими человеческими качествами и особенно активностью [1, 10].

Антропологический принцип (и близкие ему, но все же отличные личностный и субъектный принципы или подходы) означает, что психическое — атрибут человека, а человек есть системное его основание. Психическое в определенном смысле порождается процессами функционирования системы «человек», зависит от него, от его внутреннего устройства, его структуры. Поэтому объяснение психического требует знания о человеке.

Характер системного основания «субстрат», который еще к тому же и субъект, противоречив и в общем сводится к соотношению биологического и социального в нем. В психологической науке все дискуссии о предмете психологии и объяснительных схемах разворачиваются в вокруг этого фундаментального противоречия. Осмысливая его, психологи неизбежно выходят в сферу общественных и биологических наук о человеке. Психологическое познание становится человекознанием (Ананьев предлагал еще термин *антропономия*), не переставая быть психологией. Это стало возможно благодаря комплексному междисциплинарному подходу при решении коренных вопросов психологической теории и практики. Психология, опираясь на смежные науки о человеке, сотрудничает с ними *в самом процессе* комплексных исследований, осмысливает их достижения с точки зрения собственных познавательных задач, по сути дела есть *антропологическая психология*. Именно такую психологию разрабатывал Б.Г. Ананьев, выступая поборником комплексных исследований человека как индивидуальности [2–4, 21, 23].

Антропологический принцип как таковой имеет длительную историю в философии и психологии. Сто лет назад В.М. Бехтерев организовал целый ряд институтов и лабораторий, которые были призваны осуществлять комплексный подход в целях познания целостного человека (личности — в терминах Бехтерева) и его поведения, деятельности в сфере труда, общения и познания. Опыт человекознания,

накопленный в школе Бехтерева в Психоневрологическом институте (1907–1919) и Институте мозга им. В.М. Бехтерева (1918–1948), не потерял актуальности не только для отечественной, но и для мировой науки [22].

Антропологический принцип повлиял на новейшую психологическую науку. На рубеже 1980–90-х гг. произошел *антропологический поворот* в отечественной психологии, во многом подготовленный историческим ее развитием под влиянием в первую очередь Б.Г. Ананьева, создателя теории антропологической психологии, и С.Л. Рубинштейна, автора философско-психологической антропологии. Во второй половине XX в. активно развивались отрасли антропологии, которые вышли за пределы классической антропологической науки. Активно развиваются философская, историческая, социальная, культурная, лингвистическая, педагогическая, психологическая и другие частные антропологии.

Моноаспектное, монодисциплинарное знание о человеке неуклонно прирастает в социальных, гуманитарных и биологических науках. Свое место в человекознании получили науки о неживой природе и технике. Экстенсивный рост монодисциплинарных знаний происходит и в психологии. Налицо дифференциация наук соответственно различным сторонам общего объекта, каким является в данном случае человек. Вместе с тем есть встречное стремление — интегрировать знания в единую картину человека, чтобы понять и объяснить множественную детерминацию его поведения и внутреннего мира. Полнота охвата объекта обеспечивается комплексным подходом, полидисциплинарными исследованиями. В них активно участвует и психология. Так достаточно ли ей этого тесного соседства сотрудничества для полноты понимания и объяснения психического? Думается, что нет. Многоаспектное знание не всегда есть целостное знание. Для этого ему надо выйти на новый интегративный уровень и обратиться к отдельному предмету познания как к части некоего целого. Что подразумевается, когда говорят о «целом», «целостности» в психологической науке? Обычно имеется в виду целостность индивидуального сознания (психики отдельного человека). Но сознание само есть элемент другого целого — человека.

В психологии разработана не одна концепция о целостном человеке. Эти концепции характеризуют человека как биосоциальное и психобиосоциальное целое. Раскрытие природы этого целого удастся через анализ его структуры. В психологии принято понятие «структура личности», притом личность понимается как отдельно взятый человек. Именно структурные модели позволяют более строгим научным языком обсуждать проблему целостного человека как субъекта сознания и носителя психики. Исследования проблемы целостного человека проводились в российской психологии советского пе-

риода преимущественно под рубрикой «психология личности». При этом личность понимается широко, поскольку в ее структуру включаются не только собственно личностные, социальные и психосоциальные, но и природные элементы человеческой структуры. В новейшее время происходит дифференциация понятий «человек» и «личность».

В современную науку постепенно вошли и другие дифференцированные понятия о человеке и его структуре. В ней выделены подструктуры — индивид, субъект, личность [3]. Кроме того, Б.Г. Ананьев предложил новое понимание индивидуальности — как тотальной целостности, как результат интеграции структуры индивида (биологические и биопсихологические его элементы), личности (социальные и психосоциальные элементы) и субъекта (психобиосоциальные элементы). Дифференциация структуры человека и последующая многократная в течение жизни ее интеграция совершаются в реальном процессе развития системы и превращения ее в уникальную полисистему, которая и есть индивидуальность. В отечественной психологии Новейшего периода истории созданы и другие теоретически и эмпирически обоснованные структурные модели личности-индивидуальности. Авторы учитывают задатки и темпераменты, свойства нервной системы и другие биологические по происхождению элементы структуры индивидуальности, по-разному толкуя их место и роль в ней. В основном они сходятся во мнении о единстве биологического и социального в структуре индивидуальности, о социальной сущности человека, которая изменяет его природные свойства.

Большую популярность в советский период завоевала структурная концепция К.К. Платонова, предложенная в середине 1960-х гг. [27]. В ней выделены четыре подструктуры человека (личности в более привычной терминологии): 1) биологически обусловленные свойства личности (задатки, темперамент), 2) индивидуальные особенности психических процессов, 3) опыт личности: знания, умения, навыки, 4) социальные личностные свойства (направленность). Свои структурные модели человека предложили Б.Г. Ананьев, А.Г. Ковалев, В.Н. Мясищев. За рубежом в 1960–80-е гг. опубликованы структурные концепции и соответствующие методы Г. Айзенка, Р. МакКрэя, П. Косты.

В наибольшей степени идея целостного человека воплотилась в концепции индивидуальности как интегративной полсистемы, выдвинутой Б.Г. Ананьевым в 1960-х гг. с учетом идей и опыта человекознания, приобретенного в исследованиях В.М. Бехтерева и его школы. Ананьевская структурная модель человека-индивидуальности легла в основу организованных им комплексных антропopsихологических исследований. Индивидуальность — органическая целостность, уникальное воплощение родового человека. В понимании Ананьева

индивидуальность — саморазвивающаяся полисистема, сочетающая в себе закрытость-автономность и вместе с тем имеющая опосредованные связи с метасистемами искусственной (в том числе общественной) и природной среды. Эту связь опосредуют открытые системы — индивид, личность, субъект. В них постоянно идет обмен энергией, информацией, свойствами с окружающей средой.

Целостность системы вообще и индивидуальности человека в частности обеспечивается за счет внутренних связей между ее элементами. В этой замкнутой системе «человек» сознание приобретает характер субъективного внутреннего мира, который является безраздельным предметом психологической науки. Научное психологическое познание индивидуальности как разноуровневой и разнородной психобиосоциальной системы возможно через познание открытых систем индивида, личности, субъекта и потому в союзе со смежными науками. Такова логика теории Ананьева и исследований его единомышленников.

Программа комплексных исследований индивидуальности под руководством Б.Г. Ананьева не была полностью осуществлена по причине преждевременной смерти ее создателя. Однако полученный под его руководством опыт психологического человекознания имеет принципиальное значение. Кроме того, что были получены ценные научные результаты, обогатившие общую, возрастную, дифференциальную, социальную психологию, были поставлены вопросы организации и теоретического осмысления стратегии таких исследований, пришло понимание полученных результатов, богатого фактического материала как фрагментов единой картины человека.

Близкие Ананьеву идеи были развиты и эмпирически обоснованы В.С. Мерлиным и его школой (Пермская школа) [24]. В.С. Мерлин выдвинул концепцию интегральной индивидуальности, которая представляет собой «вариант целостного подхода к человеку с позиций принципов общей теории систем» [33, с. 4]. Он полагал, что изучать индивидуальность с ее бесконечным числом особенностей следует путем выявления связи между ограниченным числом индивидуальных свойств, но представляющих разные уровни ее структуры [24, с. 28]. Эти связи опосредованы каким-то промежуточным элементом структуры. Мерлин нашел этот элемент в *индивидуальном стиле деятельности* (труда, общения, учения и пр.) и стиле органической жизнедеятельности. Ученый также допускал, что промежуточным звеном в связях между уровнями индивидуальности могут стать убеждения или межличностные отношения. В его исследовательской программе были выделены три основных уровня системы индивидуальности: организменный, психический, социально-психологический [там же, с. 50]. Ученики В.С. Мерлина много лет целенаправленно работали,

чтобы проверить, эмпирически обосновать и, главное, развить теорию своего учителя. Во многом им это удалось [33, 43].

Э.А. Голубева из школы Б.М. Теплова и сотрудники ее лаборатории в Психологическом институте РАО много лет исследовали связи между разнообразными способностями, свойствами нервной системы и другими элементами структуры человека, индивидуальности. Голубева разработала модель структуры индивидуальности. Особенность этой модели состоит в выделении промежуточных элементов структуры индивидуальности, в качестве которых она полагала эмоциональность, активность, саморегуляцию и побуждения [14, 15].

Во всех этих исследованиях вместе с получением новых фактов, свидетельствующих о внутрисистемных связях между элементами человеческой структуры, и выявлением закономерностей функционирования, развития и структурирования индивидуальности шла методологическая работа по осмыслению комплексного подхода — особой стратегии научного познания. Б.Г. Ананьев оценивал комплексные исследования в психологии как одну из возможных *моделей человекознания*. В его лаборатории, а также в других выше названных центрах разработаны и апробированы организационные формы таких исследований, методический инструментарий и математические методы обработки информации.

К сожалению, опыт конкретных психологических исследований индивидуальности в указанных выше и других научных лабораториях недостаточно осмыслен на философском уровне. Такой вывод напрашивается при знакомстве с философской литературой, посвященной проблеме изучения целостного человека. Так, в книге, изданной Институтом человека РАН, вопреки историческим фактам утверждается, что «...ни одно научное направление, ни одна организационная отрасль научного знания не исследуют человека в его целостности и даже не приближаются к этому. Теоретическое освоение комплексных исследований человека, методы их организации и проведения не разрабатываются» [25, с. 3]. Как видим из приведенной цитаты, реальный опыт человекознания, накопленный в школах Ананьева, Теплова, Мерлина и других психологов, авторами книги был проигнорирован или остался им не известным.

* * *

Новейшая история в разработке проблематики человека в российской психологии отмечена важными событиями. Как предвидел Б.Г. Ананьев, в 1960–80-е гг. интерес к проблеме человека в психологической науке возрастал. В разгар перестройки в феврале 1988 г. в Москве состоялась представительная Всесоюзная конференция «Проблемы комплексного изучения человека» [30]. Ее участники — ученые, писатели, общественные деятели были преисполнены

надежд на обновление страны и поворот государства лицом к человеку. Цель конференции — «осмыслить современные научные знания о человеке, стимулировать комплексные исследования человека, наметить их основные направления, заложить основы комплексной научной программы познания человека в его целостности и способствовать более тесному увязыванию исследований человека с задачами практики, в первую очередь с задачами воспитания, образования и здравоохранения» [там же, с. 5–6].

Конференция еще раз показала, что проблема человека заняла центральное место в системе научного знания и что необходимо найти пути и средства синтеза многообразных знаний о нем. Философ И.Т. Фролов и психологи Б.Ф. Ломов, В.П. Зинченко сделали на ней программные доклады. Б.Ф. Ломов дал перечень проблем, требующих комплексной разработки, — интеллект, способности, потребности, сознание, соотношения индивидуального и общественного сознания. Центральной он назвал проблему развития человека. В.П. Зинченко предложил в качестве предмета междисциплинарных комплексных исследований проблему сознания как функционального органа человека и общества [32, 38].

В начале 1990-х гг. был учрежден Институт человека в системе РАН. Первым его директором стал академик И.Т. Фролов, автор многих произведений по проблемам человекознания и в том числе неоднократно изданной книги «Перспективы человека» (Фролов, 1979). Активное участие в создании института принял Б.Ф. Ломов — ученик и ближайший сотрудник Б.Г. Ананьева. Директором-организатором был назначен В.П. Зинченко. Были определены направления деятельности нового института: философские и методологические основы комплексных исследований человека, проблема детерминации развития человека, сознание как предмет междисциплинарных исследований, будущее человечества и перспективы развития личности, междисциплинарное изучение человека в труде и экстремальных ситуациях. В институте занимались вопросами биоэтики, связанными с медициной и практической психологией, культурно-исторической антропологии, здорового образа жизни и экологии мегаполиса, моделирования типов развития (виртуальная антропология) [44, 17].

Перед институтом была поставлена методологическая задача — преодолеть разрыв между естественными и гуманитарными подходами в человекознании, создать работоспособную модель целостного человека. На уровне конкретных наук институт занимался гуманитарными исследованиями, преимущественно культурологическими, насколько можно судить по публикациям. Издана энциклопедия «Человек», издавался журнал «Человек», опубликованы монографии и статьи, посвященные проблеме человека. К глубокому сожалению, в 2004 г.

этот институт был упразднен, Сегодня от института остался лишь сектор методологии междисциплинарных исследований человека в Институте философии РАН.

Упразднение Института человека — это потеря для отечественной науки, особенно для психологии, которая остро нуждается в философском осмыслении ее коренных проблем. Эта объективная потребность обострилась в ситуации методологической анархии. По нашему мнению, существовавший в советской психологии своеобразный общественный договор о признании основных постулатов психологии неправильно оценивать только как результат идеологического администрирования в науке. Да, давление на советских ученых было, мы это хорошо помним. Но была и серьезная методологическая работа научного сообщества, его лучших умов — Л.С. Выготского, С.Л. Рубинштейна, А.Н. Леонтьева, Б.Г. Ананьева и других. Опорными принципами для российской психологии многие годы служили известные принципы — детерминизма, отражения, единства сознания и деятельности и др. Их можно и нужно было развивать и дополнять, оспаривать и предлагать новое. Но от них стали быстро отказываться, не вдаваясь в их суть и не предлагая ничего равноценного им. В ситуации методологического скептицизма и анархизма получилось так, что под прикрытием благородного стремления к свободе мысли в отечественную науку проникла масса незрелых или фальшивых текстов с претензией на новую теорию или новую практику. Научная критика в форме экспертизы (рецензии, отзыва), журнальной дискуссии не справляется с потоком квазинаучной самодеятельности. Да и критиков мало, судя по абсолютному преобладанию непомерно хвалебных отзывов и рецензий по любому случаю.

В Перестройку и уже в постсоветской России антропологизм в психологии стал широко распространяться после снятия идеологических запретов. В новой идейной атмосфере многие гуманитарии обратились к дореволюционной русской философии и психологии, особенно к тем авторам, которых в советское время считали идеалистами и третировали как «мракобесов». В постсоветской России мнения круто изменились. На рубеже XX–XXI вв. труды Н.А. Бердяева, В.С. Соловьева, П.А. Флоренского, С.Л. Франка и других прочно вошли в современный научный дискурс о человеке. Наряду с этим усилилось влияние западного антропологизма в лице неофрейдизма, гуманистической и экзистенциальной психологии. Возникла небывалая в нашей стране отрасль — практическая психология, эклектичная по своим теоретическим основам и тесно связанная с квази-научными, практико-ориентированными теориями, к которым можно отнести ортодоксальный психоанализ, психосинтез Р. Ассаджоли, «онтопсихологию» А. Менегетти и др.

На рубеже веков в России заявила о себе *психологическая антропология*, провозгласившая своей целью изучение субъективности, внутреннего мира личности — души и духа. В 1997 г. вышла статья Б.С. Братуся «К проблеме человека в психологии» [9], в которой предметом науки провозглашается уникальность духовных феноменов внутреннего мира человека, а развитие рассматривается как очеловечивание индивида, устремленное к Богу. Как бы вторя ему, другой известный психолог В.Д. Шадриков утверждал, что «восхождение к духовности трудно понять без обращения к Богу» [39, с. 29]. Ведущие российские психологи-антропологи выступают за союз науки и религии в психологическом познании и практической работе с людьми [11, 37, 40]. По их мнению, только религиозный человек является подлинным субъектом жизни, а цель жизни — святость.

Представители этого направления объединились в сообщество христианских психологов. Они полагают, что внутренний, субъективный мир не имеет причинно-следственных связей, он *causa sui*. Цель психологической антропологии — природа субъективной реальности во всей сложности душевной и духовной жизни человека. Главными методами психологической антропологии признаются биографический метод, включенное самонаблюдение, интроспекция, беседа, герменевтика и др. [35, 36].

Антропологические ориентиры фактически с самого начала были и остаются главными в деятельности Института психологии РАН, что во многом определяет его научное лицо. Антропологизм в форме системного подхода к психологии человека был положен в основу его деятельности первыми директорами — Б.Ф. Ломовым, учеником и последователем Б.Г. Ананьева, и А.В. Брушлинским — учеником и последователем С.Л. Рубинштейна. Теперь антропологизм в российской психологии все более приобретает облик *субъектного подхода*. «Перспективность субъектного подхода означает стремление к целостному изучению человека, к переходу от психологии психических процессов к *субъектной психологии*... это задача чрезвычайной сложности» [34, с. 8].

Современная культурно-историческая психология тоже антропологизируется, тому пример публикации 2000-х гг. А.Г. Асмолова, В.П. Зинченко, В.Е. Ключко — ярких представителей направления, ведущего свое начало от идеи Л.С. Выготского [6, 16, 18]. Особенно показателен в этом отношении В.Е. Ключко (Томский государственный университет). В результате идейной эволюции в рамках научной школы А.Н. Леонтьева и школы О.К. Тихомирова он пришел к пониманию, что «суверенно не сознание, но сознание принадлежит суверенной личности», что «психика — субъективная часть человека» [18, с. 17, с. 135]. С этим можно согласиться. Однако этот же автор в своей *системной антропологи-*

ческой психологии то и дело подменяет целостного человека психологической системой человека. Ключко претендует на первенство в постановке и разработке проблемы человека, не обращая внимания на *столетнюю* традицию антропологической психологии в Петербургской научной школе, на многолетние исследования В.С. Мерлина и Э.А. Голубевой, других ученых, давно и успешно изучавших целостного человека. Игнорирование реального опыта человекознания в отечественной психологической науке не делает никому не делает чести.

Мы видим разнообразие мнений и течений в современной российской психологии. Вместе с тем есть стремление к обобщению теоретических и эмпирические наработки, идей, что в конечном счете приведет к теории человека как субъекта (по А.В. Брушлинскому), или индивидуальности (по Б.Г. Ананьеву). В решении вопросов интеграции разнородных знаний некоторые ученые считают возможными и полезными процедуры редукции, когда закономерности более сложных и специфических систем сводятся к более общим и простым. При этом биологические законы рассматриваются как частный случай физических законов, а социальные — как частный случай биологических [8]. Когда-то по этому пути шел В.М. Бехтерев, который описал двадцать три всеобщих, «мировых» закона, которым подчиняются природа, общество и человек. Б.Г. Ананьев считал, что определенная редукция неизбежна, потому что психическое зависит от природного и социального бытия человека. Подобный ход мысли был присущ и Л.М. Веккеру [12]. Эти ученые Петербургской психологической школы стремились понять психику во всеобщей взаимосвязи явлений материальной действительности, Универсума, показать их подчиненность общим законам бытия. Однако они не отрицали специфичности психической реальности. В их исследованиях своеобразный редукционизм не противоречит, а способствует изучению собственно психологических закономерностей. Другие ученые, напротив, отвергают любую попытку редукции, которая, по их мнению, не приложима к индивидуальности, поскольку человек-индивидуальность и его сознание абсолютно уникальны.

Идеи комплексного человекознания привели к возрождению педагогической антропологии. В Советском Союзе первым в этом деле стал Б.Г. Ананьев, который обобщил свои исследования по педагогике и педагогической психологии в серии статей в связи со столетием главной книги К.Д. Ушинского «Человек как предмет воспитания». В конце 1980 и в 1990-х гг. в России новыми педагогическими антропологами выступили В.М. Бим-Бад [7], В.П. Зинченко, В.И. Слободчиков, Е.И. Исаев. Они разрабатывают гуманитарную составляющую педагогической антропологии и более всего обращают внимание педагогов на духовное развитие

личности ребенка. При этом некоторые из авторов приписывают духовности человека сверхъестественное происхождение (религиозный мотив ярко выражен у представителей христианской психологии). Теоретические концепции антропологически ориентированных психологов положены в основу прикладных исследований в педагогике [27, 41, 42]. В то же время в российской психологии появились работы в области педагогической антропологии естественнонаучного направления. Петербургские ученые В.Д. Еремеева и Т.П. Хризман заявили о новой науке на стыке педагогики и нейронаук — *нейропедагогике*. Цель нейропедагогике — обосновать индивидуальный подход к учащимся путем исследования нейропсихологических особенностей — генетически обусловленной функциональной специализации мозга [31].

Закономерно, что комплексные исследования человека развернулись в спортивной науке [20, 26]. Спортивная наука сформулировала запрос на *интегративную антропологию*, в которой бы объединились науки о человеке — индивиде и личности. Большой спорт требует от спортсмена высочайших результатов, которые могут быть достигнуты только при активизации *всей* структуры человека — субъекта спортивной деятельности: от биомеханики движений до социальной психологии личности. Цель интегративной антропологии — «изучение соматопсихической целостности и личностно-социокультурного единства в изменчивости и взаимодействии их составляющих, выяснении форм и факторов изменчивости» [26, с. 14].

Психология является неотъемлемой частью общего научного процесса. Психологи ориентируются на общие фундаментальные принципы науки — познаваемость мира, объективность его законов и объективность познания, историческая преемственность исследования и бесконечная устремленность к новому. От естественных наук надо ожидать самых значительных открытий, важных и для психологии. Уже в конце XX в. был расшифрован геном человека, что открыло новые возможности для человечества, поставило в повестку дня вопрос о том, соответствуют ли родовой сущности человека и нравственному закону те изменения, которые в принципе могут быть вызваны путем вмешательства в наследственный аппарат индивида?

Много нового появилось и в науках о мозге, в нейробиологии, возникла когитология, в перспективе возможны нейро-юриспруденция, нейроэтика и тому подобные комплексные, биогуманитарные науки, предметом которых станет взаимосвязь социального поведения человека со структурой и деятельностью мозга. Интенсивное развитие человекознания, или антропономии, ведет к пересмотру старых теорий и созданию «основы новой теории психики и сознания как высших форм отражения, ори-

ентации и регуляции человеческой деятельности» [5, с. 369]. Гуманитарные науки также дают прирост содержанию психологической теории. Многочисленные кросскультурные антропологические, социологические, психологические исследования показывают вариативность человеческой природы и, в частности, содержания и механизмов сознания в зависимости от культурной принадлежности человека.

Исследования целостного человека в целях его психологического познания требует особых средств. Таковым является системно-комплексный подход, развиваемый школой Б.Г. Ананьева в 1960–70-е гг. Системный подход родственен, но не идентичен комплексному. Если раньше в нашей литературе преобладало мнение о нем как о нижнем уровне системности [13], то теперь появляется новое понимание комплексного подхода — как высшего уровня системности (системно-комплексный) [21] и сверхсистемного, ориентированного на единство универсальности и уникальности объекта изучения. Комплексный подход (точнее, системно-комплексный его вариант) совпадает с методом материалистической диалектики, которая направлена на органическую целостность в развитии, каковым является в первую очередь человек. Таким образом, комплексный подход — это методология уже философского уровня [19]. Целое, индивидуальность — сверхзадача, стратегическая цель комплексных исследований в психологии. Реконструкция целого требует специальных методов синтеза. Если аналитические методы довольно развиты, то синтетические сильно отстают. К ним относится психография и психобиография в их разных формах. Промежуточными, или паллиативными, методами очень часто служит корреляционный и факторный анализ. Перспективным представляется метод моделирования. В будущих комплексных исследованиях, хочется надеяться, синтетические методы будут усовершенствованы.

Синтетического человекознания как особой дисциплины мы не имеем до сих пор. Ученые задают себе вопрос: а возможно ли оно вообще? Но сам факт целостности человека как полисистемы, способной порождать психическое, нельзя отрицать. Попытки синтетического познания сложных систем человека-индивидуальности предпринимаются снова и снова и потому непременно приведут к новым научным результатам, ведущим к более высокому уровню понимания целостного человека-индивидуальности.

Список литературы

1. Абульханова К.А. О субъекте психической деятельности. М.: Наука, 1973. 287 с.
2. Ананьев Б.Г. Некоторые вопросы изучения человека // Человек и общество. Л.: ЛГУ, 1966. Вып. I. С. 176–183.
3. Ананьев Б.Г. Человек как предмет познания. Л.: ЛГУ, 1968. 336 с.

4. *Ананьев Б.Г.* О методах современной психологии // Психодиагностические методы (в комплексном лонгитюдном исследовании студентов). Л.: ЛГУ, 1976. С. 13–35.
5. *Ананьев Б.Г.* О проблемах современного человекознания. М.: Наука, 1977. 379 с.
6. *Асмолов А.Г.* Психология личности: Принципы общепсихологического анализа. М.: Смысл, 2001. 416 с.
7. *Бим-Бад Б.М.* О перспективах возрождения педагогической антропологии // Советская педагогика. 1988. № 11. С. 38–43.
8. *Борзенков В.Г.* Единая наука о человеке: за пределами редукционизма // Человек. 2011. № 2. С. 24–40.
9. *Братусь Б.С.* К проблеме человека в психологии // Вопросы психологии. 1997. № 5. С. 3–19.
10. *Брушлинский А.В.* Проблема психологии субъекта. М.: ИП РАН, 1994. 346 с.
11. *Василюк Ф.Е.* Переживание и молитва (Опыт общепсихологического исследования). М.: Смысл, 2005. 191 с.
12. *Веккер Л.М.* Психические процессы: в 3 т. Л.: ЛГУ, 1974. Т. I. 334 с.
13. *Ганзен В.А.* Системные описания в психологии. Л.: ЛГУ, 1984. 176 с.
14. *Голубева Э.А.* Способности и индивидуальность. М.: Прометей, 1993. 306 с.
15. *Голубева Э.А.* Способности, личность, индивидуальность. Дубна: Феникс+, 2005. 512 с.
16. *Зинченко В.П.* Принцип психологической педагогики // Педагогика, 2001. № 6. С. 9–17.
17. *Институт человека: прерванный полет* // Человек. 2012. № 1. С. 32–50.
18. *Клочко В.Е.* Самоорганизация в психологических системах: проблема становления ментального пространства личности (введение в трансспективный анализ). Томск: ТГУ, 2005. 174 с.
19. *Корсаков С.Н.* Комплексная концепция человека в философии И.Т. Фролова. Тверь: СФК-лфис, 2009. 172 с.
20. *Кузин В.В., Никитюк Б.А.* Интегративная педагогическая антропология. М.: Фундаментальное образование и наука, 1996. 181 с.
21. *Логинова Н.А.* Опыт человекознания: история комплексного подхода в психологических школах В.М. Бехтерева и Б.Г. Ананьева. СПб.: СПбГУ, 2005. 235 с.
22. *Логинова Н.А.* Борис Герасимович Ананьев: Биография. Воспоминания. Материалы. СПб.: СПбГУ, 2006. 376 с.
23. *Логинова Н.А.* Антропологический принцип в методологии Б.Г. Ананьева // Психологический журн. 2015. № 3. С. 57–66.
24. *Мерлин В.С.* Очерк интегрального исследования индивидуальности. М.: Педагогика, 1986. 256 с.
25. *Многомерный образ человека: Комплексное междисциплинарное исследование человека.* М.: Наука, 2001. 237 с.
26. *Никитюк Б.А.* Очерки теории интегративной антропологии. М.; Майкоп: Изд-во Адыг. гос. ун-та, 1995. 119 с.
27. *Пазухина С.В.* Ценностное отношение будущего педагога к личности учащегося: антропологический подход: дис. ... д-ра психол. наук. М.: МГПУ, 2012. 423 с.
28. *Платонов К.К.* Гл. 1. Теория и методы // Личность и труд. М.: Наука, 1965. С. 33–52.
29. *Платонов К.К.* Личностный подход как принцип психологии // Методологические и теоретические проблемы психологии. М.: Наука, 1969. С. 190–217.
30. *Проблемы человека — проблемы реального гуманизма* // Психологический журнал. 1988. Т. 9, № 5. С. 5–13; № 6. С. 11–22.
31. *Психологические и нейропсихологические основы обучения взрослых.* СПб.: ИОВ РАО, 2000. 107 с.
32. *Психологическая зрелость личности.* СПб.: Скифия-принт: СПбГУ, 2014. 240 с.
33. *Психология интегральной индивидуальности: Пермская школа.* М.: Смысл, 2011. 626 с.
34. *Сергиенко Е.А.* Развитие психологии субъекта и субъекта развития // Психологический журнал. 2012. Т. 33, № 1. С. 7–19.
35. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Основы психологической антропологии. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М.: Школа-Пресс, 1995. 384 с.
36. *Слободчиков В.И., Исаев Е.И.* Антропологический принцип в психологии развития // Вопросы психологии. 1998. № 6. С. 3–17.
37. *Флоренская Т.А.* Диалог в практической психологии: Наука о душе. М.: Гуманит. изд. центр Владос, 2001. 208 с.
38. *Фролов И.Т.* Перспективы человека: Опыт комплексной постановки проблемы, дискуссии, обобщения. М.: Политиздат, 1979. 336 с.
39. *Шадриков В.Д.* Духовные способности. М.: Магистр, 1998. 182 с.
40. *Шеховцова Л.Ф.* Интеграция научного и религиозного знания в концепции целостного человека. СПб.: СПбГУПМ, 2003. 83 с.
41. *Шувалов А.В.* Антропологический подход к проблеме психологического здоровья // Вопросы психологии. 2011. № 5. С. 3–16.
42. *Шувалов А.В.* Психолого-педагогические аспекты реализации воспитательного идеала // Вопросы психологии. 2014. № 5. С. 57–70.
43. *Щебетенко А.И.* Межуровневые структуры интегральной индивидуальности. М.: Смысл, 2007. 240 с.
44. *Юдин Б.Г.* Институт человека сегодня // Человек. 2001. № 6. С. 15–25.

Получено 11.03.2016

References

1. Abul'hanova K.A. *O sub'ekte psichicheskoy deyatel'nosti* [On subject of sychological activity]. Moscow, Nauka Publ., 1973, 287 p. (In Russian).
2. Anan'ev B.G. [Some issues of human study]. *Chelovek i obschestvo* [Man and society]. Leningrad, LGU Publ., no 1, pp. 176–183. (In Russian).
3. Anan'ev B.G. *Chelovek kak predmet poznaniya* [Man as object of study]. Leningrad, LGU Publ., 1968, 336 p. (In Russian).
4. Anan'ev B.G. [On methods of modern psychology]. *Psichodiagnosticheskie metody (v kompleksnom longityudnom issledovanii studentov)* [Psychodiagnostic methods (in complex longitudinal research of students)]. Leningrad, LGU Publ., 1976, pp. 13–35. (In Russian).
5. Anan'ev B.G. *O problemah sovremennogo chelovekoznaniiya* [On problems of modern human study]. Moscow, Nauka Publ., 1977, 379 p. (In Russian).
6. Asmolov A.G. *Psichologiya lichnosti: printsipy obshchepsichologicheskogo analiza* [Psychology of personality: general psychologic analysis principles]. Moscow, Smysl Publ., 2001, 416 p. (In Russian).
7. Bim-Bad B.M. [On perspectives of regeneration of pedagogic anthropology]. *Sovetskaya pedagogika* [Soviet pedagogics]. 1988, no 11, pp. 38–43. (In Russian).
8. Borzenkov V.G. [One science of a man: beyond reductionism]. *Chelovek* [Man]. 2011, no 2, pp. 24–40. (In Russian).
9. Bratus' B.S. [On problem of a man in psychology]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology]. 1997, no 5, pp. 3–19. (In Russian).
10. Brushlinskij A.V. *Problema psichologii sub'ekta* [Problem of subject psychology]. Moscow, IP RAN Publ., 1994, 346 p. (In Russian).
11. Vasilyuk F.E. *Perezhivanie i molitva (opyt obshchepsichologicheskogo issledovaniya)* [Experience and prayer (general psychological research experience)]. Moscow, Smysl Publ., 2005, 191 p. (In Russian).
12. Vekker L.M. *Psichicheskie protsessy: v 3 t.* [Psychic processes: in 3 vol.]. Leningrad, LGU Publ., 1974, vol. 1, 334 p. (In Russian).
13. Ganzen V.A. *Sistemnye opisaniya v psichologii* [Systemic descriptions in psychology]. Leningrad, LGU Publ., 1984, 176 p. (In Russian).
14. Golubeva Je.A. *Sposobnosti i individual'nost'* [Capabilities and individuality]. Moscow, Prometej Publ., 1993, 306 p. (In Russian).
15. Golubeva Je.A. *Sposobnosti, lichnost', individual'nost'* [Capabilities, personality, individuality]. Dubna, Feniks+ Publ., 2005, 512 p. (In Russian).
16. Zinchenko V.P. [Psychological pedagogics principle]. *Pedagogika* [Pedagogics]. 2001, no 6, pp. 9–17. (In Russian).
17. [Institute of a man: interrupted flight]. *Chelovek* [Man]. 2012, no 1, pp. 32–50. (In Russian).
18. Klochko V.E. *Samoorganizatsiya v psichologicheskikh sistemah: problema stanovleniya mental'nogo prostanstva lichnosti (vvedenie v trasspektivnyj analiz)* [Selforganization in psychological systems: problem of personality mental space foundation (introduction into transpective analysis)]. Tomsk, TGU Publ., 2005, 174 p. (In Russian).
19. Korsakov S.N. *Kompleksnaya kontseptsiya cheloveka v filosofii I.T. Frolova* [Complex concept of a man in I.T. Frolov's philosophy]. Tver', SFK-Ifis Publ., 2009, 172 p. (In Russian).
20. Kuzin V.V., Nikityuk B.A. *Integrativnaya pedagogicheskaya antropologiya* [Integrative pedagogical anthropology]. Moscow, Fundamental'noe obrazovanie i nauka Publ., 1996, 181 p. (In Russian).
21. Loginova N.A. *Opyt chelovekoznaniiya: istoriya kompleksnogo podhoda v psichologicheskikh shkolkh V.M. Behtereva i B.G. Anan'eva* [Experience of human study: history of complex approach in psychological schools of V.M. Behterev and B.G. Anan'ev]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2005, 235 p. (In Russian).
22. Loginova N.A. *Boris Gerasimovich Anan'ev: Biografiya. Vospominaniya. Materialy* [Boris Gerasimovich Anan'ev. Biography. Memories. Materials]. Saint Petersburg, SPbGU Publ., 2006, 376 p. (In Russian).
23. Loginova N.A. [Anthropological principle in B.G. Anan'ev's methodology]. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2015, no 3, pp. 57–66. (In Russian).
24. Merlin V.S. *Ocherk integral'nogo issledovaniya individual'nosti* [Sketch of inntegral individuality research]. Moscow, Pedagogika Publ., 1986, 256 p. (In Russian).
25. *Mnogomernyy obraz cheloveka: kompleksnoe mezhdistsiplinarnoe issledovanie cheloveka* [Multidimensional image of a man: complex crossdisciplinary research]. Moscow, Nauka Publ., 2001, 237 p. (In Russian).
26. Nikityuk B.A. *Ocherki teorii integrativnoj antropologii* [Sketches of integrative anthropology theory]. Moscow, Majkop, Adygeya State University Publ., 1995, 119 p. (In Russian).
27. Pazukhina S.V. *Tsennostnoe otnoshenie buduschego pedagoga k lichnosti uchashchegosya: antropologicheskij podhod: diss. doktora psichol. nauk* [Axiological attitude of future teacher to student's personality: dissertation of doctor of psychological sciences]. Moscow, MGPU Publ., 2012, 423 p. (In Russian).
28. Platonov K.K. [Theory and methods]. *Lichnost' i trud* [Personality and labour]. Moscow, Nauka Publ., 1965, pp. 33–52. (In Russian).
29. Platonov K.K. [Personality approach as psychology principle]. *Metodologicheskie i teoreticheskie problemy psichologii* [Methodological and theoretical problems of psychology]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 190–217. (In Russian).
30. [Problems of a man — problems of true humanism]. *Psichologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 1988, vol. 9, no 5, pp. 5–13, no 6, pp. 11–22. (In Russian).

31. *Psihologicheskie i nejropsihologicheskie osnovy obucheniya vzroslyh* [Psychological and neuropsychological basis of adults education]. Saint Petersburg, IOV RAO Publ., 2000, 107 p. (In Russian).
32. *Psihologicheskaya zrelost' lichnosti* [Psychological maturity of personality]. Saint Petersburg, Skifiya-print Publ., SPbGU Publ., 2014, 240 p. (In Russian).
33. *Psihologiya integral'noj individual'nosti: Permskaya shkola* [Psychology of integral individuality: Perm school]. Moscow, Smysl Publ., 2011, 626 p. (In Russian).
34. Sergienko E.A. [Development of psychology of subject and development subject]. *Psihologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2012, vol. 33, no 1, pp. 7–19. (In Russian).
35. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. *Osnovy psihologicheskoy antropologii. Psihologiya cheloveka. Vvedenie v psihologiyu sub'ektivnosti* [Basics of psychological anthropology. Psychology of a man. Introduction into psychology of subjectiveness]. Moscow, Shkola-Press Publ., 1995, 384 p. (In Russian).
36. Slobodchikov V.I., Isaev E.I. [Anthropological principle in Psychology of development]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 1998, no 6, pp. 3–17. (In Russian).
37. Florenskaya T.A. *Dialog v prakticheskoy psihologii: Nauka o dushe* [Dialogue in practical psychology: Science of psyche]. Moscow, Vldos Publ., 2001, 208 p. (In Russian).
38. Frolov I.T. *Perspektivy cheloveka: Opyt kompleksnoj postanovki problemy, diskussii, obobscheniya* [Man perspectives: setting of problem experience, discussions, generalizations]. Moscow, Politizdat Publ., 1979, 336 p. (In Russian).
39. Shadrikov V.D. *Duhovnye sposobnosti* [Spiritual capabilities]. Moscow, Magistr Publ., 1998, 182 p. (In Russian).
40. Shehovtsova L.F. *Integratsiya nauchnogo i religioznogo znaniya v kontseptsii tselostnogo cheloveka* [Scientific and religious knowledge integration in concept of integral man]. Saint Petersburg, SPbGUPM Publ., 2003, 83 p. (In Russian).
41. Shuvalov A.V. [Anthropological approach to problem of psychological health]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 2011, no 5, pp. 3–16. (In Russian).
42. Shuvalov A.V. [Psychological and pedagogical aspects of bringing-up ideal realization]. *Voprosy psihologii* [Issues of psychology]. 2014, no 5, pp. 57–70. (In Russian).
43. Schebetenko A.I. *Mezhurovnevye struktury integral'noj individual'nosti* [Interlevel structures of integral individuality]. Moscow, Smysl Publ., 2007, 240 p. (In Russian).
44. Yudin B.G. [Institute of a man today]. *Chelovek* [Man]. 2001, no 6, pp. 15–25. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 11.03.2016

Об авторе

Логина Наталья Анатольевна

доктор психологических наук, профессор
кафедры психологии развития
и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
e-mail: n.loginova@spbu.ru

About the author

Loginova Natalia Anatol'evna

Doctor of Psychology, Professor of Department
Developmental Psychology and Differential
Psychology

Saint-Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg,
199034, Russia;
e-mail: n.loginova@spbu.ru

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Логина Н.А. Целостный человек как проблема в российской психологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 61–70. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-61-70

Please cite this article in English as:

Loginova N.A. Whole Human as a problem in Russian psychology // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 61–70. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-61-70

УДК 159.9:316.6

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-71-76

ПРЕДСТАВЛЕННОСТЬ ПСИХОЛОГИЧЕСКИХ ПРОБЛЕМ В ИССЛЕДОВАНИЯХ Н. ПЕЗЕШКИАНА

Соколова Эмилия Александровна

Гомельский государственный университет им. Франциска Скорины

В статье рассматривается представленность психологических проблем в работах Н. Пезешкиана. Метод исследования — теоретический анализ. Несмотря на то что термин «психологическая проблема» в исследованиях Н. Пезешкиана не используется, тем не менее он указывает на переживания конфликта или проблемы, его (ее) осознание и поведение в конфликте, подкрепляемое эмоциями, т.е. речь идет о психологической проблеме. Н. Пезешкиан рассматривает проявления и последствия конфликта (проблемы) и работает с проблемами «повседневной жизни». Он выделял сферы проблем и конфликтов: личностная сфера, сфера взаимодействия, сфера реализации целей жизни. Рассматриваются в первую очередь проблемы в социальных отношениях, обусловленные несоответствием системе ценностей, принятых в данное время в данном обществе. Проблемы социальных отношений превращаются в психологическую проблему для каждой из сторон взаимодействия. Кроме этого, личностные проблемы и проблемы в сфере реализации целей жизни увязываются с фактором времени. Н. Пезешкиан выделяет внешние и внутренние причины проблем и конфликтов. К внутренним он относит своеобразие актуальных способностей, а также их несоответствие идеальному образу и идеальной модели поведения. Н. Пезешкиан указывает на две формы мышления при конфликтах и проблемах: словесно-логическое и образное. Проблемы во взаимодействии оказывают влияние на каждого из партнеров. В некоторых случаях проблемой может стать собственное поведение, не соответствующее общепринятым нормам. Для каждого кризиса проблемы будут разными. Полученные результаты расширяют понимание психологической проблемы как научной категории и могут быть использованы практическими психологами при работе с клиентами.

Ключевые слова: актуальные способности; проблемы; конфликты; взаимодействие; партнеры по общению; поведенческие категории; эмоциональные категории; ситуации воспитания.

REPRESENTATION OF PSYCHOLOGICAL PROBLEMS IN RESEARCH OF N. PEZESHKIAN

Emilia A. Sokolova

Francisk Skorina Gomel State University

The article deals with representation of psychological problems in N. Pezeshkian's works. Method of research is theoretical analysis of literature. Although the term «psychological problem» in N. Pezeshkian's researches isn't used, nevertheless, he points to experiences of the conflict or a problem, his (her) understanding, and behavior in the conflict supported by emotions, that is, it is about a psychological problem. N. Pezeshkian considers manifestations and consequences of the conflict (problem), and works with problems of «everyday life». N. Pezeshkian designates spheres of problems and the conflicts: the personal sphere, the sphere of interaction, the sphere of realization of life purposes. The problems in the social relations caused by discrepancy to system of the values accepted at present in this society are considered first. Problems of the social relations turn into a psychological problem for each of the parties of interaction. Moreover personal problems and problems in the sphere of realization of the purposes of life coordinate with time factor. N. Pezeshkian distinguishes between internal and external causes of the problems and conflicts. The internal causes of conflict and the problems lay in originality of actual abilities as well as his inconsistency ideal image and the ideal behaviors. N. Pezeshkian points to two forms of thinking in conflicts and problems — verbally — logic and figurative. Problems in the interaction affect each of the partners. In some cases, the problem may be own behavior which does not comply with generally accepted standards. For each crisis the problem will be different. The results extend the understanding of the psychological problems as a scientific category and can be used by practical psychologists working with clients.

Key words: actual abilities; problems; conflicts; interaction; partners in communication; behavioral categories; emotional categories; education situations.

Введение. Психологические проблемы занимают значительное место в жизни каждого человека. Одни с ними справляется, другие нет. Человек может длительное время жить со своей проблемой, переживать из-за нее. Люди не всегда обращаются за психологической помощью. Причем даже с помощью специалиста проблемы иногда трудно решаются. В некоторых случаях психологическая проблема может стать стимулом развития.

Существует два подхода к психологическим проблемам в современных исследованиях. С одной стороны, конкретные психологические проблемы интенсивно изучаются, например, проблемы отдельного человека, взаимоотношений, обучения, экзистенциальные (Л.С. Выготский, 1981, 1995, 2005; И.А. Котик, 1989; Ю.М. Швальб, О.В. Данчева, 1991; Л.А. Пергаменщик, 1997; Р. Гарднер, 2002; Н.О. Зиновьева, Н.Ф. Михайлова, 2003; Т.В. Форманюк, 2004; Э.Г. Эйдемиллер, И.В. Добряков, И.М. Никольская, 2005; И.О. Мелихова, 2010; Г.М. Андреева, 2013; и др.). Как отмечают Л.А. Хьелл и Д.Д. Зиглер, психология личности занимается «исследованием проблем человеческой личности», а также «поиском путей реализации более эффективных и продуктивных стратегий преодоления жизненных трудностей» [3, с. 21].

С другой стороны, сама психологическая проблема как научная категория недостаточно раскрыта, так как представляется несколько обыденной и в качестве научной категории находится вне поля зрения ученых. В теориях личности, направлениях и подходах современной психологии психологические проблемы или их отдельные составляющие недостаточно систематизированы, взгляды представителей классической психологии относительно психологических проблем недостаточно изучены.

Известны многочисленные негативные последствия нерешенных психологических проблем — нарушения деятельности (И.А. Котик, 1989), поведения (А.Е. Личко, 1983), общения (Э.Г. Эйдемиллер, И.В. Добряков, И.М. Никольская, 2005), нарушение адаптации (Л.А. Пергаменщик, 2008), нарушение качества жизни (А.А. Новик, Т.И. Ионова, 2002), психосоматические заболевания (И.А. Фурманов, 2015) и другие.

Кроме этого имеются многочисленные психологические проблемы отдельного человека, возникли новые проблемы в новых социальных средах взаимодействия, например в Интернете. Появились ранее не известные, например, психологические проблемы многочисленных групп мигрантов и населения тех мест, где пытаются обосноваться мигранты. В Европе обострились проблемы взаимодействия разных культур в условиях преобладания одной из них. В России эти проблемы решаются более успешно, если учесть тысячелетнюю российскую историю сов-

местного проживания народов, но анализа таких психологических проблем, систематизации эффективных моделей их решения до сих пор нет. До сих пор плохо решаются психологические проблемы выживания в условиях экономического кризиса. За счет террористов-смертников разрастается группа суицидентов. Пока непонятны психологические проблемы, приведшие человека к такому решению, и, соответственно, не ясна технология профилактики таких проблем.

Все сказанное позволяет сделать вывод об актуальности исследования психологических проблем как научной категории. Для этого в первую очередь необходимо установить, как представлена научная категория «психологическая проблема» в теориях личности, направлениях и подходах психологии.

В ряде исследований в основе понимания проблем клиента лежит «психопатология повседневной жизни», о которой писал З. Фрейд. Однако основную группу психологических проблем образуют проблемы повседневной жизни людей, не страдающих психическими заболеваниями или психической патологией. Основателем позитивной психотерапии, которая противопоставлена «психопатологии повседневной жизни», является Н. Пезешкиан [1]. Он считает, что «здоров не тот, у кого нет проблем, а тот, кто в состоянии с ними справиться» [там же, с. 13], его работа направлена на то, чтобы помочь справиться с проблемами, конфликтами, решать задачи повседневной жизни. Поэтому понимание Н. Пезешкианом «проблем повседневной жизни» является актуальным.

Цель исследования — выяснить, как понимает Н. Пезешкиан психологические проблемы, систематизировать его взгляды на психологические проблемы. Метод исследования — анализ его работ.

Основная часть. По мнению Н. Пезешкиана, «все мы “больны” конфликтами, проблемами и трудностями, которые связаны с нами самими, с нашими партнерами, другими окружающими нас людьми, и наконец, с нашими жизненными целями» [там же, с. 13].

Таким образом, Н. Пезешкиан обозначает сферы конфликтов, проблем и задач:

- личностная сфера;
- сфера взаимодействия;
- сфера реализации целей жизни.

Н. Пезешкиан пишет: «...конфликты... представляют собой проблемы и задачи, которые мы пытаемся разрешить» [там же, с. 16].

Включая в состав конфликтов проблемы и задачи, он обозначает их соответствующими терминами, т.е., различает, но не указывает, в чем их различия.

Н. Пезешкиан отмечает, что «каждой отдельной ступени развития свойственны ее собственные про-

блемы и конфликты, которые мы называем кризисами развития» [там же, с. 143].

Учитывая это, можно сказать, что в кризисах развития сосредоточены проблемы и конфликты, однако для каждого кризиса они будут разными.

Устанавливая причины проблем и конфликтов, он приходит к выводу, что они обусловлены способностями, вызывающими «появление конфликтных ситуаций...» [там же, с. 21]. «Каждый внутренний или внешний конфликт может быть описан в терминах актуальных способностей» [там же, с. 44].

То есть причины проблем обусловлены внутренне и связаны с особенностями личности.

Н. Пезешкиан дает следующее определение названных способностей: «Актуальные способности — это центральные факторы развития личности» [там же, с. 23]. Они включают: пунктуальность, стремление к порядку, аккуратность, послушность, вежливость, честность, справедливость, верность, бережливость, старательность, надежность, точность, подражание, терпение, умение ценить время, контактность, сексуальность, доверие, ожидание, вера, религиозность, сомнение, уверенность и целостность.

Соответственно, отсутствие этих актуальных способностей будет создавать проблемы или конфликты.

Н. Пезешкиан выделяет первичные и вторичные способности. Он отмечает, что вторичные способности — это поведенческие категории; первичные способности — категории эмоциональные [там же, с. 58]. Они взаимосвязаны.

То есть подчеркивается внутриличностная связь эмоциональной и поведенческой составляющих личности.

Н. Пезешкиан это уточняет: «Эмоциональная сфера при этом действует в направлении усиления, поощрения или наказания какой-то поведенческой области вторичных способностей. ... И наоборот, на определенные поведенческие формы вторичных способностей накладывается эмоциональный резонанс первичных способностей» [там же, с. 59].

В конфликте или проблеме можно выделить поведенческую и эмоциональную составляющие.

Характер эмоционального реагирования, по мнению Н. Пезешкиана, опирается на систему ценностей. «Значение, которое мы придаем нормам поведения, зависит от индивидуальной и общественной системы ценностей» [там же, с. 38].

Эмоциональная составляющая взаимосвязана, с одной стороны, с системой ценностей, а с другой — с поведением.

«Общество выступает как важный носитель оценивающих и характеризующих норм поведения» [там же, с. 130]. Имеет значение «образ человека, который принят в конкретное время в конкретном обществе» [там же, с. 33]. «Образ — это человек или манера его поведения в том случае, если его изби-

рают в качестве эталона собственного поведения или подражают ему» [там же, с. 62].

Он указывает на два эталона — образ и манера поведения.

Именно усвоенные ребенком нормы поведения являются основой бесконфликтного общения. «Процесс усвоения этих норм мы называем социализацией» [там же, с. 32]. Возникающие при этом актуальные способности, в частности те, которые способствуют бесконфликтному общению, Н. Пезешкиан считает социально значимыми.

В своем поведении человек опирается на сложившуюся у него индивидуальную и общественную систему ценностей; но если это так, то эмоциональное реагирование на собственное поведение будет всегда позитивным. Если же оно негативно и обуславливает проблемы или конфликты, значит, это реагирование не относится к собственному поведению, а относится к поведению других людей. То есть Н. Пезешкиан отмечает и внешние, и внутренние причины конфликтов и проблем.

Он указывает, что для человека может быть неприятным открытием свое поведение, отличающееся от общепринятых норм в ответ на поведение партнера по взаимодействию.

В некоторых случаях проблемой может стать собственное поведение, не соответствующее общепринятым нормам.

Актуальный конфликт Н. Пезешкиан выводит из взаимодействия внешних факторов и личностных способностей или возможностей [1]. Указывая на актуальные способности, он отмечает: «их недооценка или чрезмерное акцентирование, их генерализация на большие сферы жизни или их перенос на других людей нередко приводят к конфликтам в эмоциональной сфере или в поведении, иногда даже к психосоматическим расстройствам» [там же, с. 57]. «Неразрешенные конфликты трансформируют содержание страхов, неудовлетворенности в мыслительные образы» [там же, с. 78–79].

«Недооценка или чрезмерное акцентирование», «генерализация» указывают на когнитивную составляющую конфликта или проблемы. Н. Пезешкиан выделяет две формы мышления при конфликтах: словесно-логическое и образное.

Еще одну причину конфликтов Н. Пезешкиан видит во внешних конфликтных ситуациях. Конфликты (или проблемы), в понимании Н. Пезешкиана, возникают, если человек нарушает повсеместно действующие поведенческие нормы.

В возникновении конфликта (проблемы) Н. Пезешкиан видит несоответствие образу, принятому в конкретное время в конкретном обществе. Поведение партнера по взаимодействию, в понимании его собеседника, не вписывается в повсеместно действующие поведенческие нормы и создает эмоциональное напряжение.

Партнер по взаимодействию выводит из этого «перенасыщенное эмоциями обобщение, которое часто делает невозможным деловой подход к конфликту» [там же, с. 20].

Эти нарушения могут повторяться и приводят к негативным установкам относительно партнера по общению. В дальнейшем, как пишет Н. Пезешкиан, «мы уже не в состоянии думать о его положительных качествах, так как отрицательные эмоции легли, как тень, на наше отношение к нему» [там же, с. 21].

То есть партнер по взаимодействию нарушает мои нормы и, в моем понимании, нормы социума, и мне это не нравится, а затем формируется отрицательная установка по отношению к человеку, нарушающему нормы, т.е., начинаясь с конфликта, проблема может иметь негативную динамику, что приводит к соответствующему поведению.

Речь идет об осознании, переживании и на этом фоне — нарушении взаимодействия, т.е. когнитивной, эмоциональной и поведенческой составляющих проблемы или конфликта.

По мнению автора, когнитивная, эмоциональная и поведенческие составляющие являются составляющими психологической проблемы, а внешний конфликт относительно проблемы — одной из форм ее проявления (Э.А. Соколова, 2012).

То есть у Н. Пезешкиана речь идет о проблеме, которую человек связывает с поведением партнера по взаимодействию, переживает из-за этого, реагирует на это. Проблема взаимодействия становится уже его психологической проблемой, так как она им понимается и переживается. Термин «психологическая проблема» Н. Пезешкиан не использует.

Объясняя причины проблем во взаимодействии, Н. Пезешкиан к ним относит следующие:

– «каждый видит правильно, но не каждый видит целостно» [1, с. 56];

– «в группе сталкиваются разные образцы поведения и разные ожидания»;

– так как оба партнера по взаимодействию могут находиться «на том или ином этапе развития своих способностей», то «фазы развития у разных людей могут не совпадать» [там же, с. 76–77].

Направленность только на конфликт в свою очередь также создает трудности во взаимодействии [2].

«Собственное поведение и поведение других людей в результате недопонимания оказывается искаженным» [1, с. 44].

Столкновение разных образцов поведения, с точки зрения Н. Пезешкиана, может быть объяснено принадлежностью партнеров по взаимодействию к разным культурам.

Психологические проблемы взаимодействия, таким образом, возникают вследствие личностных особенностей партнеров по взаимодействию и непонимания своих ожиданий во взаимодействии и

личностных особенностей партнера каждым из партнеров.

Накапливающиеся микротравмы при взаимодействии приводят к конфликтам. В качестве микротравм, как считает Н. Пезешкиан, могут действовать некоторые психосоциальные нормы. Микротравмы приводят к уменьшению общения, недоверию, пессимизму, уменьшению планов на будущее и снижению смысла жизни. Конфликты приводят к тому, что в структуре личности образуются проблемные точки [2]. Но в таком случае речь идет о внешнем конфликте.

Конфликты создают проблемы [2], проблемы приводят к конфликтам [1].

Конфликты и проблемы взаимосвязаны.

По мнению Н. Пезешкиана, «конфликтную ситуацию можно рассматривать статически: человек не соглашается с нормами своего партнера, его актуальные способности не соответствуют актуальным способностям партнера» [1, с. 205]. «Однако более уместен динамический способ рассмотрения, при котором оба образца норм воспринимаются в качестве переменных; изменяться может не только поведение ребенка в рамках ситуации воспитания, но и поведение родителей или воспитателей» [1, с. 205].

Проблемы во взаимодействии оказывают влияние на каждого из партнеров.

Объектом направленности Н. Пезешкиана главным образом являются ситуации взаимодействия.

«Партнера и стиль его поведения мы не воспринимаем объективно; более того, восприятие одного и того же объекта у всех людей разное и зависит от их опыта, от глубины эмоциональных отношений и ожиданий, которые связываются с партнером» [1, с. 126]. «Один партнер создает другому трудности, проблемы и кризисы. Одновременно он дает ему шанс сильнее развить свою собственную индивидуальность и найти свои собственные решения конфликтов» [там же, с. 206].

Конфликты в социальном взаимодействии обусловлены особенностями этого взаимодействия, в котором оба партнера активны. В возникновении проблемы (или конфликта) во взаимодействии участвуют обе стороны, но одна создает конфликтную ситуацию, а другая эту ситуацию адекватно не воспринимает, соответственно, адекватно на нее не реагирует, что может создавать проблемы и для другой стороны.

Н. Пезешкиан отрицает случайность поведения человека, а также случайность его позиции по отношению к своему социальному окружению. По его мнению, на их формирование оказывает воздействие и фактор времени, и жизненные впечатления, и приобретенный опыт [2].

То есть он указывает на предпосылки психологической проблемы, связанные с особенностями собственной личности. Причем он не обозначает и

не разделяет предпосылки и условия возникновения проблемы или конфликта, хотя их описывает.

Н. Пезешкиан обращает внимание на еще один аспект конфликта или проблемы: «...большую часть человеческих конфликтов можно рассматривать как нарушение фактора времени, то есть как недостаточную интеграцию прошлого, настоящего и будущего» [1, с. 33]. Он отмечает, что человек может зафиксироваться посредством переживаний на любом из временных измерений. «При изолировании фактора времени возникают фиксации, сопротивление, индифферентность. Результатом этого становится бегство в прошлое (одиночество и болезнь), бегство в настоящее (в работу), бегство в будущее (в мечты)» [1, с. 33]. Он указывает и на бегство от работы, связанное с ее завышенными требованиями. Если указанные варианты бегства не приводят к душевному равновесию, то возникают или психосоматические, или психические заболевания [2].

Речь при этом не идет о проблемах или конфликтах взаимодействия. Скорее всего в таком ключе рассматриваются две другие обозначенные Н. Пезешкианом сферы проблем или конфликтов — личностная сфера и сфера реализации целей жизни. Большую часть этой группы конфликтов или проблем Н. Пезешкиан связывает с фиксацией на одной из временных стадий, которая происходит посредством переживаний.

Н. Пезешкиан обращает внимание еще на один аспект взаимодействия человека с возникающей проблемой (конфликтом) — аспект возможности решения проблемы. Он пишет, что если у человека «не было возможности почувствовать, что из любой жизненной ситуации есть выход, то в определенные моменты он будет склонен испытывать безысходность» [1, с. 67]. Второе объяснение причины безнадежности, по мнению Н. Пезешкиана, в том, что у человека не дифференцированы установки на будущее. Он отмечает, что трудности могут располагаться в какой-то одной сфере.

Он раскрывает последствия неготовности решить проблему. «Если такой готовности нет, то порог самооценки понижается: даже на мелкие неудачи человек реагирует подавленным настроением, а мелкую и кратковременную неудачу переживает как доказательство собственной неполноценности» [там же, с. 70]. То есть одним из последствий нерешенных проблем является снижение самооценки. Имеется связь снижения самооценки и последующего возникновения психосоматических заболеваний (Э.А. Соколова, 2006).

Если человек поймет, что из каждой ситуации есть выход и научится решать психологические проблемы, то это явится и первичной профилактикой психосоматических заболеваний.

«Большая часть поступков, которые мы совершаем в повседневной жизни, требует от нас преодо-

ления трудностей, а подчас и готовности смириться с неудачами и разочарованиями» [1, с. 70]. Он дает совет: «учись отличать кризис как опасность от кризиса как шанса на продолжение развития» [там же, с. 206]. Подчеркивает позитивное значение проблем, отмечая, что в понятие «позитивная» он включает наличное: и конфликты, и способности к их преодолению [2]. Но они имеют, как указывает Н. Пезешкиан, и негативную сторону, так как затормаживают способности [2].

То есть психологические проблемы могут препятствовать развитию личности, а могут иметь и позитивное значение.

Проблемы в межличностных отношениях не всегда могут быть решены с помощью психотерапевта. Н. Пезешкиан объясняет это влиянием разных факторов:

- лечат симптом а не человека. Н. Пезешкиан выступает принципиально против этого;
- большее значение придается форме конфликта, а не его содержанию. Как считает Н. Пезешкиан, главным в возникновении конфликтов является их содержание, а не симптомы;
- психотерапевт и клиент не понимают друг друга;
- проблемы клиента психотерапевтом рассматриваются в отрыве и от жизненной ситуации клиента, и от его социального окружения;
- отсутствие сотрудничества между специалистами, работающими с клиентом, и ряд других.

Заключение. В результате исследования можно сделать следующие выводы:

1. Несмотря на то что термин «психологическая проблема» в исследованиях Н. Пезешкиана не используется, тем не менее, он указывает на сферы проявления проблем, причины их возникновения проблем, а также взаимосвязанные переживание, осознание, поведение в случае, если есть проблема, что придает ей характер психологической, а также указывает на психологическую проблему как целостное образование.

2. Конфликты являются вторичными относительно проблемы, внешние конфликты могут создавать проблемы.

3. Н. Пезешкиан выделяет внешние и внутренние причины проблем и конфликтов. К внутренним причинам он относит своеобразие актуальных способностей, а также его несоответствие идеальному образу и идеальной модели поведения.

4. Две формы мышления при проблемах — словесно-логическое и образное — позволяют, с одной стороны, понять проблему, с другой — сравнить реальный образ с идеальным.

5. Результаты свидетельствуют о представленности психологических проблем в исследованиях Н. Пезешкиана, что расширяет понимание психологических проблем как научной категории и может быть использовано практическими психологами.

Список литературы

1. *Пезешкиан Н.* Психотерапия повседневной жизни: тренинг разрешения конфликтов / пер. с нем. Ю.С. Наумова. СПб.: Речь, 2004. 288 с.
2. *Пезешкиан Н.* 33 и 1 формы партнерства / пер. с нем. М.: Ин-т позитивной психотерапии, 2005. 288 с.
3. *Хьелл Л.А., Зиглер Д.Д.* Теории личности / пер. с англ. 3-е изд. СПб.: Питер, 2008. 607 с.

Получено 31.01.2016

Об авторе

Соколова Эмилия Александровна
кандидат медицинских наук, доцент,
доцент кафедры психологии

Гомельский государственный университет
им. Франциска Скорины,
Беларусь, 246014, Гомель, ул. Советская, 104;
e-mail: emiliasokolova@yandex.ru

References

1. *Pezeshkian N.* *Psihoterapiya povsednevnoj zhizni: trening razresheniya konfliktov* [Psychotherapy of everyday life: the training of conflict resolution]. Saint Petersburg, Rech' Publ., 2004, 288 p. (In Russian).
2. *Pezeshkian N.* *33 i 1 formy partnerstva* [33 and 1 forms of partnership] Moscow, Institute of Positive Psychotherapy Publ., 2005, 288 p. (In Russian).
3. *Hjelle L.A., Zigler D.D.* *Teorii lichnosti* [Theories of Personality]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2008, 607 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 31.01.2016

About the author

Sokolova Emilia Alexandrovna
Ph.D. in Medicine, Docent, Associate Professor
of Department of Psychology

Francisk Skorina Gomel State University,
104, Sovetskaya str., Gomel, 246014, Belarus;
e-mail: emiliasokolova@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Соколова Э.А. Представленность психологических проблем в исследованиях Н. Пезешкиана // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 71–76. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-71-76

Please cite this article in English as:

Sokolova E.A. Representation of psychological problems in research of N. Pezeshkian // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 71–76. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-71-76

УДК 159.923.3

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-77-85

СОВРЕМЕННЫЕ ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ КОНЦЕПЦИИ БЛАГОПОЛУЧИЯ И ЗРЕЛОСТИ ЛИЧНОСТИ: ОБЛАСТИ СХОДСТВА И РАЗЛИЧИЙ*

Манукян Виктория Робертовна, Трошихина Евгения Германовна

Санкт-Петербургский государственный университет

В статье анализируются подходы к определению психологической зрелости и благополучия личности с целью их более четкого разграничения. Актуальность проблемы обусловлена растущим интересом к позитивной стороне функционирования человека и широким распространением терминов, раскрывающих психологические аспекты здоровья, благополучия и зрелости человека, тогда как их соотношение еще недостаточно изучено. С опорой на эмпирические исследования рассмотрены понятия субъективного и психологического благополучия. Представлены интегративные модели благополучия, которые акцентируются на выделении личностных предикторов счастья. Проанализировано понятие психологической зрелости личности, представлены критерии, отражающие ее содержательный состав. Выделены области сходства и различия обсуждаемых понятий. Содержательное сходство понятий обеспечивается рядом общих критериев и связью с концепциями позитивного функционирования личности. Различия обусловлены спецификой областей применения понятий: психологическая зрелость в отличие от благополучия характеризует личность с точки зрения ее структуры (цельность, гармоничность), уровня морально-нравственного развития и может рассматриваться как критерий развития взрослой личности, тогда как благополучие более субъективно.

Ключевые слова: личность; зрелость; психологическая зрелость личности; психологическое благополучие; субъективное благополучие; счастье.

CONTEMPORARY PSYCHOLOGICAL CONCEPTIONS OF WELL-BEING AND MATURITY: IDENTIFYING SIMILARITIES AND DIFFERENCES

Victoria R. Manukyan, Evgenia G. Troshikhina

Saint-Petersburg State University

The article analyzes the main approaches to the definition of psychological maturity and well-being of personality with the aim to make a clearer distinction between them. The topical character of the issue is explained by the growing interest to the positive side of human being and a widespread popularity of terminology of health, well-being and maturity. However, their ratio has not been sufficiently clarified. The paper discusses the concepts of subjective and psychological well-being with the support of empirical studies. It also presents integrative models of well-being focused on identifying psychological predictors of happiness. The authors analyze the notion of psychological maturity of personality and set criteria for reflecting its content. There is also an emphasis on the areas of similarity and difference of the phenomena under consideration. The substantial similarity of the terms is provided by the range of common criteria and by their relation to the conceptions of positive functioning of personality. The authors conclude that the distinction is determined by the area of the notions application. Psychological maturity unlike well-being characterizes personality from the perspectives of its structure (harmony, wholeness) and the level of its ethical development. This concept could be considered as a criterion for the development of adult personality while well-being is much more subjective.

Key words: personality; psychological maturity of personality; psychological well-being; subjective well-being, happiness.

* Работа выполнена при финансовой поддержке РГНФ (проект №16-06-00307).

В психологии все активнее разрабатываются понятия, характеризующие человека в аспекте его целостности и функциональности. С опорой на философское наследие, а также на медицинские модели ученые предлагают концепции зрелости личности, психологического благополучия, душевного здоровья, счастья. Ввиду многогранности содержания данных понятий исследователи в поисках их основных содержательных характеристик акцентируют внимание на разных аспектах. В то же время многие названные понятия отчасти совпадают по смысловому наполнению и созданные теоретические модели имеют определенное сходство. На этом фоне представляется особо актуальной задача осмысления соотношения понятий, для того чтобы приблизиться к созданию интегративной теории зрелости и благополучия человека. Целью данной статьи является анализ и сопоставление масштабных психологических категорий благополучия и зрелости личности, уточнение их содержания и областей функционирования.

Благополучие человека в различных психологических концепциях

На сегодняшний день в психологии эмпирические исследования и теоретические разработки понятий счастья и благополучия человека идут по двум направлениям: гедонистическому (субъективное благополучие) и эвдемоническому (психологическое благополучие). В. Вилсон в качестве источника счастья назвал удовлетворение потребностей, что соответствует гедонистическому пониманию счастья как достижение удовольствия [28]. Позднее А.С. Ватерман отметил, что для человека гораздо большее значение имеет направленность на реализацию глубинных ценностей. Он подчеркивал, что понимание благополучия в гедонистическом ключе предполагает удаление от проблем, тогда как благополучие в эвдемоническом смысле связано с напряжением и усилиями, направленными на их решение [27].

Несмотря на то что для изучения субъективного благополучия использовались короткие шкалы, было сделано много важных открытий. Эмпирические исследования привели к разведению эмоциональной и когнитивной составляющих. Эмоциональное благополучие относится к повседневным переживаниям человека — частоты и интенсивности радости, печали, гнева, что делает жизнь приятной или неприятной. Когнитивная оценка — удовлетворенность жизнью, предполагает суждения, которые делает человек, размышляя о своей жизни. Исследования показали, что эти компоненты по-разному чувствительны к жизненной ситуации. Так, уровень дохода и образования тесно коррелирует с удовлетворенностью жизнью, а состояние здоровья, наличие заботливых отношений или одиночество являются доста-

точно сильными предикторами ежедневных эмоций [23]. Исследования Н.М. Брэдбурна выявили, что приятные и неприятные эмоции не являются полюсами одного континуума, т.е. присутствие положительных эмоций не обязательно означает отсутствие отрицательных, поэтому для полноты картины благополучия человека он предложил изучать эти два аспекта отдельно [20].

Таким образом, на сегодняшний день сложилась трехкомпонентная структура субъективного благополучия, включающая наличие положительного аффекта, отсутствие отрицательного аффекта и удовлетворенность жизнью. Создание конструкта вызвало целый ряд эмпирических исследований, направленных на определение степени влияния разных факторов на его шкалы. Так, Э. Динер выявил высокую обусловленность субъективного благополучия внутренними факторами. Он установил, что личностные черты объясняют от 40 до 50 % изменчивости в субъективном благополучии, в связи с чем предположил, что счастье можно до некоторой степени считать личностной чертой, выступающей в качестве предрасположенности испытывать определенные уровни положительных или отрицательных эмоций [22]. С другой стороны, значительную роль при оценке своей жизни играют социальные и культурные установки. Если люди считают, что удовлетворенность жизнью желательна, они скорее опираются на позитивную информацию при вынесении суждения относительно своей жизни, а если счастье в обществе рассматривается как не важная ценность, то большее значение придается негативным сторонам, что снижает когнитивную оценку своей жизни [19].

Исследования субъективного благополучия значительно продвинули понимание его структуры, факторов и динамики. Появились разные взгляды на сущность благополучия. В отличие от целевых подходов, когда утверждается, что благополучие возникает при достижении цели и что апогей состояния счастья находится в точке достижения конечного результата, подходы, ориентированные на процесс, когда считается, что сама активность вызывает особые протяженные переживания счастья и благополучия. М. Чиксентмихайи описывает состояние «потока», или погруженности, увлеченности, которое приносит глубокое удовлетворение [16].

К наиболее значимым теоретическим разработкам вопроса благополучия человека в рамках эвдемонического подхода можно отнести теорию психологического благополучия К. Рифф и теорию самодетерминации Э. Деси и Р. Райана.

Концепция К. Рифф возникла на стыке гуманистической, позитивной психологии, психологии развития и здоровья, она объединила в себе разные философские и психологические теории, объясняющие позитивное функционирование человека (Ш. Бюлер,

А. Маслоу, Г. Олпорт, К. Роджерс, Э. Эриксон, К.Г. Юнг и др.). Психологическое благополучие определено К. Рифф как базовый субъективный конструкт, отражающий восприятие и оценку своего функционирования с точки зрения вершины потенциальных возможностей человека. Модель К. Рифф содержит шесть компонентов: автономность, компетентность, личностный рост, позитивные отношения, жизненные цели, самопринятие [25].

В теории самодетерминации Э. Деси и Р. Райана постулируется, что есть три основные психологические потребности, удовлетворение которых значимо для психологического роста, целостности и благополучия человека. Это потребности в автономии, компетентности и связанности с другими [24]. Р. Райан и Э. Деси, сопоставляя свою теорию с моделью К. Рифф, подчеркивают схожесть понимания благополучия как полноценного функционирования, а не как результата достижения желаний. Также сходно обозначение значимости автономии, компетентности и связанности с другими людьми. Отличие состоит в том, что К. Рифф рассматривает выделенные шесть компонентов в качестве индикаторов психологического благополучия, в то время как в теории самодетерминации автономность, компетентность и позитивные отношения предполагаются как его причины.

Разведение гедонистического и эвдемонистического благополучия вызвало стремление исследователей определить их соотношение. К. Рифф и ее коллеги подчеркивают, что субъективное благополучие характеризует состояние человека, тогда как психологическое благополучие динамично и напряженно. Такие экзистенциальные компоненты, как «цели в жизни» и «личностный рост», отличают его от субъективного благополучия направленностью в будущее. Еще одно отличие заключается в том, что в конструкты психологического благополучия не включен эмоциональный компонент. Тем не менее, как отмечает А.Е. Созонтов, при сравнении данных подходов, события, не соответствующие удовольствию, могут способствовать достижению человеком психологического благополучия в связи с осознанием своих жизненных целей, повышением осмысленности жизни, появлением способности к сопереживанию [12]. Различные эмпирические исследования свидетельствуют, что субъективное и психологическое благополучие дополняют и компенсируют друг друга при разной выраженности [26].

Отечественными исследователями традиционно подчеркивается необходимость осмысленности, насыщенности и продуктивности жизни для ощущения человеком благополучия (Б.Г. Ананьев, С.Л. Рубинштейн, А.В. Брушлинский).

С.Л. Рубинштейн считал, что «не погоня за счастьем, как совокупность удовольствий и наслаждений, является целью и смыслом человеческого суще-

ствования, как это утверждает гедонизм и утилитаризм. Основная этическая задача выступает, прежде всего, как основная онтологическая задача: ... борьба за вершину человеческого бытия» [10, с. 346]. Такой точки зрения придерживаются почти все современные отечественные психологи (В.Э. Чудновский, Р.М. Шамионов, П.П. Фесенко и др.). Р.М. Шамионов подчеркивает, что наличие смыслов и наполненность жизни лежат в основе удовлетворенности и благополучия человека [17].

Некоторые ученые создают интегративные модели внутреннего благополучия, во многих из них подчеркивается важная роль эмоций и ощущения счастья наряду с осмысленностью жизни (Д.А. Леонтьев, Р.М. Шамионов, Н.А. Батулин и др.).

В модели Д.А. Леонтьева счастье рассматривается под углом зрения саморегуляции как феномен обратной связи, как переживание слияния желаемого с фактическим [4]. Характеристики целей определяют качественные особенности счастья. Д.А. Леонтьев различает два вида счастья: нормативное или счастье-минимум, достигаемое через удовлетворение базовых потребностей, и эвдемоническое или счастье-максимум, достигаемое через постановку и достижение лично осмысленных целей, реализацию индивидуальных экзистенциальных проектов. Таким образом, концепцию можно отнести к целевому подходу, связанному с ориентацией на конечную цель. В отличие от зарубежных эвдемонических теорий благополучия, которые не включают эмоциональный компонент, в данной концепции в результате достижения экзистенциальных целей и реализации смыслов человек переживает счастье-максимум.

Еще одно направление исследований благополучия связано с выявлением внутренних факторов его устойчивости. Поиски ответа на вопрос, что же дает человеку возможность выстоять перед лицом тяжелых ситуаций и стрессов, привели к разработке целого ряда концепций, в том числе жизнестойкости. Одни исследователи ищут индивидуальные различия жизнестойкости (resilience) в базовых личностных чертах [15]. Другие в основе устойчивости благополучия видят специфические диспозиции личности. С. Мадди определяет жизнестойкость (hardiness) как паттерн установок и навыков, которые поддерживают экзистенциальную отвагу или «мужество быть». М.Ф. Шейер и Ч.С. Карвер предложили теорию диспозиционного оптимизма, который рассматривается как обобщенное ожидание того, что будущие события окажутся позитивными. Исследования показали, что оптимизм тесно связан с эффективной адаптацией к стрессу, успешным психологическим функционированием, физическим и психическим здоровьем [21]. С данной концепцией сходно представление о позитивном мышлении. М. Аргайл утверждает, что позитивное содержание

размышлений, приписывание благоприятных, а не плохих событий своим личным заслугам — именно такой образ мыслей присущ счастливым людям. Есть еще одна разновидность позитивного мышления — обладание чувством юмора, что позволяет человеку смотреть на жизнь иронически [19].

Ряд исследователей считают, что неспецифическим фактором, лежащим в основе благополучия и его устойчивости, является осознанность (mindfulness) — метакогнитивная способность осознавать свои мысли, эмоции, ощущения и одновременно с этим осознавать свое осознание, как бы занимать наблюдающую позицию по отношению к внутреннему опыту. По данным исследований осознанность связана с жизнестойкостью, оптимизмом и психологическим благополучием [9].

Психологическая зрелость личности и ее критерии

Психологическая наука выдвинула еще один значимый конструкт — психологическая зрелость личности, который все больше привлекает внимание исследователей. Понятие зрелости в общем смысле подразумевает полное, состоявшееся развитие какой-либо системы и выполнение функций на оптимуме возможностей. Применительно к личности характеристика зрелости имеет различные трактовки.

Одна из наиболее полных концепций личностной зрелости принадлежит Г. Олпорту. Он отмечал, что нелегко описать единство и конкретное многообразие абсолютно зрелой личности, т.к. способов развития столько же, сколько развивающихся индивидов. Говоря о личностной зрелости, следует иметь в виду скорее идеального, а не реального человека, т.к. найти все признаки зрелости в одном человеке вряд ли возможно. Г. Олпорт выделяет и раскрывает шесть критериев личностной зрелости: расширенное чувство Я, теплота в отношении к другим, эмоциональная безопасность и принятие себя, реалистическое восприятие, самообъективация — понимание себя и чувство юмора, единая философия жизни [6].

В гуманистической психологии понятие зрелости связывается со стремлением к самоактуализации. К вышеперечисленным характеристикам, исходя из концепций А. Маслоу, К. Роджерса, добавляются: спонтанность, креативность, открытость переживаниям, доверие к себе, нравственная убежденность. В экзистенциально ориентированных подходах тоже фигурирует представление о зрелости. Так, основатель гештальттерапии Ф. Перлз основным критерием личностной зрелости считал автономность, как способность находить опору в самом себе. Э. Фромм важнейшей чертой человеческой личности считал способность любить. В теории межличностных отношений Г. Салливана психологическая зрелость также связывается со зрелостью межлич-

ностных отношений как способностью устанавливать близкие отношения с другими людьми [14].

В отечественной психологии в качестве критериев личностной зрелости рассматриваются субъективные характеристики личности, отражающие ее активность в построении собственного жизненного пути (К.А. Абульханова-Славская, Б.Г. Ананьев, А.Г. Асмолов В.И. Слободчиков, Р.М. Шамионов и др.). Ученые акцентируют внимание на таких качествах, как целеустремленность, способность к самостоятельной организации поведения, независимость, продуктивная рефлексия и других, которые при совокупном рассмотрении свидетельствуют о способности человека к организации жизни по собственному замыслу.

Описывая феномен психологической зрелости, С.К. Нартова-Бочавер [5] выдвигает в качестве основного критерия психологическую суверенность. По содержательному наполнению термин близок к таким понятиям, как устойчивый образ Я и система способов поведения личности, способность принимать решение, опираясь на внутреннюю поддержку, сепарация от других, ответственность и локус контроля.

С акмеологической точки зрения зрелость личности рассматривается преимущественно в аспекте морально-нравственного развития. Это масштабная категория, подразумевающая гуманистическую направленность личности, нормативность поведения и отношений, реализацию общественно значимых целей, толерантность. Совокупность данных характеристик А.Л. Журавлев называет психосоциальной зрелостью человека [2]. Г.С. Сухобская [13] также отмечает важность позитивной направленности по отношению к развитию человечества, достижений цивилизации, созданной культуре, в связи с чем помимо зрелости психического развития человека выделяет и его социальную зрелость. В концепции Л. Колберга понятие зрелости личности также связывается с высоким уровнем морально-нравственного развития.

Представления о личностной зрелости фигурируют также в психологии развития (Э. Эриксон, Дж. Ловингер, Г. Крайг, Е.Е. Сапогова). Здесь делается акцент на преемственности ее формирования и вкладе каждого возрастного этапа в развитии определенных характеристик зрелости. Э. Эриксон рассматривает возможность обретения зрелости только в старости и основной ее характеристикой считает целостность как способность интегрировать достижения всех предыдущих стадий [18]. Дж. Ловингер, продолжая идеи о преемственности развития в течение всей жизни, связывает в своей теории становление эго и когнитивное развитие. Она выделяет семь основных стадий, не имеющих прямой связи с хронологическим возрастом, каждая из которых сложнее предыдущей. Таким образом, психологическая зрелость здесь определяется развитостью эго, что предполагает автономность и независимость личности,

опору на себя, эффективное совладание с внутренними конфликтами, конгруэнтность и целостность, терпимость и уважение в отношениях к другим [3].

Итак, понимание психологической зрелости личности в психологии разнообразно и пока еще недостаточно четко. В связи с этим нами была предпринята попытка выделения универсальных критериев данного феномена с целью его операционализации. Ниже представлены обобщенные критерии психологической зрелости личности, где первые девять критериев характеризуют интраперсональный (индивидуально-психологический) аспект зрелости, а последние два — интерперсональный (социально-психологический) аспект [1].

1. *Ответственность* — ответственность (А.А. Реан, А.Г. Асмолов, Э. Фромм, Э. Эриксон, Р. Кассель), «ответственная свобода» (К. Роджерс), локус контроля (С.К. Нартова-Бочавер).

2. *Осознанность, рефлексивность* — реалистичное восприятие мира (Г. Олпорт), самопонимание (К. Роджерс), осознанность импульсов и сознательный контроль поведения (Н.Е. Харламенкова), способность разводить реальные и идеальные цели (Б.С. Братусь), осознанность своих желаний, возможностей и способностей (К.А. Абульханова-Славская); оценочная рефлексия (Г.С. Сухобская).

3. *Направленность на саморазвитие* — потребность в самоактуализации (А. Маслоу), направленность на саморазвитие, динамичность, открытость изменениям (К. Роджерс, А.А. Реан), личность, находящаяся в процессе становления, роста (К.А. Абульханова-Славская).

4. *Самопринятие и самоуважение* — принятие себя (Г. Олпорт); понимание себя сквозь наложение масок и защит (К. Роджерс), гибкая я-концепция, сближение я-реального и я-идеального (Н.Е. Харламенкова); самоуважение (Р. Кассель).

5. *Автономия* — самостоятельность, опора на себя, самоподдержка (Ф. Перлз); поведение, независимое от непосредственного воздействия обстоятельств (Л.И. Божович); автономность (Дж. Ловингер), психологическая суверенность (С.К. Нартова-Бочавер); самодетерминация как свобода от внешних и внутренних условий (Д.А. Леонтьев); независимость от давления внешних оценок (К. Роджерс).

6. *Жизнестойкость* — сила характера (Б.Г. Ананьев), творческая адаптивность (К. Роджерс), жизнестойкость как способность осуществлять стратегию жизни (Д.А. Леонтьев); фрустрационная толерантность (Г. Олпорт).

7. *Самоуправление и организация жизни* — создание собственной среды развития (Б.Г. Ананьев, Е.Ф. Рыбалко); способность к мобилизации себя на реализацию собственного решения (Г.С. Сухобская); «действующая личность», субъект жизненного пути (А.Г. Асмолов); сознательная саморегуляция в мас-

штабе жизненного пути (К.А. Абульханова-Славская), самоконтроль (Р.М. Шамянов).

8. *Целостность, конгруэнтность* — целостность и конгруэнтность (К. Роджерс), цельность характера (Б.Г. Ананьев), интегрированная идентичность (Н.Е. Харламенкова, Дж. Ловингер), достижение полной самости (К.Г. Юнг), целостность эгоидентичности (Э. Эриксон).

9. *Широта связей с миром* — расширенное чувство Я (Г. Олпорт), полнота характера (Б.Г. Ананьев); широта интересов и связей с миром (Д.А. Леонтьев); проявление творческого начала в разнообразных сферах жизни; открытость опыту (Г. Крайг).

10. *Толерантность, нравственное сознание, гуманистические ценности* — терпимость, демократический склад характера (Г. Олпорт); диспозиционная терпимость (А.А. Реан); гуманистические ценности (Г.С. Сухобская), нравственное сознание (Л. Колберг), толерантность, социальная направленность поведения (А.А. Деркач, А.А. Бодалев, Р.М. Шамянов), степень интериоризации этических ценностей (Н.Е. Харламенкова); реализация общественно значимых целей (А.Л. Журавлев).

11. *Позитивные межличностные отношения* — умение строить межличностные отношения (Г. Салливан, М.Р. Минигалиева, В.Н. Мясичев, Р.В. Овчарова); теплота в отношении к другим (Г. Олпорт); способность любить, заботиться (З. Фрейд, Э. Фромм); интимность как способность к эмоциональному самораскрытию в отношении (Э. Эриксон), уважение и эмпатийность в отношении к людям (Э. Фромм, К. Роджерс).

Представленные критерии раскрывают состав значимых характеристик психологической зрелости. Вместе с тем помимо содержательной стороны зрелости выделяется еще и ее структурно-динамическая ее сторона, характеризующая личность как целостную и непрерывно развивающуюся, как сложную систему, не сводимую к отдельным свойствам. На это обращает внимание и А.Г. Портнова, отмечая, что зрелость личности как системное образование может быть описана в терминах иерархизированности, соразмерности и гармоничности [7].

Соотношение психологической зрелости и благополучия личности

Представленные выше подходы к пониманию психологической зрелости и благополучия человека демонстрируют их близость в семантическом поле современной психологии. В психологическом наполнении обсуждаемых феноменов содержится ряд общих критериев, таких как самопринятие, осознанность, жизнестойкость, автономность, позитивные отношения, направленность на саморазвитие, осмысленность и целенаправленность жизни. Одной

из причин этого является, на наш взгляд, использование для обоснования данных конструктов взглядов одних и тех же исследователей. В модели основательницы теории психологического благополучия К. Рифф обобщаются идеи А. Маслоу, Г. Олпорта, К. Роджерса, Э. Эриксона, К.Г. Юнга — ученых, чьи идеи лежат и в основе представлений о зрелости личности. Выделенные ею индикаторы психологического благополучия во многом совпадают с выделенными нами параметрами психологической зрелости личности. Теория самодетерминации Э. Деси и Р. Райана также приводится при обосновании обоих конструктов. Очевидно, что схожесть понятий «психологическая зрелость личности» и «психологическое благополучие» объясняется их связью с позитивным функционированием личности.

Тем не менее, анализ проблемы позволяет выделить и область различий рассматриваемых категорий. Одно из главных расхождений состоит в том, что психологическая зрелость личности — это, несомненно, более широкое понятие, непременно включающее характеристику морально-нравственной сферы личности и системы отношений. Зрелая личность обладает социальным потенциалом, способностью приумножать достижения культуры и содействовать развитию общества в целом. Психологическая зрелость характеризует личность с точки зрения всей ее структуры: целостности, гармоничности, соразмерности проявлений различных личностных сфер (эмоциональной-волевой, интеллектуальной, ценностно-смысловой, морально-нравственной). Следует отметить и то, что зрелость является качеством, которое характеризует уровень развития личности с точки зрения «достижения»: зрелость обретается в процессе развития, в результате преодоления жизненных трудностей и кризисов, на что обращал внимание еще Г. Олпорт [6]. Эти же идеи прослеживаются в стадияльных концепциях зрелости [3, 8, 11, 18]. Психологическое благополучие также предполагает наличие жизненных целей и направленность на личностный рост, однако человек, еще не достигший «зрелого» возраста, например, в детско-юношеские периоды, уже может быть охарактеризован с точки зрения благополучия, счастья, удовлетворенности. Характеристики зрелости, напротив, начинают раскрываться лишь с середины жизненного пути, что на сегодняшний день доказано эмпирическими исследованиями [8].

Качества психологической зрелости личности формируются на протяжении всей жизни человека, каждый возрастной период вносит свой вклад в развитие определенных характеристик зрелости в зависимости от решения жизненных задач на данном этапе [8, 18]. В связи с этим психологическая зрелость может использоваться как показатель личностного развития взрослого, являясь одновременно

отражением как процесса, так результата этого развития [8]. Благополучие же характеризует процесс развития как состояние, сопутствующее этому процессу; является интегральной характеристикой, отражающей собственное функционирование.

Важным является и то, что зрелость личности имеет некоторые объективные показатели, тогда как благополучие и счастье предполагают субъективную оценку по определению. Это внутренние состояния, чувства, представления, то, что трудно описать объективно и правильнее назвать субъективным конструктом.

Феноменологически взаимосвязь психологической зрелости и благополучия может быть объяснена посредством процесса возрастного развития. Поскольку на благополучие ребенка сильное влияние оказывают окружающая среда, родительское отношение, сформировавшись, оно может способствовать достижению человеком психологической зрелости во взрослом возрасте. Психологическое благополучие позволяет человеку направлять усилия на реализацию своего потенциала в трудных условиях: концепты жизнестойкости и осознанности как раз и были созданы для того, чтобы выявить за счет чего люди могут преодолевать трудные обстоятельства.

Анализ понятий позволил нам выделить области их сходства и различий. Надеемся, что прояснение соотношения данных феноменов даст возможность сопоставлять результаты отдельных исследований и развивать теоретические представления о зрелости и благополучии человека. На сегодняшний день все же в данной области больше вопросов, чем ответов. Счастлив ли зрелый человек, при каких условиях счастье помогает эффективному функционированию человека, а при каких мешает, — это вопросы, которые могут задавать направления дальнейших исследований в области позитивной психологии и психологии развития.

Список литературы

1. *Дерманова И.Б., Манукян В.Р.* Личностная зрелость: к определению психологического содержания // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 12. Психология. Социология. Педагогика. 2010. Вып. 4. С. 68–73.
2. *Журавлев А.Л.* «Социально-психологическая зрелость»: попытка обосновать понятие // Феномен и категория зрелости в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко. М.: Когито-Центр, 2007. С. 198–220.
3. *Крайг Г.* Психология развития. СПб.: Питер, 2000. 992 с.
4. *Леонтьев Д.А.* Личностное в личности: личностный потенциал как основа самодетерминации // Ученые записки кафедры общей психологии МГУ им. М.В. Ломоносова. Вып. 1 / под ред.

- Б.С. Братуся, Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. С. 56–65.
5. *Нартова-Бочавер С.К.* Психологическая суверенность как критерий личностной зрелости // Феномен и категория зрелости в психологии / под ред. А.Л. Журавлева, Е.А. Сергиенко М.: Когито-Центр, 2007. С. 149–173.
 6. *Олпорт Г.* Становление личности: Избранные труды / пер. с англ. Л.В. Трубицыной, Д.А. Леонтьева; под общ. ред. Д.А. Леонтьева. М.: Смысл, 2002. 462 с.
 7. *Портнова А.Г.* Личностная зрелость: подходы к определению // Сибирский психологический журнал. 2008. № 27. С. 37–41.
 8. *Психологическая зрелость личности* / под общ. ред. Л.А. Головей. СПб.: Скифия-принт: СПбГУ, 2014. 240 с.
 9. *Пуговкина О.Д., Шильникова З.Н.* Концепция mindfulness (осознанность): неспецифический фактор психологического благополучия // Современная зарубежная психология. 2014. Т. 3, № 2. С. 18–28. URL: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n2/70100.shtml> (дата обращения: 14.07.2015).
 10. *Рубинштейн С.Л.* Основы общей психологии. СПб.: Питер, 2001. 720 с.
 11. *Сапогова Е.Е.* Психология развития человека. М.: Аспект Пресс, 2005. 460 с.
 12. *Созонтов А.Е.* Гедонистический и эвдемонистический подходы к проблеме психологического благополучия // Вопросы психологии. 2006. № 4. С. 105–114.
 13. *Сухобская Г.С.* Понятие «зрелость социально-психологического развития человека» в контексте андрагогики // Новые знания. 2002. № 4. С. 17–20.
 14. *Фрейджер Р., Фейдмен Дж.* Личность: теории, эксперименты, упражнения: пер. с англ. СПб.: Прайм-ЕВРОЗНАК, 2004. 608 с.
 15. *Чеснокова О.Б.* Диалоги о жизнестойкости, или Истории о Гарри Поттере для психологов // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2005. Т. 1, № 4. С. 142–150.
 16. *Чиксентмихайи М.* Поток. Психология оптимального переживания: пер. с англ. М.: Альпина нон-фикшн, 2013. 464 с.
 17. *Шамионов Р.М.* Психология субъективного благополучия личности. Саратов: Изд-во Саратов. ун-та, 2004. 180 с.
 18. *Эриксон Э.Г.* Детство и общество. 2-е изд., перераб. и доп. / пер. с англ. и ред. А.А. Алексеев. СПб.: ИТД «Летний сад». 2000. 416 с.
 19. *Argyle M., Martin M.* The psychological causes of Happiness // Subjective well-being: an interdisciplinary perspective / eds. by F. Strack., M. Argyle, N. Schwarz. N.Y.: Pergamon Press, 1991. P. 77–100.
 20. *Bradburn N.M., Caplovitz D.* Reports on Happiness. Chicago: Aldine, 1965. 195 p.
 21. *Carver C.S., Scheier M.F., Miller C.J., Fulford D.* Optimism // Handbook of Positive Psychology / eds. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2009. P. 303–313.
 22. *Diener E.* Subjective well-being // Psychological Bulletin. 1984. Vol. 95. P. 542–575.
 23. *Kahneman D., Deaton A.* High income improves evaluation of life but not emotional well-being // Proceedings of the National Academy of Sciences. 2010. Vol. 107(38). P. 16489–16493. DOI: 10.1073/pnas.1011492107.
 24. *Ryan R.M., Deci E.L.* Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being // American Psychology. 2000. № 55. P. 68–78.
 25. *Ryff C.D., Keyes C.L.M.* The structure of psychological well-being revisited // Journal of Personality and Social Psychology. 1995. № 69. P. 719–727.
 26. *Ryff C.D., Keyes C.L.M., Shmotkin D.* Optimizing Well-Being: The Empirical Encounter of Two Traditions // Journal of Personality and Social Psychology. 2002. Vol. 82. P. 1007–1022.
 27. *Waterman A.S.* Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment // Journal of Personality and Social Psychology. 1993. № 64. P. 678–691.
 28. *Wilson W.R.* Correlates of Avowed Happiness // Psychological Bulletin. 1967. Vol. 67(4). P. 294–306.

Получено 28.01.2016

References

1. Dermanova I.B., Manukyan V.R. [Personal Maturity: to the Definition of Psychological Content]. *Vestnik Sankt-Peterburgskogo universiteta. Seria 12. Psikhologia. Sociologia. Pedagogika* [Bulletin of the Saint Petersburg State University Series 12. Psychology. Sociology. Pedagogy]. 2010, no 4, pp. 68–73. (In Russian).
2. Zhuravlev A.L. [«Socio-psychological Maturity»: an Attempt to Justify the Concept]. *Fenomen i kategoriya zrelosti v psikhologii* [Phenomenon and Category of Maturity in Psychology]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2007, pp. 198–220. (In Russian).
3. Craig G. *Psikhologiya razvitiya* [Human Development]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2000, 992 p. (In Russian).
4. Leont'ev D.A. [Personal in the Personality: Personal Potential as the Basis of Self-determination]. *Uchenye zapiski kafedry obshchei psikhologii MGU im. M.V. Lomonosova. Vyp. 1.* [Scientific notes of the Depart-

- ment of General Psychology of Moscow State University M.V. Lomonosov. Iss. 1]. Moscow, Smysl Publ., 2002, pp. 56–65. (In Russian).
5. Nartova-Bochaver S.K. [Psychological Sovereignty as a Criterion of Personal Maturity]. *Fenomen i kategoriya zrelosti v psikhologii* [Phenomenon and Category of Maturity in Psychology]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2007, pp. 149–173. (In Russian).
 6. Olport G. *Stanovlenie lichnosti: Izbrannye trudy* [Becoming the Person: Selected Works]. Moscow, Smysl Publ., 2002. 462 p. (In Russian).
 7. Portnova A.G. [Personal Maturity: Approaches to Defining]. *Sibirskii psikhologicheskii zhurnal* [Siberian Psychological journal]. 2008, no 27, pp. 37–41. (In Russian).
 8. *Psikhologicheskaya zrelost lichnosti* [Psychological Maturity of Personality]. Saint Petersburg, Skifiya-print, Saint Petersburg State University Publ, 2014, 240 p. (In Russian).
 9. Pugovkina O.D., Shil'nikova Z.N. [The concept of mindfulness: nonspecific factor of psychological well-being]. *Sovremennaya zarubezhnaya psikhologiya* [Modern foreign psychology]. 2014, vol. 3, no 2, pp. 18–28. Available at: <http://psyjournals.ru/jmfp/2014/n2/70100.shtml> (accessed 14.07.2015). (In Russian, Abstr. in English).
 10. Rubinshteyn S.L. *Osnovy obschey psikhologii* [Fundamentals of General Psychology]. Saint Petersburg, Piter Publ., 2001, 720 p. (In Russian).
 11. Sapogova E.E. *Psikhologiya razvitiya cheloveka* [Psychology of Human Development]. Moscow, Aspekt Press Publ., 2005. 460 p. (In Russian).
 12. Sozontov A.E. [Hedonistic and Eudaimonic Approaches to Psychological Well-being]. *Voprosy psikhologii* [Questions of Psychology]. 2006, no 4, pp. 105–114. (In Russian).
 13. Sukhobskaya G.S. [The Concept of «Social and Psychological Maturity of Human Development» in the Context of Andragogy]. *Novye znaniya* [New Knowledge]. 2002, no 4, pp. 17–20. (In Russian).
 14. Frager R., Fadiman J. *Lichnost': teorii, eksperimenty, uprazhneniya* [Personality: theories, experiments, exercises]. Saint Petersburg, Praim-EVROZNAK Publ., 2004, 608 p. (In Russian).
 15. Chesnokova O.B. [Dialogues on Resilience, or Stories of Harry Potter for Psychologists]. *Psikhologiya. Zhurnal Vyshei shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. 2005, vol. 1, no 4, pp. 142–150. (In Russian).
 16. Csikszentmihalyi M. *Potok. Psikhologiya optimal'nogo perezhivaniya* [Flow. The psychology of optimal experience]. Moscow, Al'pina non-fikshn Publ., 2013, 464 p. (In Russian).
 17. Shamionov R.M. *Psikhologiya subektivnogo blagopoluchiya lichnosti* [Psychology of Subjective Well-being of the Personality]. Saratov, Saratov University Publ., 2004, 180 p. (In Russian).
 18. Erikson E.G. *Detstvo i obshchestvo* [Childhood and Society]. Saint Petersburg, ITD «Letnii sad» Publ., 2000, 416 p. (In Russian).
 19. Argyle M., Martin M. The psychological causes of Happiness. *Subjective well-being: an interdisciplinary perspective* / eds. by F. Strack., M. Argule, N. Schwarz. N.Y.: Pergamon Press, 1991, pp. 77–100. (In English).
 20. Bradburn N.M., Caplovitz D. *Reports on Happiness*. Chicago: Aldine, 1965, 195 p. (In English).
 21. Carver C.S., Scheier M.F., Miller C.J., Fulford D. Optimism. *Handbook of Positive Psychology* / eds. by C.R. Snyder, S.J. Lopez. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 2009, pp. 303–313. (In English).
 22. Diener E. Subjective well-being. *Psychological Bulletin*. 1984, vol. 95, pp. 542–575. (In English).
 23. Kahneman D., Deaton A. High income improves evaluation of life but not emotional well-being. *Proceedings of the National Academy of Sciences*. 2010, vol. 107(38), pp. 16489–16493. DOI: 10.1073/pnas.1011492107. (In English).
 24. Ryan R.M., Deci E.L. Self-determination theory and the facilitation of intrinsic motivation, social development, and well-being. *American Psychology*. 2000, no 55, pp. 68–78. (In English).
 25. Ryff C.D., Keyes C.L.M. The structure of psychological well-being revisited. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1995. no 69, pp. 719–727. (In English).
 26. Ryff C.D., Keyes C.L.M., Shmotkin D. Optimizing Well-Being: The Empirical Encounter of Two Traditions. *Journal of Personality and Social Psychology*. 2002, vol. 82, pp. 1007–1022. (In English).
 27. Waterman A.S. Two conceptions of happiness: Contrasts of personal expressiveness (eudaimonia) and hedonic enjoyment. *Journal of Personality and Social Psychology*. 1993, no 64, pp. 678–691. (In English).
 28. Wilson W.R. Correlates of Avowed Happiness. *Psychological Bulletin*. 1967, vol. 67(4), pp. 294–306. (In English).

The date of the manuscript receipt 28.01.2016

Об авторах

Манукян Виктория Робертовна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии развития
и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
e-mail: v.manukjan@spbu.ru

Трошихина Евгения Германовна

кандидат психологических наук,
доцент кафедры психологии развития
и дифференциальной психологии

Санкт-Петербургский государственный
университет,
199034, Санкт-Петербург, Университетская наб., 7/9;
e-mail: e.troshikhina@gmail.com

About the authors

Manukyan Victoria Robertovna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of Department of Developmental Psychology
and Differential Psychology

Saint-Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034,
Russia;
e-mail: v.manukjan@spbu.ru

Troshikhina Evgenia Germanovna

Ph.D. in Psychology, Associate Professor
of Department of Developmental Psychology
and Differential Psychology

Saint-Petersburg State University,
7/9, Universitetskaya emb., Saint-Petersburg, 199034,
Russia;
e-mail: e.troshikhina@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Манукян В.Р., Трошихина Е.Г. Современные психологические концепции благополучия и зрелости личности: области сходства и различий // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 77–85. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-77-85

Please cite this article in English as:

Manukyan V.R., Troshikhina E.G. Contemporary psychological conceptions of well-being and maturity: identifying similarities and differences // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 77–85. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-77-85

УДК 159.9:613.2/3

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-86-94

ПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ИНТЕРВЕНЦИИ В ФОРМИРОВАНИИ ЗДОРОВОГО ПИЩЕВОГО ПОВЕДЕНИЯ

Шевкова Елена Викторовна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Мишенкова Ольга Владимировна

ООО «Биллинговые системы»

В статье представлены результаты сравнения эффектов групповых программ формирования здорового пищевого поведения, построенных на двух моделях — транстеоретической модели Дж. Прохазки и К. Ди Клементи и модели интернализации здорового поведения А. Беллг. В исследовании приняли участие 2 группы женщин (по 10 в каждой группе) с избыточной массой тела, мотивированные к снижению веса, в возрасте от 27 до 67 лет. До и после прохождения программ сделаны замеры веса, особенностей пищевого поведения, а также показатели самоэффективности в ситуациях, связанных с питанием.

Обнаружены общие для программ эффекты — увеличение самоэффективности в выборе между низкокалорийной и высококалорийной пищей в разных ситуациях, рост interoцептивной компетентности на фоне снижения веса (в интервале 2 месяцев). Эффектом модели интернализации здорового поведения стало также снижение показателя «неэффективность» — неспособности контролировать собственную жизнь.

Установлено, что программа психологических интервенций, основанная на модели интернализации здорового поведения, более успешна в развитии самоэффективности в ситуациях, когда социальные и внутренние факторы провоцируют переедание, а также в развитии interoцептивной компетентности.

Ключевые слова: психология здоровья; здоровое поведение; пищевое поведение; транстеоретическая модель; модель интернализации здорового поведения; самоэффективность; interoцептивная компетентность.

PSYCHOLOGICAL INTERVENTIONS IN THE DEVELOPMENT OF HEALTH EATING BEHAVIOR

Elena V. Shevkova

Perm State University

Olga V. Mishenkova

LLC «Billing Systems»

The article focuses on the results of comparing the effects of group programs dealing with health eating behavior. This programs are based on two models — Trans-theoretical Model (J. Prochazka, C. DiClemente) and Health Behaviour Internalization Model (A. Bellg). The study involved 2 groups of women (10 in each group), willing to reduce weight, aged from 27 to 67 years. Before and after the program measurements of the weight and characteristics of eating behaviour and self-efficacy in eating situations were carried out.

In both programs were found such effects as increasing of self-efficacy in the choice between a low-calorie food and high-calorie food in different situations, the growth of interoceptive competence and weight redusing (in the period of 2 months). Another effect of Health Behaviour Internalization odel ws reducing of «inefficiency» — incapability of personal life control.

It was found that a program of psychological interventions, based on the Health Behavior Internalization model was more successful in the development of self-efficacy in situations where social and internal factors provoke overeating, as well as in the development of interoceptive competence.

Key words: health psychology; health behaviour; eating behaviour; Trans-theoretical Model; Health Behavior Internalization Model; self-efficacy; interoceptive competence.

Проблема формирования здорового пищевого поведения остро стоит перед современным обществом в связи с «эпидемией» ожирения населения развитых стран и развитием количества сопутствующих лишнему весу заболеваний. Одной из основных причин появления избыточной массы тела и ожирения признано неправильное питание (сверхпотребление высококалорийной пищи, жиров, сахара, соли и одновременно недопотребление богатых минералами, клетчаткой фруктов и овощей), которое находит свое отражение в неадекватном с точки зрения энергетического баланса привычном поведении. Пищевое поведение, таким образом, является мишенью психологических интервенций, разрабатываемых психологией здоровья. Так, одной из важнейших задач психологии здоровья является обнаружение психологических причин и механизмов, определяющих поведение, с помощью которых можно было бы контролировать поведение человека в сфере здоровья и обучать его самостоятельно осуществлять контроль над поведением. Вместе с тем самостоятельное изменение паттернов привычного пищевого поведения часто связано с непреодолимыми трудностями, так как это длительный процесс, связанный с изменением устойчивых стереотипов пищевого поведения и установок по отношению к нему, требующий большого количества личных ресурсов, а также и ресурсов социальной поддержки. В силу этого групповые программы формирования навыков здорового пищевого поведения под руководством специалистов (врачей, психологов, велнес-коучей и др.) становятся все более популярными среди людей, мотивированных на поиск эффективных способов оздоровления образа жизни и образа питания в том числе.

В этой связи актуальность приобретает поиск методологических оснований построения программ формирования здорового пищевого поведения (программ снижения веса, коррекции нарушений пищевого поведения и т.д.), а также научно обоснованных и доказавших свою эффективность психологических интервенций, нацеленных на развитие здорового пищевого поведения. Традиционно набор используемых в программе интервенций для стимуляции и поддержания здорового пищевого поведения определяется теоретической моделью здорового поведения.

В настоящем исследовании предпосылками для построения программ формирования здорового пищевого поведения выступили транстеоретическая модель здорового поведения Дж. Прохазки и К. Ди Клементи [10] и модель интернализации здорового поведения А. Беллга [6]. Выбор данных моделей был обусловлен их принадлежностью к разным классам психологических моделей, объясняющих поведение человека, — моделям стадий и моделям саморегуляции [4], а также их нацеленностью на разные эффекты. Так, транстеоретическая модель зарекомендо-

вала себя как хороший инструмент для закрепления здорового поведения, так как фокусируется на поддержании результата и предотвращении возврата к нездоровому поведению. Модель интернализации здорового поведения направлена на изменение ценностной системы человека, «встраивание» нового, здорового поведения в его систему ценностей.

В настоящем исследовании предпринята попытка изучения эффективности программ интервенций, построенных на транстеоретической и интернализационной моделях здорового поведения в рамках пищевого поведения, а также выявления специфических эффектов каждой из программ в изменении пищевого поведения у женщин в процессе перехода к здоровому пищевому поведению.

Транстеоретическая модель здорового поведения Дж. Прохазка и К. Ди Клементи

Транстеоретическая модель изменения поведения (Trans-theoretical Model — ТТМ) [10], разработанная на основе обобщения разных методов психотерапии (преимущественно в результате работы с лицами, зависимыми от психоактивных веществ), быстро приобрела известность. Дж. Прохазка и К. Ди Клементи пришли к выводу, что вне зависимости от вида психотерапии клиенты проходят схожие стадии изменения, задаваемые не только периодом времени, но и набором задач, которые должен решить человек, чтобы перейти на следующую стадию [8]. Эти стадии изменения образуют континуум от нежелания что-либо менять через готовность к самому действию. В транстеоретической модели выделяют шесть этапов изменения: сопротивление изменениям, размышление, подготовка, действие, сохранение изменений, завершение. Для понимания того, что происходит на этих стадиях, Дж. Прохазка и К. Ди Клементи выделили процессы изменения и описали их. Из большого количества вариантов психотерапии (авторы проанализировали более 400 подходов) выделилось 8–10 общих процессов, эффективных на определенных стадиях изменения [9] и остающихся достаточно стабильными при разных заболеваниях [4]. К таким процессам относят, например, повышение осознания — степень, когда люди ищут и усваивают новую информацию, пересмотр отношения к себе и своим ценностям в связи с проблемным поведением.

Транстеоретическая модель показала высокую эффективность при формировании здорового поведения в отношении курения, физических упражнений, отказа от алкогольной зависимости, соблюдения диеты и контроля веса [2]. Метаанализ 39 исследований Norgcross et al. (2011) показал, что эффект психотерапии зависит от того, на какой стадии был пациент в начале работы [8]. Эта модель часто подвергалась критике за условность в выделении стадий и нечеткость границ между ними (например, неясно, откуда взялись сроки в полгода и месяц).

Кроме того, хотя в модели хорошо описаны изменения, но не уделено должного внимания механизмам изменений, а также причинам индивидуальных различий в поведенческих изменениях [5]. Наконец, авторы модели призывают к использованию интервенций так, чтобы они «подходили» под соответствующие стадии изменений, но нигде не говорят, в чем именно должно заключаться это соответствие, не предлагают программ и четких критериев [3].

Модель интернализации здорового поведения А. Беллга

Модель интернализации здорового поведения (Health Behavior Internalization Model — НВИМ) — это саморегуляционная модель здорового поведения. Она включает в себя континуум опыта, связанного со здоровьем, от регулируемого внешним контролем (поведение связывается и регулируется вне собственного Я) через интроецирование к интегрированию саморегуляции [6].

Внешняя регуляция содержит восприятие внутренней позиции другого человека или непредвиденных условий среды (обстоятельств) при принятии нового поведения в отношении здоровья. Ощутимые последствия поведения воспринимаются внешними по отношению к себе и своему самочувствию, так как регулируются внешними причинами, например, приятны врачу, супругу и т.д. (внешняя мотивация). На этом уровне человек откликается на внешнее социальное вознаграждение и непредвиденные обстоятельства для реализации поведения, но, предвидя последствия поведения, регулирует его в соответствии с ними. Например, отказывается от здорового питания на работе, так как там есть традиция совместного чаепития. Человек может согласиться с рекомендациями, но не выполнять и игнорировать их.

Внутренняя мотивация также может различаться. Даже когда человек интроецирует новое поведение в отношении здоровья, исходя из внутренних факторов, он может руководствоваться виной, стыдом, внешним давлением и конфликтами, касающимися осуществления старого поведения (выговор начальства за курение в рабочее время). Интроецированная мотивация чаще очевидна, когда цель не достигается, и пациент с интроецированной мотивацией воспринимает факт неудачи как личный провал, а не как нейтральную информацию о не подходящей для него стратегии поведения.

Существует много промежуточных положений на континууме интернализации саморегуляции, но конечная точка (реализация здорового поведения) достижима, когда определенное поведение становится частью ценностей личности, ее структуры и самоощущения. Здоровое поведение становится успешным тогда, когда оно личностно-детерминировано и связано (интегрировано) с ценностями человека. Именно этот уровень интернализации позволяет говорить о большей вероятности

закрепления здорового поведения. Например, иллюстрацией этого уровня интернализации являются личностно-детерминированные активные занятия (хобби) и серьезные жизненные изменения с успешным завершением (новая работа, переезд).

Модель интернализации здорового поведения опирается на теорию самодетерминации Э. Деси и Р. Райана [7]. В теории самодетерминации выделяются три группы потребностей: потребность в компетентности (понимании, как добиваться целей, и уверенности в своей возможности их добиться), потребность в автономии (в убеждении, что у человека есть выбор и воля в отношении целей), потребность в межличностных отношениях (в переживании уважения и поддержки со стороны значимых других). Если говорить о самодетерминации в контексте профилактики и лечения [11], то следует заметить, что у человека есть потребности в понимании того, как добиваться целей, связанных со здоровьем, в уверенности в своих силах, в убеждении, что у него есть выбор в отношении этих целей и в уважении и поддержке в отношении его целей и поведения, связанных со здоровьем, со стороны окружающих — в том числе со стороны медицинских работников.

Опираясь на теорию самодетерминации Э. Деси и Р. Райана, А. Беллг определил ряд факторов (потребностей, которые должны удовлетворяться в процессе реализации здорового поведения), влияющих на процесс интернализации здорового поведения. Он разделил их на две группы — связанные с личностными потребностями (идентификация, самоопределение, безопасность и потребность в поддержке) и связанные с реализацией самого поведения (предпочтения, контекст, компетентность, стратегии преодоления трудностей).

Данная теория объясняет то, что может влиять на процесс интернализации здорового поведения, но не дает четких указаний на способы увеличения степени интернализации здорового поведения, указывая только на интервенции, используемые в других теориях. Например, в модели интернализации здорового поведения часто используются интервенции, обобщенные и описанные в рамках транстеоретической модели здорового поведения, но адаптированные к особенностям данной модели [4].

Организация и методы исследования

Для изучения эффективности интервенций в рамках разных моделей здорового поведения нами проводился эксперимент в двух группах испытуемых. Каждая из групп проходила программу снижения веса, составленную для разных моделей — одна группа должна была следовать транстеоретической модели, а другая — интернализационной модели. Участницы набирались в группы на базе «Пермского краевого центра медицинской профилактики» г. Перми, куда они обращались за профилактическим обследованием. После получения результатов обследования жен-

щинам предлагалось поучаствовать в программе снижения веса. Приглашались женщины, мотивированные к снижению веса, не имеющие хронических заболеваний сердечно-сосудистой системы и желудочно-кишечного тракта, имеющие избыточную массу тела (индекс массы тела в пределах 25–30). В исследовании приняли участие 20 женщин в возрасте от 27 до 67 лет ($M = 40,6$; $SD = 11,96$); 10 из них проходили программу по снижению веса в рамках трансформационной модели здорового поведения, 10 — в рамках интернализационной модели здорового поведения.

Исследование предполагало реализацию программ по снижению веса в форме групповых встреч. До и после прохождения программ проводились замеры веса и особенностей пищевого поведения, а также самооценки в ситуациях, связанных с питанием. Для этого нами использовались следующие методики: Шкала оценки пищевого поведения (ШОПП) D. Garner в адаптации О.А. Ильчик, С.В. Сивуха, О.А. Скугаревского, С. Суихи [1] и Шкала самооценки поведения, связанного с питанием, основанного на сценариях (The DIET-SE) A. Tint, В. Kläuper, С. Stich [12] в адаптации О.В. Мишенковой, Ю.С. Копыловой, позволяющие зафиксировать особенности пищевого поведения участников. Также каждый день участницы отправляли по электронной почте отчет по специально разработанной форме. Ежедневный самоотчет служил иллюстрацией особенностей протекания процесса перехода к здоровому образу жизни, а также поддержкой вне встреч, так как на каждый отчет давалась обратная связь. В дальнейшем отчеты подвергались контент-анализу.

Программы интервенций

Обе программы интервенций для снижения веса предполагали 8 групповых занятий продолжительностью 90 минут 1 раз в неделю. Каждая встреча содержала тот или иной способ изменения, соответствующий модели, в рамках которой была разработана программа. Каждая встреча состояла из двух блоков — информационного (участницы получали информацию по здоровому питанию и физической активности) и психологического (упражнения, поддержка). Также в начале каждой встречи проводилось обсуждение результатов прошедшей недели.

Программа интервенций в ситуации снижения веса в рамках трансформационной модели предполагала использование методов изменения, соответствующих этапам изменения — этап размышлений, этап подготовки к действию и затем этап действия. Именно на этих этапах и находились участницы до прохождения программы и во время ее прохождения. Мы использовали следующие методы и приемы: повышение осознанности, социальное освобождение, эмоциональное пробуждение, принятие обязательств, контроллинг, вознаграждение, поддерживающие отношения и сохранение измене-

ний. Оценка этапа, на котором находились участницы, осуществлялась с помощью опросника, предложенного Дж. Прохазка и К. Ди Клементи.

Программа интервенций в рамках интернализационной модели здорового поведения предполагала использование упражнений, направленных на удовлетворение личностных потребностей и потребностей, касающихся здорового поведения, которые помогают новому поведению успешно интернализироваться. Нами использовались методы и приемы: повышение осознанности в отношении изучения новых фактов, знаний о здоровом поведении; самостоятельная переоценка поведения участницами; стимулирование осознания, что поведение является важной частью личности; принятие ответственности за изменение; предоставление поддержки; помощь в развитии компетенции в выявлении новых моделей здорового поведения; помощь для развития компетенций здорового поведения; предложение стратегий для достижения целей участницы и альтернативных вариантов. Стратегия поддержки реализовывалась путем проведения всех встреч в групповом формате.

Обе программы, во избежание риска формирования или усугубления признаков нарушений пищевого поведения (в частности, ограничительного пищевого поведения), не предполагали определенных диет, а были нацелены на снижение веса посредством развития навыков здорового пищевого поведения, регулируемого чувством голода и осознанностью в потреблении пищи.

Результаты

Так как распределение данных по шкалам было нормальным, мы использовали *t*-критерий Стьюдента для связанных выборок, чтобы определить различия в показателях до и после прохождения программ (табл. 1–2). Было обнаружено, что вес участниц значительно снизился после прохождения обеих программ: $t = 6,69$; $p < 0,001$ — для программы ТТМ, $t = 4,44$; $p < 0,01$ — для программы НВИМ.

Из табл. 1–2 также видно, что после прохождения обеих программ участницы стали более уверены в том, что в ситуациях выбора между здоровой и вредной пищей они выберут здоровую пищу в ситуациях, связанных с количеством высококалорийных продуктов ($t = -2,71$; $p < 0,02$ для ТТМ, $t = -5,54$; $p < 0,001$ для программы НВИМ), в сложных эмоциональных ситуациях ($t = -2,75$; $p < 0,02$ для ТТМ, $t = -2,63$; $p < 0,03$ для НВИМ), и в социально значимых ситуациях ($t = -3,59$; $p < 0,005$ для ТТМ, $t = -4,38$; $p < 0,001$ для НВИМ). Можно говорить о том, что интервенции, представленные в программах, помогают увеличить самооценку в выборе между низкокалорийной пищей и высококалорийной в разных ситуациях.

Таблица 1. Результаты сравнения показателей до и после прохождения программы по снижению веса в рамках транстеоретической модели (ТТМ)

Переменная	Ср. значения в группе ТТМ «до»	Ср. значения в группе ТТМ «после»	t – Критерий Стьюдента	Уровень значимости (p)
Шкала высококалорийной пищи (DIET-SE)	8,1	10,9	-2,71	0,02
Шкала внешних и внутренних факторов (DIET-SE)	7,8	9,1	-2,75	0,02
Шкала негативных эмоциональных событий (DIET-SE)	7,7	10,8	-3,59	0,005
Стремление к худобе (ШОПП)	6,5	6,4	1,00	0,34
Булимия (ШОПП)	6,7	6,3	1,80	0,10
Неудовлетворенность телом (ШОПП)	7,5	7,8	-1,96	0,08
Неэффективность (ШОПП)	7,1	7,5	-1,00	0,34
Перфекционизм (ШОПП)	4,8	4,9	-1,00	0,34
Недоверие в межличностных отношениях (ШОПП)	7,4	6,9	1,10	0,29
Интероцептивная некомпетентность (ШОПП)	6,4	4,6	4,32	0,001
Вес, кг	76,1	73,2	6,69	0,000089

Примечание: ШОПП — Шкала оценки пищевого поведения; DIET-SE — Шкала самооэффективности поведения, связанного с питанием, основанного на сценариях.

Таблица 2. Результаты сравнения показателей до и после прохождения программы интервенций по снижению веса в рамках модели интернализации здорового поведения (НВИМ)

Переменная	Ср. значения в группе НВИМ «до»	Ср. значения в группе НВИМ «после»	t – Критерий Стьюдента	Уровень значимости (p)
Шкала высококалорийной пищи (DIET-SE)	5,7	11,0	-5,54	0,00035
Шкала внешних и внутренних факторов (DIET-SE)	6,5	10,8	-2,63	0,027
Шкала негативных эмоциональных событий (DIET-SE)	6,5	9,6	-4,38	0,001
Стремление к худобе (ШОПП)	6,7	5,8	1,53	0,15
Булимия (ШОПП)	5,2	4,5	1,90	0,088
Неудовлетворенность телом (ШОПП)	4,8	4,8	0	0
Неэффективность (ШОПП)	5,7	4,6	2,40	0,0398
Перфекционизм (ШОПП)	5,1	4,9	0,36	0,726
Недоверие в межличностных отношениях (ШОПП)	6,00	5,6	0,84	0,422
Интероцептивная некомпетентность (ШОПП)	6,8	3,7	8,90	0,000009
Вес, кг	78,5	76,1	4,44	0,0016

Примечание: ШОПП — Шкала оценки пищевого поведения; DIET-SE — Шкала самооэффективности поведения, связанного с питанием, основанного на сценариях.

Также получено «общее» для двух программ значимое различие по шкале интероцептивной некомпетентности ($t = 4,32$; $p < 0,001$ для ТТМ, $t = 4,44$; $p < 0,001$ для НВИМ), которая трактуется как дефицит уверенности в отношении распознавания чувства голода и насыщения. Таким образом, интервенции, сконструированные в рамках обеих моделей, повышают уровень осознанности своего собственного тела, развивают способность прислушиваться к себе и хорошо дифференцировать свои ощущения (особенно голод и насыщение).

В рамках интернализационной модели получено важное различие в динамике «до» и «после» программы по шкале оценки пищевого поведения «неэффективность» ($t = 2,40$; $p < 0,04$) — показатели по этой шкале снизились после прохождения программы; можно заключить, что уменьшилось ощущение общей неадекватности (имеется в виду чувство одиночества, отсутствие ощущения безопасности) и неспособности контролировать собственную жизнь.

Для сравнения эффективности двух программ снижения веса, сконструированных в рамках разных моделей здорового поведения, мы вычислили и сравнили сдвиги в измеряемых показателях между состоянием «до» и состоянием «после» прохождения программы.

Так как часть сдвигов по шкалам подчинялась закону нормального распределения, а часть нет, нами было принято решение использовать два критерия для выявления различий в эффективности двух программ. Для выявления различий по шкалам «стремление к худобе», «булимия» и «перфекционизм» был использован непараметрический критерий U-Манна-Уитни (табл. 3). Для остальных шкал был использован t-критерий Стьюдента для независимых выборок (табл. 4).

Различий в эффективности программ интервенций для снижения веса, сконструированных в рамках разных моделей здорового поведения по данным переменным, не выявлено.

Таблица 3. Результаты сравнения эффективности программ интервенций, сконструированных в рамках разных моделей здорового поведения с помощью U-критерия Манна-Уитни

Переменная	Сумма рангов		U-критерий Манна-Уитни	Уровень значимости (p)
	Группа ТТМ	Группа НВИМ		
Стремление к худобе (ШОПП)	91,5	118,5	36,5	0,30
Булимия (ШОПП)	87,0	123,0	32,0	0,17
Перфекционизм (ШОПП)	84,0	126,0	29,0	0,11

Таблица 4. Результаты сравнения эффективности программ интервенций, сконструированных в рамках разных моделей здорового поведения (t-критерий Стьюдента)

Переменная	Ср. значения в группе ТТМ	Ср. значения в группе НВИМ	t – Критерий Стьюдента	Уровень значимости (p)
Шкала высококалорийной пищи (DIET-SE)	-2,8	-5,3	1,77	0,094
Шкала внешних и внутренних факторов (DIET-SE)	-1,3	-4,9	4,30	0,0004
Шкала негативных эмоциональных событий (DIET-SE)	-3,1	-3,1	0,00	1,00
Неэффективность (ШОПП)	-0,4	0,7	-1,83	0,083
Интероцептивная некомпетентность (ШОПП)	1,5	3,1	-2,62	0,01
Вес, кг	2,9	2,3	0,88	0,38

Были выявлены различия в эффективности интервенций (программ) по шкале самооффективности «внешних и внутренних факторов» ($t = 4,30$; $p < 0,001$) и по показателю «интероцептивная некомпетентность» ($t = -2,62$; $p < 0,01$). Показатели выше в группе интернализационной модели здорового поведения. Таким образом, интервенции, сконструированные в рамках интернализационной моде-

ли, более успешно могут увеличивать самооффективность здорового пищевого поведения в ситуациях, когда действуют как социальные (внешние), так и внутренние факторы (физическое или эмоциональное состояние), а также более успешно снижают такую характеристику нарушений пищевого поведения, как «интероцептивная некомпетентность»,

чем интервенции, сконструированные в рамках транстеоретической модели.

Для выявления особенностей процесса перехода к здоровому образу жизни нами был проведен контент-анализ ежедневных отчетов. Были выявлены различия в частоте встречаемости отдельных категорий в отчетах участниц. Так как ежедневный отчет был структурирован и в нем присутствовали пункты «питание за день» и «оценка физической активности», самыми распространенными категориями в обеих группах были категории «питание» (56,9 % для ТТМ и 35,6 % для НВМ) и «физическая активность» (26,8 % для ТТМ и 18,5 % для НВМ).

Были получены различия в частоте встречаемости подкатегорий категории «питание»: например, подкатегории «низкокалорийная пища» ($\phi = 10,8$, $p < 0,001$) и «напитки» ($\phi = 24,6$, $p < 0,001$) встречались чаще в группе транстеоретической модели, как и категория «физическая активность» ($\phi = 4,1$, $p < 0,01$), что может говорить о том, что участники этой группы сосредотачивали свое внимание больше на продуктах, их калорийности и физической активности для достижения цели. Для этой группы также было характерно наличие категории «калории», предполагающее их подсчет в ежедневном отчете как один из способов контроля над калорийностью потребляемой пищи.

В то же время для группы интернализационной модели было характерно фокусирование внимания на процессе принятия здорового поведения, так как в отчетах данной группы присутствовала категория «описание перехода к здоровому образу жизни», которой не было в ежедневных отчетах группы транстеоретической модели. Также в группе интернализационной модели чаще встречалась категория «эмоции», причем позитивные эмоции встречались чаще, чем негативные. Данный факт может говорить о том, что фокусировка на процессе перехода к здоровому образу жизни и на собственных предпочтениях влечет за собой обращение внимания на свое собственное настроение и эмоции, тем самым способствуя определению подходящего способа реализации здорового поведения. Еще одной характерной для интернализационной модели категорией была категория «проблемы с мотивацией». Это неудивительно, так как согласно исследованиям А. Беллга [6] в процессе интернализации здорового поведения человек ищет внутреннюю мотивацию и контроль взамен внешних.

В целом самоотчеты участниц отражали содержательное наполнение интервенций программ снижения веса.

Обсуждение

В результате анализа эффективности интервенций, сконструированных в рамках двух моделей здорового

поведения, нами был обнаружен ряд отличительных черт каждой из программ интервенций.

Так, транстеоретическая модель здорового поведения предполагала продвижение участниц по стадиям, описанным в модели. В результате диагностики стадий определили, что все участницы программы сменили стадию, на которой находились, на следующую за ней стадию. По мнению авторов транстеоретической модели, такой переход играет важную роль в формировании самооффективности в реализации здорового поведения. В нашем исследовании самооффективность в ситуациях, связанных с выбором между полезной и вредной пищей, после прохождения программы была выше, чем при первых замерах. При переходе от одного этапа на другой (например, от этапа подготовки к действию на этап действия) уверенность, а следовательно, и самооффективность повышались.

После прохождения программы по снижению веса, основанной на интервенциях в рамках транстеоретической модели, по показателям особенностей пищевого поведения снизился показатель «интроцептивная некомпетентность», который включает в себя способность тонко дифференцировать свои ощущения и потребности, в том числе пищевые. Один из методов, используемых в программах интервенций в рамках транстеоретической модели — это метод повышения осознанности, предполагающий как раз обращение внимания на процесс, на дифференцирование ощущений, «замедление» сознания. По мнению Дж. Прохазка и его коллег [9], использование данного метода эффективно на этапах «размышление», «подготовка к действию» и «действие». В нашем случае участницы в начале программы находились в основном на этапе «подготовка к действию», и на этапе «действие» после окончания программы, следовательно, использование метода повышения осознанности могло привести как раз к снижению уровня «интроцептивной некомпетентности».

После прохождения участницами программы интервенций в рамках интернализационной модели самооффективность поведения, связанного с питанием по разным шкалам также увеличилась по сравнению с уровнем «до» прохождения программы. Эти результаты подтверждаются также наличием различия между состоянием показателя «неэффективность» по шкале оценки пищевого поведения «до» и «после» прохождения программы интервенций в рамках интернализационной модели здорового поведения. Согласно А. Беллгу [6], самооффективность имеет прямое отношение к компетентности, т.е. способности и готовности к здоровому поведению. Самооффективность в этом контексте становится компонентом компетентности в выбранном поведении как атрибута успешной интернализации здорового поведения.

Так же, как и в после прохождения программы в рамках транстеоретической модели, после прохождения программы в рамках интернализационной модели здорового поведения снизился уровень interoцептивной некомпетентности. Можно предположить, что так как, по мнению А. Беллга, интернализация здорового поведения влечет за собой подбор способов реализации такого поведения под свои потребности, особенности и условия жизни, то необходимым условием такой «ориентировки» является четкое осознание того, подходит ли данный способ или нет. Это, в свою очередь, предполагает ориентировку не только во внешнем жизненном пространстве, но и во внутренних сигналах. Следовательно, человек становится более компетентен в распознавании сигналов от своего тела и уровень interoцептивной некомпетентности снижается.

Хотя исследование носило характер пилотажного, можно говорить о том, что обе программы были эффективны для снижения веса в течение двух месяцев, так как показатель веса участниц статистически значимо снизился в обеих программах. Кроме того, произошли изменения в психологических переменных, обуславливающих пищевое поведение. Так, важным результатом обеих программ является увеличение самоэффективности в ситуациях, связанных с выбором здоровой пищи, в сложных ситуациях и interoцептивной компетентности как показателя осознанности и естественной регуляции пищевого поведения чувством голода. Сравнение содержания психологических интервенций показало, что транстеоретическая модель больше сфокусирована на переход от этапа к этапу и на средствах осуществления перехода и достижения результата, а модель интернализации здорового поведения больше сфокусирована на процессе перехода к новому поведению и на ориентировке в собственных предпочтениях в реализации нового поведения. Для определения долгосрочной эффективности необходимо проведение дополнительного исследования на больших выборках с программами интервенций на протяжении минимум 6 месяцев, так как именно такой срок, по мнению Дж. Прохазка и его коллег, необходим для формирования устойчивого нового поведения.

Список литературы

1. Ильчик О.А., Сивуха С.В., Скугаревский О.А., Суихи С. Русскоязычная адаптация методики «Шкала оценки пищевого поведения» // Психиатрия, психотерапия и клиническая психология. 2011. № 1. С. 39–50.
2. Рассказова Е.И. Модели стадий изменения поведения в психологии здоровья: возможности и ограничения // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. 2014. № 4. С. 102–119.

3. Рассказова Е.И. Саморегуляция в психологии здоровья и клинической психологии // Вопросы психологии. 2012. № 1. С. 75–82.
4. Рассказова Е.И., Кошелева Н.В. Психологические методы изменения поведения, связанного со здоровьем: возможности и ограничения // Консультативная психология и психотерапия. 2014. Т. 22, № 3. С. 183–205.
5. Armitage C.J. Is there utility in the transtheoretical model? // British Journal of Health Psychology. 2009. № 14. P. 195–210.
6. Bellg A.J. Maintenance of Health Behavior Change in Preventive Cardiology: Internalization and Self-Regulation of New Behaviors // Behaviour Modification. 2003. № 27. P. 103–131.
7. Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior // Psychological Inquiry. 2000. № 11. P. 227–268.
8. Norcross J.C., Krebs P.M., Prochaska J.O. Stages of change // Journal of Clinical Psychology: In Session. 2011. № 67(2). P. 143–154.
9. Prochaska J.O., DiClemente C.C. Stages and processes of self-change of smoking: Toward an integrative model of change // Journal of Consulting and Clinical Psychology. 1983. № 51(3). P. 390–395.
10. Prochaska J.O., DiClemente C.C., Norcross J.C. In search of how people change. Applications to addictive behaviors // American Psychologist. 1992. № 47(9). P. 1102–1114.
11. Sheldon K., Williams J., Joiner T. Self-determination theory in the clinic. New Haven; London: Yale University Press, 2003. 208 p.
12. Tint A., Knäuper B., Stich C. A Scenario-Based Dieting Self-Efficacy Scale: The DIET-SE // Assessment. № 16. 2009. P. 16–30.

Получено 18.01.2016

References

1. Ilchik O.A., Sivukha S.V., Skugarevskiy O. A., Suikhi S. [Russian adaptation of «Scale of eating behaviour assessment» methodics]. *Psikhiatriya, psikhoterapiya i klinicheskaya psikhologiya* [Psychiatrics, psychotherapy, and clinical psychology]. 2011, no 1, pp. 39–50. (In Russian).
2. Rasskazova E.I. [Models of stages of behaviour changing in psychology of health: possibilities and limitations]. *Vestnik Moskovskogo universiteta. Seriya 14: Psikhologiya*. [Moscow University Bulletin. Series 14: Psychology]. 2014, no 4, pp. 102–119. (In Russian).
3. Rasskazova E.I. [Self-regulation in psychology of health and clinical psychology]. *Voprosy psikhologii* [Issues of psychology]. 2012, no 1, pp. 75–82. (In Russian).
4. Rasskazova E.I., Kosheleva N.V. [Psychological methods of behavior changing, connected with health]. *Konsultativnaya psikhologiya i psikhoterapiya*

- [Consultive psychology and psychotherapy]. 2014, vol. 22, no 3, pp. 183–205. (In Russian).
5. Armitage C.J. Is there utility in the transtheoretical model? *British Journal of Health Psychology*. 2009, no 14, pp. 195–210. (In English).
 6. Bellg A.J. Maintenance of Health Behavior Change in Preventive Cardiology: Internalization and Self-Regulation of New Behaviors. *Behaviour Modification*. 2003, no 27, pp. 103–131. (In English).
 7. Deci E.L., Ryan R.M. The «what» and «why» of goal pursuits: Human needs and the self-determination of behavior. *Psychological Inquiry*. 2000, no 11, pp. 227–268. (In English).
 8. Norcross J.C., Krebs P.M., Prochaska J.O. Stages of change. *Journal of Clinical Psychology: In Session*. 2011, no 67(2), pp. 143–154. (In English).
 9. Prochaska J.O., DiClemente C.C. Stages and processes of self-change of smoking: Toward an integrative model of change. *Journal of Consulting and Clinical Psychology*. 1983, no 51(3), pp. 390–395. (In English).
 10. Prochaska J.O., DiClemente C.C., Norcross J.C. In search of how people change. Applications to addictive behaviors. *American Psychologist*. 1992, no 47(9), pp. 1102–1114. (In English).
 11. Sheldon K., Williams J., Joiner T. Self-determination theory in the clinic. New Haven; London: Yale University Press, 2003, 208 p. (In English).
 12. Tint A., Knäuper B., Stich C. A Scenario-Based Dieting Self-Efficacy Scale: The DIET-SE. *Assessment*. 2009, no 16, pp. 16–30. (In English).

The date of the manuscript receipt 18.01.2016

Об авторах

Шевкова Елена Викторовна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической
психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: eshevkova@gmail.com

Мишенкова Ольга Владимировна

менеджер ООО «Биллинговые системы»,
614087, Пермь, ул. Малкова, 12;
e-mail: gvaeglor@gmail.ru

About the authors

Shevkova Elena Viktorovna

Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor
of Department of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: eshevkova@gmail.com

Mishenkova Olga Vladimirovna

manager LLC «Billing Systems»,
12, Malkov str., Perm, 614087, Russia;
e-mail: gvaeglor@gmail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Шевкова Е.В., Мишенкова О.В. Психологические интервенции в формировании здорового пищевого поведения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 86–94. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-86-94

Please cite this article in English as:

Shevkova E.V., Mishenkova O.V. Psychological interventions in the development of health eating behavior // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 86–94. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-86-94

УДК 159.937.51

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-95-103

ОСОБЕННОСТИ ЦВЕТОВЫХ ПРЕДПОЧТЕНИЙ В СВЯЗИ С ПСИХИЧЕСКИМ СОСТОЯНИЕМ У КУРИЛЬЩИКОВ МАРИХУАНЫ В ПЕРИОД РЕМИССИИ

Бергфельд Александра Юрьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

Дронго Елена Алексеева

ООО «Континент»

В статье рассматривается взаимосвязь между психическим состоянием курильщиков марихуаны в период ремиссии и их цветовыми предпочтениями. Представлены результаты исследования цветовых предпочтений в связи с основными компонентами структуры психического состояния, а также его модальности. Тестируются гипотезы о влиянии психического состояния курильщиков в период ремиссии на предпочтение/отвержение определенных цветов. Анализируются различия во взаимосвязях психического состояния и цветовых предпочтений курящих по сравнению с не курящими марихуану. Представлена таблица цветовых предпочтений курильщиков марихуаны во взаимосвязях с соответствующими компонентами и модальностью психического состояния. В результате исследования на поведенческом и импрессионном уровнях психического состояния установлена тенденция к отвержению черного цвета курящими марихуану. В целом отвержение теплых цветов характерно исключительно для курящих. Достаточно ярко продемонстрировано различие цветовых предпочтений на уровне физиологических реакций психического состояния. Для не курящих свойственно отвержение черного цвета, для курящих — предпочтение зеленого цвета. Выявлено, что курение марихуаны влияет на цветовые предпочтения. У курящих ярче, чем у не курящих, выражены такие психические состояния, как одиночество, свобода выбора, расхождение между реальным и идеальным «Я», свобода воли, безнадежность, чувство неприкаянности. Негативное воздействие употребления наркотических веществ на психику человека нуждается в дополнительном исследовании.

Ключевые слова: цветовые предпочтения; психическое состояние; потребление марихуаны; ремиссия.

SPECIFICITY OF COLOUR PREFERENCES DETERMINED BY THE MENTAL STATE OF MARIJUANA SMOKERS IN REMISSION

Alexandra Yu. Bergfeld

Perm State University

Elena A. Drongo

LLC «Continent»

The article is aimed at revealing the relation between the mental state of marijuana smokers in remission and their colour preferences. The results of the research of colour preferences in accordance with the essential components of the mental state structure and modality are given. The hypothesis about the influence of the mental state of marijuana smokers in remission on colour preferences are tested. The differences in the relationship of mental status and color preferences of marijuana smokers compared to non-smokers are analyzed. The table of the colour preferences of marijuana smokers in their relations to the relevant components and modality of the mental state is presented. As a result marijuana smokers reject black colour on behavioral and impressive levels of mental state. In general, the rejection of warm colors is specific to smokers. The difference of color preference at the level of physiological reactions of mental state is clearly demonstrated. Non-smokers tend to reject of black, smoking — the preference of green. It was found that smoking marijuana affects the color preferences. Smokers brighter than that of non-smokers, expressed such mental conditions as loneliness, freedom of choice, the discrepancy between the real and the ideal «I», freedom of will, the hopelessness, the feeling of restlessness. Negative influence of drug using on psyche needs further researches.

Key words: colour preferences; mental state; marijuana smokers; remission.

Введение в проблему

В науке к настоящему времени накоплены знания об объективных закономерностях воздействия цвета на психическое состояние субъекта. Однако особенности воздействия цвета на психику до сих пор остаются малоисследованными. Трудно предсказать реакцию субъекта на цветовой оттенок в конкретном контексте. В настоящем исследовании анализируются особенности цветовых предпочтений курильщиков марихуаны в связи с их психическим состоянием в период ремиссии.

Проблема психических состояний в человекознании имеет особое значение, поскольку от них существенно зависит характер деятельности человека. Следует отметить, что до сих пор нет общепринятых определений структуры и функций, механизмов и детерминант, классификации и методов исследования психических состояний. Так, В.А. Ганзен и В.Н. Юрченко отмечают, что причина замедленного научного познания психических состояний человека заложена в самой их природе [1]. Имеющиеся в литературе определения психического состояния (Левитов, 1964; Сосновикова, 1975; Прохоров, 1994) прямо или косвенно подчёркивают сложность, многокомпонентность, многоуровневость состояний человека как психических явлений [4, 9, 7].

Показано, что цвет связан с психическим состоянием человека. Первые достоверные данные о воздействии цвета на человека были получены в начале XX в. В.М. Бехтеревым, который установил, что красный цвет способствует ускорению реакций, желтый не влияет на их скорость, зеленый слегка замедляет, а фиолетовый вызывает заметное замедление реакций. Изучением данной проблематики занимались такие ученые, как Ф. Стефанеско-Гоанча [8, с. 112], С.В. Кравков [3], Г. Фрилинг, К. Ауэр [10], М. Дерибере [2] и др.

Влияние марихуаны на психику исследовали A.J. Gruber, H.G. Pope, J.I. Hudson, D. Yurgelun-Todd [13], T. Moore, S. Zammit, A. Lingford-Hughes [12] и др. Исследования в последние десятилетия были сосредоточены на выявлении связи между употреблением марихуаны и психическими заболеваниями. Убедительные доказательства предлагают L. Arseneault, M. Cannon, которые утверждают наличие связи между употреблением каннабиса и психозом [11]. Количество используемого препарата, возраст при первом использовании и генетическая уязвимость — факторы, которые определяют динамику психических расстройств.

Согласно отчету Национального института здоровья США степень интенсивности цветов и звуков увеличивается при употреблении марихуаны [5]. Употребление марихуаны вызывает беспокойство, страх, подозрительность или панику. Нарушается

способность человека запоминать, вспоминать и переключать внимание. Потребители, принявшие большие дозы марихуаны, могут испытать острый токсичный психоз, включающий галлюцинации, мании, деиндивидуализацию — утрату способности к самоидентификации.

Взаимосвязь психических состояний и восприятия цвета является закономерной, обусловленной, с одной стороны, психофизическими характеристиками цвета, а с другой — психофизиологической организацией человека. Из этого с необходимостью следует, что определенные формы отношения к цвету несут информацию об индивидуальных и типологических качествах человека — о темпераменте, характере, о личности в целом.

В настоящей статье вопрос о взаимосвязи между употреблением марихуаны и психическим состоянием рассматривается в контексте цветовых предпочтений. На наш взгляд, исследование указанной проблемы позволит приблизиться к ответам на вопросы о том, можно ли прогнозировать качество переживаемого психического состояния в зависимости от цветовых предпочтений? Является ли выбор цвета фактором, определяющим психическое состояние? Можно ли на основе цветовых предпочтений прогнозировать риск пристрастия субъекта к марихуане?

Гипотеза исследования

Цель работы — выявление взаимосвязей цветовых предпочтений с психическим состоянием у курильщиков марихуаны в период ремиссии. На основе полученных данных составлена таблица цветовых предпочтений во взаимосвязях с соответствующими компонентами и модальностью психического состояния.

Задачи исследования:

Выявить взаимосвязь цветовых предпочтений и психического состояния у курильщиков марихуаны в период ремиссии.

Сравнить особенности цветовых предпочтений курильщиков марихуаны в период ремиссии и у не курящих марихуану.

Оценить различия во взаимосвязи цветовых предпочтений с соответствующими компонентами и модальностью психического состояния у курящих и не курящих марихуану участников исследования.

Составить таблицу цветовых предпочтений курильщиков марихуаны во взаимосвязях с соответствующими компонентами и модальностью психического состояния.

Гипотезы исследования:

Психическое состояние курильщика марихуаны в период ремиссии влияет на предпочтение им определенных цветов.

Психическое состояние курильщика марихуаны в период ремиссии влияет на отвержение им определенных цветов.

Психическое состояние курильщика марихуаны в период ремиссии влияет на предпочтение им определенных цветов; характер указанной взаимосвязи отличается в выборке не курящих марихуану.

Методы

Участниками исследования стали 95 человек в возрасте 18–30 лет. Они были разделены на 2 группы: курящих и не курящих марихуану. В группу не курящих вошли студенты разных специальностей Пермского государственного национального исследовательского университета, всего 50 человек в возрасте от 18 до 25 лет: из них 19 девушек и 31 юноша. Средний возраст — 19 лет. В группу курящих марихуану вошли 45 пациентов Краевого наркологического диспансера № 1 г. Перми, находящихся в состоянии ремиссии. Их возраст 18–30 лет, 32 юноши и 13 девушек. Средний возраст 23 года. Исследование проводилось индивидуально в рамках занятий по реабилитации. Хотелось бы подчеркнуть, что согласно Закону РФ «О наркотических средствах и психотропных веществах» и Уголовному кодексу РФ (ст. 228–233), употребление наркотических веществ на основе марихуаны является административным нарушением.

В исследовании были использованы следующие методики:

1. Для выявления цветовых предпочтений использовался «Цветовой тест М. Люшера».

2. С помощью «Рельефа психического состояния личности» А.О. Прохорова изучались основные компоненты психического состояния: психические процессы, физиологические реакции, переживания и поведение.

3. Посредством опросника «Психические состояния личности» А.Т. Джерсайлда оценивались стойкие внутренние состояния личности (одиночество, бессмысленность существования (ощущение бессмысленности существования), свобода выбора (отношение к авторитету), половой конфликт, враждебный конфликт, расхождение между реальным и идеальным «Я»), свобода воли, безнадежность, чувство неприкаянности (бездомность).

Обработка данных производилась с помощью программного пакета SPSS 19 с использованием Т-критерия Стьюдента и множественного регрессионного анализа.

Результаты и обсуждение

В результате сравнительного анализа по группам курящих и не курящих марихуану были получены данные, свидетельствующие о достоверных различиях по следующим показателям компонентов и модальности психических состояний: физиологические реакции, одиночество, свобода выбора, расхождение между реальным и идеальным «Я», свобода воли, безнадежность, чувство неприкаянности.

Эти данные позволяют описать различия между курящими и не курящими марихуану.

Таблица 1. Сравнительный анализ показателей компонентов структуры и модальности психических состояний в группах курящих и не курящих марихуану (оценка по Т-критерию Стьюдента)

Компоненты и модальность психического состояния	Ср 1	Ср 2	t-value	p
Психические процессы	7,7	7,1	1,96	0,052
Физиологические реакции	7,4	6,5	3,87*	0,000
Шкала переживаний	7,4	6,8	1,70	0,091
Поведение	7,4	7,1	0,98	0,328
Одиночество	1,9	3,2	-2,68*	0,008
Бессмысленность существования	2,5	3,1	-1,59	0,113
Свобода выбора	2,1	2,8	-2,01*	0,047
Половой конфликт	0,9	0,7	0,64	0,517
Враждебный конфликт	3,8	4,5	-1,71	0,090
Расхождение между реальным и идеальным «Я»	2,0	3,0	-2,48*	0,014
Свобода воли	2,6	3,4	-2,24*	0,027
Безнадежность	1,6	2,7	-3,03*	0,003
Чувство неприкаянности	1,4	3,4	-4,41*	0,000

Примечание: Ср1 — среднее значение в группе не курящих марихуану, Ср 2 — в группе курящих марихуану. Знаком * отмечены статистически значимые различия; p — уровень значимости.

Значения по показателю «физиологические реакции» в структуре психического состояния значимо

выше в группе не курящих марихуану. Представители данной группы более активны и работоспособ-

ны. У лиц, курящих марихуану даже в период ремиссии, наблюдается мышечное напряжение, снижение координации движений, активности. Значения по показателям психических состояний «одиночество», «свобода выбора» и «свобода воли» в большей степени выражены в группе курящих марихуану. «Выбор» как таковой они ощущают острее, т.к. на протяжении периода ремиссии перед ними стоит выбор между старым и новым образом жизни. Чтобы придерживаться линии выздоровления, курящим марихуану приходится проявлять силу воли. Значения по показателям психических состояний

«расхождение между реальным и идеальным “Я”», «безнадежность» и «чувство неприкаянности» значимо выше у курящих марихуану.

Тестируя гипотезы о том, что 1) психическое состояние курильщика марихуаны в период ремиссии влияет на предпочтение им определенных цветов, 2) психическое состояние курильщика марихуаны в период ремиссии влияет на отвержение им определенных цветов, мы провели множественный регрессионный анализ (результаты его приведены в табл. 2–5).

Таблица 2. Связь между предпочтением цвета и психическими процессами

N = 45, R2 = 0,16	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t(43)	p-level
Intercept			6,66	0,50	13,15	0,00
Оранжево-красный цвет	0,16	0,15	0,11	0,10	1,07	0,29

Каких либо достоверных цветовых предпочтений выявлено не было.

Таблица 3. Связь между предпочтением цвета и физиологическими реакциями

N = 45, R2 = 0,41	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t(42)	p-level
Intercept			7,94	0,67	11,72	0,00
Зеленый цвет	-0,42	0,14	-0,27	0,09	-2,95	0,00
Черный цвет	-0,15	0,14	-0,09	0,08	-1,04	0,30

Ощущение тепла, умеренное мышечное напряжение, хорошая координация движений, двигательная активность, энергичность, учащение дыхания, серд-

цебиения, умеренное чувство голода сопровождаются предпочтением зеленого цвета.

Таблица 4. Связь между предпочтением цвета и переживаниями

N = 45, R2 = 0,40	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t(42)	p-level
Intercept			3,69	1,18	3,12	0,00
Коричневый цвет	0,41	0,15	0,31	0,11	2,71	0,00
Черный цвет	0,28	0,15	0,24	0,13	1,86	0,06

Веселость, оптимистичность, задорность, активность, бодрость, бойкость, раскованность сопровождаются отвержением коричневого и черного цвета.

Таблица 5. Связь между предпочтением цвета и поведением

N = 45, R2 = 0,27	Beta	Std.Err.	B	Std.Err.	t(42)	p-level
Intercept			5,63	0,85	6,61	0,00
Черный цвет	0,21	0,14	0,15	0,10	1,42	0,16
Серый цвет	0,16	0,14	0,11	0,10	1,12	0,26

Активность, целеустремленность, размеренность, продуманность, адекватность, напряженность, стабильность, уверенность, открытость сопровождаются отвержением черного цвета.

Аналогичной математической процедурой тестировалась гипотеза о влиянии цветовых предпочтений на психические состояния различных модальностей в группах курящих и не курящих марихуану.

Результаты рассматривались и в контексте сравнения с данными, полученными другими исследователями. Так, С.В. Персиянцева для выявления различий в эмоциональном состоянии испытуемых двух групп, одна из которых находилась в состоянии наркотической зависимости, использовала методику М. Люшера [6]. Обнаружено, что есть значимые различия в выборе цветов. Учитывая ранговый ряд цветов, студенты в качестве «явного предпочтения» и просто «предпочтения» чаще выбирали основные цвета. Группа наркозависимых выбирала дополнительные. В нашем исследовании такой тенденции не выявлено, курящие марихуану предпочитали как основные, так и дополнительные цвета. Возможно, это объясняется тем, что С.В. Персиянцева изучала более тяжелую зависимость, а именно опииную.

Т. Moore, S. Zammit, A. Lingford-Hughes в ряде исследований установили связь между хроническим употреблением марихуаны и высокими показателями тревоги, депрессии и шизофрении [12]. В нашем исследовании этот факт подтвердился, показатели негативных психических состояний у потребителей марихуаны выше. Стефанеско-Гоанча в 1911 г. установил, что при красном, оранжевом, желтом свете дыхание ускоряется и усиливается, делается более глубоким. Пульс становится более частым и сильным, это свидетельствует об усилении дыхания и кровообращения [8]. Мы можем добавить, что при подобных физиологических реакциях курящие марихуану предпочитают зеленый цвет.

Рассматривая результаты исследования в контексте гипотезы о том, что психическое состояние курящего марихуану в период ремиссии влияет на предпочтение им определенных цветов, характер указанной взаимосвязи отличается в выборке не курящих марихуану, мы провели качественный сравнительный анализ результатов множественного регрессионного анализа на двух выборках. По итогам этого анализа составлена таблица цветовых предпочтений во взаимосвязях с соответствующими компонентами и модальностью психического состояния.

Таблица 6. Цветовые предпочтения во взаимосвязях с соответствующими компонентами и модальностью психического состояния (на выборках курящих марихуану в период ремиссии и не курящих марихуану)

Состояние	Проявление данного состояния	Цветовые предпочтения не курящих	Цветовые предпочтения курящих
Психические процессы	Обострение чувствительности к внешним воздействиям, ясность восприятия, хорошая память, сообразительность, фантазирование, чувство радости, восторга, уверенность в себе и трудоспособность	Предпочтение зеленого (p = .08). Отвержение черного (p = .05)	Отсутствуют
Физиологические реакции	Ощущение тепла, умеренное мышечное напряжение, хорошая координация движений, двигательная активность, энергичность, учащение дыхания, сердцебиения, умеренное чувство голода	Отвержение черного (p = .00)	Предпочтение зеленого (p = .00)
Переживания	Веселость, оптимистичность, задорность, активность, бодрость, бойкость, раскованность	Отвержение черного (p = .00)	Отвержение коричневого (p = .00) и черного (p = .06)
Поведение	Активность, целеустремленность, размеренность, продуманность, адекватность, напряженность, стабильность, уверенность, открытость	Отвержение черного (p = .00). Предпочтение синего (p = .22)	Отвержение черного (p = .16)
Одиночество	Не курящие — слабая выраженность. Курящие — умеренная выраженность	Отвержение фиолетового (p = .00), зеленого (p = .04) и серого (p = .06)	Предпочтение черного (p = .12)

Состояние	Проявление данного состояния	Цветовые предпочтения не курящих	Цветовые предпочтения курящих
Бесмысленность существования (ощущение бессмысленности существования)	Не курящие — умеренная выраженность. Курящие — умеренная выраженность	Отвержение фиолетового (p = .01) и коричневого (p = .16)	Предпочтение зеленого (p = .08) и желтого (p = .14)
Свобода выбора (отношение к авторитету)	Не курящие — слабая выраженность. Курящие — умеренная выраженность	Предпочтение синего (p = .21).	Отвержение красного (p = .08) и фиолетового (p = .17).
Половой конфликт	Не наркозависимые — слабая выраженность. Наркозависимые — слабая выраженность	Отвержение фиолетового (p = .00) и серого (p = .10)	Предпочтение фиолетового (p = .18)
Враждебный конфликт	Не курящие — умеренная выраженность. Курящие — сильная выраженность	Отвержение фиолетового (p = .02) и желтого (p = .02). Предпочтение коричневого (p = .05)	—
Расхождение между реальным и идеальным «Я»	Не курящие — слабая выраженность. Курящие — умеренная выраженность	Отвержение фиолетового (p = .12)	Отвержение серого (p = .17). Предпочтение зеленого (p = .18)
Свобода воли	Не курящие — умеренная выраженность. Курящие — умеренная выраженность	Предпочтение зеленого (p = .29). Отвержение фиолетового (p = .14)	Предпочтение черного (p = .01), синего (p = .02), зеленого (p = .05), фиолетового (p = .17)
Безнадежность	Не курящие — слабая выраженность. Курящие — умеренная выраженность	Отвержение зеленого (p = .02) и фиолетового (p = .03)	Отвержение оранжево-красного (p = .06) и серого (p = .19). Предпочтение черного (p = .15) и зеленого (p = .19)
Чувство неприкаянности (бездомность)	Не курящие — слабая выраженность. Курящие — умеренная выраженность	Отвержение фиолетового (p = .02) и синего (p = .11). Предпочтение черного (p = .05) и коричневого (p = .16)	Предпочтение черного (p = .09)

Из табл. 6 видно, что гипотеза о различиях подтверждается. Наблюдаются кардинально противоположные цветовые предпочтения при психических состояниях одной модальности, например, при переживании «полового конфликта» не курящие марихуану отвергают фиолетовый цвет, а курящие, наоборот, его предпочитают. Было выявлено, что при различных психических состояниях курящие марихуану предпочитают черный цвет, что несвойственно не курящим. Некоторые цветовые предпочтения в выборках аналогичны, что можно объяснить нормализацией некоторых психических состояний в период ремиссии.

Проинтерпретируем полученные результаты в соответствии с концепцией значений цветов М. Люшера.

Обострение чувствительности к внешним воздействиям, ясность восприятия, хорошая память, сообразительность, фантазирование, чувство радости, восторга, уверенность в себе и трудоспособность у не курящих влияют на выбор зеленого цвета и отвержение черного. Зеленый цвет свидетельствует о стремлении к самовыражению, успеху, власти, уверенности в себе, упорства в достижении целей, что способствует высокой трудоспособности, сообразительности. Отвержение черного цвета говорит о стремлении избегать протестов, неприятия чего-либо.

Ощущение тепла, умеренное мышечное напряжение, хорошая координация движений, двигательная активность, энергичность, учащение дыхания, сердцебиения, умеренное чувство голода сопровождаются у не курящих отвержением черного, у курящих — предпочтением зеленого. Предпочтение зе-

леного цвета свидетельствует о том, что для достижения оптимального физиологического состояния потребителям марихуаны необходимо прилагать какое-либо волевое усилие, настойчивость, упорство.

Веселость, оптимистичность, задорность, активность, бодрость, бойкость, раскованность сопровождаются отвержением черного цвета у не курящих, и отвержением черного и коричневого у курящих. Отвержение черного цвета в данном позитивном психическом состоянии очевидно, поскольку черный цвет сопряжен с негативными переживаниями. Курящие марихуану отвергают и коричневый цвет, что свидетельствует об избегании сенсорной удовлетворенности, телесных ощущений.

Активность, целеустремленность, размеренность, продуманность, адекватность, напряженность, стабильность, уверенность, открытость сопровождаются отвержением черного цвета в обеих выборках и предпочтением синего у не курящих. Предпочтение синего цвета свидетельствует о том, что не курящие предпочитают эмоциональную стабильность, умиротворение, гармонию, в отличие от потребителей марихуаны. При состоянии одиночества не курящие отвергают фиолетовый, зеленый и серый цвета. Отвержение фиолетового цвета свидетельствует об отрицании любого вида чувствительности, о впечатлительности, мечтательности, стремлении быть «сухим». Отвержение зеленого свидетельствует о низком уровне притязаний, отсутствии упорства в достижении целей, а отвержение серого — об отсутствии нейтральности. Данные характеристики вполне соответствуют переживанию состояния одиночества. У курящих марихуану состояние одиночества выражено более явно, и они предпочитают черный цвет, который свидетельствует об отрицании, отречении, протесте.

При выраженности психического состояния «бессмысленность существования» не курящие отвергали фиолетовый и коричневый цвета, что говорит об отвержении впечатлительности, мечтательности, чувствительности, физической легкости, ощущении дискомфорта на уровне сомы. Курящие марихуану при переживании бессмысленности существования предпочитают зеленый и желтый цвета. В данном состоянии они чувствуют себя комфортно, оптимистично, уверены в себе.

При выраженности свободы выбора не курящие предпочитают синий цвет. Ощущая свободу выбора, таким образом, они испытывают состояние покоя, эмоциональную стабильность, умиротворение. Курящие марихуану, переживая данное состояние, отвергают коричневый и фиолетовый цвета, что говорит о ситуации отягощенности чем-либо, трудностях в выборе.

При выраженности расхождения между реальным и идеальным «Я» не курящие отвергают фиолетовый цвет. В данном состоянии они не доверяют

своей интуиции. У курящих марихуану данное состояние сопровождается отвержением серого цвета и предпочтением зеленого. Зеленый цвет свидетельствует о комфортных ощущениях, уверенности в себе, стремлении себя как-либо проявить.

При выраженности свободы воли не курящие предпочитают зеленый цвет и отвергают фиолетовый. Они способны прилагать волевые усилия, стремятся к самовыражению, упорны в достижении целей. Потребители марихуаны при данном состоянии демонстрируют предпочтения черного, синего, зеленого и фиолетового цветов, что говорит о сочетании состояния покоя и протеста, чувствительности.

Таким образом, курение марихуаны влияет на цветовые предпочтения. У курящих ее ярче, чем у не курящих, выражены такие психические состояния, как одиночество, свобода выбора, расхождение между реальным и идеальным «Я», свобода воли, безнадежность, чувство неприкаянности.

Выводы

1. В результате исследования установлены взаимосвязи цветовых предпочтений с основными компонентами структуры психического состояния и его модальностью у курильщиков марихуаны в период ремиссии в сравнении с не курящими марихуану.

2. На всех уровнях психического состояния (психические процессы, физиологические реакции, переживания, поведение) наблюдается отвержение черного цвета в группе не курящих марихуану. Курящие же отвергают черный цвет только на уровне поведения и переживаний. На уровне переживаний, помимо черного, курящие в период ремиссии отвергают и коричневый цвет, который относится к категории теплых цветов. В целом отвержение теплых цветов свойственно только для курящих марихуану. Достаточно ярко продемонстрировано различие цветовых предпочтений между курящими и не курящими марихуану на уровне физиологических реакций. Для не курящих свойственно отвержение черного цвета, для курящих — предпочтение зеленого цвета.

3. Выявлено, что цветовые предпочтения обнаруживают взаимосвязь с психическими состояниями различной модальности в обеих выборках. При этом различия также отчетливо обнаруживаются:

– при высоких значениях по параметру «одиночество» не курящие марихуану отвергают холодные тона (фиолетовый, зеленый, серый), а курящие предпочитают холодные тона (черный). Предпочтение черного цвета достаточно часто встречается в группе курящих марихуану;

– по параметру «свобода выбора» помимо того, что также наблюдается в одной группе предпочтение (синего), а в другой — отвержение (красного и фиолетового), наибольшее внимание привлекает тот факт, что курящие марихуану отвергают теплые тона,

что не характерно для выборки не курящих. Отвержение теплого цвета (красного) у курящих наблюдается и при умеренной выраженности «безнадежности». Для не курящих, пребывающих в данном психическом состоянии, свойственно отвергать зеленый цвет, курящие, наоборот, предпочитают его;

– в целом в группе курящих марихуану в период ремиссии прослеживается тенденция большего разнообразия цветовых предпочтений, чем в группе не курящих.

Таким образом, прогноз качества переживаемого психического состояния в зависимости от цветовых предпочтений нам видится возможным, но степень его достоверности относительна, поскольку при психических состояниях разной модальности цветовые предпочтения могут совпадать. На основе цветовых предпочтений можно проледить динамику изменений, происходящих в психике курящего марихуану в период ремиссии, на уровне его психических состояний.

4. Негативное воздействие употребления наркотических средств на психику человека должно стать предметом дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Ганзен В.А., Юрченко В.Н. Систематика психических состояний человека // Вестник Ленинградского университета. Серия 6: Философия, политология, теория и история социализма, социология, психология, право. 1991. Вып. 1. С. 47–55.
2. Дерибере М. Цвет в жизни и деятельности человека. М.: Стройиздат, 1964. 184 с.
3. Кравков С.В. Цветовое зрение. М.: АН СССР, 1951. 189 с.
4. Левитов Н.Д. О психических состояниях человека. М.: Просвещение, 1964. 343 с.
5. Отчет Национального института здоровья США. URL: http://www.narkotiki.ru/5_5327.htm (дата обращения: 01.02.2016).
6. Персиянцева С.В. Эмоциональное и перцептивное восприятие телепрограмм студентами // Мир психологии. 2011. 29 июля. URL: <http://www.persev.ru/article/psihoterapevticheskaya-korrekcija> (дата обращения: 01.02.2016).
7. Прохоров А.О. Психические состояния и их функции. Казань: КГПИ, 1994. 167 с.
8. Руденко В.Е. Цвет – эмоции – личность // Диагностика психических состояний в норме и патологии. Л.: Медицина, 1980. С. 107–115.
9. Сосновикова Ю.Е. Психические состояния человека, их классификация и диагностика. Горький: ГГПИ им. А.М. Горького, 1975. 118 с.
10. Фрилинг Г., Ауэр К. Человек – цвет – пространство. М.: Стройиздат, 1973. 141 с.
11. Arseneault L., Cannon M., Witton J., Murray R.M. Causal association between cannabis and psychosis: examination of the evidence // The British Journal of Psychiatry. 2004. Vol. 184. P. 110–117.
12. Moore T.H., Zammit S., Lingford-Hughes A., Barnes T.R., Jones P.B., Burke M., Lewis G. Cannabis use and risk of psychotic or affective mental health outcomes: a systematic review // Lancet. 2007. Jul 30. Vol. 370, no 9584. P. 319–328.
13. Pope H.G.Jr., Gruber A.J., Hudson J.I., Huestis M.A., Yurgun-Todd D. Neuropsychological Performance in Long-term Cannabis Users // Archives of General Psychiatry. 2001. Vol. 58: P. 909–915.

Получено 20.01.2016

References

1. Ganzen V.A., Yurchenko V.N. [Systematization of mental conditions of the person]. *Vestnik Leningradskogo universiteta. Seriya 6: Filosofiya, politologiya, teoriya i istoriya sotsializma, sotsiologiya, psihologiya, pravo* [Leningrad University Bulletin. Seris 6: Philosophy, politology, theory and history of socialism, sociology, psychology, justice]. 1991, iss. 1, pp. 47–55. (In Russian).
2. Deribere M. *Tsvet v zhizni i deyatel'nosti cheloveka* [Color in activity and life of a person]. Moscow, Strojizdat Publ., 1964, 184 p. (In Russian).
3. Kravkov S.V. *Tsvetovoe zrenie* [Color sight]. Moscow, Academy of Sciences of the USSR Publ., 1951, 189 p. (In Russian).
4. Levynites N.D. *O psichicheskikh sostoyaniyah cheloveka* [On mental conditions of a person]. Moscow, Prosveschenie Publ., 1964, 343 p. (In Russian).
5. [Report of National institute of health of the USA]. Available at: http://www.narkotiki.ru/5_5327.htm (accessed 01.02.2016). (In Russian).
6. Persiyantseva S.V. [Emotional and perceptual perception of TV programs by students]. *Mir psihologii* [World of psychology]. 7/29/2011. Available at: <http://www.persev.ru/article/psihoterapevticheskaya-korrekcija> (accessed 01.02.2016). (In Russian).
7. Prokhorov A.O. *Psichicheskie sostoyaniya i ih funktsii* [Mental states and their functions]. Kazan: KGPI Publ., 1994, 167 p. (In Russian).
8. Rudenko V.E. [Color – emotions – the personality] *Diagnostika psichicheskikh sostoyanij v norme i patologii* [Diagnostics of mental states is norm and pathology]. Leningrad, Meditsina Publ., 1980, pp. 107–115. (In Russian).
9. Sosnovikova Yu.E. *Psichicheskie sostoyaniya cheloveka, ih klassifikatsiya i diagnostika* [Mental conditions of the person, their classification and diagnostics]. Gorkiy, GGPI of A.M. Gorkiy Publ., 1975, 118 p. (In Russian).
10. Friling G., Auer K. *Chelovek – tsvet – prostranstvo* [Man – color – space]. Moscow, Strojizdat Publ., 1973, 141 p. (In Russian).
11. Arseneault L., Cannon M., Witton J., Murray R.M. Causal association between cannabis and psychosis: examination of the evidence. *The British Journal of Psychiatry*. 2004, vol. 184, pp. 110–117. (In English).

12. Moore T.H., Zammit S., Lingford-Hughes A., Barnes T.R., Jones P.B., Burke M., Lewis G. Cannabis use and risk of psychotic or affective mental health outcomes: a systematic review. *Lancet*. 2007, Jul 30, vol. 370, no 9584, pp. 319–328. (In English).
13. Pope H.G.Jr., Gruber A.J., Hudson J.I., Huestis M.A., Yurglun-Todd D. Neuropsychological Performance in Long-term Cannabis Users. *Archives of General Psychiatry*. 2001, vol. 58, pp. 909–915. (In English).

The date of the manuscript receipt 20.01.2016

Об авторах

Бергфельд Александра Юрьевна

кандидат психологических наук, доцент,
доцент кафедры общей и клинической психологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: abergfeld@yandex.ru

Дронго Елена Алексеева

инспектор отдела кадров ООО «Континент»,
193318, Санкт-Петербург, пр. Пятилеток, 9/1;
e-mail: stolz_@bk.ru

About the authors

Bergfeld Alexandra Yurievna

Ph.D. in Psychology, Docent, Associate Professor
of Department of General and Clinical Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: abergfeld@yandex.ru

Drongo Elena Alekseevna

Inspector of Human Resources Department
of LLC «Continent»,
9/1, Pyatiletok av., Saint-Petersburg, 193318, Russia;
e-mail: stolz_@bk.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Бергфельд А.Ю., Дронго Е.А. Особенности цветовых предпочтений в связи с психическим состоянием у курящих марихуаны в период ремиссии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 95–103. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-95-103

Please cite this article in English as:

Bergfeld A.Yu., Drongo E.A. Specificity of colour preferences determined by the mental state of marijuana smokers in remission // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 95–103. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-95-103

УДК 159.942

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-104-110

ТЕОРЕТИЧЕСКАЯ МОДЕЛЬ ПЕРЕЖИВАНИЯ ОДИНОЧЕСТВА

Олейник Нармина Оруджовна

Херсонский государственный университет

В статье рассматривается проблема изучения феномена одиночества. Трудности определения и интерпретации сущности одиночества объясняются ограниченностью в теоретическом осознании одиночества как психического феномена. Термин «одиночество» в данном контексте рассматривается как категория переживания. В статье представлена авторская модель переживания одиночества, разработанная на основе принципов системного подхода. Согласно этой модели переживание одиночества как целостное образование реализуется на основе когнитивного (выполняет подготовительную функцию, которая обеспечивает формирование представления о переживании одиночества, восприятие себя как субъекта и формирование доминирующей формы отождествления себя с другими), эмоционального (выполняет оценочную функцию, которая обеспечивает формирование эмоциональной оценки и принятие или непринятие собственных переживаний), поведенческого (выполняет регулятивную функцию, которая обеспечивает меру активности личности в переживании одиночества) и мотивационно-волевого (выполняет стимулирующую функцию, которая состоит из комплекса мотивов и волевых действий личности, которые возникают на определенные формы проявления переживания одиночества) компонентов переживания одиночества. Основываясь на рассмотрении одиночества как системного переживания, предложено собственное понимание переживания одиночества.

Ключевые слова: одиночество; переживание; система; идентификация; обособление; изоляция; отчуждение; уединение; самоактуализация; дереализация.

THE THEORETICAL MODEL OF THE SOLITUDE EMOTIONAL EXPERIENCE

Narmina O. Oleynik

Kherson State University

In the article the problem of studying the phenomenon of loneliness is considered. Difficulties of definition and interpretation of the essence of loneliness are attributable to certain limitations in the theoretical understanding of loneliness as a mental phenomenon. The term «loneliness» in this context is considered as a category of experience. The article presents the author's model of the experience of loneliness, which is developed based on the principles of a systematic approach. According to the proposed model, the experience of loneliness as a holistic education is implemented on the basis of cognitive (performs a preparatory function, which ensures the formation of ideas about the experience of loneliness, perception of self as subject and the formation of dominant forms of identifying oneself with others), emotional (performs the function of assessment, which ensures the formation of emotional evaluation and acceptance or rejection of one's own experiences), behavioral (performs a regulatory function, which provides a measure of the activity of the individual in the experience of loneliness) and motivational-volitional (performs a stimulatory function, which consists of a complex of motives and voluntary actions of the individual, which occur in certain forms of existence of feelings of loneliness) components of the experience of loneliness. Based on the review of loneliness as a system of experiences, own understanding of the experience of loneliness is offered.

Key words: loneliness; experience; system; identification; separation; isolation; alienation; solitude; self-actualization; derealization.

Особую актуальность в наше время приобретает исследовательский интерес к разработке проблемы одиночества, поскольку достаточно широко и разнообразно данный термин используется в повседневной жизни и в научных источниках. Усложнение процесса социализации личности, ограничение

конструктивных отношений с окружающими людьми, развитие качеств, затрудняющих его интеграцию в социуме, — вот далеко не полный перечень негативных проявлений одиночества. Между тем динамизм современной жизни требует от личности проявления гибкости, оперативности, умения стро-

ить собственную жизненную стратегию, адекватную целям общества и собственной самоактуализации.

Широкое и разнообразное использование термина «одиночество» в повседневной жизни и в научных работах, растущий интерес к проблеме одиночества в разных отраслях психологии сочетаются в отечественной психологии с ограниченным числом научных теоретико-эмпирических исследований одиночества.

Анализ работ современных учёных свидетельствует об отсутствии единого понимания сущности одиночества, его происхождения и особенностей протекания, что позволяет определить проблемное поле феномена одиночества: изучение одиночества как социально-психологического феномена (К.А. Абульханова-Славская, Л.А. Варава, С.Л. Вербицкая, Е.Н. Заворотных, Л.И. Старовойтова, Г.М. Тихонов, С.Г. Трубинкова, Ж.В. Пуханова); выявление культурно-исторических форм одиночества (С.О. Ветров, О.В. Данчева, М.Н. Покровский, Ю.М. Швалб); психологических особенностей одиночества на разных возрастных этапах (О.Б. Долгинова, А.Р. Кирпиков, И.С. Кон, Е.Н. Мухиярова, О.В. Неумоева, Н.В. Першина); описание явлений, похожих на одиночество (изоляция, обособление, изоляция) (В.И. Лебедев, Л.В. Ключек, А.У. Хараш); исследования гендерных переживаний одиночества (О.Я. Грановская, Л.Ю. Левченко, В.И. Силяева, О.В. Папага, Н.В. Шитова).

Научных исследований, в которых анализируются переживания, способствующие самоактуализации личности, мало: «успешные человеческие переживания, ведущие к развитию, самоактуализации и совершенствованию личности, в психологии анализируются крайне редко» [1, с. 372].

Следует отметить, что важными условиями полноценного развития человека является его осознанное стремление к максимально полному раскрытию и реализации собственных потенциальных возможностей, способность самостоятельно определять свой жизненный путь и достигать поставленных целей. Мы считаем, что исследование связи переживания одиночества с самоактуализацией личности позволит в большей мере заполнить данную область актуальной психологии.

Мы рассматриваем переживание в форме отображения, поскольку феномен одиночества в таком контексте в большей степени раскрывает психологические особенности переживания одиночества. Следует согласиться с мнением Л.М. Веккера, который считал, что «переживание — это непосредственное отражение самим субъектом своих собственных эмоций и состояний» [1, с. 363]. Мы рассматриваем феномен одиночества в структуре переживания как форму отражения и пытаемся опреде-

лить, какую роль в данном случае играют похожие по своим проявлениям переживания.

Таким образом, мы рассматриваем термин «одиночество» как переживание и определяем его следующим образом: одиночество — это субъективное переживание, которое проявляется в добровольной или вынужденной невозможности человека удовлетворить потребность во взаимодействии, общении, интимности и сопровождается широким спектром эмоциональных проявлений. Такое переживание относительно, оно не зависит от присутствия других людей, поскольку человек может переживать одиночество даже в ситуациях, когда рядом с ним есть значимые объекты.

Субъективное переживание одиночества может возникать у каждого человека. Уникальность данного феномена заключается в том, что он проявляется у разных людей с разной силой и отличается эмоциональным оттенком. Часто мы замечаем только максимальную силу переживания, а незначительные проявления одиночества почти не фиксируются.

Цель нашего исследования заключается в теоретическом исследовании переживания одиночества как фактора самоактуализации личности. В основу исследования мы положили предположение о том, что одиночество как переживание может приводить как к негативным переживаниям (состояниям, эмоциям, чувствам), так и к положительным, которые могут обуславливать развитие и самоактуализацию личности. Сама ситуация одиночества свидетельствует о дефиците определенных объектов, отношений, взаимосвязей, который может обуславливать самосовершенствование.

В связи с поставленной целью мы предложили теоретическую модель переживания одиночества. Для ее построения обратились к принципам системного подхода. На наш взгляд, именно изучение одиночества как системного образования позволяет глубже раскрыть сущность данного переживания, выявить условия, которые могут обуславливать желание личности самоактуализироваться во время переживания одиночества.

Таким образом, для построения структурно-функциональной модели переживания одиночества мы обратились к принципам системного подхода. На наш взгляд, одиночество как субъективное переживание следует рассматривать именно как системное образование, поскольку феномен одиночества нельзя сводить лишь к аффективным составляющим, как определенное чувство или состояние. Одиночество является переживанием и может вызывать разные чувства (например, враждебность, ревность, удовлетворенность и другие) и эмоции (например, горе, страх, уверенность, блаженство и другие), а также и разные состояния (например, стресс, фрустрацию, апатию, эйфорию и другие).

Стоит отметить, что категория переживания была тесно связана с проблемой регуляции поведения, с внутренней и внешней активностью человека, которые соотносились с такими важными проблемами, как осознанность, отношения, волевая регуляция поведения и его пределы, осознание выбора и направленность [5, 8].

Исследуя одиночество как психический феномен и как ресурс развития личности в юношеском возрасте, Е.В. Неумоева выделила три его проявления: эмоциональное (отношение к себе), когнитивное (представление о себе) и поведенческое (способ поведения) [6]. Мы предложили дополнить модель переживания одиночества четвертым компонентом — мотивационно-волевым. На наш взгляд, именно четыре проявления одиночества (компоненты переживания) отражают процессуальность переживания одиночества в большей степени.

Таким образом, исходя из принципов системного подхода, мы рассматриваем одиночество как единую, целостную систему, целостность которой обеспечивается тем, что переживание одиночества происходит на основе взаимодействия таких компонентов, как когнитивный, эмоциональный, поведенческий и мотивационно-волевой (рисунок). Данные компоненты выступают элементами (подсистемами) переживания одиночества.

Прежде чем перейти к описанию самой модели, следует отметить теоретико-методологические основы ее построения. На эмпирическом уровне предложенная модель выполняет описательную функцию, на теоретическом — эвристическую. Мы построили структурно-функциональную модель переживания одиночества (внутренняя организация объекта и поведения субъекта), используя моделирование психических явлений.

Структура как понятие может рассматриваться в качестве инвариантного аспекта системы. Выявляя структуру объекта, мы рассматриваем объект прежде всего как систему, включающую некоторый комплекс частей. Затем выявляем их элементность, и уже эта элементность дает первую структурную характеристику системы [7, с. 119].

Представляя объект как систему, мы даем предварительную картину составных частей объекта в их взаимных отношениях. Структурный анализ системы начинается с выявления определенного состава системы, с детального исследования частей или элементов [7, с. 114]. Далее мы представим характеристику элементов (компонентов) переживания одиночества.

Когнитивный компонент переживания одиночества — обеспечивает подготовительную функцию в переживании одиночества, которая выражается в информировании о ходе переживания и о его последствиях. На основе представлений о собственном

переживании, образа «Я» формируется основной механизм переживания одиночества, который проявляется как форма отождествления себя с другими.

Теоретическим обоснованием переживания одиночества на когнитивном уровне является модель внутренне-личностного генеза явления одиночества, предложенная С.Г. Корчагиной. Данная модель отражает представление З. Фрейда о роли базовых психодинамических тенденций в структуре личности. Последовательная смена действий таких механизмов, как идентификация («процесс и результат неосознанного отождествления себя с другими людьми, определенной группой на основе определенной эмоциональной связи, а также включение их в свой внутренний мир и принятие как собственных норм, ценностей») [4, с. 39] и обособление («противоположный идентификации процесс осознания и отстаивания индивидом своей природной человеческой и личностной ценности») [4, с. 40], дает ключ к пониманию внутренне-личностного генеза одиночества [4]. Доминирование одного из этих механизмов приводит к негативным последствиям переживания одиночества. Так, доминирование механизмов эмпатии (идентификация) и, как следствие, ограничение действия механизмов обособления (отчуждения) способствует появлению у индивида ощущения потерянности, что может привести к деперсонализации. Крайняя форма отчуждения человека проявляется в его обособлении от других людей, ценностей, определенной группы, от мира в целом. Данный вид состояния имеет название «отчуждающее одиночество» [4].

Итак, неосознание переживания одиночества ведет к идентификации с данным переживанием, которое может выражаться в негативном аспекте на поведенческом компоненте (например, в механизме отчуждения). Осознание данного переживания приведет к обособлению и может иметь положительное направление на поведенческом (как механизм уединения) и мотивационно-волевым компонентах (как механизм самоактуализации). Также когнитивная составляющая переживания одиночества может иметь временный характер и не проявляться в других механизмах, поскольку другие переживания могут быть сильнее и значимее для личности.

Следует указать, что каждый из названных механизмов имеет не только негативные, но и положительные последствия. В нашей работе мы не акцентируем внимание на этих аспектах. На наш взгляд, главным является понимание того, какой именно механизм доминирует и к чему это может привести. Следует добавить, что идеальная форма работы данных механизмов заключается в последовательной смене процессов идентификации и обособления, что свидетельствует о нормальном ходе символического механизма социализации [9].

Таким образом, когнитивный компонент переживания одиночества функционирует на основе представлений о собственных переживаниях и восприятии себя как субъекта, что может проявляться как отождествление себя с другими людьми и включение их в свой внутренний мир (идентификация) или как отстаивание собственной индивидуальности и неприятие ценностей других (обособление).

Эмоциональные переживания удовольствия-неудовольствия, принятия-отталкивания отражают процессы реального или потенциального удовлетворения. Одни предметы могут иметь эмоционально-привлекательную, а другие — эмоционально-отталкивающую силу; субъект может также испытывать амбивалентные эмоциональные отношения к той или иной категории вещей.

Исследования Е.Н. Заворотных позволило выявить, что одиночество для каждого человека определяется и его эмоциональным отношением. Автор определяет, что одиночество для человека может быть «положительным», «отрицательным» или «нейтральным» [3]. Исходя из полученных результатов, мы считаем, что **эмоциональный компонент переживания одиночества** выполняет оценочную функцию. Поскольку переживания одиночества могут сопровождаться различными эмоциями, чувствами и состояниями, эмоциональный компонент обеспечивает возможность оценить собственные переживания (позитивно, негативно или нейтрально) и возможность их принятия-непринятия.

Таким образом, эмоциональный компонент переживания одиночества позволяет оценить собственные переживания и в определенной мере побудить к определенной деятельности, т.е. определяет способ функционирования с данным переживанием, в данном случае — функционирования на поведенческом компоненте.

Поведенческий компонент переживания одиночества — направлен на выполнение регулятивной функции и реализуется в определенных действиях на переживание одиночества. Данный компонент проявляется в степени активности личности в разных формах межличностного взаимодействия. Мы считаем, что этот компонент состоит из таких механизмов, как уединение (внешне или внутренне обусловленное переживание одиночества, которое проявляется в добровольном пребывании наедине с собой), изоляция (внешне обусловленное переживание одиночества, которое проявляется в физической невозможности контактировать с другими людьми)

и отчуждение (внутренне обусловленное переживание одиночества, что проявляется в потере человеком собственного «Я», собственной субъективности).

Следует отметить, что каждый человек может переживать разные виды одиночества, все зависит от того, какой именно дефицит он имеет в межличностных отношениях (эмоциональный, коммуникативный, интимный и другие). По нашему мнению, определенный вид одиночества, который функционирует на поведенческом компоненте переживания, реализуется с помощью механизмов уединения, отчуждения и изоляции. Доминирующий механизм переживания одиночества на поведенческом компоненте отражает особенности функционирования личности с данным переживанием, что в свою очередь может иметь положительное или отрицательное направление в мотивационно-волевом компоненте.

В исследовании О.В. Неумоевой было выявлено, что негативное влияние одиночества заключается в том, что оно является детерминантой деформированного развития, которое затрудняет вхождение личности в широкий контекст социальных отношений. В то же время одиночество является фактором низкой самопривязанности, т.е. своего рода индикатором неудовлетворенности человека своим положением, что стимулирует к соответствию с идеальным представлением о себе, к развитию своей личности. Такие результаты свидетельствуют о том, что одиночество содержит в себе возможность развития и может квалифицироваться как ресурс развития личности [6, с. 18].

Исследование одиночества в супружеской жизни позволило Е.Я. Грановской также выделить позитивный и негативный аспекты одиночества. Так, позитивный смысл одиночества (одиночество как ресурс) заключается в том, что оно является неотъемлемой частью становления индивидуальности человека. Позитивный потенциал одиночества реализуется в следующих функциях: самопознания; становления саморегуляции; творчества и самосовершенствования; стабилизации психофизического состояния; защиты «я» человека от деструктивных внешних воздействий. Негативный характер одиночества проявляется в невозможности овладеть психическими процессами и состояниями, в нарушении внутренней целостности личности и разрушении механизма психологической защиты [2, с. 17].

Структурно-функциональная модель переживания одиночества

На основании названных выше исследований мы полагаем, что мотивационно-волевой компонент может иметь две формы завершения комплекса переживания одиночества — положительную и отрицательную.

Мотивационно-волевой компонент переживания одиночества — направлен на выполнение стимулирующей функции, которая включает комплекс мотивов и волевых действий личности, возникающих в определенных формах проявления переживания одиночества.

Первая форма проявляется в мобилизации ресурсов личности, в поисках возможностей использования ситуации одиночества. Эта форма проявления является положительной стороной данного переживания, выступает фактором самоактуализации личности (комплекс мотивов совершенствования, саморазвития, самовыражения, самоутверждения; комплекс волевых усилий, которые способствуют позитивному переживанию одиночества). Механизм самоактуализации проявляется в том, что человек использует такой опыт переживания одиночества ради собственного совершенствования. Мотивационно-волевые аспекты усиливают желание индивида достичь личностного развития, самопонимания и в целом собственной самоактуализации.

Вторая форма проявления мотивационно-волевого компонента переживания одиночества проявляется в демобилизации ресурсов личности, выражающейся в нарушении внутренней целостно-

сти личности. Доминирование данной формы в переживании одиночества может привести к дереализации личности, которая сопровождается негативными эмоциями, чувствами и состояниями. Эту тенденцию мы связываем с личностными характеристиками конкретного человека, с доминирующим видом одиночества и с особенностями структуры мотивационно-волевой сферы.

Ориентируясь на общесистемный подход Дж. Фландерса, мы считаем, что в процессе переживания одиночества индивид стремится к стабильности в собственных переживаниях. При нарушении такой стабильности система или ее элементы реагируют отрицательной обратной связью на всех уровнях организации. Так, высокий уровень одиночества может приводить к восприятию себя одиноким человеком (когнитивная подсистема), негативному отношению к одиночеству (эмоциональный), отчуждению в собственных переживаниях (поведенческий), снижению волевой саморегуляции (мотивационно-волевой компонент).

Каждую функцию структуры переживания одиночества трудно понять, если ее рассматривать в отрыве от системы, в которой существуют и развиваются компоненты. Важным аспектом предложенной модели является определение процессуальности переживания одиночества. В зависимости от доминирующих форм проявления каждой подсистемы (компонента) одиночество как переживание может трансформироваться и видоизменяться в разных ра-

курсах. Так как любые переживания сопровождаются определенным восприятием, эмоциями, действиями и включают механизмы мотивационно-волевой структуры личности, мы предполагаем, что в разных составляющих переживания одиночество может видоизменяться или приобретать определенный оттенок, работая как целостное образование в определенных взаимосвязях ее составляющих. Например, во время доминирования механизма обособления в переживании одиночества (когнитивный компонент) могут возникать негативные эмоции и неприятие данного переживания (эмоциональный компонент), что может проявляться в отчуждении (поведенческий компонент), и, как отрицательный выход, переживание одиночества может приводить к нарушению внутренней целостности личности (мотивационно-волевой компонент).

Учитывая результаты исследования таких авторов, как Е.Я. Грановская, Е.Н. Заворотных, С.Г. Корчагина, Е.В. Неумоева [2, 3, 4, 6], мы можем отметить, что внутренними условиями актуализации позитивного потенциала одиночества могут выступать: осознание одиночества, формирование положительного восприятия одиночества (отношения к нему), формирование позитивного эмоционального состояния во время переживания одиночества, становление саморегуляции личности, принятие активной позиции по отношению к одиночеству, понимание позитивной роли одиночества в развитии личности и нахождение мотивов выбора одиночества.

Таким образом, одиночество выступает как системное переживание, реализуется не во множестве отдельных компонентов, а в динамике функционирования переживания одиночества как целостной структуры.

Обобщая полученные данные, необходимо отметить, что в нашей работе мы рассматриваем переживание одиночества как системное, динамическое образование и определяем его как особую форму субъективного отражения своего положения в системе «Я-другие», которое состоит из следующих компонентов:

– когнитивного (обеспечивает подготовительную функцию в переживании одиночества и имеет такие формы проявления, как представление о собственных переживаниях, образ «Я» во время переживания одиночества и форма отождествления с другими людьми);

– эмоционального (обеспечивает оценочную функцию и имеет такие формы проявления, как эмоциональная оценка и принятие-непринятие собственных переживаний);

– поведенческого (обеспечивает регулятивную функцию и содержит такую форму проявления, как действия на переживание одиночества);

– мотивационно-волевого (обеспечивает стимулирующую функцию в переживании одиночества и имеет две формы проявления: мобилизующую и демобилизующую).

На данном этапе исследования предложенная нами структурно-функциональная модель переживания одиночества прошла эмпирическую проверку с помощью факторного анализа. Результаты факторного анализа подтвердили теоретическую модель переживания одиночества лишь в том аспекте, что особенности переживания одиночества зависят от функционирования всех четырех компонентов. Единственная работа компонентов переживания одиночества (как целостного, системного явления) обеспечивает подготовительную, оценочную, регулятивную и стимулирующую функции. Таким образом, структурно-функциональная организация переживания одиночества может быть проанализирована в виде системной модели, которая интегрирует ее основные компоненты в их внутренних взаимосвязях.

Но нами не было доказано, что переживание одиночества обуславливает желание испытуемых самоактуализироваться. Мы это связываем с тем, что повышение показателей самоактуализации зависят от особенностей переживания одиночества на каждом компоненте. Анализ структурных, функциональных и результативных изменений структуры переживания одиночества и будет предметом наших дальнейших исследований.

Список литературы

1. *Василюк Ф.Е.* Современные представления о переживании // Психология мотивации и эмоций / под ред. Ю.Б. Гиппенрейтер, М.В. Фаликман. М.: АСТ: Астрель, 2009. С. 362–372.
2. *Грановська О.Я.* Переживання самотності особистістю в подружньому житті : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Київ, 2012. 23 с.
3. *Заворотных Е.Н.* Социально-психологические особенности одиночества как субъективного переживания: дис. ... канд. психол. наук. СПб., 2009. 254 с.
4. *Корчагина С.Г.* Генезис, виды и проявления одиночества: монография. М.: МПСИ, 2005. 196 с.
5. *Марцинковская Т.Д.* Переживание как механизм социализации и формирования идентичности в современном меняющемся мире // Психологические исследования: электр. науч. журн. 2009. № 3(5). URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n3-5/177-marsinkovskaya5.html> (дата обращения: 18.11.2015).
6. *Неумоева Е.В.* Одиночество как психический феномен и ресурс развития личности в юношеском возрасте : автореф. дис. ... канд. психол. наук. Тюмень, 2005. 23 с.
7. *Овчинников Н.Ф.* Структура и симметрия // Системные исследования / под ред. М.С. Беленького. М.: Наука, 1969. С. 111–122.

8. Рогова Е.Е. Психологические особенности одиночества у подростков с разной социальной направленностью: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Ростов н/Д, 2005. 19 с.
9. Трубинкова С.Г. Психология одиночества (Генезис, виды, проявления): дис. ... канд. психол. наук. М, 1999. 195 с.
5. Martsinovskaya T.D. [Experience as mechanism of socialization and identity formation in modern changing world]. *Psihologicheskie issledovaniya* [Psychological researches]. 2009, no 3(5). Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2009n3-5/177-marsinkovskaya5.html> (accessed: 18.11.2015). (In Russian).
6. Neumoeva E.V. *Odinochestvo kak psihicheskij fenomen i resurs razvitiya lichnosti v yunosheskom vozraste: aftoref. diss. kand. psihol. nauk* [Loneliness as psychic phenomenon and resource of personality development in youth: author's abstract for procuring degree of candidate of psychological sciences]. Тymen', 2005, 23 p. (In Russian).
7. Ovchinnikov N.F. [Structure and symmetry]. *Sistemnye issledovaniya* [Systemic researches]. Moscow, Nauka Publ., 1969, pp. 111–122. (In Russian).
8. Rogova E.E. *Psihologicheskie osobennosti odinochestva u podrostkov s raznoj sotsial'noj napravlennost'yu: aftoref. diss. kand. psihol. nauk* [Psychological peculiarities of loneliness of teenagers with different social attitude: author's abstract for procuring degree of candidate of psychological sciences]. Rostov-on-Don, 2005, 19 p. (In Russian).
9. Trubnikova S.G. *Psihologiya odinochestva (genezis, vidy, proyavleniya): diss. kand. psihol. nauk* [Psychology of loneliness (genesis, types, display): disertation of candidate of psychological sciences]. Moscow, 1999, 195 p. (In Russian).

Получено 01.10.2015

References

1. Vasilyuk F.E. [Modern ideas of experience]. *Psihologiya motivatsii i emotsij* [Psychology of motivation and emotions]. Moscow, AST Publ., Astrel' Publ., 2009, pp. 362–372. (In Russian).
2. Granov's'ka O.Ya. *Perezhivannya samotnosti osobostistu v podruzhnom zhitti: aftoref. diss. kand. psihol. nauk* [Experience of loneliness peculiarities in friendly life: author's abstract for procuring degree of candidate of psychological sciences]. Kiiv, 2012, 23 p. (In Ukrainian).
3. Zavorotnyh E.N. *Sotsial'no-psihologicheskie osobennosti odinochestva kak sub'ektivnogo perezhivaniya: diss. kand. psihol. nauk* [Social and psychological peculiarities of loneliness as subjective experience: disertation of candidate of psychological sciences]. Saint Petersburg, 2009, 254 p. (In Russian).
4. Korchagina S.G. *Genezis, vidy i proyavleniya odinochestva* [Genesis, types and display of loneliness]. Moscow, MPSI Publ., 2005, 196 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 01.10.2015

Об авторе

Олейник Нармина Оруджовна

аспирант кафедры практической психологии

Херсонский государственный университет,
Украина, 73000, Херсон, ул. 40 лет Октября, 27;
e-mail: narmina88@gmail.com

About the author

Oleynik Narmina Orujovna

Ph.D. Student of Department of Practical Psychology

Kherson State University,
27, 40 let Ocyabrya str., Kherson, 73000, Ukraine;
e-mail: narmina88@gmail.com

Просьба сослаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Олейник Н.О. Теоретическая модель переживания одиночества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 104–110. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-104-110

Please cite this article in English as:

Oleynik N.O. The theoretical model of the solitude emotional experience // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 104–110. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-104-110

СОЦИОЛОГИЯ

УДК 316:001.8

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-111-119

ОСОБЕННОСТИ СОЦИОЛОГИЧЕСКОГО НАБЛЮДЕНИЯ*Ненашев Михаил Иванович**Вятский государственный университет*

В статье раскрывается логическая уязвимость распространенных в отечественной литературе определений социологического наблюдения, под которые фактически подпадают наблюдения в физике, астрономии, биологии, и акцентируется внимание на характеристиках, свойственных наблюдению как способу познания именно в социологии. Различается социологическое наблюдение в широком смысле, в виде фиксации положения дел в обществе посредством анкетирования, интервью, контент-анализом или каким-либо другим способом, и собственно социологическое наблюдение, когда воспринимается поведение людей в физическом пространстве и времени для определения их взаимоотношений в социальном пространстве. Отмечается вероятностный характер такого способа познания.

Анализируются конкретные ситуации социологического наблюдения, показывается, что наблюдение способно с той или иной степенью точности заменить опросные методы, в частности такие, как социометрический опрос или анкетирование.

Указывается, что проблема влияния акта наблюдения на наблюдаемую ситуацию на самом деле снимается превращением данного акта в привычную и рутинную процедуру для наблюдаемых. Гораздо более значимой является проблема неизбежной избирательности наблюдения, которая диктуется тем, что теория, которой руководствуется исследователь, определяет то, что он наблюдает как реальность. Показывается, что решение этой проблемы видится на пути синтеза картин реальности, определяемых разными теоретическими установками, вплоть до взаимоисключающих, и опоре на здравый смысл.

Ключевые слова: социологическое наблюдение; физическое пространство и время; социальное пространство; социальная реальность; стандартизированное наблюдение; нестандартизированное наблюдение; включенное наблюдение; невключенное наблюдение; избирательность наблюдения; социометрический опрос; понимание; измерение; теория.

THE SPECIFICITY OF THE SOCIOLOGICAL OBSERVATION*Mikhail I. Nenashev**Vyatka State University*

The article reveals a logical vulnerability of definitions of sociological observation in domestic literature, which actually also suitable for observation in physics, astronomy, biology, and focuses on the characteristics of observation as a method of knowledge in sociology. Sociological observation in a broad sense, in the form of fixing the position of affairs in society by means of a questionnaire, interview, content analysis or any other method, and sociological observation itself, is perceived when the behavior of people in physical space and time to define their relationships in the social space distinguished are. Probabilistic nature of this method of study is noted.

Analysing the specific situation of sociological observation, it is shown that the observation is capable with any degree of accuracy to replace polling methods, in particular, such as sociometric survey or questionnaire.

It is indicated that the problem of the influence of the act of observation on the observed situation is actually lifted by the transformation of this act in familiar and routine procedure to observe. Much more important is the inevitable problem of selective observation, which is dictated by the fact that the theory that guides the researcher determines what he sees as reality. It is shown that the solution to this problem is seen in the way of synthesis the paintings of reality that are defined by different theoretical settings, up to mutually exclusive, and relying on common sense.

Key words: sociological observation; physical space and time; social space; social reality; standardised observation; non-standardised observation; participant observation; uninvolved observation; selectivity of observation; sociometric survey; the understanding; measurement; theory.

Предварительно рассмотрим, как определяется социологическое наблюдение в отечественной литературе. Для этого обратимся к очень обстоятельной работе А.С. Готлиб [2]. В ней указывается, что термин «наблюдение» используется в двух смыслах: широким — в качестве любой полевой процедуры, связанной с получением эмпирической информации, и узким — как специфический метод сбора первичной информации. Во втором случае наблюдение представляет собой *целенаправленное непосредственное* восприятие определенной ситуации (события), а также регистрацию результатов этого восприятия в соответствующих документах [2, с. 300–301]. При этом отмечается, что целенаправленность научного наблюдения отличает его от обыденного наблюдения в повседневной жизни, которое непреднамеренно и непроизвольно. Непосредственность же восприятия состоит в синхронности события и его наблюдения, а также прямой регистрации события [2, с. 301].

Как нам представляется, здесь не учитывается, во-первых, то обстоятельство, что всякое наблюдение, в том числе и в повседневной жизни, является актом сознания, которое, согласно феноменологии Гуссерля, всегда является *целенаправленным*, или, выражаясь иначе, сознание интенционально, оно всегда есть «сознание о...» [5, с. 168–169]. Поэтому мы никогда не наблюдаем (видим или слышим) *вообще*. Но наблюдаем *что-то*, например дерево или уличную сценку. В этом смысле подчеркивание целенаправленности наблюдения, т.е. его нацеленности на что-то, является избыточным. Во-вторых, не принимается во внимание, что наблюдение, тем более научное, не обязательно бывает непосредственным, а также синхронным с событием и сопровождается его прямой регистрацией. Наблюдение может *опосредоваться* применением различных приборов: бинокли, видеозаписи, сотовый телефон с опциями видеозаписи или фотографирования; а регистрация может проводиться на основе просмотра уже сделанной ранее записи, т.е. *post factum*.

Если мы учтем эти замечания, то снимается различие между наблюдениями в широком и узком смысле. Остается определение наблюдения как полевой процедуры, связанной с получением эмпирической информации и опосредованной или непосредственной какими-либо приборами или инструментами.

Однако в рассматриваемых определениях наблюдения можно выявить еще один аспект. Каждый раз имеется в виду, что речь идет о социологическом наблюдении, но определяется оно таким способом,

что под него попадут астрономические наблюдения, а также наблюдения за квантовыми объектами или биологическими, например изучение Конрадом Лоренцем поведения стада гусей. Можно, конечно, указать, что социологическое наблюдение часто (но опять же не всегда!) характеризуется влиянием акта наблюдения на объект наблюдения. Но ведь и в физике постоянно обсуждается проблема влияния акта наблюдения на поведение квантовых объектов, да и Конраду Лоренцу приходилось использовать всю свою способность к терпеливой неподвижности, чтобы свести влияние своего присутствия к минимуму, когда он изучал поведение стада гусей.

То есть мы имеем дело с таким определением социологического наблюдения — полевая процедура, связанная с получением эмпирической информации, — которое включает в свой объем также наблюдение, применяемое не только в социологии. А это значит, что из определения наблюдения выпадает собственно социологический аспект. Хотя, подчеркнем еще раз, все время как бы само собой имеется в виду, что речь идет именно о социологическом наблюдении¹.

Отметим привычность такого рода определений наблюдения, упускающих социологический аспект, для нашей литературы.

Согласно В.А. Ядову, наблюдение есть прямая регистрация событий очевидцем. И далее отмечается, что речь идет о непосредственном восприятии, но тут же уточняется, что в одних случаях мы наблюдаем сами, в других — пользуемся данными наблюдений иных лиц, значит, все же не всегда речь идет о непосредственном восприятии. Отмечается также наличие исследовательской цели, т.е. целенаправленности наблюдения, его планируемости, фиксации в протоколах или дневниках по определенной системе, контролируемости и устойчивости [6]. Мы видим, что снова речь идет о научном наблюдении вообще, под которое подпадут также наблюдения в физике, астрономии, биологии.

Наконец, В.В. Семенова дает определение наблюдения в виде долговременного рассмотрения

¹ В логике это называется ошибкой широкого определения. Примером широкого определения является высказывание: человек есть млекопитающее. Дело в том, что понятие млекопитающее, кроме человека, включает также волка, собаку и т.д. Чтобы дать определение именно человека, нужно уточнить, что речь идет, например, о млекопитающем, способном испытывать стыд (согласно русскому философу Вл. Соловьеву).

объекта в естественных для него обстоятельствах [4]. Здесь тоже отсутствует указание на специфику социологического наблюдения.

Попробуем все-таки учесть эту специфику. Но сначала мы тоже введем понимание социологического наблюдения в широком смысле. Под ним мы будем понимать любую фиксацию *положения дел в обществе* посредством анкетирования, интервью, изучения документов, писем, фотографий, дневников.

Социологическое наблюдение в узком, или в собственном, смысле мы определим как восприятие в физическом пространстве и времени поведения людей, или шире — мира людей. Речь идет о восприятии при помощи зрения и слуха поведения людей в *физической реальности* с целью понять их взаимоотношения в *социальном пространстве*. Как известно, измерениями социального пространства являются различные социальные качества индивидов: пол (гендер), членство в семье, профессия, властные отношения, богатство, возраст, должность, происхождение, национальность, раса и т.д.

В рассказе Чехова «Толстый и тонкий» встреча сначала на равных двух человек, когда-то учившихся в одной гимназии, мгновенно меняет физическое поведение одного по отношению к другому, как только выясняется неравенство их социальных статусов. Напомним фрагмент рассказа.

— Ну, а ты как? Небось, уже статский? А?

— Нет, милый мой, поднимай повыше, — сказал толстый. — Я уже до тайного дослужился... Две звезды имею.

Тонкий вдруг побледнел, окаменел, но скоро лицо его искривилось во все стороны широчайшей улыбкой; казалось, что от лица и глаз его посыпались искры. Сам он съежился, сгорбился, сузился...

— Я, ваше превосходительство... Очень приятно-с! Друг, можно сказать, детства и вдруг vyšли в такие вельможы-с! Хи-хи-с.

Замечено, что индивиды, занимающие близкие позиции в социальном пространстве, как правило, стремятся сблизиться и в физическом пространстве [1]. Так, люди с более или менее одинаковым статусом поселяются в одном районе (вспомним о Рублевке), чаще встречаются на различных мероприятиях, вместе проводят свободное время: играют в гольф или, наоборот, топчутся у ларьков с пивом.

Но обратное положение не является общим правилом: индивиды, находящиеся рядом в физическом пространстве, не обязательно занимают в социальном пространстве близкие позиции. Водителю машины главы солидной фирмы вряд ли будет просто подружиться с его дочерью, даже если он, сидя за

рулем машины, будет находиться всего в полуметре от девушки во время ее поездок по салонам красоты.

Поэтому наблюдение поведения индивидов в физическом пространстве позволяет лишь с долей вероятности познавать их взаимоотношения в социальном пространстве. Но обычно эта доля достаточна, чтобы делать выводы, более или менее близкие к реальности.

Дадим лаконичное определение социологического наблюдения — это *познание социального через наблюдение физического*.

Рассмотрим ситуацию. Некто присутствует в качестве приглашенного на корпоративной вечеринке, организованной в честь юбилея фирмы, и хочет заодно уточнить, кто есть кто в данном коллективе. Вот уже прозвучало поздравление в виде краткой речи генерального директора, сразу после этого укатившего отмечать юбилей в так называемом ближнем кругу на даче одного из своих заместителей. Оставшиеся без начальства люди выпивают по паре рюмок и разбиваются на группы. Можно обратить внимание на то, что группы, держа в руках рюмки и тарелки с закуской и беседуя, незаметно для себя медленно передвигаются по кругу, центр которого находится не в самой середине зала, но несколько в стороне. В этом центре беседуют несколько человек, мало обращая внимание на остальных. К ним подходят периодически люди от разных групп, чтобы сообщить, что считают за честь выпить вместе с самим Иваном Петровичем, а также с Николаем Матвеевичем и его милейшей супругой Ниной Семеновной².

Составляющие круг группы неодинаковы по численности, некоторые включают всего двух-трех человек, а отдельные члены коллектива переходят от группы к группе поговорить, не забывая прихватить со стола тарелочку с красной рыбой и очередную рюмку коньяка.

Конечно, неплохо было бы провести социометрический опрос для определения лидеров и состава микрогрупп как социальных субъектов. Но наблюдение делает проведение такого рода исследование излишним. Ясно и так, что люди, стоящие в центре и беседующие о чем-то своем, являются неформальными лидерами коллектива. Объединившиеся в группы люди являются микрогруппами по отношению ко всему коллективу. Эти микрогруппы необязательно совпадают по своему составу со структурными подразделениями фирмы. То, что их сейчас объединяет, это личные симпатии и общие увлечения. А

² Идея примера заимствована из книги: Сирила Паркинсона «Законы Паркинсона» (М.: Прогресс, 1989. Раздел «Исследование приглашенных, или Гостевая формула»).

несколько человек, перемещающихся от одной микрогруппы к другой, — это, скорее всего, те, кто не входит в постоянный состав ни одной из микрогрупп.

Таким образом, наблюдение позволяет получить сразу и непосредственно результат социометрического исследования, причем гораздо более простым и, главное, более дешевым способом. Правда, выводы такого наблюдения будут скорее всего менее валидны по сравнению с результатами проведенного по всем правилам социометрического опроса — с использованием карточек, соответствующих вычислений коэффициентов взаимности, сплоченности и т.п. Но важна мысль, что наблюдение сыграло роль социометрического опроса *без проведения самого опроса*. Мы непосредственно видим «кто есть кто» в социальном пространстве фирмы.

Виды наблюдения. Наблюдение не является простым делом. Как и в любом социологическом исследовании, здесь должна быть разработана или хотя бы намечена программа, в ней должны быть прописаны предмет, задачи наблюдения, вид наблюдения, а также способ регистрации результатов наблюдения.

В примере про корпоративную вечеринку предметом наблюдения являлось поведение коллектива фирмы в неформальной обстановке, задачей наблюдения было выяснение неформальной структуры

коллектива (количество и состав микрогрупп и их взаимоотношения).

Но вообще предметом наблюдения может быть поведение как отдельных индивидов, так и социальных групп и различных общностей — возрастных, профессиональных, этнических и др. А также поведение различных категорий людей, объединенных общей ситуацией: митинг, пляж, присутствие на спортивных состязаниях или выступлении известной рок-группы, участие в демонстрации, в религиозном шествии и т.п.

Различаются виды наблюдения: стандартизированное и нестандартизированное (иногда используются в качестве близких по смыслу термины — структурированное и неструктурированное), а также включенное и невключенное.

В *стандартизированном* наблюдении четко указаны те элементы ситуации, которые необходимо наблюдать и измерять. В примере корпоративной вечеринки элементами наблюдения были микрогруппы, на которые распался коллектив после отъезда высокого начальства. При этом можно документально зарегистрировать состав, величину микрогрупп, их количество и степень близости к центральной микрогруппе (см. табл. 1).

Таблица 1. Микрогруппы на корпоративной вечеринке

Центральная микрогруппа	Ближайшие к центру микрогруппы		Микрогруппы второго ряда		Те, кто вне микрогрупп
1. Алексеев	1. Нуждин	1. Иванов	1. Ладзина	1. Акулов	1. Быков
2. Алексеева	2. Полетаев	2. Петров	2. Половная	2. Воронина	2. Самойлова
3. Перминов	3. Симонова	3. Старков	3. Алферова	3. Ежеская	3. Мурашев
4. Николаев	4. Никитин	4. Володина	4. Ловшина		
	5. Резникова				

Кроме таблиц могут использоваться особые карточки для заполнения характеристик, в том числе измерений того, что должно быть зафиксировано, а также журналы и дневники наблюдения с комментариями по поводу наблюдаемого.

На первый взгляд наилучший способ регистрации — это видеозапись. Она позволяет вновь и вновь просматривать данные наблюдения, анализировать детали, которые не были замечены в ходе живого наблюдения. Но видеозапись все равно не избавляет от необходимости использовать таблицы и карточки для перевода того, что записалось, в количественные показатели. Потому что только обработка этих количественных показателей дает возможность делать какие-то выводы и выразить их в виде текста.

В случае *нестандартизированного* наблюдения отсутствует строгое предписание, что именно наблюдать и измерять. Схватывается ситуация как в целом, так и в деталях, но многое зависит от интуиции и

личных качеств наблюдателя, его способности понять общую атмосферу, жесты, обмен взглядами, интонации, отношения симпатии или неприязни, манеру одеваться и т.д. В ситуации корпоративной вечеринки в случае нестандартизированного наблюдения один наблюдатель сможет заметить вздох облегчения генерального директора после произнесения речи и промелькнувшее на его лице чувство выполненного долга. И сделает вывод о наличии строгого деления коллектива на начальство и так называемых остальных. А другой наблюдатель обратит внимание на то, что микрогруппы делятся в основном по возрастному признаку и что среди оставшихся без начальства работников, похоже, верховодят женщины, определяющие время закусывать и время танцевать. Таким образом, возможны отличающиеся друг от друга описания одного и того же.

Для регистрации результатов *нестандартизированного* наблюдения в основном используются жур-

налы и дневники наблюдения с комментариями, но зависимость от личности наблюдателя проступает в том, что регистрация будет тяготеть к жанру эссе: записываю все, что вижу. Но это «все, что вижу» будет разным у разных наблюдателей и даже у одного и того же наблюдателя в зависимости от его состояния: степень усталости, занятости другими мыслями и т.п.

У того и другого способа наблюдения есть плюсы и минусы. В стандартизированном наблюдении фиксируется какая-то одна сторона ситуации, зато строго и тщательно. Поэтому результаты наблюдения, выполненные разными наблюдателями, можно сравнивать и обобщать. Результаты нестандартизированного наблюдения, выполненные разными людьми, гораздо труднее сравнивать по каким-то определенным показателям. Но могут быть зафиксированы не предусмотренные программой детали, иногда гораздо более интересные и важные для понимания того, что происходит.

В сумме эти разные результаты дают картину зачастую более богатую и целостную, чем при стандартизированном наблюдении. Правда, для того, чтобы увидеть это более богатое целое, требуется проделать анализ всей суммы выполненных наблюдений, чтобы увидеть неожиданный лес за деревьями, подобно тому, как мы обнаруживаем внезапно для самих себя в переплетении ветвей и листьев человека с ружьем на картинке под названием «Где спрятался охотник?».

Как в случае стандартизированного, так и в случае нестандартизированного наблюдения нужно определить со способами перепроверки результатов наблюдения. Для этого обращаются к имеющимся документам по поводу исследуемых ситуаций, сравнивают результаты и выводы проведенного наблюдения с результатами и выводами других наблюдателей, исследовавших аналогичные ситуации.

Включенное и невключенное наблюдения отличаются в зависимости от того, является ли сам наблюдатель участником наблюдаемой ситуации или не является. Если обратиться снова к примеру с корпоративной вечеринкой, то очевидно, что речь идет о включенном наблюдении. Человека пригласили на вечеринку, и в качестве приглашенного он общается внутри одной из микрогрупп или переходит от одной микрогруппы к другой, стараясь познакомиться как можно с большим числом участников вечеринки и наладить полезные связи. В то же время он негласно наблюдает ситуацию в целом, пытаясь понять неформальную структуру коллектива, социальные статусы присутствующих, их иерархию. Чтобы потом по свежей памяти зафиксировать все это, например, в виде табл. 1.

При включенном наблюдении возможны два варианта: наблюдаемые знают о том, что один из них кроме всего прочего еще и наблюдает за ними; или не знают, как было в приведенном примере.

В обоих случаях общим является то, что включенность никогда не бывает полной, так как наблюдателя и наблюдаемых не объединяют общее прошлое, общие традиции и общие воспоминания. А значит, все равно в известной степени это будет взгляд со стороны (взгляд чужака), дающий возможность лишь частичного понимания того, что происходит на его глазах.

Различие состоит в том, что, когда люди знают о присутствии наблюдателя, их поведение не будет совершенно естественным, и потребуется время, чтобы люди перестали обращать внимание на то, что их наблюдают. Важным условием возможности такого привыкания является использование посредника, который представит социолога в качестве человека, который теперь не только один из нас, но еще и набирает материал «для своей научной работы». И люди могут махнуть рукой: ну что же, пусть наблюдает, если ему так хочется.

При невключенном наблюдении социолог не является участником исследуемой ситуации. Невключенное наблюдение — это взгляд со стороны, причем при стремлении не привлекать к себе внимания. Например, в рабочем коллективе скромная женщина сидит в уголке производственного цеха, начальство сообщило, что это — социолог-наблюдатель. Правда, женщина все время старательно листает какие-то бумаги, которые, похоже, интересуют ее больше, чем то, как ведут себя окружающие. И на нее перестают обращать внимание.

Или в приличном кафе человек, изображающий администратора, следящего за порядком, проводит структурированное наблюдение степени обыденности данного способа проведения свободного вечера — через определение количественного соотношения между посетителями в костюмах со строгими галстуками и посетителями, которые позволили себе прийти в поношенном свитере и выдавших виды джинсах.

Пример наблюдения, анализ его результатов. Представим себе, что мы наблюдаем политический митинг. Прежде всего бросится в глаза довольно плотная группа *активистов*, стоящих перед трибуной и живо реагирующих аплодисментами или выкриками «Долой!» на то, что произносят выступающие, чьи слова, усиленные динамиками, разносятся на площади. Мы видим также менее плотный слой людей, расположенный за слоем активистов и поэтому отстоящих на несколько большем расстоянии от трибуны с выступающими. Это — люди, которым интересно посмотреть, как «делается история». Назовем их *нейтральными*.

Еще далее можно различить слой людей, находящийся на периферии митингующих, их состав постоянно меняется: одни уходят, немного послушав выступающих, их сменяют другие, чтобы тоже отойти

через некоторое время, уступив место другим. Назовем их *любопытными*. Наконец, еще дальше пройдут мимо люди, не обращающие внимания на митинг. Это — *посторонние*.

Интересно то, что пространственное расслоение присутствующих на митинге тоже выступает своеобразной заменой опроса, теперь уже анкетного. В соответствующей анкете должен стоять вопрос: «Как Вы относитесь к тому, что произносят выступающие?». Очевидно, что активисты скорее всего выбрали бы вариант ответа «Это важно», нейтральные — «Скорее важно, чем неважно», любопытные — «Скорее неважно, чем важно», а посторонние: «Это — неважно». Соотношение показателей по этим четырем вариантам ответа позволит определить общественную значимость политической партии, проводящей митинг.

Но, конечно, проведение реального анкетного опроса с просьбой поставить крестик в нужном месте было бы затруднительным среди людей, собравшихся совсем не для заполнения бумаг. Точно так же в случае с вечеринкой — сомнительно, чтобы люди, держащие в руках рюмки с коньяком и тарелочки с красной рыбой, согласились на проведение процедуры социометрического опроса.

Итак, снова подчеркнем, что наблюдение позволяет получить знание, которое обычно дают опрос-

ные методы социологического исследования, — в тех случаях, когда применение этих методов является невозможным, неуместным или, по крайней мере, затруднительным.

Допустим, что на площади проходит митинг представителей партии *A* и тех, кто за эту партию обычно голосуют на выборах. Пусть наблюдение показывает, что активисты составляют примерно 20 % от всех присутствующих, нейтральные — примерно 50 %, 15 % составили любопытные. Наконец, остальные 15 % — люди совсем посторонние, не обращающие внимание на происходящее рядом с ними действие: мамы с детскими колясками, мужчины с портфелями, пересекающие площадь с деловым видом, просто прохожие, случайно оказавшиеся в районе данной площади.

Теперь допустим, что на этой же площади совсем недавно прошел митинг представителей и избирателей партии *B*. Здесь наблюдение обнаружило следующие пропорции категорий присутствующих: активисты — 60 %, нейтральные — 20 %, любопытствующие и посторонние — по 10 %.

На основе этих наблюдений можно провести сравнение общественной значимости обеих партий. Заменяем проценты в целях удобства долями от единицы (см. табл. 2).

Таблица 2. Соотношение категорий присутствующих на митингах

Партии	Активисты, <i>a</i>	Нейтральные, <i>в</i>	Любопытные, <i>с</i>	Посторонние, <i>d</i>
<i>A</i>	0,2	0,5	0,15	0,15
<i>B</i>	0,6	0,2	0,1	0,1

Припишем данным столбца «Активисты» (*a*) вес в 4 балла, данным столбца «Нейтральные» (*в*) вес в 3 балла, данным столбца «Любопытные» (*с*) вес в 2 балла, столбца «Посторонние» (*d*) вес в 1 балл. Далее будем определять коэффициент значимости партии по формуле:

$$K = 4a + 3в + 2с + d.$$

Проведем вычисления:

$$K_A = 4 \times 0,2 + 3 \times 0,5 + 2 \times 0,15 + 0,15 = 0,8 + 1,5 + 0,3 + 0,15 = 2,75.$$

$$K_B = 4 \times 0,6 + 3 \times 0,2 + 2 \times 0,1 + 0,1 = 2,4 + 0,6 + 0,2 + 0,1 = 3,3.$$

Итак, количественное сравнение данных с использованием балльной методики показывает, что партия *B* (коэффициент 3,3) является несколько более значимой и более отвечающей общественным интересам, чем партия *A* (коэффициент 2,75).

Можно было поступить проще, сравнить данные только по «активистам»: 0,2 и 0,6, чтобы прийти к

тому же выводу: более значимой и более отвечающей общественным интересам является партия *B*. Какой метод количественного сравнения использовать — дело выбора социолога.

Разумеется, ничто не помешает нам таким же способом сравнивать значимость не двух, а большего числа партий, проводящих митинги в ходе избирательной кампании, и составить таблицу с большим числом строк. Эта таблица позволит ранжировать партии на основе полученных коэффициентов по их общественной значимости.

Итак, общественную значимость политических партий можно измерять через сравнение наблюдаемого соотношения (разумеется, на глаз) между активистами, нейтральными, любопытными и посторонними.

До сих пор мы находились в таком месте на площади, чтобы можно было взглядом охватить ситуацию митинга в целом. Например, наблюдали из окна верхнего этажа дома рядом с площадью. Можно использовать в качестве точки наблюдения трибуну с ораторами, проникнув на нее, используя свои связи с

организаторами митинга. Это — так называемое *внешнее, или невключенное*, наблюдение, когда, напомним, сам исследователь не является участником изучаемой ситуации, а наблюдает ее со стороны.

Но вот мы сходим с трибуны или спускаемся со своего верхнего этажа дома на площади, чтобы перейти к методу *включенного наблюдения*, при котором исследователь выступает в роли участника ситуации, которую он изучает. Теперь мы находимся, так сказать, в гуще событий. И обнаруживаем новые моменты. Слой активистов, оказывается, не выступает единым целым, но состоит из различных по своему поведению участников. Некоторые из них действительно внимательно слушают ораторов и непосредственно реагируют на услышанное с трибуны, другие же реагируют вслед за особыми людьми, которые первыми начинают аплодировать или кричать «Долой!», особенно когда камера снимающих митинг телеоператоров поворачивается в сторону трибуны и стоящих внизу активистов.

Мы начинаем ощущать привкус телестановки и понимаем, что произошло так называемое транспонирование, или переключение³, когда исходная, или первичная, ситуация — коллективное и непосредственное обсуждение идей, высказываемых с трибуны, превращается в *изображение* коллективного и непосредственного обсуждения идей, высказываемых с трибуны.

Перемещаясь в сторону тех, кто выше были названы нейтральными, мы также обнаруживаем привкус телестановки. Многие, оказывается, в курсе того, что их снимают, поворачиваются лицом к телеоператорам, кто-то приветственно машет рукой, чтобы родственники и знакомые в вечерних новостях смогли их выделить среди присутствующих на митинге.

Степень раздвоения внимания — с одной стороны, на выступающих с трибуны и, с другой стороны, на телекамеру — тоже можно (очень ориентировочно, разумеется) измерить. Например, можно увидеть, что на митинге партии *A* примерно половина присутствующих не обращала внимания, что их снимают на телекамеру, а на митинге партии *B* таких была лишь треть от всех присутствующих. Таким образом, включенное наблюдение позволило получить дополнительное измерение общественной значимости различных партий.

Можно попробовать также учесть звуковой фон митинга, например, принять во внимание частоту разговоров о том, скоро ли подвезут бутерброды с напитками и когда, наконец, дадут команду занять автобусы, чтобы разъехаться по домам, и т.д.

Но остановимся на учете коэффициентов K_A и K_B и степени театрализованности, а лучше — нетеат-

рализованности митингов различных партий. Можно проранжировать партии (пусть их будет четыре) по этим двум измерениям и провести суммарное сравнение на основе, например, табл. 3.

Учет указанных двух измерений показал, что партия *A* все же наиболее соответствует общественным интересам: сумма мест минимальна и поэтому ранг равен единице. Партия *D* общественным интересам соответствует в наименьшей степени: сумма мест максимальная, поэтому ранг равен четырём. Остальные две партии заняли промежуточные суммы мест, суммарный ранг равен двум с половиной.

Конечно, надо учитывать, что понятие «соответствие общественным интересам» является абстрактным, и количественные показатели, которые мы использовали для его измерения, имеют весьма косвенное к нему отношение. Но, как мы знаем, при любой операционализации понятий через количественные показатели приходится измерять то, что можно, делая вид, что измеряем то, что нужно. Одни количественные показатели более точно характеризуют измеряемое понятие, другие — менее точно. Показатели, которые мы использовали, как нам представляется, все же не являются самими неточными.

Проблема объективности наблюдения. Проблема объективности наблюдения — т.е. действительно ли мы наблюдаем то, что реально, т.е. социальную реальность. В этой проблеме можно выделить две стороны.

Первая состоит в том, что присутствие наблюдателя оказывает влияние на поведение наблюдаемых. Зная, что за ними наблюдают, люди стремятся вести себя не как обычно, а как будто пришло начальство. Бригада рабочих забывает о перекурах, а бригадир перестает употреблять крепкое словцо. Но рано или поздно люди устают «изображать» и начинают вести себя как обычно. К наблюдателю привыкают, и очкарик с блокнотом превращается в «мебель».

Конечно, это не всегда происходит, в некоторых случаях, наоборот, наблюдатель начинают обращать на себя повышенное внимание. Представим, что вы заинтересовались поведением футбольных фанатов и при помощи включенного наблюдения пытаетесь понять технику превращения отдельных неуравновешенных, но нормальных людей в возбужденную массу, в которой исчезает личность. Очевидно, что блокнот в руках, а тем более видеокамера, окажутся тем, от чего возбужденные люди помогут вам избавиться в первую очередь. Можно, разумеется, ограничиться методом невключенного наблюдения, для этого с комфортом обосноваться в будке комментатора или пересесть на скамейку тренеров. Но тогда вы не увидите и не услышите то, ради чего пришли.

³ Термины теории фреймов Е. Гофмана.

Таблица 3. Сравнение партий на соответствие общественным интересам

Партии	Коэффициенты значимости на основе баллов	Место	Доля не обращающих внимания на то, что их снимают на телекамеру	Место	Сумма мест	Суммарный ранг
A	2,75	2	0,5	2,5	4,5	1
B	3,3	1	0,33	4	5	2,5
C	1,8	4	0,8	1	5	2,5
D	2,3	3	0,5	2,5	5,5	4

Итак, присутствие наблюдателя лишь в некоторых особых случаях превращается в действительную проблему, причем прежде всего для самого наблюдателя. Чаще всего проблема автоматически решается таким образом, что к вам все же привыкают, как давно привыкли к видеокамерам, установленным на уличных перекрестках и других местах, интересных для соответствующих служб.

Более важной с точки зрения объективности наблюдения является вторая сторона. Все дело в том, что любое наблюдение избирательно. Избирательность определяется мировоззрением наблюдателя, его принадлежностью к определенному культурному слою, степенью образованности, но самое главное — той научной теорией, на которую он ориентируется, проводя наблюдение. Оказывается, мы всегда видим то, на что уже настроились видеть в соответствии с понятиями нашей теории. Как и понимаем лишь то, о чем *уже* имеем представление, пусть не очень ясное.

В свое время это обнаружил греческий философ Платон: объяснить можно только тому, кто предварительно уже понимает, что имеется в виду. Совершенно непонимающему невозможно что-либо объяснить. Но это означает, что понимание того, что наблюдаешь, всегда опирается на предварительно выбранную систему *понятий*. И вот эта система понятий предопределяет, на что будет обращать свое внимание наблюдатель.

На корпоративной вечеринке наблюдатель увидел микрогруппы и неформальных лидеров, потому что опирался на понятия социометрического метода: микрогруппы, лидеры, статусы, коэффициенты взаимности и сплоченности.

Однако человек, вооруженный только здравым смыслом, увидел бы на той же вечеринке, что вот эта кучка людей собралась вокруг рассказчика анекдотов, другую объединило признание, что водка уже не та, как в доброе старое время. Третья группка, состоящая из женщин, открыла, что селедка под шубой не совсем удалась и в следующий раз надо готовить ее несколько иначе. А те, кто стоят в центре, просто стремятся быть поближе к представителю начальства, оставленного генеральным директором в качестве смотрящего. Итак, другой наблюда-

тель увидел бы кучки людей, объединившихся по разным случайным поводам.

Но представим, что наблюдатель является последователем теории Анри Файоля. Тогда он ясно увидит, что селедку под шубой обсуждают в основном женщины из бухгалтерии, хотя в их разговор все время пытается вклиниться красавец-мужчина из юридического отдела. Сравнением шотландского виски с водкой заняты в основном мужчины отдела рекламы. А несколько мужчин из отдела снабжения отдают должное коньяку под семгу, демонстрируя одновременно свое видение перспектив развития фирмы Николаю Матвейчу и его супруге Нине Семеновне.

Но кто же из указанных трех наблюдателей видит *то, что есть*, а не то, что заставляют видеть их теории? То, что есть — это микрогруппы, основанные на взаимном выборе, или кучки людей, образовавшиеся чисто случайно, или коллектив, разделившийся по производственному принципу?

Этот вопрос не снимается тем, что наблюдением будет заниматься не один человек, но группа исследователей. Процедуре наблюдения предшествует составление программы наблюдения, а программа должна исходить опять же из определенной теории.

Впрочем, та же проблема возникает и при других методах социологического исследования. Как при анкетном опросе, так и при интервью должны быть заранее выдвинуты гипотезы, которые определяются предварительными соображениями, в том числе теорией, на которую опирается исследователь. Эта теория определит построение именно такой анкеты, а не другой, и интервью будет построено именно таким образом, а не иным. И социологический эксперимент есть проверка определенной гипотезы о наличии функциональной связи между переменными, а характер гипотезы снова определяется теоретическими соображениями.

Каждый раз теория определяет то, что мы видим в реальности. Согласно физике Аристотеля тело *не движется, пока к нему не приложена сила*. И действительно, колесница прекращает движение, как только лошади останавливаются. А в физике Галилея-Ньютона тело *движется* равномерно и прямолинейно, *пока к нему не приложена сила*. Хотя в

действительности любое тело рано или поздно замедляет, а затем прекращает движение. И чтобы объяснить этот факт, приходится вводить задним числом понятие трения.

Итак, теория определяет то, что воспринимается в качестве реальности. Но в понимании природных явлений мы можем себе позволить рассуждать по принципу либо-либо: верна либо эта теория, либо та. Социология же имеет дело с настолько сложной и многосторонней реальностью — с жизнью людей и с тем, что они о своей жизни думают, что более правильным будет несколько иное рассуждение: верна по-своему и эта теория, и та, а также еще и третья. И лишь синтез различных пониманий одного и того же позволяет приблизиться к тому, что происходит в реальности [3, с. 129].

Список литературы

1. Бурдье П. Социальное пространство и символическая власть // Альманах THESIS. 1993. Т. 1, вып. 2. С. 137–150.
2. Готтлиб А.С. Введение в социологическое исследование. Качественный и количественный подходы. Методология. Исследовательские практики: учеб. пособие. М.: Флинта: МПСИ, 2005. 384 с.
3. Ненашев М.И. Методы исследований в количественной социологии. Киров: Радуга-Пресс, 2016. 267 с.
4. Семенова В.В. Качественные методы: введение в гуманистическую социологию. М.: Добросвет, 1998. 289 с.
5. Современная западная философия: Словарь. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ТОН – Остожье, 1998. 544 с.
6. Ядов В.А. Социологическое исследование: методология, программа, методы. Гл. IV: Методы сбора данных. § 1. Прямое наблюдение. URL:

Об авторе

Ненашев Михаил Иванович

доктор философских наук, профессор,
профессор кафедры социологии и социальной
психологии

Вятский государственный университет,
610000, Киров, ул. Московская, 36;
e-mail: mnenashev@inbox.ru

<http://www.socioline.ru> (дата обращения:
22.01.2016).

Получено 31.01.2016

References

1. Bourdieu P. [Social space and symbolic power]. *Al'manah THESIS* [Almanac THESIS]. 1993, vol. 1, iss. 2, pp. 137–150. (In Russian).
2. Gottlieb A.S. *Vvedenie v sotsiologicheskoe issledovanie. Kachestvennyj i kolichestvennyj podhody. Metodologiya. Issledovatel'skie praktiki: uchebnoe posobie* [Introduction to sociological research. Qualitative and quantitative approaches. Methodology. Research practice: tutorial]. Moscow, Flinta Publ., MPSI Publ., 2005, 384 p. (In Russian).
3. Nenashev M.I. *Metody issledovaniya v kolichestvennoj psihologii* [Research methods in quantitative sociology]. Kirov, Raduga-Press Publ., 2016, 267 p. (In Russian).
4. Semenova V.V. *Kachestvennye metody: vvedenie v gumanisticheskuyu sotsiologiyu* [Qualitative methods: an introduction to humanist sociology]. Moscow: Dobrosvet Publ., 1998, 289 p. (In Russian).
5. *Sovremennaya zapadnaya filosofiya: Slovar'* [Modern Western philosophy: Dictionary]. Moscow, TONE – Ostozh'e Publ., 1998, 544 p. (In Russian).
6. Yadvov V.A. *Sotsiologicheskoe issledovanie: metodologiya, programma, metody. Gl. 4. Metody sbora dannyh. § 1. Pryamoe nablyudenie* [Sociological research: methodology, program, methods. Ch. IV. Methods of data collection. § 1. Direct observation]. Available at: <http://www.socioline.ru> (accessed 22.01.2016). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 31.01.2016

About the author

Nenashev Mikhail Ivanovich

Doctor of Philosophy, Professor,
Professor of Department of Sociology
and Social Psychology

Vyatka State University,
36, Moskovskaya str., Kirov, 610000, Russia;
e-mail: mnenashev@inbox.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Ненашев М.И. Особенности социологического наблюдения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 111–119. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-111-119

Please cite this article in English as:

Nenashev M.I. The specificity of the sociological observation // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 111–119. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-111-119

УДК 316.4:316.2

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-120-128

ПОНЯТИЕ СОЦИАЛЬНОЙ СОЛИДАРНОСТИ В РАБОТАХ КЛАССИКОВ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ НАУКИ

Сомхишвили Кристина Отариевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье представлен анализ категории социальной солидарности в работах классиков социологии. Именно в них были заложены основы понимания и измерения солидарности, описаны ее базовые характеристики, представлены причины возникновения, формы проявления и типологии. Определена специфика зарубежных и отечественных авторов в трактовке социальной солидарности. Для первых характерно выведение социальной солидарности на основе норм, правил или договора. Вторые, в основном, говорят о существовании солидарности в самом человеке и обращаются к ее анализу через мораль и соборность. Классики социологии задали вектор дальнейшего рассмотрения идеи солидарности как социального явления, перевели ее из плоскости умозрительных конструктов в плоскость реальных фактов, эмпирически фиксируемых практик. Обозначили основные проблемы, возникающие при изучении социальной солидарности. Дали описание двойственному характеру данного явления.

Ключевые слова: социальная солидарность; соборность; классическая социология.

SOCIAL SOLIDARITY IN CLASSICAL SOCIOLOGICAL THEORY

Kristina O. Somhishvily

Perm State University

The analysis of category of social solidarity in works of classics of sociology is presented in the article. It is in their works the basics of understanding and measurement of solidarity were laid, its main characteristics are described, reasons of appearance, forms and typologies are presented. The specificity of foreign and domestic authors in the interpretation of social solidarity has been identified in the article. For the first it is characterized by the excretion of social solidarity based on the rules, regulations or contract. Second, in general, talk about the existence of solidarity in person and apply to its analysis through morality and sobornost. Classics of Sociology asked the direction of further consideration of the idea of solidarity, as a social phenomenon, it was transferred from the plane of speculative constructs in the plane of the real facts, empirically observable practices. The main problems, arising in the study of social solidarity, have been designated by them. They gave the description of the dual nature of this phenomenon.

Key words: social solidarity; sobornost; classical sociology.

Современное отечественное обществоведение переживает очередной всплеск интереса к проблематике социальной солидарности, которая начинает рассматриваться как значимый фактор социального сплочения в кризисном обществе [3], как единственно возможная основа социального развития России [11], как необходимое условие выживания в ситуации нарастающей рискогенности среды обитания [12]. Наряду с социологическими интерпретациями солидарности встречаются ее трактовки как категории морали, нравственности или политики. Солидарность начинает выступать как ценность или лозунг. Исследования социальной солидарности включают обсуждение ее соотношения с такими по-

нятиями, как «альтруизм», «социальный капитал», «социальная идентичность», «социальное доверие», «мораль», «эмпатия», «любовь». Тем самым формируется особый научный дискурс солидарности, обладающий междисциплинарным характером. Социологический подход к анализу социальной солидарности может стать интегрирующим при определении роли и места солидарности в современном мире. А определение его специфики должно предвлекать новым осмыслением классических социологических трактовок социальной солидарности.

Вопрос о социальной солидарности не является новым в социологической науке. Идеи солидарности или единства можно обнаружить в работах древних

мыслителей и идеологов европейского просвещения, таких как Платон, Аристотель, Ж.-Ж. Руссо, Р. Декарт и другие. Изучают социальную солидарность и современные исследователи. Она не та, что была в XIX в., она изменилась, приобрела новые формы и особенности. При этом нельзя сказать, что классические социологические подходы устарели. Обращение к ним дает понимание структуры и процесса включения различных характеристик в описание и понимание солидарности. Изучению солидарности уделялось большое внимание как в зарубежной, так и в отечественной литературе. Само явление, как и его понимание, изменялось с течением времени. Прежде всего, изучая социальную солидарность, необходимо обратиться к историческому аспекту, так как он дает понимание базы или основы самого явления, а также задает поле его изучения. Классический период является связующим звеном между досоциологическими работами, затрагивающими проблематику социальной солидарности, и современными исследованиями. Именно с классического этапа начинается обращение и рассмотрение социальной солидарности, происходит ее вычленение из ряда других вопросов.

Вопрос о социальной солидарности как о действительно существующем в социальной реальности факте ставится французским социологом Э. Дюркгеймом. Классик социологии предлагает рассматривать социальные явления в целом как факты и обращаться с ними как с вещами в процессе изучения. Он выделяет два типа солидарности: механическую и органическую. Каждый из этих типов получил описание и границы проявления в социологии Э. Дюркгейма. Появление солидарности у Э. Дюркгейма связано напрямую с процессом разделения труда. Он обращает внимание на то, что солидарность проявляется через поддержание разнообразных отношений в обществе, т.е. через практику взаимодействия, совместного действия. Более подробно особенности проявления каждого типа солидарности даются на примере правовой системы, однако это больше частные случаи, нежели полное описание явления.

Механическая солидарность, или солидарность по сходству, у Э. Дюркгейма предполагает соответствие репрессивному праву и характеризуется следующими параметрами:

- основывается на совокупности верований и чувств, которые являются общими или коллективными;
- характерна для низших обществ;
- возникает из сходств и прямо связывает индивида с обществом (индивид связан с обществом напрямую, без всякого посредника);
- в основе лежит сходство.

При этом органическая солидарность или солидарность, вызванная разделением труда, соответствует реститутивному праву и также имеет ряд характеристик:

- вызвана разделением труда;
- характеризуется связями вещей, целей с личностью, а не личностей между собой (индивид зависит от общества, так как зависит от составляющих его частей);
- присуща более развитым обществам;
- в основе лежит различие.

Э. Дюркгейм дает однозначный прогноз о том, что роль органической солидарности будет возрастать. Он считает, что это связано с самим процессом увеличения разнообразия человеческой деятельности [2].

Подход к социальной солидарности исключительно с позиций правовой системы, или системы разделения труда, не дает возможности описать данное явление полностью, однако если его рассматривать исключительно как пример, то можно расширить сферу анализа социальной солидарности. Э. Дюркгейм вводит базовое основание деления солидарности на два типа — сходства и различия, которые в рамках его теории идут последовательно. Но различия не просто идут вслед за сходствами, они существуют одновременно, более того, они могут одновременно существовать в одном обществе. Таким образом, мы получаем довольно точное, но одностороннее описание явления. Дается основание для выделения солидарности из круга других социальных явлений, но только в случае чувства единства или необходимости обмена. Солидарность в таком случае остается не более чем описательным конструктом. Даются условия существования солидарности, которые выступают в качестве практик, наборов действий, а сама солидарность остается малопонятной.

Попытку придать социальной солидарности деятельный характер делает М. Вебер. К рассмотрению социальной солидарности у М. Вебера можно подойти с двух сторон. Во-первых, обратиться к его теории социального действия и провести параллели между четырьмя типами действия и, соответственно, четырьмя типами солидарности или четырьмя типами порядка. Такого подхода придерживаются, например, М.К. Зверев и О.А. Полюшкевич. При таком рассмотрении можно говорить о четырех источниках социальной солидарности: эмоциональные переживания, ценности и цели индивидов и групп, общая для всех система, интерес к достижению конкретных результатов. Во-вторых, в работах М. Вебера прослеживается описание поведения групп исходя из солидарности, между ее членами. Так он пишет: «Общее, распространяющееся на все живое “сострадание”, которое рационально объясняется солидарностью всех

живых и поэтому переходящих существ, подчиненных закону кармы, а психологически — выражением мистического, эйфорического, универсального и акосмического чувства любви, не допускает какой бы то ни было рациональной деятельности» [1, с. 275]. Несмотря на то что данный тезис был предложен М. Вебером при анализе религии, здесь подчеркивается априорный характер солидарности. Она не начинает существовать с определенного момента, она есть всегда, однако это не лишает смысла существование различных видов или типов солидарности. Здесь солидарность может трактоваться как связь между индивидами.

В отличие от подхода Э. Дюркгейма, в котором речь идет об условиях существования солидарности, причем сугубо экономических и правовых, М. Вебер дает классификацию событиям жизни или поведению. Однако сам подход М. Вебера в известной степени оторван от реальности. С одной стороны, социальная солидарность, выводимая из идеальных типов, оказывается довольно ограничена, с другой — все социальные действия, вне зависимости от их содержания, являются солидарными, или солидарность органически в них содержится, что подчеркивается при таком подходе. Это можно считать важной характеристикой социальной солидарности, можно подходить к ней как к обязательному условию взаимодействий внутри общества, но само понятие оказывается размытым и статичным.

Изучению солидарности уделяется внимание также в работах Т. Парсонса. Он рассматривал социальную солидарность двояко. С одной стороны, по Т. Парсонсу, солидарность является динамическим явлением, т.е. солидарность становится важнейшим условием стабильности и самовоспроизводства в обществе, с другой стороны — солидарность как феномен объективного характера, который действительно есть в реальности [10]. Солидарность в динамике представляет собой развитие и воспроизводство в обществе, при этом наличие солидарности является необходимым условием существования общества.

Т. Парсонс подходит к анализу солидарности с позиций структурного функционализма. То есть солидарность рассматривается в рамках социальных систем, как объединяющая их сила. Поскольку развитие социальной системы происходит по принципам дифференциации и усложнения, интеграция понимается как выработка единых функциональных и ценностных оснований. При этом действия и отношения обладают большей сложностью, чем схема стимул-реакция. Актеры развивают систему ожиданий, на основании которых делается вывод о возможных реакциях на то или иное поведение. Социальная система состоит из множества взаимодей-

ствующих друг с другом в каждой конкретной ситуации индивидуальных деятелей, стремящихся к «оптимизации удовлетворения», чье отношение к ситуации и друг к другу в ней определено и опосредовано системой культурно-структурированных и общих символов [4]. Символы должны иметь постоянное, значение. Так, социальная солидарность проявляется в единстве значений символов для акторов и в коммуникации между ними. Т. Парсонс предлагает описание процесса появления и проявления солидарности в группе, или появления групп на основании солидарности. Получается довольно простая понятная схема: если мы находимся в одной символической системе, одинаково воспринимаем символы и оцениваем эти символы, то мы солидарны. Таким образом, можно говорить о солидарности до тех пор, пока символы для акторов одинаковы, но жизненные миры разнообразны, следовательно, в каждой ситуации необходимо определиться с набором значимых одинаково понимаемых символов для оценки солидарности. Здесь появляется риск понимания социальной солидарности как искусственного конструкта, а каждой группы, выделенной по тем или иным основаниям, как солидарной. В связи с этим упускаются два момента: 1) солидарность теряет деятельное начало; 2) не затрагивается вопрос о самоидентификации и осознании индивидом этой самой солидарности. Если Э. Дюркгейм называет конкретную причину существования солидарности определенного типа, то Т. Парсонс говорит уже о социальной солидарности как о том, что характерно для различных групп, которые появляются на каждом этапе развития общества. Подобная точка зрения прослеживается в работах М. Вебера, согласно ей солидарность существует не с конкретного момента, а была всегда. Именно цели и ценности, системы координат, в которых функционируют люди, а точнее, их совпадение определяют солидарность. Если у Э. Дюркгейма механическая солидарность сменяет органическую, то у Т. Парсонса солидарности не сменяют друг друга, но могут меняться характеристики для определения того, как идентифицировать солидарность. То есть оказывается, что не только разделение труда или идеальный тип действия является основанием для выделения солидарности, а множество характеристик в различных сочетаниях будут давать основание для характеристики различных групп как солидарных. Однако не рассматривается, будут ли это в итоге разные солидарности или нет.

В феноменологической социологии А. Шютца солидарность выступает наравне с чувством долга и товариществом как нечто, предписанное группой и выражающееся в рамках средств и целей. Солидарность оказывается предопределена обществом, она

воспринимается без всяких критических замечаний, как данность. Основным источником социальной солидарности, согласно подходу А. Шютца, выступает прагматический мотив, определяющий стремление индивида достигнуть согласия с доступным ему жизненным миром, что ярко иллюстрируется на примере «они-группа» и «мы-группа». Члены каждой группы чувствуют свою солидарность с соответствующей группой благодаря общим, разделяемым группой, ценностям и целям, а также способам достижения целей. Они являются очевидными и понятными любому члену группы при том, что вторая группа всегда будет вызывать у первой негативные ощущения и ассоциации [15].

У А. Шютца солидарность получает две формы выражения: статическую и динамическую. В рамках статики солидарность выступает в качестве готовых форм социального существования, или сформированных групп и институтов. В рамках динамики — как стремление индивида быть в одной из существующих групп. Солидарность в такой трактовке оказывается изначально существующей в обществе на основании потребности быть включенным в группу. Подобную позицию можно наблюдать в подходах М. Вебера и Т. Парсонса. В такой ситуации возникают сложности с оценкой ценностной стороны солидарности. Она превращается в универсальную причину объединения людей. Солидарны так, как солидарны или солидарным необходимо быть. При этом индивиду в группе оказывается доступно только то, что санкционировано группой. Он не свободен в выборе собственных целей и средств, а средства, признаваемые группой, подчеркивают позицию «свой и чужой».

А. Шютц затрагивает вопрос, который не был до этого освещен в работах социологов. Он отвечает на вопрос о наличии или отсутствии выбора в вопросе солидарности и дает четкий ответ, что такого выбора нет: не сам человек решает, солидарен ли он с определенной группой, он находится внутри группы и он с ней солидарен. Солидарность как бы подразумевается. Однако это спорный момент: в целом люди рождаются в определенных условиях (в конкретное время, в конкретном месте и в определенной семье), и они солидарны со своим окружением, при этом основа (нормы и ценности) создаются самими людьми, т.е. люди сами создают солидарность. В отличие от предыдущих авторов, А. Шютц предлагает свой вариант поиска границ солидарности, а также говорит о возможности разного ее наполнения, о существовании разных по целям и ценностям солидарностях.

Отдельного внимания требует подход К. Маркса, который двояко рассматривает данный феномен. Солидарность рассматривается в паре с конфликтом, они взаимно обуславливают друг друга. Проводя

анализ материальных условий, способствующих сплочению пролетариата, Маркс вскрыл в то же время и социально-экономические причины его разобщенности — отчуждение и угнетение рабочего класса капиталистами. Логично, что для К. Маркса борьба за солидарность виделась только как борьба против угнетения. Он не рассматривал позитивные результаты борьбы, а отталкивался от негативных, т.е. рассматривал не борьбу «за», а борьбу «против». Солидарность же при капиталистическом укладе рассматривалась им как выражение имманентного стремления господствующего класса представить свой интерес как общий для всех членов социума [9]. Солидарность окрашивается здесь в темные тона. Соответственно, она может возникнуть для оправдания действий господствующего класса и будет носить временный и популистский характер, с одной стороны. С другой — только при явном противоборстве антагонистических классов мы можем фиксировать солидарность. Она может возникнуть только в борьбе, когда противоборствующие группы осознают свои интересы и открыто их выражают.

Несмотря на то что связь конфликта и солидарности очевидна, первый не может быть полной гарантией возникновения второго. Так, общий враг может сплотить, если он другими сторонами воспринимается как таковой или если внутренние противоречия сторон оказываются незначительными в сравнении с угрозами, исходящими от врага. Также возникает вопрос, в каком случае следует говорить о солидарности, а в каком о временном союзе по необходимости, и будет ли временный союз солидарным по своей сути.

Как и в походе Э. Дюркгейма, делается предположение об основной причине возникновения солидарности. Однако если у Э. Дюркгейма речь идет о последовательно сменяющемся типе, то у К. Маркса солидарность есть всегда, но проявляет она себя только в открытом столкновении интересов двух классов. Так же, как и у А. Шютца, наблюдается деление на свой и чужой, однако не само это деление, а открытый конфликт позволяет нам диагностировать наличие солидарности в группах.

В целом западная социологическая мысль так или иначе дает характеристику основам появления солидарности, предлагает варианты процесса ее возникновения, типологию и формы проявления солидарности. С одной стороны, необходимо обратить внимание на то, что солидарность фиксируема при наличии нескольких групп, т.е. когда есть реальная возможность сравнения установок, ценностей, целей и интерпретаций реальности. В то же время сами эти группы организуются при совпадении вышеперечисленных и других факторов. С другой стороны, она существует в обществе как его база или основа-

ние формирования общества. Однако ни один из приведённых подходов не может полностью и всесторонне объяснить социальную солидарность. Остаются открытыми вопросы о границах и о их существовании для солидарности, ситуациях ее проявления, за исключением конфликта, времени проявления функционирования и др.

Специфический характер имеет идея социальной солидарности в российской социологии и философии. Так, солидарность на разных этапах российской истории и истории СССР представляла идеи: соборности, всеобщего единства, коллективизма и опыта самоорганизации. Важнейший вклад в исследования солидарности внесли М.А. Бакунин, П.Л. Лавров, Л.И. Мечников, П.А. Кропоткин, Н.К. Михайловский, М.М. Ковалевский и В.И. Ленин.

В качестве примера здесь могут быть приведены взгляды А.С. Хомякова. Красной нитью в его работе «Церковь одна» прослеживается идея единства: «Церковь называется единою, святою, соборною (кафолической и вселенской), апостольской, потому что она едина, свята, потому что она принадлежит всему миру, а не какой-нибудь местности, потому что ею святится все человечество» [14, с. 6]. Дальше он пишет, что сила в единстве признающих ее, т.е. церкви. Здесь мы можем проследить два важных аспекта: первый касается всеохватывающего характера соборности, второй — ее деятельный характер. Несмотря на то что солидарность здесь практически сливается с религиозной идеей, подчеркивается важнейшая ее характеристика — единство, имеющее конкретное основание. В отличие от зарубежных авторов Хомяков делает акцент на рассмотрении условий возникновения солидарности, говорит о ее необходимости для жизни общества.

Идею солидарности в рамках соборности также развивал С.Л. Франк. В основе соборности у С.Л. Франка лежит сочетание двух принципов: нравственности и личности. В целом он говорит о существовании некоторой российской традиции, связанной с согласованностью, соотносением себя с группой. Он подчеркивал, что «изолированно мыслимый индивид есть лишь абстракция; лишь в соборном бытии, в единстве общества подлинно реально то, что мы называем человеком» [13, с. 54]. Существование человека невозможно представить без окружающей его социальной реальности, без чувства солидарности между людьми. Когда мы говорим «человек», то подразумеваем не только определенные физические характеристики, но и психологические, социальные, поведенческие. Именно чувство единства, связи с другими людьми является основой существования общества и его скрепляющим материалом.

Франк выделяет три формы соборности: единство брачно-семейное, соборное единство (религиозная жизнь) и общность судьбы и жизни (великое творческое и укрепляющее значение прошлого, культурно-исторических традиций в общественной жизни) [13]. Исходя из данной классификации, можно говорить, что солидарность для С.Л. Франка существовала на трех уровнях, а социальные связи — в трех связанных группах. Так, семья, религия и общество являются конкретными явлениями, имеющими в своей основе единство или, по-другому, солидарность.

Франк обращает внимание на очень важный факт: солидарность возможна только в обществе, только при наличии более чем одного индивида. Он также делает попытку выделить базовые основания солидарных групп, которые будут соответствовать формам соборности. В отличие от Э. Дюргейма, М. Вебера, Т. Парсонса и других европейских мыслителей, С.Л. Франк обращается не к причинам появления солидарности (солидарность есть и была всегда), а к группам, появление которых возможно только на основании солидарности. Последняя, соответственно, представляется как необходимое условие существования людей, возможности их функционирования: такая возможность есть только тогда, когда есть взаимодействие. При этом, в отличие от А.С. Хомякова, С.Л. Франк не связывает соборность только с религией, в его работах она представляет собой связь человека с другими людьми. Однако он не проводит границ соборности и соответственно солидарности, т.к. отрицает саму мысль о ее отсутствии или возможном отрицательном влиянии или отсутствии названных.

Родоначальник русской «субъективной школы» П.Л. Лавров говорил, что прогресс связан с физическим, умственным и нравственным совершенствованием, которые проявляются в общественной практике. Характеристикой здорового и прочного общества, по его мнению, является тесная и обширная солидарность между личностями, поскольку вне существования солидарности между членами общества здоровое и прочное общество невозможно [6]. В условиях общественной солидарности личный интерес совпадает с интересом общественным, а личное достоинство поддерживается лишь при соблюдении достоинства всех солидарных с нами людей. При этом взгляды исследователя описывают скорее желаемую, чем реально существующую, ситуацию.

Взгляды П.Л. Лаврова и С.Л. Франка очень схожи. Оба говорят о необходимости существования основы для формирования связей в обществе. Такой основой может быть только солидарность. При этом П.Л. Лавров подчеркивает, что наличие солидарности между членами общества является условием не

только его здорового функционирования, но и развития. Однако он не уделяет внимание возникновению солидарности, она рассматривается как необходимость, и в этом заключается отличие взглядов отечественных авторов от зарубежных.

В данном контексте будет интересен взгляд П.А. Кропоткина, который рассматривал солидарность как взаимопомощь и как фактор развития. Он рассматривает общечеловеческую солидарность, которая настолько присуща обществу, по его мнению, что может выражаться в инстинктах. То есть люди действуют на основе закона всеобщей помощи. Важно также заметить, что для него «всеобщее единство» и «солидарность» — не абстрактные понятия, а конкретные нравственные категории или, вернее сказать, требования [5]. Он рассматривает солидарность как необходимое условие существования общества, хотя и ограничивается нравственной стороной, т.е. солидарность — хорошо, ее отсутствие — плохо. При том что сама солидарность также предъявляет требования к поведению людей, они должны совершать действия исходя из солидарности, следовать принципу единства.

Во взглядах П.А. Кропоткина, как и у многих отечественных авторов, прослеживается одностороннее рассмотрение социальной солидарности, подход к ней как к нравственной категории или к некоторому идеалу, который существует в обществе с самого его зарождения. В отличие от зарубежных исследователей, у которых вначале появляется общество, а потом начинает проявлять себя солидарность, здесь мы видим обратную картину, появление самого общества невозможно без солидарности, которая выполняет связующую и удерживающую функцию. При этом П.А. Кропоткин дает солидарности статус инстинкта, т.е. подразумевается, что она срабатывает автоматически, неосознанно, но всегда по необходимости.

В.И. Ленин писал: «Мы все, члены партии, действуем как один человек» [7, с. 128]. Представление об обществе, как о целостности, провозглашение единства его интересов и направления развития — наиболее точное определение социальной солидарности. Хотя эти слова относились прежде всего к партии, они подчеркивали необходимость развития общества в едином, солидарном ключе. Выводятся важные составляющие социальной солидарности: осознание индивидом своей солидарности, общности и единства с определенной социальной группой, коллективом и обществом в целом; деятельный характер солидарности, обязательное проявление солидарности.

Также В.И. Ленин замечает: «Одно дело фантазировать насчет всяких рабочих объединений для построения социализма, другое дело научиться

практически строить этот социализм так, чтобы всякий мелкий крестьянин мог участвовать в этом построении» [8 с. 370]. Он еще и еще раз подчеркивает, что для успешного функционирования общества необходим не лозунг единства, а реальная практика солидарности, в форме включения всех членов общества в создание новой системы. Такой подход может показаться наивным, но он иллюстрирует возможный вариант основы для возникновения и развития солидарности. В отличие от других отечественных авторов, В.И. Ленин говорит о существовании солидарности не как о естественном и необходимом явлении, а как о необходимом условии успешного взаимодействия людей, которое возникает в ситуации выстраивания связей, обеспечивает коммуникацию между членами общества.

В отличие от зарубежных исследователей, которые в первую очередь рассматривали современную им ситуацию, в аспекте выявления причин и порядка возникновения солидарности, ее структуру и типологизацию ее видов, отечественные исследователи обратились к возможностям, которые дает социальная солидарность для построения общества, основанного на единстве. То есть обратились к построению идеальной картины и сравнению ее с существующей, а далее к поиску несоответствий и вариантов их преодоления.

И те, и другие авторы рассматривают социальную солидарность исключительно как позитивное явление, необходимое для развития общества. Руководствуются позицией ее наличия или отсутствия. Соответственно, ее наличие — хорошо, отсутствие — плохо. Однако возможен и другой вариант: в зависимости от того, на каких основаниях выделяется солидарная группа и какие цели она преследует, последствия ее деятельности могут быть позитивными и негативными для других групп и общества в целом.

Так же нет единства у исследователей в вопросе возникновения солидарности: всегда ли она была в обществе или появляется в определенный период. Ситуации и параметры выявления социальной солидарности часто оказываются размытыми. В отечественной литературе речь идет об общности или единстве, но в таком случае мы не можем говорить о границах солидарности. В зарубежной социологии обращается внимание на группы, объединение в группы — как на реальное проявление солидарности.

Таким образом в работах классиков социологической науки даются основные направления в изучении социальной солидарности. Предлагаются варианты оснований появления и функционирования социальной солидарности. Вводится основное положение для изучения солидарности — социальная солидарность существует в обществе. Также задаются направления изучения данного явления. Под-

черкивается возможность изменения социальной солидарности, однако не решенным остается вопрос о характере этих изменений, отличается ли одна солидарность от другой содержательно или функционально. Также важным направлением исследований становится изучение солидарности в группе: формируется ли группа на базе солидарности и отличается ли солидарность в одной группе от солидарности в другой.

Можно условно разделить описанные исследования на две внутренне неоднородные группы: зарубежные и отечественные. В рамках зарубежных исследований прослеживается три основных подхода: рассмотрение социальной солидарности с позиций структурного функционализма, с позиций символического интеракционизма и рассмотрение солидарности через призму противоречия. При этом в отечественной социологии можно говорить о двух подходах: первый представляет собой самостоятельный, возникший на базе религии и философии подход рассмотрения социальной солидарности как соборности, второй возникает на базе изучения трудов зарубежных авторов и опирается на осознанные противопоставления. В рамках структурно-функционального подхода социальная солидарность выполняет функцию консолидации общества по различным основаниям или наборам оснований, вне зависимости от того, появляется ли она в определенный исторический момент или существовала всегда. Ситуациями фиксации солидарности здесь будет результат, наличие единой группы. Интеракционизм говорит о возможности солидарности в ситуации единого пространственно-символьного поля. Если люди одинаково воспринимают определенную символично-знаковую систему, то они образуют группу, которая характеризуется солидарностью. В рамках третьего зарубежного подхода речь идет о существовании солидарности при наличии противостоящих друг другу групп, противоречия при этом, как правило, носят антагонистический характер. Данный подход тесно связан с отечественным. Фактически В.И. Ленин является продолжателем идей К. Маркса. Отличительной чертой их подходов является стремление объяснить и зафиксировать социальную солидарность исходя из фактов реальности, практик и действий. С упором на существование объективных причин выявления солидарности. То есть речь идет о том, что для диагностики солидарности необходим учет исключительно внешних по отношению к индивиду параметров, именно они определяют наличие или отсутствие солидарности. При рассмотрении солидарности как соборности акцент смещается с внешних, фиксируемых, параметров на внутреннее чувство единства, субъективное его переживание.

Идеи классиков социологии задали основные направления в изучении социальной солидарности. Так, объяснение солидарности исходя из внешних параметров, через описание фиксируемых фактов реальности, или из внутренних переживаний, субъективного восприятия индивида, сегодня следует рассматривать не как два противоречащих направления исследований, а как две стороны изучаемого явления, обуславливающие его существование. Также проявился и двойственный характер социальной солидарности. С одной стороны, она имманентно присутствует в любой общности, с другой стороны, говорить о том, что она существовала всегда, не вполне корректно. Здесь речь идет о том, что предпосылки солидарности, проявляющиеся в стремлении индивидов к объединению, действительно существуют с момента появления общностей, однако истинная солидарность представляет более сложный конструкт. Кроме того, можно рассматривать различные способы классификации социальной солидарности: исходя из параметров групп, классифицируя по типам действия, по оценке отношения к заданному событию или ситуации.

Интерес к социальной солидарности появляется практически сразу, с появлением науки об обществе. Именно в работах классиков заложены основные методологические основания изучения данного социального явления. Определены основные области поиска, описания и применения знаний о солидарности в практической, чаще всего управленческой, деятельности. Не приведены в систему и не связаны между собой, однако названы основные составляющие социальной солидарности: люди, среда, в которой они производят деятельность, и связи между ними, что приводит к изучению конкретных практик. Солидарность становится не искусственно созданным конструктом, а реально существующим социальным фактом, который изменяется и требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. Вебер М. Избранное. Образ общества / пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 704 с.
2. Дюркгейм Э. О разделении общественного труда / пер. с фр.; под ред. А.Б. Гофмана, примеч. В.В. Сапова. М.: Канон, 1996. 432 с.
3. Ефременко Д.В., Евсеева Я.В., Симонова О.А. Солидарность и альтруизм как факторы социального сплочения (вступительная статья) // Социальная солидарность и альтруизм: Социологическая традиция и современные междисциплинарные исследования: сб. науч. трудов. Сер.: Теория и история социологии / Центр социал. науч.-информ. исслед. Отд. социологии и социал. психологии; отв. ред. Д.В. Ефременко. М., 2014. С. 5–15.

4. Жалкиева Т.В. Современные социально-философские концепции солидарности // Историческая и социально-образовательная мысль. 2010. № 4. С. 51–56.
5. Кротошкин П.А. Государство и его роль в истории // Библиотека анархиста. Вып. 21. М.: Московская Федерация Анархистских групп, 1917. 64 с.
6. Лавров П.Л. Исторические письма 1868–1869 // Философия и социология. Избр. произведения: в 2 т. М.: Мысль, 1965. Т. 2. 703 с.
7. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1972. Т. 14. 565 с.
8. Ленин В.И. Полное собрание сочинений. М.: Политиздат, 1970. Т. 45. 730 с.
9. Маркс К., Энгельс Ф. Фейербах. Противоположность материалистического и идеалистического воззрений // Маркс К., Энгельс Ф. Избр. произведения: в 3 т. М.: Политиздат, 1985. Т. 1. 635 с.
10. Парсонс Т. Понятие общества: компоненты и их взаимоотношения // THESIS. 1993. Вып. 2. С. 5–29.
11. Скворцов И.П. Солидарность как основа социального развития современной России // Общество и право. 2011. № 5. С. 277–280.
12. Суркова И.Ю., Щербанова В.В. Социальное неравенство vs риск-солидарность в условиях глобализации угроз // Вестник Саратовского государственного технического университета. 2014. Т. 4, № 1(77). С. 257–262.
13. Франк С.Л. Духовные основы общества. М.: Республика, 1992. 512 с.
14. Хомяков А.С. Полное собрание сочинений: в 8 т. Т. 2: Письма. 3-е изд. М.: Унив. тип., 1886. 450 с.
15. Шютц А. Смысловая структура повседневного мира: очерки по феноменологической социологии / сост. А.Я. Алхасов; пер. с англ. А.Я. Алхасова, Н.Я. Мазлумяновой; научн. ред. перевода Г.С. Батыгин. М.: Ин-т Фонда «Общественное мнение», 2003. 336 с.
- ology»] Tsentr sotsial. nauch.-inform. issled. Otd. sotsiologii i sotsial. psikhologii; Moscow, 2014, pp. 5–15. (In Russian).
4. Zhalkiev T.V. [Modern social-philosophical concept of solidarity] *Istoricheskaya i sotsialno-obrazovatel'naya mysl* [Historical, social and educational thought]. 2010, no 4, pp. 51–56. (In Russian).
5. Kropotkin P.A. *Gosudarstvo i ego rol v istorii*. [The state and its role in history] Biblioteka anarkhista. Moscow, «Moskovskaya Federatsiya Anarkhistskikh grupp» Publ., 1917. 64 p. (In Russian).
6. Lavrov P.L. *Istoricheskie pisma 1868–1869*. [Historical letters of 1868–1869]. Moscow, Mysl Publ., 1965. 703 p. (In Russian).
7. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy*. [Complete set of works]. Moscow. Politizdat Publ., 1972, vol. 14, 565 p. (In Russian).
8. Lenin V.I. *Polnoe sobranie sochineniy*. [Complete set of works]. Moscow. Politizdat Publ., 1970, vol. 45, 730 p. (In Russian).
9. Marx K., Engels F. *Feyerbakh. Protivopozhnost materialisticheskogo i idealisticheskogo vovzreniy* [Feuerbach. The opposite of materialistic and idealistic beliefs]. Moscow, Politizdat Publ., 1985, vol. 1, 635 p. (In Russian).
10. Parsons T. *Ponyatie obschestva: komponenty i ikh vzaimootnosheniya*. [The concept of society : the components and their relationships] [THESIS]. 1993, iss. 2, pp. 5–29. (In Russian).
11. Skvortsov I.P. [Solidarity as a basis for the social development of modern Russia]. *Obschestvo i pravo*. [Society and law]. 2011, no, 5. pp. 277–280. (In Russian).
12. Surkova I.Yu., Scheblanova V.V. [Social inequality vs risk-solidarity in a globalized threats]. *Vestnik Saratovskogo gosudarstvennogo tekhnicheskogo universiteta*. [Bulletin of the Saratov State Technical University] 2014. T. 4, no. 1(77), pp. 257–262. (In Russian).
13. Frank S.L. *Dukhovnye osnovy obschestva*. [Spiritual bases of society]. Moscow. Respublika Publ., 1992, 512 p. (In Russian).
14. Khomyakov A.S. *Polnoe sobranie sochineniy: v 8 t. T. 2: Pis'ma*. [Complete set of works: in 8 vol. Vol. 2: Letters]. Moscow. Univ. tip Publ., 1886. 450 p. (In Russian).
15. Shyutts A. *Smyslovaya struktura povsednevnogo mira: ocherki po fenomenologicheskoy sotsiologii* [The semantic structure of the everyday world: essays on phenomenological sociology] Moscow, Institut Fonda «Obschestvennoe mnenie» Publ., 2003, 336 p. (In Russian).

Получено 20.02.2016

References

1. Veber M. *Izbrannoe. Obraz obschestva* [Selected. The image of the society] Moscow, Yurist Publ., 1994. 704 p. (In Russian).
2. Durkheim E. *O razdelenii obschestvennogo truda* [The division of labour in society] Moscow, Kanon Publ., 1996. 432 p. (In Russian).
3. Efremenko D.V., Evseeva Ya.V., Simonova O.A. [Solidarity and altruism as factors of social cohesion (introductory article)]. *Sotsialnaya solidarnost i altruizm: Sotsiologicheskaya traditsiya i sovremennye mezhdistsiplinarnye issledovaniya Sbornik nauchnykh trudov. Ser. «Teoriya i istoriya sotsiologii»*. [Social solidarity and altruism: sociological tradition and modern interdisciplinary studies collection of scientific works . Ser. «Theory and History of Soci-

The date of the manuscript receipt 20.02.2016

Об авторе

Сомхишвили Кристина Отариевна
аспирант, ассистент кафедры социологии

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: skristina13@inbox.ru

About the author

Somhishvily Kristina Otariевна
Ph.D. Student, Assistant of Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: skristina13@inbox.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Сомхишвили К.О. Понятие социальной солидарности в работах классиков социологической науки // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 120–128.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-120-128

Please cite this article in English as:

Somkhishvily K.O. Social solidarity in classical sociological theory // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 120–128. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-120-128

УДК 316.334.2:364

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-129-136

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ МОДЕЛИ СИСТЕМЫ СОЦИАЛЬНОЙ ЗАЩИТЫ НАСЕЛЕНИЯ*

Волкова Ольга Александровна, Гребеникова Юлия Александровна

Белгородский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматриваются особенности трансформации социальной защиты населения в европейских странах и в России. Анализируется специфика оказания социальной помощи на различных исторических этапах, приводится периодизация развития системы социальной защиты населения, описываются модели социальной защиты населения.

Первый этап (доиндустриальный) — конец XIX в. – 20-е гг. XX в. В это период закладываются базовые основы охраны труда и формирования системы обязательного социального страхования. Второй этап — 20–60-е гг. XIX в., индустриальный. Эволюция системы социальной защиты в разных странах имеет разные темпы, чем и обусловлены различные подходы к развитию национальных систем социальной защиты. Третий этап становления системы социальной защиты населения в Европе длится с 60-х гг. XX в. Наиболее эффективные модели системы социальной защиты складываются в этот период в странах Европейского союза.

Сравнительный анализ позволил сделать вывод о переходе от моделей, центрированных на государственном секторе, к модели, при которой основные функции по обеспечению социальной защищенности населения берут на себя общественные структуры. Общественные институты начинают полагаться на финансовую поддержку со стороны коммерческого сектора, а государство при этом выступает в качестве гаранта подобного рода взаимодействия на основе социального партнерства.

Ключевые слова: система социальной защиты населения; социальное страхование; социальное обслуживание; социальное обеспечение; социальные гарантии; государственная социальная политика.

SOCIOLOGICAL MODELS OF SOCIAL SECURITY

Olga A. Volkova, Yulia A. Grebenikova

Belgorod National Research University

The article discusses the features of the formation of the system of social protection of the population in European countries and in Russia. The authors describe the different models of social protection of population, analyse specifics of social help in different historical stages, periodize system of social protection of population.

The first stage (pre-industrial) — the end of the XIX century – the 20s of the XIX century. During this period laid the basic foundation of labor protection and formation of the mandatory social insurance system. The second stage — 20–60-ies of the XIX century, industrial. Evolution of system of social protection of population has different pace, that is why the approaches to it are different. The third stage formation in Europe runs from 60-ies of XX century. The most effective social protection system models are added during this period in the European Union.

Comparative analysis led to the conclusion of the transition from models where the leading role played by the public sector, to a new model in which the basic functions for the social protection of the population take on social structures. Financial support is provided by the commercial sector. The state in this case acts as a guarantor of the inter-sector cooperation. Public institutions are beginning to rely on financial support from the commercial sector. The state in this case acts as a guarantor of this kind of cooperation on the basis of social partnership.

Key words: system of social protection; social insurance; social services; social security; social guarantees; state social policy.

* Статья подготовлена при поддержке РГНФ, проект № 15-13-31004 а(р) «Волонтерство в региональной системе социального партнерства, ориентированного на работу с беженцами».

Одним из наиболее значимых компонентов социально-трудовых отношений и социальной политики государства является социальная защита населения, предметное поле которой включает в себя наиболее важные условия жизнедеятельности граждан государства, такие как уровень материального благосостояния, обеспечение социальной и медицинской помощи нуждающимся категориям населения, доступность образования.

В широком смысле под социальной защитой понимают деятельность государства и социальных институтов, направленную на обеспечение нормальной жизнедеятельности населения. В узком смысле социальная защита — это система государственных социальных гарантий, социального страхования и социальной помощи [1, с. 101–102].

Появление в России понятия «система социальной защиты населения», а также его поэтапная и эволюционная трансформация на основе действовавшей в советский период «системы социального обеспечения» обусловлены необходимостью компенсации гражданам тех потерь, которые они понесли в результате реформирования экономики.

В странах с развитой рыночной экономикой понятие «система социальной защиты населения» появляется в конце XIX в. И начиная с XX в. становится главным механизмом социальной политики государства, обозначая позицию государства в сфере предоставления населению страны определенного уровня и качества жизни и социальных гарантий.

Рассматривая трансформацию системы социальной защиты населения как системы со сложной структурой в контексте общественного развития подавляющего числа западноевропейских стран, сле-

дует выделить ряд этапов, т.е. временных промежутков в историческом развитии, связанных с наиболее значимыми событиями и имеющих специфические черты.

Первый этап (доиндустриальный) — конец XIX в. – 20-е гг. XX в., именно в этот период О. Бисмарк закладывает базовые основы охраны труда и формирования системы обязательного социального страхования.

Базовыми характеристиками национальных систем социальной защиты, построенных на основе модели Бисмарка, являются максимальный учет специфики отношений в сфере труда, сохранение определенного уровня материального благополучия работников различных профессиональных сообществ и категорий посредством обязательного социального страхования, которое выступает здесь базовым институтом социальной защиты (рис. 1) [2, 3].

Второй этап (20–60-е гг., индустриальный) обусловлен тем, что эволюция системы социальной защиты в разных странах имеет разные темпы, национальные особенности, которые обуславливают разные подходы к формированию и развитию национальной системы социальной защиты. Но при этом главными детерминантами являются повсеместная индустриализация производств, последствия мировых войн, экономические кризисы в странах капиталистического строя, а также факт существования СССР как примера социальной ориентации государственного управления, т.е. наиболее значимые социально-экономические события, требующие вмешательства государства в обеспечение общественной стабильности.

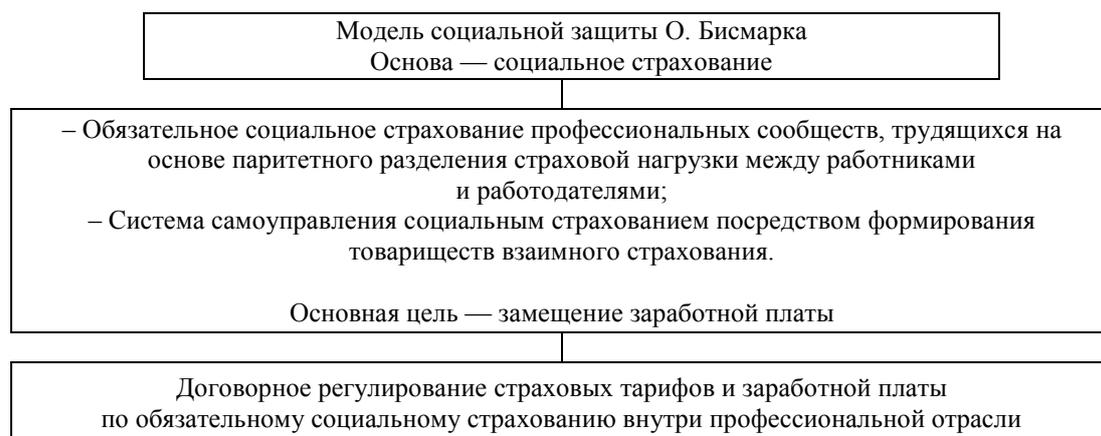

Рис. 1. Модель социальной защиты О. Бисмарка

Основное достоинство второго этапа — усиление роли государственного сектора в становлении и функционировании систем социального страхования

и социальной помощи, охраны труда, профессионального образования и здравоохранения (идеи У. Бевериджа, Дж.М. Кейнса, Л. Эрхарда и др.).

Так, Беверидж, выделяет следующие особенности системы социальной защиты:

- трехуровневый тип социальной защиты: государство (базовые гарантии всему населению); работодатель (страхование наемных работников); работник (дополнительные виды личного страхования);
- государственные гарантии ориентированы на прожиточный минимум; дополнительное профессиональное страхование — на компенсацию (замещение) заработной платы; дополнительное личное

страхование — на реализацию трудящимися индивидуальных возможностей в интересах личной социальной защищенности;

- обеспечение государством минимальных базовых стандартов социальной защищенности граждан: здравоохранение, равные возможности для рождения и воспитания детей семьям с различным уровнем дохода посредством пособий, минимизация риска массовой безработицы (рис. 2).

Рис. 2. Модель социальной защиты У. Бевериджа

Третий этап становления системы социальной защиты населения в Европе длится с 60-х гг. до конца XX в. Наиболее эффективные модели системы социальной защиты складываются в этот период в странах Европейского союза.

Как показывает опыт этих государств, эффективная система социальной защиты населения выступает одним из ведущих факторов роста благосостояния государства, залогом политической стабильности, экономического благополучия, повышения уровня и качества жизни граждан.

В большинстве западноевропейских стран растет количество социальных программ, увеличивается объем их государственного финансирования (в Скандинавских странах и ряде стран Европейского союза — 30 % и более от ВВП), развивается система социального страхования и обеспечения, увеличивается объем их финансирования.

Формируется новая модель социальной амортизации, основанная на сочетании государственного и частного секторов социальной защиты, появляются фирменные услуги в сфере социального страхования, которые призваны разнообразить спектр услуг

в системе социальной защиты, включая образование, здравоохранение, дополнительное пенсионное страхование, помощь в приобретении жилья, юридическую помощь и т.д.

Так, главными целями шведской модели являются равенство и полная занятость, а существенными компонентами — универсальная (всеобщая) система социального обеспечения, развитый и значительный по масштабу государственный сектор социальных услуг, политика солидарности в области заработной платы и активная политика занятости.

Система обязательного социального страхования находится под строгим контролем государства, которому отведена активная роль в обеспечении функционирования данной системы и, соответственно, значительная часть расходов (дотаций из государственного бюджета). А политика солидарности в сфере заработной платы позволяет сократить разницу в доходах между высоко- и низкооплачиваемыми рабочими (рис. 3).

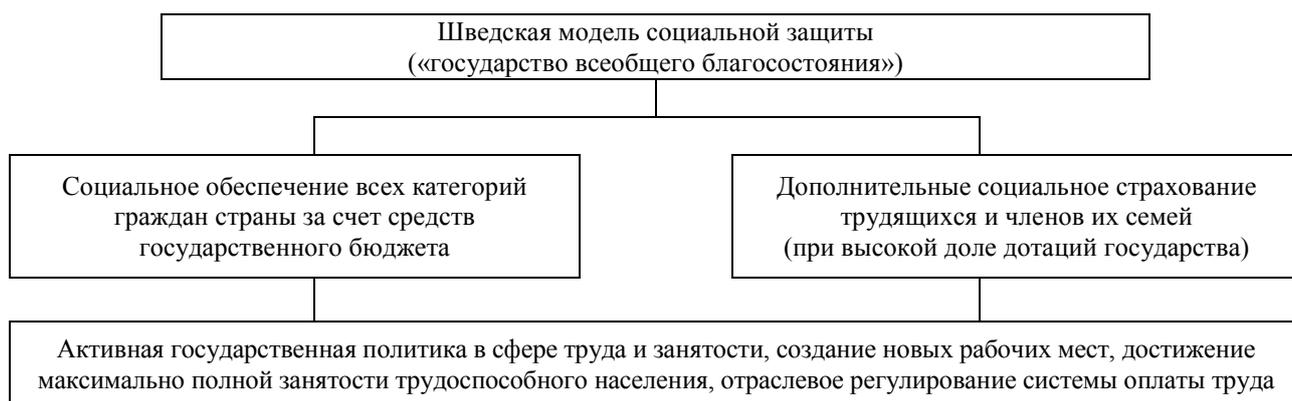

Рис. 3. Шведская модель социальной защиты

Для южно-европейских стран (Испания, Италия, Греция, Португалия) характерен относительно невысокий уровень социальной защиты, в качестве основного элемента которой выступает пенсионное обеспечение.

Российская система социальной защиты как основа обеспечения базовых социальных гарантий населению развивалась также поэтапно, хотя следует отметить определенное временное отставание от более прогрессивных и динамично развивающихся западноевропейских государств.

Можно условно выделить четыре исторических этапа развития элементов системы социальной защиты (в зависимости от доминирующего типа политического, экономического и социального устройства).

Первый этап — дореволюционное (досоциалистическое) развитие отдельных элементов системы социальной защиты.

В этот период в России впервые появляется и законодательно закрепляется право на получение социального пособия в Судебнике Ивана IV (1598 г.), где указывается, что бездетная вдова после смерти мужа имеет право на получение обратно приданого и пенсии («полетное») — «две гривны в год».

Уже значительно больший перечень статей, посвященных социальному обеспечению, содержит в себе «Соборное уложение» (1649 г.) В этом документе закрепляется право на прожиток (часть поместья, выделяемого после смерти его владельца на содержание вдовы, детей и престарелых родителей), а также его размер, который зависит от величины оклада и причины смерти кормильца (вне службы в полку, на государственной службе, военная травма). Правом на получение прожитка в случае отставки или ученья, а также при отсутствии прямых наследников в размере полного оклада обладают дворяне.

«Соборное уложение» не содержит никаких положений, которые касались бы оказания социальной помощи крестьянам. Однако в период правления

Елизаветы получают распространение «приходы», осуществляющие попечение детей-сирот, инвалидов и стариков за счет специального налога в пользу бедных.

Существуют уже в этот период и инвалидные дома, богадельни, дома общественного призрения, санкционированное нищенство и благотворительность.

В качестве отдельных элементов социальной защиты можно рассматривать следующие примеры. В 1827 г. в России принимается «Устав о пенсиях и единовременных пособиях крупным чиновникам, размеры которых устанавливаются по единоличному решению царя». В 1898 г. постоянными постоянльцами благотворительных учреждений являются около 500 тыс. человек, а российским законодательством XIX в. определяются четыре категории нищих (которые не могут своим трудом добывать пропитание; кто по сиротству и временным болезням впал в нужду, однако может работать; которые могут трудиться, но нищенствуют по лености и дурному поведению; те, кто по случайным обстоятельствам впал в крайнюю нужду).

Этот этап характеризуется архаичностью социальных институтов дореволюционной России, что тормозило формирование институтов гражданского общества, деятельность которых является основным стимулом для активизации социальной политики.

Конец XIX в. так же, как и в Европе, ознаменован появлением отдельных элементов страхования рабочих на производствах.

Следуя примеру О. Бисмарка, в России в начале XX в. начали внедрять систему социального страхования (разработками занимались Н.Е. Введенский, М.И. Туган-Барановский). Уже в 1912 г. Третьей государственной думой приняты четыре закона о социальном страховании, но в теоретических трудах политиков-революционеров уже начинает формироваться «большевистская модель социальной защиты»,

где все расходы по страхованию несет государство. Главная особенность данного подхода в том, что такая модель уже не является страховой, а является моделью социального обеспечения или социальной помощи из государственного бюджета.

Второй этап — социалистический период (1917–1985 гг.).

На данном этапе общественно-исторического развития официально понятие «социальная защита» не существует по идеологическим причинам, но получает активное развитие система социального обеспечения.

При формировании системы социального обеспечения основной акцент делается на традиционные формы организации взаимопомощи граждан при участии государства (с 1919 г. страхование без взносов; с 60-х гг. единый Всероссийский фонд социального обеспечения; 60–70-е гг. — Общественный фонд потребления, единая система пенсионного обеспечения).

Выравнивание доходов населения на уровне прожиточного минимума достигается при помощи жесткого нормативного распределения произведенного продукта; развивается бесплатное образование и здравоохранение; формируется развитая социальная сфера (постепенно расширяется система пенсионного обеспечения, совершенствуются методы по охране материнства и детства и т.д.).

Институционально сформированная в СССР модель социальной защиты представляет на данном этапе исключительно государственное, жестко регламентированное социальное обеспечение, достаточно мощную административную вертикаль механизмов по сбору и распределению финансовых ресурсов.

Важно отметить, что при функционировании подобной модели практически отсутствуют стимулы для формирования гражданского общества, поскольку все направления социальной защиты иницируются «сверху», централизованно, а безвозмездность предоставления социальных услуг является главным достоинством данной системы.

Третий этап — период кризиса (с 1986 по 1991 г.), который совпадает с историческим периодом «перестройки» в СССР.

Этот период является чрезвычайно сложным и противоречивым, так как характеризуется экономическими реформами, политической нестабильностью, ухудшением уровня благосостояния населения из-за фактического снижения доходов населения, товарным дефицитом, необходимостью распределения жизненно важных продуктов и предметов потребления.

Однако именно этот период по существу положил начало формированию новой системы социальной защиты населения, поскольку настоятельно зрела по-

требность внедрять новые экстренные инструменты социальной защиты. Именно данный период можно рассматривать как подготовку к формированию новой системы социальной защиты населения.

Период с 1991 г. следует рассматривать как принципиально новый этап трансформации системы социальной защиты в России, как в государстве с переходной, а затем рыночной экономикой, так как в этот период происходят изменения в принципах, подходах, финансовом обеспечении и институциональном устройстве системы социальной защиты населения.

С 1992 г. по настоящее время исследователи выделяют *четвертый этап*, начало которого связано с ситуацией социальной нестабильности и обнищанием населения, с экономическими и социальными потрясениями, обусловившими объективную необходимость для государства «защищать» своих граждан.

Поскольку становление новой системы социальной защиты происходило достаточно спонтанно, важно рассмотреть данный период более подробно и выделить внутреннюю периодизацию:

1. Компенсация последствий «шоковой терапии», борьба с бедностью (1991–1993 гг.) — категориальный подход к оказанию экстренной помощи наиболее уязвимым категориям населения; коммерческие предприятия всех форм собственности стремятся «оградить» себя от социальной ответственности, некоммерческие организации находятся в начальной стадии формирования.

2. Институциональное оформление системы социальной защиты населения, создание фондов социальной поддержки на счет отчислений от приватизации, сдачи в аренду государственной недвижимости (1993–1995). Формируются Фонд социальной защиты, Пенсионный фонд, Фонд социального страхования, Фонд занятости, Фонд медицинского страхования).

3. Переход к адресным формам социальной защиты населения, развитие антикризисных механизмов социальной защиты (1995–2000) — методическое обеспечение нового подхода к определению критериев степени нуждаемости граждан, Концепция реформы пенсионного обеспечения РФ; приостановлено сокращение социальной инфраструктуры коммерческими предприятиями как следствие стабилизации экономики.

4. Трансформация и совершенствование функциональных блоков системы социальной защиты (с 2000 г.) — создание механизма индексации в ситуации инфляции, монетизация льгот, корректировка механизмов индексации пенсий и пособий; реструктуризация социальной инфраструктуры коммерческих предприятий, постепенный переход бизнеса к реализации осознанной социальной политики.

В настоящее время постепенно усиливается влияние общественности и бизнес-сообщества на опреде-

ление приоритетов и особенности функционирования системы социальной защиты населения в России, что обусловлено усилением тенденций формирования гражданского общества и гражданской активности (появление и развитие общественных организаций и объединений, благотворительных фондов, реализация социальных проектов, повышение социальной ответственности бизнеса и т.п.).

На сегодняшний день уровень добровольного участия, занятости граждан в российских некоммерческих организациях (деятельность которых направлена в том числе и на социальную защиту населения) сопоставим с аналогичными показателями в большинстве стран Восточной Европы, но по-прежнему остается значительно ниже, чем в западноевропейских странах (рис. 4).

Рис. 4. Трудовые ресурсы некоммерческого сектора

По данным Минюста России в РФ зарегистрировано 101 847 общественных объединений, из них 6 150 в 2014 г., что свидетельствует об активном интересе к общественной жизни самих граждан, их готовности взять на себя не только часть социальных обязательств, но и определенную долю ответственности (таблица) [4].

При этом крайне мала доля занятости в некоммерческом секторе (0,89 % экономически активного населения), однако труд добровольцев используют около 75 % некоммерческих организаций.

Сегодня общественный сектор все более активно принимает участие в политической и социальной жизни государства. И если в начале 1990-х гг. некоммерческие организации и объединения воспринимались государством и коммерческими структурами исключительно как «иждивенцы», то сейчас — в большинстве случаев как партнеры, поскольку именно общественные организации обладают уникальным опытом в сфере социального обслуживания населения, социальной работы с уязвимыми категориями граждан, молодежью, повышения соци-

альной активности населения в решении актуальных проблем местного сообщества [5].

В настоящее время некоммерческие организации имеют возможность не только осуществлять добровольческую деятельность, но и оказывать социальные услуги населению на коммерческой основе с определенными законодательными ограничениями. Это не только возможность обеспечения финансовой независимости некоммерческого сектора от государства и бизнес-сообщества, но и возможности для развития и расширения своей деятельности, повышения спектра и качества оказываемых услуг в сфере социальной защиты населения.

Наряду с общественным сектором с возникновением и развитием рыночной экономики в России возникает и определенная социальная ответственность бизнеса за социальное благополучие своих сотрудников и населения в целом. Проблемы социальной ответственности руководители российских коммерческих структур становятся все более актуальными в связи с переходом страны к новому этапу общественного развития и, соответственно, со «взрослением» российской экономики.

Количество общественных объединений, политических партий и некоммерческих организаций, зарегистрированных в РФ на 1 января 2015 г.

Общественные объединения, политические партии, некоммерческие организации	Всего	В том числе в 2014 г.
Общественные объединения	101847	6150
в том числе:		
общественные организации	54169	4372
– из них благотворительные	1615	103
Общественные движения	1722	130
– из них благотворительные	11	1
Общественные фонды	4934	313
– из них благотворительные	1950	93
Общественные учреждения	919	47
– из них благотворительные	4	–
Органы общественной самодеятельности	234	35
Иные виды объединений	39869	1253
в том числе:		
– профессиональные союзы	28197	515
– политические партии	76	8
Некоммерческие организации	90155	7319
– в том числе благотворительные фонды	6866	825
– филиалы и представительства международных организаций, иностранных некоммерческих неправительственных организаций	177	14

Таким образом, можно предположить, что следующей ступенью развития системы социальной защиты населения в России станет переход от модели, где ведущую роль играет государственный сектор, к модели, при которой основные функции по обеспечению достойного уровня социальной защищённости различных категорий населения берут на себя общественные институты, полагаясь на финансовую поддержку со стороны коммерческого сектора, а государство при этом выступает в качестве гаранта подобного рода взаимодействия на основе социального партнерства.

Список литературы

1. Антропов В.В. Социальная защита и экономическая интеграция в ЕС: механизмы воздействия // Труд за рубежом. 2008. № 1. С. 95–103.
2. Ламперт Х. Социальная рыночная экономика. Германский путь. М.: Дело, 1993. 224 с.
3. Роик В.Д. Основы социального страхования: организация, экономика и право. М.: РАГС, 2007. 456 с.
4. Статистический портрет некоммерческого сектора России. URL: <http://www.opec.ru/1320628.html> (дата обращения: 26.01.2016).
5. Федеральная служба государственной статистики. URL: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/11-01.htm (дата обращения: 26.01.2016).

References

1. Antropov V.V. [Social protection and economic integration in the EU: mechanisms of action]. *Trud za rubezhom* [Work abroad], 2009, no. 1, pp. 101–102. (In Russian).
2. Lampert H. *Social'naja rynochnaja jekonomika. Germanskij put'*. [The social market economy. German way]. Moscow, Delo Publ., 1993, 224 p. (In Russian).
3. Roik V.D. *Osnovy social'nogo strahovaniya: organizacija, jekonomika i pravo* [Fundamentals of social security organization, economics and law]. Moscow, RAGS Publ., 2007, pp. 113–116. (In Russian).
4. *Statisticheskij portret nekommercheskogo sektora Rossii* [The statistical portrait of the nonprofit sector in Russia]. Available at: <http://www.opec.ru/1320628.html> (accessed 26.01.2016). (In Russian).
5. *Federal'naja sluzhba gosudarstvennoj statistiki* [The Federal State Statistics Service]. Available at: http://www.gks.ru/bgd/regl/b15_11/IssWWW.exe/Stg/d01/11-01.htm (accessed 26.01.2016). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 16.02.2016

Получено 16.02.2016

Об авторах

Волкова Ольга Александровна

доктор социологических наук, профессор,
профессор кафедры социальной работы

Белгородский государственный национальный
исследовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Гребеникова Юлия Александровна

ассистент кафедры социальной работы

Белгородский государственный национальный ис-
следовательский университет,
Россия, 308015, Белгород, ул. Победы, 85;
e-mail: grebenikova@bsu.edu.ru

About the authors

Volkova Olga Alexandrovna

Doctor of Sociology, Professor,
Professor of Department of Social Work

Belgorod National Research University,
85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: volkovaoa@rambler.ru

Grebenikova Yulia Alexandrovna

Assistant of Department of Social Work

Belgorod National Research University,
85, Pobedy str., Belgorod, 308015, Russia;
e-mail: grebenikova@bsu.edu.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Волкова О.А., Гребеникова Ю.А. Социологические модели системы социальной защиты населения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 129–136.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-129-136

Please cite this article in English as:

Volkova O.A., Grebenikova Yu.A. Sociological models of social security // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 129–136. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-129-136

УДК 316.614

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-137-144

ЖИЗНЕННЫЙ ЦИКЛ ВОСПРОИЗВОДСТВА ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНОГО ПОТЕНЦИАЛА ЛИЧНОСТИ

Булатецкая Алена Юрьевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В новых условиях трансформационных изменений возрастает потребность в исследованиях сущностных социальных характеристик интеллектуального потенциала личности как важного компонента интеллектуального капитала. Интеллектуальный потенциал личности представляет собой совокупность её познавательных возможностей, обеспеченных взаимодействием сущностных творческих характеристик и накопленных в процессе жизнедеятельности знаний, навыков, умений и компетенций. Жизненный цикл формирования и развития индивидуального интеллектуального потенциала включает пять основных этапов. Он осуществляется в структуре общественных отношений и неразрывно связан с процессом социализации личности, в котором главную роль играют обучение и воспитание.

Ключевые слова: интеллектуальный капитал; интеллектуальный потенциал личности; жизненный цикл; основные этапы воспроизводства интеллектуального потенциала.

LIFE CYCLE REPRODUCTION OF THE INTELLECTUAL POTENTIAL OF THE INDIVIDUAL

Alena Yu. Bulatetskaya

Perm State University

Under the new conditions of transformational change increases the need for the implementation of the research essential social characteristics of the intellectual potential of the person as an important component of intellectual capital. The intellectual potential of the individual is a collection of her cognitive capabilities provided by the interaction of the essential characteristics of creative and accumulated during the life of knowledge, skills, abilities and competencies. The life cycle of the formation and development of the individual's intellectual potential consists of five main stages. It is implemented in the structure of social relationships, and is inextricably linked with the process of socialization in which the main role played by education and training.

Key words: intellectual capital; intellectual potential of the individual; the life cycle; the main stages of reproduction of intellectual potential.

Современное развитие общества, основанное на знаниях, невозможно без эффективного развития и использования интеллектуального капитала, который становится основой богатства и определяет конкурентоспособность экономических систем, выступает ключевым ресурсом роста и развития, обеспечивает конкурентоспособность организации и позволяет получить дополнительную прибыль за счет уникальных конкурентных преимуществ.

В процесс создания, трансформации и использования интеллектуального капитала вовлекаются все субъекты рыночных отношений, включая крупнейшие корпорации, коммерческие предприятия и фирмы, государственные и общественные учреждения и прочие организации. С его помощью экономика страны становится более информационноёмкой,

технологичной и ориентированной на инновации. В эпоху информационной экономики до 40 % валового национального продукта развитые страны получают в результате применения эффективной системы нововведений, 64 % экономического роста обусловлены развитием человеческого капитала [5].

Из интеллектуального капитала отдельных работников складывается интеллектуальный потенциал общества, который определяет место, занимаемое государством в общей системе мировых экономических связей, его вес и конкурентоспособность. Не случайно поэтому столь пристальное внимание западных и российских учёных уделяется анализу феномена интеллектуального капитала, рассмотрению его экономических, технологических, правовых особенностей, выявлению основных этапов и

направлений формирования и развития интеллектуального потенциала личности. Между тем теоретико-методологическое исследование интеллектуального капитала проводится преимущественно в рамках экономических подходов, что сужает его комплексное, системное рассмотрение. В новых условиях трансформационных изменений растет потребность исследования его сущностных социальных характеристик, выявления основных этапов формирования и специфики функционирования интеллектуального капитала как социально-экономического явления.

Теоретическое обоснование интеллектуального капитала как научной категории в экономической науке было дано в 90-х гг. XX в. Первым природу интеллектуального капитала разрабатывал Т. Стюарт, который представлял интеллектуальный капитал как сумму всего того, что знают работники компании и что дает конкурентное преимущество компании на рынке: «...патенты, процессы, управленческие навыки, технологии, опыт и информация о потребителях и поставщиках. Объединенные вместе, эти знания составляют интеллектуальный капитал» [6].

Позже теоретико-методологические основы интеллектуального капитала разрабатываются зарубежными учеными: Э. Брукингом, Л. Эдвинсоном, М. Меллоуном, Т. Стюартом, Т. Бьюзенем, Й. Русом, С. Пайком, Л. Фернстремом, Г. Минсом, Д. Моррисоном, А. Сливостки, Т. Фортъеном, Д. Шнайдером. Основоположниками данной категории в отечественной науке можно считать Л.С. Шаховскую, Б.Б. Леонтьева, В.И. Иноземцева, С.А. Айвазяна, М.Ю. Афанасьева, С.А. Ленскую, Б.В. Салихова А. Чухно и др.

В наиболее общем виде интеллектуальный капитал представляет собой совокупность знаний, информационных ресурсов, интеллектуальных активов, информационно-коммуникационных технологий, компетенций, культуры и мотивации персонала, применяемых в процессе управления для получения добавленной стоимости и обеспечения конкурентных и социально-экономических преимуществ организации.

Данное понятие включает в себя не только экономическую, но и социально-управленческую направленность, позволяющую анализировать интеллектуальный капитал как социальное явление, взаимосвязанное с другими категориями предметной области, определять его управленческое воздействие на все стороны общественной жизни, открывать направления для дальнейших исследований.

Интеллектуальный капитал государства воплощен в запасе и росте знаний, творческих способностей работников, опыте решения инновационных проблем на различных уровнях управленческого ап-

парата, правильно выбранной стратегии инвестиционного планирования, культуре и мотивации умственного труда, используемых производительно и повышающих доходы человека, фирмы и общества.

Выявляя сущность понятия «интеллектуальный капитал», необходимо выделить следующие особенности данной категории, имеющие принципиальное значение для понимания специфики современных социальных трансформаций:

- в современном обществе интеллектуальный капитал становится основой богатства и определяет главные тенденции экономического роста;

- формирование интеллектуального капитала требует и от человека, и от общества значительных и все возрастающих затрат, что в первую очередь связано с формированием развернутых систем образования, охватывающих все более широкие слои населения. Такие системы призваны обеспечить не только рост доли высококвалифицированных специалистов в составе рабочей силы, но и создать условия для непрерывного образования граждан (lifelong learning — обучение в течение жизни);

- инвестиции в интеллектуальный капитал должны обеспечивать его обладателю получение более высокого дохода. Вложения в интеллектуальный капитал дают довольно значительный по объему, длительный по времени и интегральный по характеру экономический и социальный эффект. Но нужно иметь в виду, что более качественные и длительные инвестиции приносят более высокий и более долговременный эффект;

- функционирование интеллектуального капитала, степень отдачи от его применения обусловлены свободным волеизъявлением субъекта, его индивидуальными интересами и предпочтениями, его материальной и моральной заинтересованностью, ответственностью, мировоззрением и общим уровнем культуры, в том числе и экономической.

В современных условиях формируется новый тип работника, который может быть определен следующим образом: он более независим, более изобретателен и не является придатком машины, подобно ремесленнику доиндустриальной эпохи, обладавшему набором ручных инструментов. Новые интеллектуальные работники обладают мастерством и информацией, которые составляют набор их духовных инструментов, они предпочитают работать бесконтрольно, чтобы выполнять свою работу так, как считают нужным, готовы к изменениям, неясности ситуации, гибкой организации труда.

Таким образом, интеллектуальный капитал выступает ключевым ресурсом развития отдельных людей и общества в целом, определяет место, занимаемое государством в системе мировых экономических отношений, его конкурентоспособность и цивилизованность.

В условиях современных социальных трансформаций материальные ресурсы еще не свидетельствуют об уровне развития общества, о его созидательном потенциале. С уверенностью можно сказать, что сегодня «интеллект решает все». Только общества с высокоэффективными системами образования, цивилизованными формами воспроизводства духовного богатства, интенсивного развития и приумножения знания смогут занять и сохранить достойное место в сегодняшнем мире. Институциональные условия развития интеллектуального капитала должны быть направлены на снижение роли материальных факторов развития производства и обеспечивать принципиально новое качество экономического роста, базирующегося на технологических инновациях и новых научных знаниях.

Развитие интеллектуального капитала представляет собой процесс всестороннего движения человеческих способностей как концентрированного выражения знаний, умений, навыков человека, а также уровня его компетенций и мотивации. Это движение основано на расширенном воспроизводстве способностей в рамках того или иного вида деятельности, приводящем к совершенствованию человека как субъекта данного вида деятельности: фундаментально значимыми выступают производительная и потребительная деятельность, а творческая и «социальная» деятельность индивида, скорее, как их важнейшие атрибуты [3].

Процесс воспроизводства интеллектуального капитала обеспечивает интеллектуальный потенциал, который определяет место, занимаемое государством в общей системе мировых экономических связей, его вес и конкурентоспособность. Существуют разные подходы к пониманию категории «интеллектуальный потенциал». Так, по мнению В.А. Лаврентьева и А.В. Шариной, интеллектуальный потенциал — «это совокупность теоретических знаний, практического опыта и индивидуальных способностей работников, осуществляющих работы по созданию инноваций в организациях» [2]. Г.Ф. Кунгурцева определяет интеллектуальный потенциал как «познавательные возможности, реализация которых является условием развития сущностных сил индивида и социума» [1, с. 36].

Нам представляется, что интеллектуальный потенциал — это совокупность познавательных возможностей личности, обеспеченных взаимодействием её сущностных творческих характеристик и накопленных в процессе жизнедеятельности знаний, навыков, умений и компетенций. Интеллектуальный потенциал человека проявляется как на внутриличностном уровне, так и на уровне межличностного взаимодействия. Такие межличностные взаимодействия представляют собой социальные явления, позволяющие определять характер и содержание соци-

альных связей и отношений в обществе. Чем глубже и разнообразней эти социальные связи и отношения, тем эффективней развиваются интеллект и творческие способности человека, которые, в свою очередь, способствуют расширению социального и культурного потенциала и богатства самого общества. Диалектическая взаимосвязь внутриличностного и межличностного взаимодействия позволяет не только исследовать данное социальное явление, но и определять эффективность функционирования социальных институтов общества, а также количественные и качественные параметры управления его социальным развитием.

Формирование и развитие интеллектуального потенциала осуществляется в процессе социализации личности как субъекта деятельности, представляющего собой определённое системное свойство, имеющее множественную и разноуровневую детерминацию, связанную со своеобразным «опережающим» отражением действительности. Данный процесс вытекает из совокупности накопленных в обществе знаний в различных областях, результатов современной жизнедеятельности человека, интеллектуализации общественных отношений и создания качественно новых элементов и запасов функций, необходимых для перехода системы интеллекта на новый уровень функционирования. Его духовными источниками выступают: нравственные ценности, мировоззренческие идеалы, культурные традиции, обычаи и нормы, социальные институты культуры, семьи, образования, религиозные и общественные организации, формирующие в индивиде духовное начало интеллектуального капитала.

Интеллектуальный потенциал необходим личности для освоения всего многообразия общекультурных и профессиональных знаний, умений и навыков, формирования компетенций, для реализации поставленных производственных целей и задач. Он отражает богатство и глубину личности, её творческие способности, возможности и интересы как совокупности отдельных интегративных характеристик структуры интеллекта человека.

Интеллектуальный потенциал общества включает в себя множество системных характеристик, связанных с уровнем образования населения, развитием науки и её внедрением в производственную, научно-техническую, технологическую и иную деятельность, с потенциалом основных видов интеллектуальной деятельности, творческим инновационным характером, который выходит за рамки наработанных алгоритмов и автоматизированных действий. На уровне интеллектуального потенциала общества реализуется интегративная функция по взаимодействию образования, науки, технологий, производства и социума, обеспечивая развитие материально-

го производства, воспроизводство самого человека и совершенствуя качество его жизни.

Формирование интеллектуального потенциала осуществляется на федеральном и региональном уровнях в процессе реализации государственной социальной политики и корпоративной социальной стратегии. Региональная социальная политика представляет собой деятельность по управлению социально-демографическим развитием, совершенствованию качества жизни населения региона, развитию его социальной сферы, удовлетворению и гармонизации социальных потребностей личности и социальных групп населения.

Воспроизводство интеллектуального потенциала в регионе на этом уровне осуществляется субъектами социальной политики в лице законодательных и исполнительных органов государственной власти, институтов гражданского общества, государственных и коммерческих предприятий и организаций. Эта политика проявляется через использование социальных технологий и механизмов по регулированию деятельности соответствующих социальных институтов, среди которых наиболее значимую роль играют семья, собственность, система образования, здравоохранение, культура, средства массовой информации, общественные объединения. Именно эти социальные институты оказывают влияние на формирование интеллектуального потенциала населения региона, его направленность, характер и содержание. Они либо поддерживают, либо реформируют, либо отвергают систему сложившихся социальных приоритетов и интеллектуальных ценностей.

Жизненный цикл формирования и развития интеллектуального потенциала осуществляется в структуре общественных отношений и неразрывно связан с процессом социализации личности, в котором главную роль играют обучение и воспитание. Процесс социализации включает как непосредственное, так и опосредованное влияние на становление интеллектуального потенциала личности. Опосредованное влияние связано с пассивным развитием личности. Оно происходит под воздействием внешних факторов, связанных с окружением человека, и носит разнонаправленный характер, вызываемый экономическими, политическими, социальными, нравственными, демографическими, территориальными, экологическими, коммуникационными условиями жизнедеятельности.

Непосредственное влияние в процессе социализации личности осуществляется через использование педагогических инструментов образования и воспитания. Здесь на первый план выступают субъекты педагогического процесса (воспитатели дошкольных учреждений, учителя школ, тренеры спортивных, танцевальных секций, преподаватели среднеспециального, высшего и дополнительного

образования), которые с помощью специальных образовательных технологий целенаправленно осуществляют формирование и развитие образовательного, интеллектуального, общекультурного и профессионального уровня личности. Учитывая особую роль семьи в социализации личности, следует отметить, что данный социальный институт оказывает как непосредственное, так и опосредованное воздействие на становление индивидуального интеллектуального потенциала ребёнка.

Основными субъектами формирования и развития интеллектуального потенциала личности выступают государство, домохозяйства и предприятия (организации), в которых трудится работник. Государство выступает прежде всего в качестве гаранта условий устойчивого воспроизводства интеллектуального капитала, домохозяйства — основные субъекты (и одновременно — объекты) накопления интеллектуального капитала, тогда как бизнес является релевантной совокупностью субъектов, заинтересованных, главным образом, в максимально эффективном использовании интеллектуального капитала [4].

Исследование процессов формирования индивидуального интеллектуального потенциала позволяет выделить и обосновать основные этапы, обеспечивающие развитие личности в процессе её социализации (таблица).

Первый этап — первичная социализация. У ребёнка закладываются основы мировоззренческих установок, культуры, базовых знаний, умений и навыков, норм человеческого общежития. Формируются чувственный мир, психомоторные реакции и устойчивость нервной системы, физиологические подсистемы организма как главные компоненты здоровья и силы.

Этот этап включает фазы от рождения ребёнка до начала обучения его в общеобразовательной школе. Основным субъектом социализации в это время выступает семья, важнейшей функциональной задачей которой является формирование у ребёнка общекультурных, нравственных и эстетических ценностей, жизненных принципов поведения, норм коммуникативного взаимодействия.

Государство также принимает участие в процессе социализации личности. Это участие осуществляется через организацию системы дошкольных образовательных учреждений, деятельность которых позволяет укреплять коммуникативные навыки ребёнка и готовить его к обучению в школе, осуществлять подготовку высококвалифицированных воспитателей и сотрудников учреждений дошкольного и дополнительного образования. Опосредованное воздействие институтов государства и гражданского общества происходит через создание экономических, правовых, социальных, демографических,

духовных, экологических условий жизнедеятельности семьи, в которой происходит процесс социализации подрастающего поколения.

Второй этап — базово-интеллектуальный. На этом этапе осуществляется обучение ребёнка в школе, где закладываются базовые знания в области естественных, гуманитарных и общественных наук. Без этих знаний существенно затруднено получение профессиональных знаний, особенно связанных с высококвалифицированными рабочими или техническими профессиями.

В процессе получения общего среднего образования осуществляется базовая социализация личности, формируются фундаментальные основы её интеллектуального потенциала, мировоззренческие ориентиры, навыки культурно-нравственного и эстетического восприятия окружающего мира, осознаются гражданские права, обязанности и свободы, воспринимаются нормы и требования общественной морали и правила поведения в обществе.

Важное значение в развитии интеллектуального капитала приобретает выявление и правильное формирование индивидуальных творческих способностей, потребностей, интересов и ориентаций ребёнка. В то же время чрезмерная унификация и формализация учебного процесса губительно сказываются на формировании интеллектуального потенциала личности. В этот период осуществляются активные инвестиции в ребёнка семьёй и бюджетными средствами государства.

Третий этап — профессионально-образовательный. На этом этапе осуществляются базовая профессиональная подготовка и формирование интеллектуального потенциала через обучение молодежи в учреждениях среднего и высшего профессионального образования. Важность этого этапа связана с развитием профессиональных компетенций, получаемых личностью в процессе теоретического и практического обучения, с прохождением практики и стажировок, а также выявлением творческого потенциала выпускников, их склонности к бизнесу и предприимчивости, способности к инновационной деятельности. Повышение квалификации, производственное обучение и переподготовка способствуют закреплению профессиональных компетенций, повышению квалификации и социального статуса работника, улучшению качества его жизни, творческой и социальной активности.

К сожалению, предпринимательские способности выявляются у очень небольшого числа выпускников. Уровень участия государственных предприятий и частного бизнеса в профессиональной ориентации выпускников школ и профессиональной подготовке будущих специалистов недостаточно высок, что отрицательно сказывается на качественных параметрах выпускников, их интеллектуальных ресур-

сах и компетенциях, отношении к избранной специальности, на уровне подготовки к будущей деятельности в условиях рыночных отношений.

Четвёртый этап — накопление и реализация интеллектуального капитала. Трудовой период деятельности человека характеризуется дальнейшим развитием профессиональных и личностных компетенций работника, осознанием его места и роли в экономической системе и межличностных отношениях, максимальной отдачей от инвестиций в человеческий капитал. С одной стороны, происходит приобретение профессиональных компетенций, с другой — их использование в трудовой деятельности.

В процессе трудовой деятельности накопление интеллектуального потенциала происходит через получение и обновление знаний в учреждениях вузовского и послевузовского образования, повышение квалификации и через переподготовку на различных тренингах, курсах, семинарах, а также посредством самообразования как составляющей непрерывного обучения. Важное значение имеют инвестиции в НИОКР и вовлечение работников в решение творческих задач, планирование и мотивацию их карьерного роста, обеспечение сотрудников специальной литературой, информационными источниками и специализированными изданиями.

Инвестиции в здравоохранение и социальное обеспечение сотрудников способствуют повышению качества жизни работников, сокращению заболеваемости и смертности, продлению трудоспособности, жизнедеятельности личности и времени использования человеческого капитала. Эти инвестиции включают: расходы на профилактику заболеваний, организацию диетического питания, социальное страхование и социальное обеспечение сотрудников, организацию их досуга и спорта, улучшение жилищных условий.

В условиях активного функционирования информационно-коммуникационных систем значительно расширяются возможности совершенствования профессионального уровня через участие в социальных взаимодействиях в процессе получения и оказания консультационных услуг на образовательных форумах, в блогах, интернет-справочниках, энциклопедиях и в других ресурсах.

На этом этапе формирования профессиональных компетенций инвестирование в человеческий капитал осуществляется непосредственно личностью или организацией, заинтересованной в повышении интеллектуальных ресурсов сотрудников.

Пятый этап — отдача и истощение интеллектуального капитала. На завершающем этапе жизнедеятельности человека после выхода на пенсию происходит снижение общественной, трудовой и творческой активности личности, утрата ею некоторых профессиональных навыков и компетенций.

Вместе с тем этот период характеризуется достаточно активным процессом передачи накопленного опыта подрастающему поколению, позволяя не только поддерживать на должном уровне межпоколенное взаимодействие, но и участвовать в воспроизводстве интеллектуального потенциала. В этот период величина инвестиций со стороны личности и организаций снижается и требуется участие государства и семьи в поддержании жизнедеятельности личности.

На каждом из этапов формирования интеллектуального потенциала личности осуществляются инвестиции индивидом, семьей, фирмой, государством. В инвестировании на первых этапах жизненного цикла участвуют семья и государство, при этом постоянное развитие интеллектуального потенциала приводит к необходимости увеличения вложений на эти цели. Лишь во время трудовой деятельности, в период формирования профессиональных компетенций, организации вкладывают в накопление специфического интеллектуального потенциала личности. На третьем этапе величина инвестиций со стороны фирм снижается, и вновь становится необхо-

димым активное участие государства и населения в поддержании жизнедеятельности личности.

В целом социальные инвестиции в воспроизводство и накопление интеллектуального потенциала выступают важным инструментом социальной политики, осуществляемой через деятельность федеральных и региональных органов государственной власти, функционирование институтов гражданского общества. Домохозяйства воздействуют на развитие интеллектуального потенциала отдельной личности в процессе её социализации, а также через функцию потребления, непосредственно проявляя себя как субъекты рациональной либо иррациональной деятельности. На корпоративном уровне предприятий и организаций социальные инвестиции по развитию интеллектуального потенциала реализуются через социальную стратегию. Учитывая, что деятельность современных организаций осуществляется в условиях формирования социально ориентированной рыночной экономики, социальная стратегия становится приоритетной в общей системе стратегий корпорации.

Основные этапы формирования и развития интеллектуального потенциала личности

Формирование интел. потенциала	Этапы формирования				
	Первичная социализация	Базовый интеллектуальный	Профессионально-образовательный	Накопление и реализация	Отдача и истощение
Субъекты воздействия	Семья, государство			Организация, семья, государство	Семья, государство
Образовательные учреждения	Дошкольные	Школьные	Среднетехн. и высшего образования	Переподготовка и повышение квалификации	
Направление	Воспитание	Общее образование	Профессиональное образование	Трудовая деятельность	Пенсионный период
Цели и задачи	Общекультурные, нравственные	Интеллектуально-образовательные	Профессионально-образовательные	Трудовая, интеллектуальная, организационно-предпринимательская деятельность	Передача накопленного опыта и знаний
Источники инвестиций	Расходы семьи (родственников); бюджетные средства государства			Собственные расходы; средства организации	Расходы семьи (родственников); бюджетные средства государства
Условия эффективного воздействия	Семейное благополучие; активная социальная политика государства; подготовка высококвалифицированных кадров		Повышение качества профессионального обучения; создание действенной системы подготовки преподавательских кадров и их мотивация	Прочные семейные отношения; возможность повышения квалификации и переподготовки; психологический климат в организации; мотивация саморазвития сотрудников	

Следует подчеркнуть, что на каждом из этапов воспроизводства интеллектуального потенциала изменяются его масштабы, субъекты финансирования и стоимостные характеристики. Инновационное развитие экономики, формирование «общества, основанного на знаниях», значительно увеличивают требования не только к уровню знаний и компетенций работников, но и к масштабам финансирования процесса обучения, повышения квалификации и переподготовки как со стороны государства, предприятий и организаций, так и со стороны домохозяйств. Причём стоимость интеллектуального капитала зависит непосредственно от профессиональной деятельности и квалификации работников. Интеллектуальный, высокопроизводительный труд предполагает увеличение финансовых вложений в его стоимость (дополнительное обучение, повышение квалификации, переподготовка). При занятости работников, связанной со сферой физического труда, стоимость человеческого капитала может снижаться, поскольку уменьшаются потребности в получении новых знаний, навыков и умений, происходит постепенная их потеря и сокращается потребность личности в самосовершенствовании.

Анализ жизненного цикла воспроизводства интеллектуального потенциала позволяет выделить его характерные особенности:

Во-первых, индивидуальный характер воспроизводства интеллектуального потенциала, непосредственно зависящий от социальных условий и факторов, непосредственно или опосредованно влияющих на характер и условия жизнедеятельности личности.

Во-вторых, он выступает как определенный запас, требующий своего сохранения и воспроизводства. В широком плане жизненный цикл интеллектуального потенциала включает инвестиционный период и воспроизводственный процесс в период активной трудовой деятельности человека. Этот процесс отличается высокой инвестиционной емкостью формирования и накопления.

В-третьих, цикличность движения интеллектуального потенциала связана с воспроизводством здоровья, накоплением интеллектуальных, общекультурных и профессиональных знаний, компетенций, навыков и умений личности, обеспечивающих инновационный характер его деятельности.

В-четвертых, уровень эффективности инвестиций в человеческий потенциал зависит от социально-экономических условий, региональных и отраслевых особенностей, финансово-экономических возможностей корпораций, предприятий, фирм и организаций, профессиональной специфики, индивидуальных способностей и личных мотиваций личности, уровня её вовлеченности в производственный процесс.

В-пятых, данный процесс может быть простым или расширенным с накоплением потенциала производительных способностей. Характер воспроизводства интеллектуального капитала во многом зависит от социально-экономических и финансовых возможностей институтов государства и семьи, поскольку стоимость социальных услуг, образования, здравоохранения, информационного обеспечения, спорта постоянно растет. Снижение уровня и качества жизни значительного числа россиян в условиях кризисного состояния экономики и санкционной политики западных государств, перекладывание бремени финансовых расходов на социальную сферу с федеральных на региональные органы государственной власти, сужение спектра бесплатной социальной защиты и помощи населению приводят к резкому сокращению, а зачастую и деградации созидательного потенциала личности.

В-шестых, в условиях массового развития социальных информационных сетей значительно расширяются возможности воспроизводства интеллектуального потенциала личности через систему социальных коммуникаций: дистанционное обучение, накопление общекультурных и профессиональных информационных ресурсов, получение и оказание бесплатных консультационных услуг на образовательных форумах, в блогах, интернет-справочниках, энциклопедиях и других ресурсах.

Социальные инвестиции в воспроизводство и накопление интеллектуального потенциала выступают важным инструментом социальной политики, осуществляемой через деятельность федеральных и региональных органов государственной власти, функционирование институтов гражданского общества. Домохозяйства воздействуют на развитие интеллектуального потенциала отдельной личности в процессе её социализации, а также через функцию потребления, непосредственно проявляя себя как субъекты рациональной либо иррациональной деятельности. На корпоративном уровне предприятий и организаций социальные инвестиции по развитию интеллектуального потенциала реализуются через социальную стратегию. Учитывая, что деятельность современных организаций осуществляется в условиях формирования социально ориентированной рыночной экономики, социальная стратегия становится приоритетной в общей системе стратегий корпорации.

Таким образом, интеллектуальный капитал выступает как важная социально-экономическая категория и ключевой ресурс развития конкретных людей и общества. Жизненный цикл воспроизводства индивидуального интеллектуального потенциала неразрывно связан с процессом социализации личности, обучением и воспитанием. На протяжении

всех этапов становления и развития личности происходит формирование знаний, информации, компетенций сотрудников, которые можно конвертировать в стоимость и использовать для создания прибавочной стоимости.

Список литературы

1. Кунгурцева Г.Ф. Интеллектуальный потенциал личности: опыт социологического анализа // Омский научный вестник. Социологические и экономические науки. 2010. № 6(92). С. 34–37.
2. Лаврентьев В.А., Шарина А.В. Интеллектуальный потенциал предприятия: понятие, структура и направления его развития // Креативная экономика. 2009. № 2(26). С. 83–89.
3. Левченко Л.В., Карпенко О.А. Теоретические подходы к анализу категории «интеллектуальный капитал» // Экономические науки. 2009. № 3(52). С. 64–69.
4. Левченко Л.В., Лашко С.И. Модернизация высшего образования в Европе и России // Экономические науки. 2005. № 2(11). С. 75–82.
5. Человеческий фактор корпоративной культуры // Персонал-Микс. 2004. № 3. С. 50–53.
6. Stewart T. Brainpower // Fortune. 1991. June 3. P. 42–60.

Получено 15.04.2016

Об авторе

Булатецкая Алена Юрьевна

кандидат социологических наук, доцент кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: alena.bulatetskaya@gmail.com

References

1. Kungurtseva G.F. [The intellectual potential of the individual: the experience of the sociological analysis]. *Omskij nauchnyj vestnik. Sotsiologicheskie i ekonomicheskie nauki* [Omsk Scientific Bulletin. Sociological and economic sciences]. 2010, no. 6(92), pp. 34–37. (In Russian).
2. Lavrent'ev V.A., Sharina A.V. [The intellectual potential of the enterprise: the concept, structure and direction of its development trends]. *Kreativnaya ekonomika* [Creative economics]. 2009, no. 2(26), pp. 83–89. (In Russian).
3. Levchenko L.V., Karpenko O.A. [Theoretical approaches to the analysis of the category of «intellectual capital»]. *Ekonomicheskie nauki* [Economic sciences]. 2009, no. 3(52), pp. 64–69. (In Russian).
4. Levchenko L.V., Lashko S.I. [The modernization of higher education in Europe and Russia] *Ekonomicheskie nauki*. [Economic sciences]. 2005, no. 2(11), pp. 75–82. (In Russian).
5. *Chelovecheskij faktor korporativnoj kul'tury* [The human factor of corporate culture]. *Personal-Miks*. [Personnel-Mix]. 2004, no. 3, pp. 50–53. (In Russian).
6. Stewart T. Brainpower. *Fortune*. 1991, June 3, pp. 42–60. (In English).

The date of the manuscript receipt 15.04.2016

About the author

Bulatetskaya Alena Yur'evna

Ph.D. in Sociology, Associate Professor of Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: alena.bulatetskaya@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Булатецкая А.Ю. Жизненный цикл воспроизводства интеллектуального потенциала личности // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 137–144. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-137-144

Please cite this article in English as:

Bulatetskaya A.Yu. Life cycle reproduction of the intellectual potential of the individual // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 137–144. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-137-144

УДК 005.5:316

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-145-152

ДИАГНОСТИКА КРЕАТИВНОГО УПРАВЛЕНИЯ

Салогуб Анжела Михайловна, Демина Нина Владимировна

Пятигорский государственный университет

В статье исследуются потенциал и роль социальной диагностики как функции социального управления, выражаемого в приоритете социального планирования и проектирования с целью формирования социально-продуктивной среды и согласования интересов различных социальных субъектов, среди которых наибольшим потенциалом обладает креативный класс. Для традиционного социального управления характерны стабилизирующая и регулятивная функции. Социальная диагностика слабо представлена по причине конъюнктуры управленческих решений и преобладания «антикризисного» профессионализма. Для совершенствования социальной диагностики как условия перехода к креативному управлению в систему управленческих воздействий следует включить широкую социальную экспертизу и, главное, актуализировать и представлять управление в состоянии выбора между различными альтернативами общественного развития, что возможно при создании в российском обществе соответствующих институциональных площадок, занимающих медиаторное положение между системой управления и креативными общественными слоями.

Исследование позволило сделать ряд выводов. Во-первых, в креативном управлении объективно возрастает роль социального диагноза как наиболее достоверного способа поиска оптимальных вариантов общественного развития. Во-вторых, социальная диагностика представляет собой инструмент воздействия на социальные процессы и способ изменения самой системы управления. В-третьих, общество, нуждаясь в конструировании своей картины будущего, должно опираться на реальные тренды развития. В-четвертых, креативное управление может помочь в формировании диагноза исходя из изменений социальных настроений, из совокупности источников и трендов реального социального развития.

Ключевые слова: социальная диагностика; креативное управление; креативный класс; социальное проектирование; социальное управление; общество; прогнозирование.

CREATIVE MANAGEMENT DIAGNOSIS

Anzhela M. Salogub, Nina V. Demina

Pyatigorsk State University

Authors of this article analyze the potential and the role of social diagnosis as a function of social management, social planning and social projecting as its major components in forming of a social-productive environment and harmonizing in interests of different social subjects, especially the creative class that has the greatest potential. The traditional social management is characterized by stabilizing and regulating functions. The present of social diagnosis is weak by reason of conjuncture of managerial solutions and dominance of «crisis management» professionalism. To increase the role of social diagnosis as a condition for conversion into creative management it is necessary to include a widespread social expertise into social influence system and, above all, to actualize and present management as a choice of social development alternatives. That could be possible after creating inside Russian society some appropriate institutional areas, which would play a mediator role between management system and creative social groups.

The research has the following summary: first, the role of social diagnosis in creative management is objectively increasing, as it is the most reliable method of searching of optimal social development options; second, social diagnosis is a tool to influence on social processes and a way to change the management system itself; third, society demanding the construction of its vision of the future should rely on actual development trends; fourth, creative management can help in diagnosing on the basis of social moods changes and the whole set of actual social development sources and trends.

Key words: social diagnosis; creative management; creative class; social projection; social management; society; prediction.

В российском обществе, где система управления испытывает дефицит социального видения, актуальными становятся выработка и закрепление определенных управленческих схем, включающих социальное диагностирование и проектирование. Однако не только сам по себе сложный набор маркеров и критериев создает трудности социальной диагностики, но и сама социальная диагностика является многоуровневым дрейфующим направлением, которым могут быть измерены уровни социальной уверенности, а с другой стороны, предвидение социальных рисков.

Исходя из этого вывода, важно различать использование управлением инструментов прогнозирования и непосредственные управленческие решения. Прогнозное социальное проектирование соответствует критерию методологической толерантности и методологической открытости [7, с. 206].

Если объектом креативного проектирования является социальное развитие, то есть смысл выявить три уровня прогнозирования: во-первых, краткосрочные социальные тренды, которые могут попадать под категорию реактивных решений; во-вторых, тренды, связанные с воздействием на уровни региональных и локальных общностей; в-третьих, долгосрочные тренды, к которым особенно обращено внимание креативного управления как к трендам, придающим управлению двустороннюю конфигурацию и действующим в направлении и по принципу упомянутого точечного воздействия.

Ясно, что в современных условиях развитие не может пониматься как сфера абсолютного социального контроля. Найти точки и эпицентры изменений, корректировать и регулировать новые социальные инициативы представляется очень важным делом. Сложность управленческой практики предшествующих десятилетий состояла в том, что методологически верное направление социальной диагностики на практике не имело реальных последствий: с одной стороны, в обществе был слишком высок потенциал инерционности, а с другой — сама система управления, замкнутая на конечный результат, не может быть системой социальной проективности.

Развитие российского общества можно трактовать в зависимости от предлагаемой модели и как линейное, и как циклическое. Также явно модным становится синергетический тренд. Не вдаваясь в подробный анализ этих проблем, можно только сказать, что социальная диагностика в настоящее время определяется критериями реальности (постановки только разрешимых задач) и контролируемости (обеспеченности возможности результатов и их ответственности целям) [10, с. 336].

В конечном счете креативное управление есть управление по формированию моделей развития. И

при том, что продолжают споры по поводу смен приоритетов компенсаторной политики на политику гармоничную, важной остается проблема активизации управления по планированию социальных инициатив, которые представляют наиболее приемлемый с точки зрения ресурсной базы потенциал развития.

Как известно, само по себе управление есть предложение и выбор альтернатив развития, для которого характерно следование принципу поиска решений. Приведем в этом отношении показательный пример. Система социального управления в России, внедрение институциональных площадок для креативного класса — вот что отличает креативное общество от информационного, где технологиям отводится важное, но не первостепенное место в общественном развитии [2, с. 228].

Диагностика, таким образом, становится не просто функцией, а гиперфункцией управления, от которой зависит ее регулятивный и контролирующий потенциал. Характерная особенность современной ситуации состоит в том, что при многообразии различных экспертных сообществ и процедур проверки управление часто остается наедине со своими проблемами, когда воздействие на социальный процесс представляется неопределенным или включающим массу социальных рисков. Система социальной диагностики в обществе практически не сложилась. Большинство населения, ориентируясь на актуальные приоритеты, связано с целью удовлетворения базисных социальных потребностей.

Как отмечают авторы исследования «Социальный капитал и социальное расслоение в современной России», позиции россиян по критерию социальной уверенности являются низкими по сравнению с другими посткоммунистическими государствами (Польша, Чехия, Венгрия) [2, с. 228]. Только каждый второй россиянин уверен в своем будущем, причем этот показатель погашается тем, что большинство надеется на собственные силы. Можно говорить об определенном отходе от социально-патерналистской модели поведения. Есть, правда, и существенный нюанс: россияне не полагаются на социальное управление как возможность достижения успешности.

Исходя из того, что социальная уверенность как убежденность индивидов в своей способности влиять на обстоятельства есть выбор между полным тотальным социальным опекуном и социальной анархией, можно сказать, что креативное управление принимает во внимание ситуацию неуверенности как влияющую и на восприятие социальной диагностики. В обществе, где уровень социальной неуверенности высок, прогнозы оцениваются, как правило, с высокой степенью недоверия.

При построении социально-диагностической модели следует отбросить все, что не оказывает социально значимого влияния. Для ясности можно сказать, что предпосылками социального диагностирования выступают, во-первых, существующая потребность общества в социальном видении; во-вторых, диагностический потенциал системы управления; в-третьих, социальная динамика общественных процессов.

Каждая из перечисленных предпосылок не может рассматриваться вне связующего контекста. В частности, потребность российского общества в предвидении достаточно ослаблена, так как мы имеем дело, с одной стороны, с отторжением советского синдрома планирования и неумеренного оптимизма; с другой — с тем, что существующие социально-неравновесные состояния, социальные и социально-территориальные диспропорции создают множество различных локальных и групповых картин предвидения.

В отношении диагностического потенциала системы управления можно сказать, что с формальной, внешней точки зрения она выглядит достаточно пристойно. В стране с начала 2000-х гг. внедряются долгосрочные программы социального и социально-экономического развития. Правда, особенность их состоит в том, что они быстро «забываются» и кажутся подверженными влиянию политической конъюнктуры, являются своего рода инструментом политической борьбы; однако при этом создается впечатление демонстрации и неспособности экспертного сообщества работать над формированием индикаторов социальной динамики.

В вышеприведенном перечислении также важным является то, что существует определенная путаница, связанная с воздействием социальных трендов. Безусловно, в ситуации, когда на локальные процессы накладывают свой отпечаток глобальные, сложно разделить запутанные социальные узлы. Тренды не являются свободными, не действуют линейно. Выгодным становится воздействие по испытанным лекалам и рецептам.

Несмотря на высокий уровень ведомственной междоусобицы, борьбу за финансовые, организационные ресурсы, управленческие эффекты сосредотачиваются на достижении кратковременного результата. Социально-диагностическое влияние креативного управления и состоит в том, чтобы придать управлению стратегию. Ни субъективно оцениваемые результаты, ни оптимальность управленческих ресурсов не влияют так на ощущение значимости управления, как возможности социальной диагностики.

Социально-диагностическая функция реализуется при определенных условиях. Мало заявить о же-

лательности социальной диагностики. Важным является формирование более динамичных и новых ориентиров управленческой стратегии. Несмотря на высокую степень вовлеченности России в глобализацию, формулируется задача извлечения выгоды из глобального процесса и избежания потерь. Обобщенно говоря, социальная диагностика требует разработки социального подобию общества по аналогу Европейского союза, но определяемую ресурсами воспроизводства.

Собственно в социально-диагностическом плане креативное управление есть система воздействий и влияний, направленных на обнаружение и стимулирование тенденций, которые бы способствовали выдвинутому приоритету креативной модернизации. Как пишет Ю.Г. Волков, общество не является креативным, если не расходуется две трети человеческих ресурсов, а также в той ситуации, когда две трети человеческих ресурсов расходуются на способы обогащения и выживания [2, с. 270].

В приложении к российским проблемам диагностика осложняется тем, что креативный потенциал находится в дисперсном состоянии, не привлекаются локальные и региональные ресурсы. Преобразование механизма управленческого взаимодействия объективно предполагает социальную диагностику. Сегодня вопросы повышения эффективности можно решать только через достаточно точное знание, достаточно высокий уровень информированности и его распределение по уровням управления, при котором креативность может быть наиболее эффективной.

Такой подход отражает стратегию, где возникают и получают распространение различные формы креативной организации и самоорганизации. Независимо от форм проявления и влияния, социальный диагноз представляет собой управленческий интерес, так как ставит управление в состояние, которое опережает и формирует (в переносном смысле) социальные процессы.

Все это предполагает вынесение проблем диагностики в разряд первоочередных. Именно поэтому будущее должно рассматриваться не как «громилла», а как друг [4, с. 99]. Рассматривая диагностическую функцию управления, следует подчеркнуть, что, во-первых, она наиболее приближена к выполнению этой функции, так как включает в себя управленческий выбор, делающий будущее прогнозируемым процессом; во-вторых, обладает достаточно высоким уровнем социального предвидения, имея дело с постоянной циркуляцией и обменом идеями.

В процессе реформирования российского общества стратегические цели часто подменялись и продолжают подменяться средствами, будущее буквально «лепится» по частностям. На наш взгляд, чтобы модернизация, имеющая системный характер,

состоялась как долгосрочный социальный проект, социальная диагностика не только должна формироваться на уровне традиционных краткосрочных, среднесрочных и долгосрочных прогнозов, но и включать модель постоянной экспертизы: социальные процессы станут процессами «наблюдаемыми», т.е. процессами, которые подвергаются всестороннему перекрестному анализу.

Не вдаваясь в подробности и детали одностороннего административного подхода, что связано с характером российской правящей элиты, можно отметить и тот факт, что решение, допустим, проблемы региональной самостоятельности связано с формированием соответствующих диагностических центров. Основной путь разрешения состоит, на первый взгляд, в реформировании региональной среды. Но исключительно важно помнить, что управление призвано обеспечивать развитие региона, и определение долгосрочных целей не является субпроцессом [5, с. 217].

Интересно сравнивать в этом отношении социальную диагностику, понимаемую как отраслевую специализированную экспертизу, и диагностику на уровне принятия стратегических решений. Основные индикаторы социальных перемен для узкоспециализированного видения оказываются неизменными либо показывают позитивную динамику, что, на наш взгляд, связано и с зависимостью прогнозов от интересов той или иной группы.

Стратегический уровень социального диагноза, по сравнению с узкоспециализированным, выглядит проигрышным, так как не устраивает по части детализации. Большинство предлагаемых сегодня социальных прогнозов либо низкого качества, либо имеют открытый общественно спекулятивный характер. Одно из следствий этого — недоверие к прогностке со стороны управленческого аппарата.

Кроме того, не следует забывать, что социально-диагностический потенциал креативного управления может быть создан на основе уже имеющихся структур, в том числе и потому, что возможна конвертация опыта, знаний, навыков в определенные прогностические способности. Основное, что необходимо принимать во внимание, так это то, что диагностика должна приобрести статусный характер, легитимироваться в системе управления и, главное, приниматься не с целью одобрения или неодобрения управленческих решений или как постфактум в качестве оправдания обстоятельств, а быть ориентиром в управленческой деятельности.

Как пишут авторы исследования «Россия реформирующаяся», в стране до сих пор существуют паллиативные варианты национальных проектов, которые сами по себе есть, безусловно, шаг вперед, но которые не могут стать сверхидеей, для консолиди-

рования общества [8, с. 631]. Если принимать во внимание сам факт существования национальных проектов, это уже шаг вперед по сравнению с эпохой кризисного/антикризисного управления.

Другое дело, что национальные проекты являются целевыми и недостаточно опираются на социальную диагностику, не принимают во внимание возможности изменения социальной ситуации и настроений: так, ориентировка на нефтяной индикатор фактически делает любой проект заложником экономической и политической конъюнктуры. Вероятно, для развития социальной диагностики требуется принятие прежде всего индикатора развития человеческого потенциала.

В преломлении к проблемам креативного управления в России можно сказать, что есть определенные, наиболее связанные между собой тенденции, в частности, описанные российскими учеными Л.С. Рубан и Е.Г. Катаевой индексы устойчивости развития страны и индексы социально-политической дисгармонии общества [7, с. 60–63]. В целом фиксация того, что Россия по уровню человеческого потенциала постоянно перемещается вниз, является тревожной тенденцией, для разрешения и перелома которой креативное управление может задействовать иные индикаторы развития. В русле такого подхода охарактеризованных позиций и могут интерпретироваться экономические, политические, управленческие проблемы развития.

Социальная диагностика, ее авторитет являются весьма высокими в условиях спроса общества на будущее. Отложенность спроса или социальная неуверенность стимулируют иной подход — свертывание диагностических интенций управления путем учета и предложения экспертов, работающих с конкретными техническими и организационными решениями. Анализируя возможности социальной диагностики управления, мы, таким образом, подходим к проблеме выявления объективных и субъективных ее условий. Очевидным представляется, что креативное управление, не являясь просто набором функций, определяет диагностику в рамках закрепления наиболее отработанных механизмов при достижении конвенции с представительным экспертным сообществом. К примеру, духовная сфера может оказывать реально позитивное социальномобилизующее воздействие, если вернет себе приоритеты воспитания и перестанет быть либо сферой чисто коммерческих услуг, во что ее пытаются упорно превратить, либо инструментом манипулирования настроениями.

Диагностика в этом отношении формируется как процесс стратегирования. Очевидно также, что управление обретает новое качество — наличие субпозиций, представляющих возможности соци-

ального прогнозирования всех заинтересованных сторон. Процедуры социального видения, социального прогнозирования, социального проектирования являются однопорядковыми, но не аналогичными. Социальное видение больше относится к сфере харизмы, личных талантов, о которых писал М. Вебер. Прогнозирование вырисовывается из опыта футурологии — проективная деятельность — и относится к эпохе социального конструирования.

Социально-диагностическая функция должна опираться не на результат, а на возможные потери при принятии решений. Чем социальный диагноз вероятнее и стратегичнее, тем больше возможностей для уверенности в достижении результатов, тем выше уровень воздействия на всю сферу социальных процессов, что, конечно, не отменяет необходимости продуцирования прогнозов по отдельным направлениям.

Характерно, что в современном российском обществе утихли споры по поводу того, каким может быть облик России через 15–20 лет. Те же ориентиры, которые вкладываются в уста политиков, как правило, звучат достаточно неубедительно и содержат сравнение с существующими зарубежными образцами (Португалия, Италия, в меньшей степени Китай).

Полагая, что диагностика все-таки не является процедурой экстраполяции, следует исходить из того, что достоинства креативного управления состоят в формировании образа креативного будущего в России, о чем пишет Ю.Г. Волков [2, с. 275]. При том, что в обществе не предвидится взрыв завышенных ожиданий, на креативное управление можно возложить определенные надежды, связанные с тем, чтобы установить определенное равновесие между экспертными оценками и настроениями населения. Сложность состоит в их отрыве друг от друга, экспертные оценки становятся элитарным знанием и могут осуществляться для воспроизводства социальных различий.

В том, что экспертное сообщество должно сохранять интеллектуальный и профессиональный статус, есть рациональное зерно: ограничение касается того, каким образом социальный диагноз может служить мобилизации или иммобилизации общества. Поэтому в системе креативного управления есть и определенный гуманистический посыл. Социальная диагностика является мощным средством повышения динамики позитивных социальных настроений. Если управление смотрит в будущее, в обществе есть определенные подвижки в нарастании социальной уверенности.

Следует отметить, что социально-диагностический фактор действует с неодинаковой силой в разных сферах социальной жизни. Например, когда

речь идет о сфере образования, то можно выявить определенные тренды по типу «образование на всю жизнь». Что же касается системы социальной защиты, нужно учитывать множество факторов, влияющих на социально-демографическую ситуацию в стране. Отсюда социальная диагностика является интегральной, рисующей фундаментальную картину будущего и одновременно включающую в себя разнообразие вариантов развития.

Как видно из контекста исследования, креативное управление проявляется как управление, вносящее в жизнь общества продуцирующие изменения. Сопоставляя способы и цели креативного управления с результатами соцопросов, мы видим, что в большей степени социальная диагностика удовлетворяет потребность общества в планируемых изменениях — изменениях, которые готовы принять большинство населения. При этом 75% россиян высказывают неудовлетворенность относительно доступа к власти, а это косвенно означает, что власть для большинства выглядит замкнутым кругом, где будущее строится только для избранных [1, с. 42].

Возникает вопрос о том, какое отношение это имеет к социальной диагностике? Если считать диагностику инструментом узнавания общества, гаммы общественных настроений и формирования ожидаемых тенденций, то факт, что в России целостное социальное видение распадается на ряд взаимоисключающих фрагментов, свидетельствует о том, что страшны не изменения сами по себе, а их последствия, если не происходит проективное осмысление.

В оценке населением управления на первый план выходит критерий социальной эффективности, вплотную подводящий к вопросу о возможности социального проектирования, поскольку часто, если вспомним пресловутый закон о монетизации льгот, последствия не просчитываются или игнорируются. Подобная управленческая политика приводит к нарастанию в обществе протестных настроений, для которых еще нужно найти соответствующую схему управленческого воздействия.

Кроме того, диагностический ресурс выявляется более точно, если управление является более сложным, чем его функциональная программа [6, с. 98]. По разным причинам управление включает систему незапрограммированных, спонтанно возникших связей, которые вносят в диагностику просчет социальных альтернатив. Существует два пути формирования социальной диагностики. Один — формальный — связан с тем, чтобы создать соответствующие бюрократические процедуры и подготовить достаточный штат экспертов. Другой — неформальный — связан с формированием разнообразных сетей информирования, налаживания коммуникативных обратных связей, включающих мониторинг обществен-

ных настроений, в том числе и той части населения, которая может по тем или иным причинам восприниматься маргинальной, но служить индикатором возникновения социальных проблем.

Отмечая, что в социальной диагностике мало выявить «болевые» точки или изломы социальных настроений (в этом «преуспевает» антикризисное управление), мы можем сказать, что, двигаясь по креативному вектору, управление становится программирующим. В это нужно внести важный теоретико-методологический нюанс.

После Октябрьской революции в русле решения народнохозяйственных задач и прежде всего задачи повышения производительности труда начинаются исследования по всей организационно-управленческой проблематике. СССР сформировал теоретическую основу социального планирования в мире. Советские ученые были убеждены, что хозяйствование невозможно без планомерной организации экономики страны.

По мнению Н. Кондратьева, наиболее выдающегося экономиста советского периода, государство может и должно воздействовать на народное хозяйство с помощью планирования и прогнозирования [3, с. 193]. Именно ученых СССР следует считать родоначальниками теории и практики индикативного планирования, внедренного в послевоенные десятилетия по настоянию кейнсианцев практически во всех развитых странах Запада.

Обобщение и анализ работ советских ученых дает вполне достаточно оснований говорить о том, что их взгляды соответствовали прогрессивным управленческим идеям Запада и даже опережали их в ряде аспектов.

Однако патологическая проблема советского социального планирования заключалась в том, что оно стало диссонировать с политическими амбициями правящего истеблишмента и сложившейся идеологии.

Насаждение иллюзии, что вся экономическая наука сводится только к ее финансовому аспекту, загубило в СССР развитие экономической науки в ее основной, нефинансовой части. А именно в таких сферах прикладной и теоретической экономики, как долгосрочное и оперативно-календарное планирование.

Второе великое «открытие» «ученых экономистов» получило название экономической реформа. Сами идеологи этой реформы и сегодня объясняют ее суть так: переход от административно-командных и командно-распределительных методов к научно обоснованным экономическим (догматическим) методам хозяйствования и планирования.

В целом же народнохозяйственный комплекс под воздействием якобы экономической реформы пре-

вратился в индустриальный колосс, перерабатывающий природные, интеллектуальные, человеческие ресурсы не столько во благо людей, сколько в показатели и параметры.

Еще худшим последствием «экономической реформы» СССР в последние десятилетия XX в. стало последствие идеологическое. Ведь калечащие советскую экономику и ухудшающие жизнь людей плановые показатели насаждались под видом совершенствования планового социалистического хозяйствования, что дискредитировало саму его идею.

По сравнению с советской системой планирования креативная проективность предполагает как поиск альтернатив вариантов развития и соответствующих управленческих решений, так и включение показателей человеческого потенциала, в отличие от системных характеристик, фиксирующих разрыв между человеком и обществом, и определение тенденций с целью их включения в жизнь самого общества, для того чтобы они работали на общество, а не выступали источником социальных рисков.

Допустим, до сих пор региональное развитие понимается как риск. В нем заложены и проблемы деления на депрессивные и благополучные, и вопросы социально-экономической деградации, регионального своеволия и низкого качества регионального управления. Все эти проблемы, имеющие реальное содержание, в креативном измерении могут стать плюсом, если рассматривать тенденции дифференциации регионов как возможности для диагностирования процессов интеграции и кооперации.

Готовность к такому пониманию требует более детального подхода к изучению управленческой проблематики, к выделению креативных параметров составляющих ее процессов. Очень часто приходится сталкиваться с тем, что, за исключением предписанных действий, диагностика воспринимается как инструмент утверждения, в то время как ее реальный потенциал для управленческой практики состоит в усилении социально-когнитивного и социально-познавательного компонентов.

В связи с происходящими процессами распространения информации, казалось бы, социальная диагностика не находится в сложной ситуации. В то же время ей присуще свойство ошибки в том смысле, что отбирается и фильтруется информация по принципу соответствия целям. Поэтому возрастает уровень погрешности, часто характеризуемый как недоработки системы управления.

Оптимальная модель, таким образом, должна включать как основные тенденции, так и случайные факторы, которые при определенных условиях могут породить достаточно мощные социальные тренды. Надо также признать, что с точки зрения креативного управления реализация программы, так же, как и

поддержание режима управленческой деятельности, являются «сборочными процессами». Имеется в виду, что они обретают реальные конфигурации благодаря воздействиям социальной диагностики.

Реализуя социально-диагностический потенциал, креативное управление становится действительно управлением людьми. Процессы и тенденции моделируются в качестве трендов массового социального поведения (социальной активности). Также следует отметить, что социальная диагностика придает управлению не некий научный статус, а связывает управленческую теорию и практику, о чем писала Т.Н. Дридзе.

Наряду с этим существенным замечанием следует сказать, что социально-диагностический конструкт является ядровым по отношению к другим функциям креативного управления. Если распределение функций представить иным образом, креативное управление теряет то качество, которое обуславливает его отличия от других видов управления, например, по совершенствованию управления образованием или здравоохранением, где модель оптимизации ресурсов приводит к неоднозначным результатам, а диагностика касается только экономии средств.

Между тем для креативного управления важно, какова будет оценка человеческого потенциала страны? Какова будет цена его развития? Каким образом процессы, происходящие в обществе, влияют на качество жизни населения? Эти вопросы во многом перекрестны и в целом представляют для диагностики широкое поле вариативности. В России исторически сложилось так, что все инициативы по созданию новых социальных институтов исходили и исходят до сего времени от власти [11, с. 179], но не только инициативы в этой сфере, где существует определенная компетентность государства.

Креативное управление в России на уровне социальной диагностики показывает возможности иных, негосударственных, подходов к управлению, настраивает власть на понимание неизбежности конкретных перемен, границы расширения власти государства [9, с. 246]. Так как распад СССР и советской системы повлек за собой достаточно сдержанное отношение к социальному прогнозированию (кто бы мог подумать, что система, имевшая мощный социально-экономический ресурс, ушла в прошлое), окружающий мир перестал быть понятным, узнаваемым. Целостность видения в креативном управлении устанавливается на уровне описания, фиксирования социальных тенденций, среди которых и выделяется тенденция креативности.

Список литературы

1. Андреев А.Л. Ценностные мировоззренческие аспекты социального неравенства // Социологические исследования. 2007. № 9. С. 38–44.

2. Волков Ю.Г. Креативность: исторический прорыв России. М.: Социально-гуманитарные знания, 2011. 328 с.
3. Коргова М.А., Салогуб А.М. История менеджмента. Ростов н/Д: Феникс, 2010. 236 с.
4. Основы социального управления / под ред. В.Н. Иванова. М.: Высшая школа, 2001. 271 с.
5. Попов А.В. Управление регионами. Ростов н/Д., 2001. 257 с.
6. Пригожин А.И. Современная социология организации. М., 1995. 296 с.
7. Региональная социология в России: сб. материалов социологических исследований / отв. ред. В.В. Маркин; Ин-т социологии РАН. М.: Экслибрис-Пресс, 2007. 480 с.
8. Россия реформирующаяся: ежегодник / отв. ред. М.К. Горшков. М.: Ин-т социологии РАН, 2008. Вып. 7. 544 с.
9. Салогуб А.М. Креативное управление в системе социального развития российского общества: дис. ... д-ра социол. наук. Ростов н/Д, 2012. 287 с.
10. Соловьев А.И. Технология администрирования: политические резонансы в системе власти современной России // Полис. 2004. № 6. С. 330–337.
11. Социальные трансформации в России: теории, практики, сравнительный анализ. М.: МПСИ, 2005. 584 с.

Получено 27.12.2015

References

1. Andreev A.L. [Value world-viewed aspects of social inequality]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2007, no 9, pp. 38–40. (In Russian).
2. Volkov Y.G. *Kreativnost: istoricheskiy propyv Rossii* [Creativeness breakthrough of Russia]. Moscow, Sotsial'no-gumanitarnye znaniya Publ., 2011, 328 p. (In Russian).
3. Korgova M.A., Salogub A.M. *Isroriya menedzhmenta* [History of management]. Rostov-on-Don, Feniks Publ., 2010, 236 p. (In Russian).
4. *Osnovy sotsial'nogo upravleniya* [Basics of social management]. Moscow, Vysshaya shkola Publ., 2001, 271 p. (In Russian).
5. Popov A.V. *Upravlenie regionami* [Region management]. Rostov-on-Don, 2001, 257 p. (In Russian).
6. Prigozhin A.I. *Sovremennaya sotsiologiya organizatsii* [Modern sociology of organization]. Moscow, 1995, 296 p. (In Russian).
7. *Regional'naya sotsiologiya v Rossii: Sbornik materialov sotsiologicheskikh issledovaniy* [Regional sociology in Russia: collected materials of sociological researches]. Moscow, Ekslibris-Press Publ., 2007, 480 p. (In Russian).
8. *Rossiia reformiruyushchayasya. Ezhegodnik* [Reforming Russia. Yearbook]. Moscow, Institut Sotsiologii RAN Publ., 2008, iss. 7, 544 p. (In Russian).

9. Salogub A.M. *Kreativnoe upravlenie v sisteme sotsial'nogo razvitiya rossiyskogo obschestva: diss. dokt. sotsiol. nauk* [Creative management in social progress system of Russian society: dr. sociological sci. diss.]. Rostov-on-Don, 2012, 287 p. (In Russian).
10. Solov'ev A.I. [Administration process: political responses in the government of modern Russia]. *Polis* [Polis], 2004, no 6, pp. 330–337. (In Russian).
11. *Sotsial'nye transformatsii v Rossii: teoriya, praktiki, sravnitel'nyy analiz* [Social transformations in Russia: theories, practices, comparative Analysis]. Moscow, MPSI Publ, 2005, 584 p. (In Russian).

The date of the manuscript receipt 27.12.2015

Об авторах

Салогуб Анжела Михайловна

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры креативно-инновационного
управления и права

Пятигорский государственный университет,
357500, Пятигорск, пр. Калинина 9;
e-mail: salogubam@yandex.ru

Демина Нина Владимировна

кандидат социологических наук, доцент кафедры
экономики, менеджмента и финансов

Пятигорский государственный университет,
357500, Пятигорск, пр. Калинина 9;
e-mail: demina76@mail.ru

About the authors

Salogub Anzhela Mikhailovna

Doctor of Sociology, Docent, Professor of Department
of Creative and Innovative Management and Law

Pyatigorsk State University,
9, Kalinin av., Pyatigorsk, 357500, Russia;
e-mail: salogubam@yandex.ru

Demina Nina Vladimirovna

Ph.D. in Sociology, Associate Professor of Department
of Economics, Management and Finance

Pyatigorsk State University,
9, Kalinin av., Pyatigorsk, 357500, Russia;
e-mail: demina76@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Салогуб А.М., Демина Н.В. Диагностика креативного управления // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 145–152. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-145-152

Please cite this article in English as:

Salogub A.M., Demina N.V. Creative management diagnosis // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 145–152. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-145-152

УДК 316.752-053(470.53)

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-153-159

МОДЕРНИЗАЦИОННЫЙ ПОТЕНЦИАЛ ЦЕННОСТЕЙ ЛЮДЕЙ СРЕДНЕГО ВОЗРАСТА (НА ПРИМЕРЕ ПЕРМСКОГО КРАЯ)*

Маркова Юлия Сергеевна

Пермский государственный национальный исследовательский университет

В статье рассматривается модернизационный потенциал ценностей людей среднего возраста. Показана важность анализа субъективных показателей модернизации, выражающихся в ценностных ориентациях, что позволяет охарактеризовать степень готовности людей к участию в модернизационных процессах. Объектом исследования выбрана группа людей среднего возраста. На основе данных формализованного опроса, проведенного в Пермском крае (N = 1000, 2014), представлен анализ структуры ценностей людей среднего возраста. Определены роль и место в ценностной структуре исследуемой социально-демографической группы таких значимых с позиций модернизации ценностей, как инициативность, предприимчивость, самостоятельность, творчество, поиск нового. Проведен сравнительный анализ ценностей людей среднего и старшего возраста. Выявлены внутригрупповые ценностные различия среди людей среднего возраста. Установлено, что с возрастом увеличивается значимость таких ценностей, как конформность, традиция, благожелательность, универсализм, и несколько снижается значимость ценностей риска, новизны, гедонизма, достижения, власти и богатства. Показано, что модернизационный потенциал ценностей людей среднего возраста выше, чем у более старшей возрастной группы. Сделаны выводы о том, что ценностная структура людей среднего возраста является важным мотивационным фактором для участия в модернизационных процессах, особенности ценностей следует учитывать при реализации модернизации.

Ключевые слова: средний возраст; ценности; структура ценностей; модернизация; модернизационный потенциал.

MODERNIZATION POTENTIAL OF VALUES OF MIDDLE-AGED PEOPLE (THE CASE STUDY OF PERM KRAI)

Yulia S. Markova

Perm State University

The purpose of the article is to study modernization potential of values of middle-aged people. It shows the importance of studying axiological orientations as subjective measurements of modernization. This in case allows to characterise overall readiness of human potential to participate in a process of modernization. A group of middle-aged people is the object of the study. Analysis of the value structure of middle-aged people is presented on the basis of formalized surveys which was carried out in the Perm Krai (N = 1000, 2014). The role and place of such important values as initiative, proactiveness, self-sufficiency, creativity and an innovation-oriented mindset are defined in the structure of values of the analysed socio-demographic group. Comparative analysis of the values of the middle-aged and older people is presented. Intra-group differences in values among middle-aged people are identified. The study found out that with age the importance of values such as conformity, tradition, benevolence and universalism increases, and the importance of values such as risk, novelty, hedonism, achievement, power and wealth decreases slightly. It shows that the modernization potential of values of middle-aged people is higher than that of older age groups. The investigation concludes that the value structure of middle-aged people is an important motivational factor to participate in the modernization processes, specifics of values should be taken into account in the realization of the modernization.

Key words: middle age; values; structure of values; modernization; modernization potential.

* Публикация подготовлена при финансовой поддержке РГНФ (грант № 14-03-00155).

Введение

Задача модернизации российского общества, поставленная государственной политикой РФ, является необходимым условием повышения уровня и качества жизни населения, обеспечения целостности, развития и конкурентоспособности страны. Актуален вопрос о поиске векторов и ресурсов дальнейшего развития на основе науки и инноваций. Для реализации комплексной модернизации необходимо тщательное изучение социокультурных ресурсов через призму ценностного потенциала населения и его отдельных социальных групп. Внимание в данной работе сфокусировано на изучении ценностей людей среднего возраста, что обусловлено, во-первых, их активной включенностью в трудовую деятельность, обладанием ими объективными ресурсами, позволяющими быть участниками модернизации; во-вторых — малой степенью изученности данной группы в рамках социологических исследований.

К настоящему времени в социологии нет четкой теоретической концептуализации понятия «средний возраст». Не однозначны и предлагаемые определения его границ, что в целом связано с отсутствием общепринятой классификации возрастных периодов развития.

Первые попытки построения подобных классификаций известны еще со времен Античности. Так, Пифагор предложил разделять жизнь человека на четыре сменяющих друг друга двадцатилетних периода: «весну», охватывающую детство и юность человека; «лето» — период созревания, или молодости; «осень» — зрелые годы; «зима» — время старости. Средневековый энциклопедист Исидор Севильский выделял такие жизненные этапы, как детство (до 7 лет), подростковый период (до 14 лет), отрочество (до 28 лет), молодость (до 45 лет), а также зрелость и старость [1, с. 32–33]. Однако акцент здесь сделан на биологических, а не на социальных характеристиках человека в разные периоды его жизни. Античные и средневековые философские изыскания оставили после себя богатую возрастную терминологию, однако более полное научное обоснование возрастных периодов следует отнести к концепциям, разрабатываемым начиная с XX в.

Одна из таких концепций была создана в 1930-х гг. Ш. Бюлер, которая положила в ее основу понятие «самоопределение» как стержневое свойство и главную движущую силу развития личности [6]. На основании материалов биографических исследований Бюлер определила пять фаз жизненного пути личности в зависимости от встающих перед человеком на каждом этапе жизненных задач. Первая фаза (возраст до 16–20 лет) характеризуется довольно низким уровнем самосознания и отсутствием само-

определения, прежде всего в семейной и профессиональной сферах. Во второй фазе (с 16–20 до 25–30 лет) человек находится в процессе осознания своих потребностей и интересов, ведет поиск, связанный с выбором профессии, спутника жизни и в целом с определением жизненного смысла. Третья фаза (с 25–30 до 45–50 лет) наступает, когда человек находит свое призвание, ставит конкретные жизненные цели, позволяющие добиться стабильности в семье, работе, самореализоваться. Четвертая фаза (с 45–50 до 65–70 лет) характеризует период, во время которого человек начинает подводить итоги прошлой жизни, осмысливать будущее с позиций своего профессионального и семейного статуса, физического состояния. В конце этого периода для большинства людей, по мнению исследовательницы, завершается путь к самоопределению. Последняя, пятая, фаза (после 65–70 лет) означает завершение процесса постановки жизненных целей.

Э. Эриксон в середине XX в. в русле психоаналитической концепции создал во многом отличающуюся возрастную периодизацию [11]. Ключевой акцент был сделан на созидательной силе «Эго», которая направлена на приспособление к окружающей обстановке, стремление преодолеть возникающие проблемы. Развитие «Эго» личности проходит через восемь стадий, соответствующих определенным формам кризисов. На каждой из стадий решаются соответствующие им задачи и развиваются те или иные личностные качества.

К началу XXI в. было разработано большое количество подходов к анализу возрастных периодов развития личности (Г. Крайг и Д. Бокум, В. Квинн, А.А. Реан и др.). Притом акцент стал делаться на комплексности учета различных факторов, оказывающих влияние на развитие: биологических, психологических, социокультурных. Так, российский исследователь Б.Н. Рыжов на основании системной теории выделил восемь двенадцатилетних эпох жизни человека, в каждой из которых доминирует определенный тип мотивации: детство (0–12 лет) — витальная мотивация; юность (13–24) — познавательная; молодость (25–36) — репродуктивная; зрелость (37–48) — самореализация; средний возраст (49–60) — нравственная; зрелый возраст (61–72) — альтруистическая; пожилой возраст (72–84) — защита Я; преклонный возраст (85 и старше) — самосохранение [10].

Современная социальная геронтология предлагает следующие возрастные градации старшего поколения: 30–60 — средний возраст; 60–75 — пожилой возраст; 75–90 — старческий возраст; свыше 90 — долгожители [2, с. 52]. 30-летний рубеж рассматривается многими социологами и ювенологами как верхняя граница молодежного возраста [5, 9].

В рамках нашего исследования границы среднего возраста — с 30 до 60 лет. Это обусловлено тем, что проводником модернизационных процессов являются прежде всего люди трудоспособного возраста, прошедшие стадию профессиональной адаптации, характеризующиеся высокой интенсивностью включения в трудовую деятельность. Следует учитывать, что внутри рассматриваемой социально-демографической группы можно выделить несколько поколенческих когорт, отличающихся общностью решаемых социально значимых задач, социальных ролей, социально-психологических черт, ценностных ориентаций и т.п. В целом же, характеризуя данную группу, отметим такие ее социально-типичные черты: активная трудовая деятельность, в т.ч. благодаря накопленному культурному капиталу в виде образовательных ресурсов; продолжающийся карьерный рост; забота о семье, о детях, дополняемая в более позднем возрасте опекой внуков и престарелых родителей; более высокий потенциал здоровья по сравнению с людьми старшего возраста.

Обладание культурными, материальными, организационными, властными и другими ресурсами позволяет рассматривать людей среднего возраста как активного агента модернизационных процессов в обществе. Во многом подобную мотивацию обуславливает существующая у представителей данной группы структура ценностей. Цель исследования — определить модернизационный потенциал ценностей людей среднего возраста.

Методы исследования

Эмпирической базой исследования стали данные опроса, проведенного среди населения Пермского края в 2014 г., выборка составила 1000 человек.

В качестве основы изучения ценностей использовался подход Ш. Шварца, предложившего список 10 «латентных мотивационных типов ценностей»: Власть, Достижение, Гедонизм, Стимуляция, или Риск-новизна, Самостоятельность, Универсализм, Благожелательность, Традиция, Конформность, Безопасность [12]. Для диагностики ценностей была применена используемая в рамках европейского социального исследования модификация «Портретного ценностного вопросника» [13]. Респондентам предлагалось 21 описание людей, характеризующихся теми или иными ценностями. Каждый из этих портретов респондент должен был оценить по 6-балльной шкале в отношении того, насколько похож или не похож описываемый человек на самого опрашиваемого: «очень похож» (6 баллов), «в значительной степени похож» (5 баллов), «немного похож» (4 балла), «совсем чуть-чуть похож» (3 балла), «не похож» (2 балла), «совсем не похож» (1 балл). В процессе анализа каждый из 10 ценностных индексов («латентных мо-

тивационных типов ценностей», по Шварцу) рассчитывался для респондента как средняя двух (или трех) составляющих этот индекс исходных оценок, из которой потом вычиталась общая средняя для данного респондента по всем оценкам (mrat) [7]. Расчет показателя mrat осуществлялся с целью «очистки» исследуемого содержательного показателя от особенностей существующего у каждого респондента стиля ответов, в частности, тенденции давать оценки, группирующиеся на определенном участке шкалы.

Типологические индексы, в свою очередь, объединялись в 4 укрупненные категории ценностей: Сохранение и Открытость изменениям, Самоутверждение и Выход за пределы своего «Я». Внутри пар они противоположны друг другу, т.е. с ростом значимости одной категории ценностей (например Сохранения) значимость противоположной категории (соответственно Открытости изменениям) снижается.

Отнесение ценностей к значимым / не значимым для успешности модернизации осуществлялось на основе подходов Р. Инглхарта, К. Вальцеля и данных, полученных в рамках Всемирного исследования ценностей, согласно которым процесс модернизации связан с переходом от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, от ценностей выживания к ценностям самовыражения [4].

Результаты исследования

В соответствии с полученными данными наиболее значимой для людей среднего возраста выступает ценность Безопасности, на втором и третьем местах находятся Благожелательность и Универсализм, четвертое и пятое места занимают Самостоятельность и Традиция (см. рис. 1). Средние значения этих ценностей положительны, следовательно, в сравнении с индивидуальными средними респонденты придают им более высокую значимость. Средние величины следующих 5 ценностей (Гедонизм, Достижение, Власть-богатство, Конформность и Риск-новизна) находятся в нижней половине ценностной иерархии, соответственно, в сравнении с индивидуальным фоном респонденты придают им меньшую важность.

Таким образом, люди среднего возраста характеризуются более высокой выраженностью ценностей, входящих в категорию «Выход за пределы своего «Я»» (Благожелательность и Универсализм), и более низкой выраженностью ценностей, относящихся к противоположной категории «Самоутверждение» (Достижение и Власть). Ценности категории «Сохранение» (Безопасность и Традиция, но не Конформность) также имеют большую значимость, нежели ценности альтернативной категории — «Открытости изменениям» (Риск-новизна и Гедонизм; за исключением ценности Самостоятельность) (см. рис. 2).

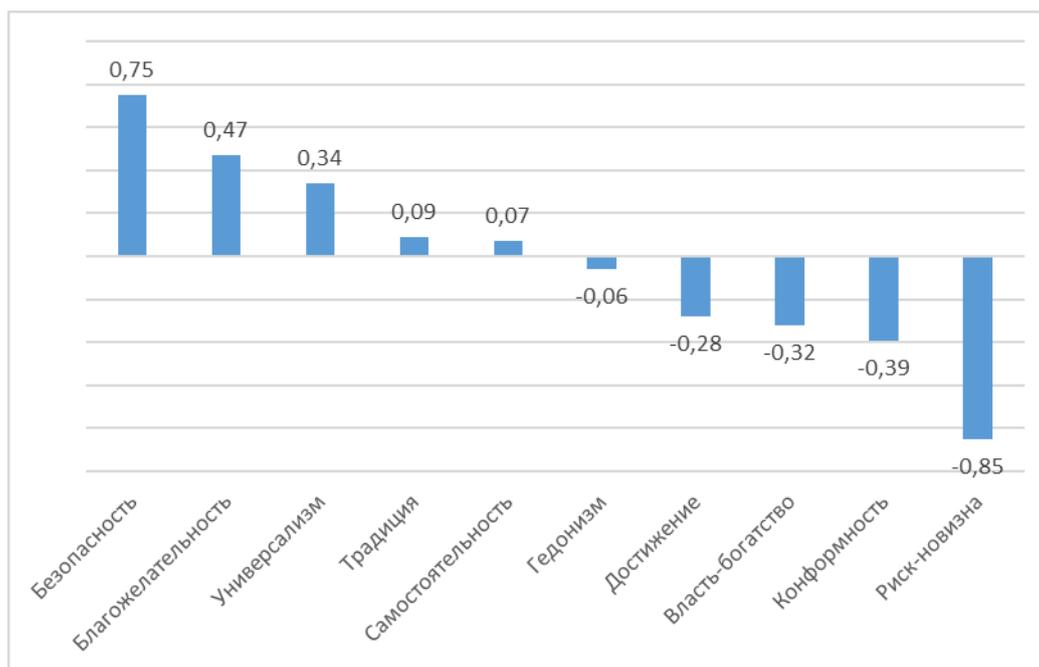

Рис. 1. Иерархия ценностей респондентов среднего возраста (средние значения ценностных индексов, баллы)

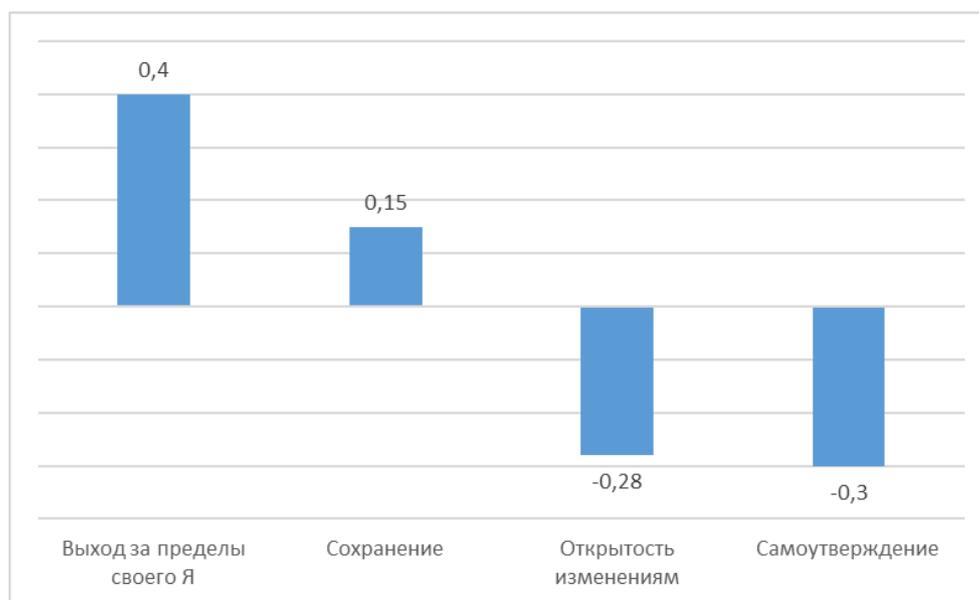

Рис. 2. Иерархия ценностей респондентов среднего возраста (средние значения укрупненных категорий ценностей, баллы)

В целом структура ценностей рассматриваемой социально-демографической группы соответствует данным по всему массиву. Чтобы проследить различия, следует сделать акцент на межгрупповом сравнении.

Сравнительный анализ ценностей людей среднего возраста с ценностными профилями представителей более старшей возрастной группы (60 лет и старше) позволил выявить следующие особенности, значимые с позиций модернизационного потенциала ценностей. Люди среднего возраста в большей степени ориенти-

рованы на самостоятельное принятие решений и творческий подход к делу, в то время как для представителей старшей возрастной группы более важным является соблюдение существующих правил, в большей степени выражены у них и консервативные установки. Ориентация на достижение, социальное признание успеха у средневозрастной группы также имеет несколько более высокую значимость. Подобные ценностные ориентации являются одним из ключевых факторов мотивационного свойства, позволяющих людям среднего возраста быть включенными в

модернизационные процессы, быть активными субъектами инновационных решений.

Об этом свидетельствуют следующие показатели. В рамках исследования респондентам задавался вопрос, участвовали ли они за последний год в создании каких-либо новшеств (фирмы, продукта, технологии или услуги) и в каком статусе: организатора либо последователя, исполнителя. В группе опрашиваемых 30–60 лет присутствуют как первые, организаторы (4,9 %), так и вторые, последователи, активные участники (5,9 %). Среди тех, кто перешагнул 60-летний рубеж, таковых практически нет. Известно, например, и то, что вероятность выдающегося научного достижения выше в середине жизни ученого, о чем свидетельствует статистический анализ массива работ, удостоенных Нобелевской премии [8, с. 115]. Время достижения творческого пика в физике соответствует возрасту 31–35 лет, в химии — 36–40 лет, в медицине — 31–35 лет [8, с. 115].

Следует учитывать, что отмеченные тенденции могут быть объяснены как возрастными особенностями, так и историческими ситуативными факторами. Существенное снижение значимости ценности достижения, наблюдаемое в группе респондентов более старшего возраста, может являться следствием негативного воздействия на их профессиональную карьеру кризиса, характерного для 1990-х гг. [10].

Важным представляется проследить и внутригрупповые различия, в связи с чем анализируемая группа была разделена на подгруппы: 30–39 лет, 40–49 лет и 50–60 лет. Анализ показал, что с возрастом усиливаются ориентации в отношении таких ценностей, как Конформность, Традиция, Благожелательность и Универсализм и несколько снижается значимость ценностей Риск-новизна, Гедонизм, Достижение и Власть-богатство (см. рис. 3).

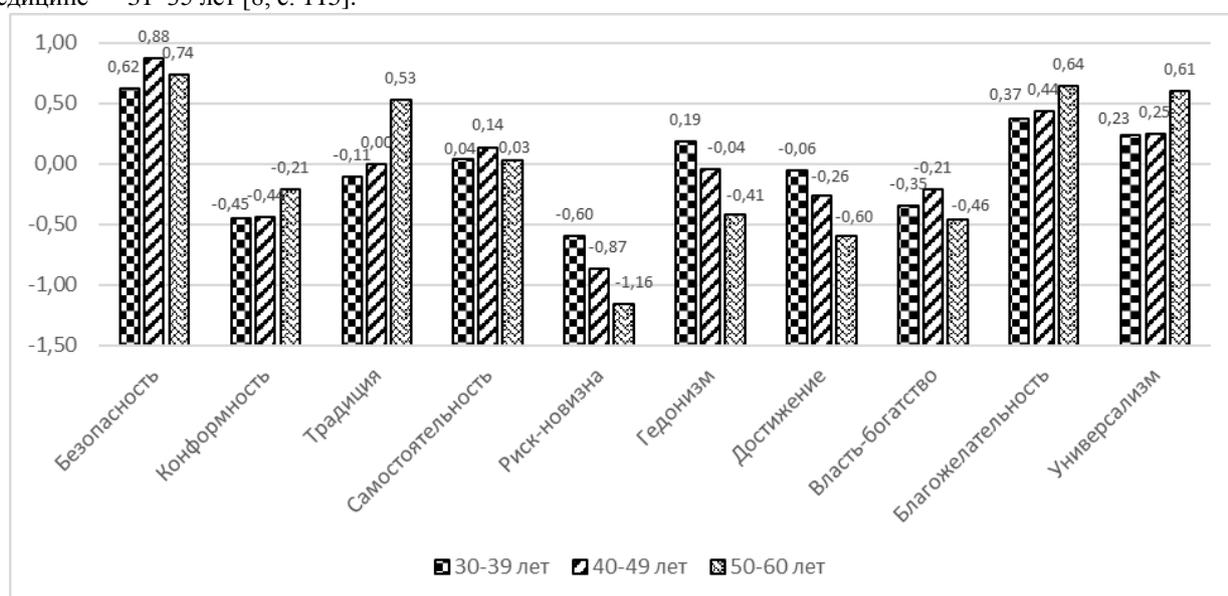

Рис. 3. Средние значения ценностных индексов в группах респондентов 30–39 лет, 40–49 лет, 50–59 лет (баллы)

Указанные данные являются отражением социальных особенностей жизни людей. Более ранний средний возраст — время наибольшего профессионального и карьерного роста, интеллектуального и творческого расцвета, возможности вкладывать в развитие себя и своего ближайшего окружения, прежде всего семьи, обеспечивать ее материальный достаток и благополучие. Более старший средний возраст — время, когда усиливается ориентация на сохранение достигнутого, увеличивается желание упрочить сложившееся положение и противодействовать попыткам изменить его. При этом у многих значимость ценностей творчества и самореализации остается достаточно большой и может сохраняться в последующие годы жизни. Выбор подобной стратегии обуславливает активную творческую деятель-

ность и после 50–60 лет. Примеров тому множество. Так, можно вспомнить известных российских и зарубежных социологов, чья творческая деятельность активно проявлялась или проявляется до сих пор и в более старшем возрасте: В.А. Ядов, Т.И. Заславская, З. Бауман, Э. Гидденс, У. Бек и многие другие. Однако в целом, как было отмечено, чем старше человек, тем менее значимы для него ценности открытости изменениям и творчества.

К 50–60 годам все более усиливаются ориентация на благожелательность, альтруизм, стремление проявлять заботу и помогать окружающим людям. Примечательно, что это время совпадает с периодом, когда появляется необходимость заботиться о внуках и престарелых родителях. Социолог Е. Здравомыслова говорит о так называемом «поколении сэндвич» —

людях в возрасте 45–65 лет, которые, словно «начинка в бутерброде», сжаты между множественными обязанностями [3]. Многие из них еще продолжают работать в сфере оплачиваемого труда, одновременно заботясь о детях и появившихся внуках. Ключевой же проблемой оказывается «вызов заботы» о пожилых родителях. Эта жизненная ситуация зачастую имеет негативные последствия: эмоциональную депривацию, связанную с сопровождением болезни, старения; физическое напряжение и ухудшение здоровья; отсутствие свободного времени; возникновение конфликтов в семье; необходимость выйти на пенсию и т.п. Как отмечает Здравомыслова, «в нашем обществе синдром sandwich generation оказывается чрезвычайно жестким, потому что у нас мало институциональной поддержки для баланса ролей и обязательств, которые и общество ставит перед человеком, и сам человек — перед собой» [3]. Усиление моральных ориентаций, чувства долга является одним из отражений указанных тенденций. С позиций актуализации модернизационного потенциала данная проблема оказывается препятствующим фактором.

Заключение

Анализ показал, что ценностная структура людей среднего возраста с их более выраженными по сравнению со старшей возрастной группой ориентациями на открытость изменениям, достижения и творческие решения является значимым мотивационным фактором для участия в модернизационных процессах. Еще сильнее указанные ценности проявляют себя в группе молодых людей. Эти ценности служат отражением модернизационного потенциала, который может быть реализован молодыми людьми как в настоящем времени, так и по достижению более старшего возраста, вместе с которым увеличиваются социокультурные и материальные ресурсы человека.

Исследования Р. Инглхарта и К. Вальцеля, опирающиеся на анализ культурных показателей для модернизированных стран, свидетельствуют от том, что модернизация, результатом которой является выход на устойчивую траекторию экономического развития, сопровождается переходом от традиционных ценностей к секулярно-рациональным, снижением дистанции к власти, а также укреплением значения ценностей индивидуализма и самовыражения [4]. Структура ценностных ориентаций людей среднего возраста во многом отражает указанные тенденции. Одновременно в ней сохраняется и ряд традиционных ценностей. Представляется, что они могут не быть фактором, препятствующим модернизации, и при должных управленческих решениях, устранении социально-экономических, политических и других институциональных барьеров люди, особенно их креативная часть, смогут в большей мере раскрывать свои модернизационные возможности. Этот вопрос требует дальнейшего изучения.

Список литературы

1. *Арлес Ф.* Ребенок и семейная жизнь при Старом порядке / пер. с фр. Я.Ю. Старцева при участии В.А. Бабинцева. Екатеринбург: Изд-во Урал. ун-та, 1999. 416 с.
2. *Виктор К.* Старость в современном обществе: руководство по социальной геронтологии // Социальная геронтология: современные исследования. М.: РАН ИНИОН, 1994. С. 41–57.
3. *Галкина Ю.* Социолог Елена Здравомыслова — о «непродуктивной» старости и боли «поколения сэндвич» / The Village. URL: <http://www.the-village.ru/village/city/city-news/232683-sandwich-generation> (дата обращения: 23.03.2016).
4. *Инглхарт Р., Вельцель К.* Модернизация, культурные изменения и демократия: Последовательность человеческого развития. М.: Новое издательство, 2011. 464 с.
5. *Лисовский В.Т.* Динамика социальных изменений: Опыт сравнительных социологических исследований российской молодежи // Социологические исследования. 1998. № 5. С. 98–104.
6. *Логинова Н.А.* Шарлота Бюлер — представитель гуманистической психологии // Вопросы психологии. 1980. № 1. С. 154–158.
7. *Магун В.С., Руднев М.Г.* Жизненные ценности населения Украины: сравнение с 23 другими европейскими странами. Статья первая // Вестник общественного мнения. 2007. № 3. С. 21–34.
8. *Несветайлов Г.А.* Научные кадры: возраст и творчество // Социологические исследования. 1998. № 9. С. 115–119.
9. *Павловский В.В.* Ювентология: проект интегративной науки о молодежи: монография. М.: Академический проект, 2001. 304 с.
10. *Рыжов Б.Н.* Системная периодизация развития // Системная психология и социология. 2012. № 5. URL: http://systempsychology.ru/journal/2012_5/85-ryzhov-bn-sistemnaya-periodizaciya-razvitiya.html (дата обращения: 21.03.2016).
11. *Эриксон Э.* Детство и общество / пер. с англ. и науч. ред. А.А. Алексеева. СПб.: Летний сад, 2000. 415 с.
12. *Schwartz S.H.* Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries // Advances in Experimental Social Psychology / ed. by M.P. Zanna. San Diego, CA: Academic Press, 1992. Vol. 25. P. 1–65.
13. *Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A. et al.* Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement // Journal of Cross-Cultural Psychology. 2001. Vol. 32, no 5. P. 519–542.

Получено 31.03.2016

References

1. *Ares F.* *Rebenok i semeynaya zhizn' pri starom por-yadke* [Child and family life under the old order].

- Ekaterinburg, Ural University Publ., 1999, 416 p. (In Russian).
2. Viktor K. [Old age in modern society: a guide to social gerontology]. *Sotsialnaya gerontologiya: sovremennye issledovaniya* [Social gerontology: modern research]. Moscow, RAN INION Publ., 1994, pp. 41–57. (In Russian).
 3. Galkina Yu. *Sotsiolog Elena Zdravomyslova — o «neproduktivnoy» starosti i boli «pokoleniya sendvich»* [Sociologist Elena Zdravomyslova — about the «unproductive» old age and pain «sandwich generation»]. Available at: <http://www.thevillage.ru/village/city/city-news/232683-sandwich-generation> (accessed: 23.03.2016). (In Russian).
 4. Inglehart R, Welzel Ch. *Modernizatsiya, kulturnye izmeneniya i demokratiya: Posledovatel'nost' chelovecheskogo razvitiya* [Modernization, cultural change and democracy. the human development sequence]. Moscow, Novoe izdatel'stvo Publ., 2011, 464 p. (In Russian).
 5. Lisovskiy V.T. [Dynamics of social change: experience of comparative social research of the Russian youth]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1998, no 5, pp. 98–104. (In Russian).
 6. Loginova N.A. [Charlotte Bühler — representative of humanistic psychology]. *Voprosy psikhologii* [Issues of Psychology]. 1980, no 1, pp. 154–158. (In Russian).
 7. Magun V.S., Rudnev M.G. [Values of the population of Ukraine: comparison with 23 other European countries. The first article]. *Vestnik obschestvennogo mneniya* [Bulletin of public opinion]. 2007, no 3, pp. 21–34. (In Russian).
 8. Nesvetaylov G.A. [Scientific personnel: age and creativity]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological Studies]. 1998, no 9, pp. 115–119. (In Russian).
 9. Pavlovskiy V.V. *Yuventologiya: proekt integrativnoy nauki o molodezhi* [Youth studies: project of integrative science of youth]. Moscow, Akademicheskij proekt Publ., 2001, 304 p. (In Russian).
 10. Ryzhov B.N. *Sistemnaya periodizatsiya razvitiya* [System development periodization]. Available at: http://systempsychology.ru/journal/2012_5/85-ryzhov-bn-sistemnaya-periodizatsiya-razvitiya.html (accessed: 21.03.2016). (In Russian).
 11. Erikson E. *Detstvo i obschestvo* [Childhood and society]. St. Petersburg, Letniy sad Publ., 2000, 415 p. (In Russian).
 12. Schwartz S.H. Universals in Content and Structure of Values: Theoretical Advances and Empirical Tests in 20 Countries. *Advances in Experimental Social Psychology* / ed. by M.P. Zanna. San Diego, CA: Academic Press, 1992, vol. 25, pp. 1–65. (In English).
 13. Schwartz S.H., Melech G., Lehmann A. et al. Extending the cross-cultural validity of the theory of basic human values with a different method of measurement. *Journal of Cross-Cultural Psychology*. 2001, vol. 32, no 5, pp. 519–542. (In English).

The date of the manuscript receipt 31.03.2016

Об авторе

Маркова Юлия Сергеевна

аспирант, ассистент кафедры социологии

Пермский государственный национальный исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: julyamarkova@gmail.com

About the author

Markova Yulia Sergeevna

Ph.D. Student, Assistant of Department of Sociology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: julyamarkova@gmail.com

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Маркова Ю.С. Модернизационный потенциал ценностей людей среднего возраста (на примере Пермского края) // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 153–159.
doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-153-159

Please cite this article in English as:

Markova Yu.S. Modernization potential of values of middle-aged people (the case study of Perm Krai) // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 153–159. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-153-159

УДК 316.334.56

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-160-166

ГОРОЖАНЕ КАК СУБЪЕКТ ФОРМИРОВАНИЯ ИМИДЖА ГОРОДА*Антонова Наталья Леонидовна, Ракевич Екатерина Владимировна**Уральский федеральный университет им. первого президента России Б.Н. Ельцина*

В статье дан анализ общности горожан как субъекта формирования имиджа города. Рассмотрен вопрос социологической концептуализации понятия «имидж города», под которым понимается вид социальной практики, представляющей систему социальных действий и взаимодействий индивидов и групп, имеющей как направленный контролируемый, так и стихийный неконтролируемый характер, определяющий образ города и мнение о нем как совокупности различного рода его характеристик: визуальных, социолингвистических, оценочных. Рассматриваются два основных пути формирования имиджа: «сверху» и «снизу». В первом случае субъект формирования — административные органы управления, а во втором — горожане. Горожане как социальная общность одновременно выступают и как потребители, и как производители имиджа города. В статье приводятся данные социологического опроса жителей Екатеринбурга: выборка — 385 горожан, вид отбора — квотный. Результаты опроса показывают, что горожане в большей степени видят городские власти в качестве субъекта имиджформирующей деятельности. Имидж города как системное интегративное образование стихийно формируется в процессе социальных действий и взаимодействий горожан: более половины опрошенных указывают на тот факт, что и сами жители оказывают влияние на имидж Екатеринбурга. Участие жителей города как социальной общности в формировании имиджа может иметь целенаправленный характер, которое выходит за пределы повседневных взаимодействий. В таком случае жители города должны представлять собой сплоченное городское сообщество. В Екатеринбурге в настоящий момент можно говорить лишь о формировании такового. Так, почти половина опрошенных отмечают, что в городе есть активисты, но к их числу себя относит лишь каждый пятый. Анализ сообществ в социальных сетях показал положительную динамику: организуется все больше групп в помощь городу, решению его проблем.

Ключевые слова: город; имидж города; формирование имиджа города; горожане; городское сообщество.

CITIZENS AS THE SUBJECT OF CITY IMAGE FORMING*Natalia L. Antonova, Ekaterina V. Rakevich**Ural Federal University named after the first President of Russia B.N. Yeltsin*

The subject of this article is the role of citizens in the process of city image forming. Much attention is given to the problem of sociological conceptualization of concept of city image, which is the type of social practice, as a system of social actions and interactions of individuals and groups, It has directed controlled and spontaneous uncontrolled character. It determines city image and opinion about it as set of its visual, sociolinguistic, estimative characteristics. There are three basic characteristics of city image: visual symbols of the city, sociolinguistic conceptions of the city and evaluative opinions about all spheres of urban vital functions. There are two basic ways of image forming: «from the top» and «from below». In the first case the subject of forming is administrative authorities. In the second case the subject is the citizens. The citizens as the social community are a customer and a producer of city image simultaneously. It is analyzed the data of sociological survey of Ekaterinburg residents. The sample is 385 citizens. The type of selection is a quota sample. The data shows that the citizens consider that civic authorities are the main subject of city image forming. City image is formed spontaneously in the process of social actions and interactions of citizens. A little more than half of the pollees considers that citizens also influence on city image. Citizen's participation in forming of image can be purposeful in nature and exceeds the limits of daily interactions. In this case the citizens should be an united urban community. Today there is only a forming community in Ekaterinburg. Nearly a half of pollee considers that there is urban activists, but only every fifth rates oneself among them. The analysis of community in virtual social networks shows the positive dynamics: more and more groups are organized and devoted to the city, its problems and the ways to solve it. Recommendations are given how to make the citizens the real active subject of city image forming.

Key words: city; city image; forming of city image; citizens; urban community.

Современные урбанизационные процессы, характерные для общественного развития последних десятилетий, связанные с усложняющейся структурой общества и глобализацией человечества в целом, обуславливают повышенное внимание как научных исследователей, так и практиков к проблемам современной городской жизни, становлению облика города как социально-территориального образования. Город, по справедливому заключению Р. Парка, представляет собой «...наиболее последовательную и в целом наиболее успешную попытку человека преобразовать мир, в котором он живет...» [11, с. 4].

Город в социологической интерпретации выступает ареной действий и взаимодействий социальных групп и общностей, как интегрирующее звено в системе воспроизводства социальных связей и отношений. При этом город предстает как социально-территориальное образование, имеющее границы, позволяющие зафиксировать особенности жизнедеятельности и специфику условий функционирования и развития его населения. Несмотря на социальную гетерогенность населения, жители города образуют единую территориальную общность, которая так или иначе использует пространство города для удовлетворения различных потребностей и интересов. Специфика горожан заключается не только в том, что они выступают основными потребителями территории, но и в том, что они являются субъектами ее производства, формируя тем самым имидж города в целом.

Обращаясь к понятию «имидж», следует подчеркнуть, что в российской социологии методология изучения имиджа практически не разработана. Речь идет о том, что сущность и содержание данного понятия заимствуется из смежных наук, в частности, из психологии и экономики, в которых имидж прежде всего — образ объекта или мнение о нем. Исследователь имиджа А.Ю. Панасюк полагает, что имидж — это идеальный образ объекта/явления, а также мнение о нем, сложившееся на основе образа [10].

Проблематика социологической концептуализации имиджа города заключается, по нашему мнению, в «трудностях перевода». Так, известная работа К. Линча «The Image of the City», во-первых, переведена на русский язык как «Образ города», во-вторых, раскрывает данный образ через систему универсальных элементов: пути, границы, районы, узлы и ориентиры [7, с. 51]. Таким образом, исследование К. Линча представляет собой скорее определение образа, а точнее — облика города, нежели его имиджа, который, по мнению ряда исследователей, является разновидностью образа и обладает социальными и психическими характеристиками [12, с. 12]. Мы не станем углубляться в многообразие

определений имиджа города, которые представлены широким спектром работ по сходной тематике [1, 2, 8], а остановимся на анализе его социальной составляющей.

Имидж города мы предлагаем рассматривать как вид социальной практики, представляющей систему социальных действий и взаимодействий индивидов и групп, имеющей как направленный контролируемый, так и стихийный неконтролируемый характер, и определяющий образ города и мнение о нем как совокупности различного рода его характеристик.

В нашей работе мы предлагаем выделить три базисные характеристики имиджа города. Во-первых, визуальные символы города, к которым можно отнести герб, архитектурные или природные объекты, исторические памятники и пр. Узнаваемые и тиражируемые символы, подкрепляющие основную концептуальную идею имиджа города, вместе с тем не должны противоречить другим имиджевым характеристикам [6, с. 218].

Во-вторых, социолингвистические представления о городе, которые репрезентируются в слоганах, «крылатых» выражениях и фразах. Эффективный слоган, воспроизводимый для продвижения места и формирования его имиджа, при использовании его потенциала в дальнейшем может укорениться и стать разделяемым представлением о конкретном городе и ассоциироваться с ним (Санкт-Петербург — Окно в Европу).

В-третьих, оценочные суждения индивидов, социальных групп и общностей, в которых транслируются их представления о всех сферах жизнедеятельности города как социального образования (экономика, политика, культура, искусство, наука, образование и т.д.). Этот аспект имиджа города касается эмоциональной оценки, формируемой в процессе взаимодействия с различными субъектами, включенными в пространство города, и основанной на самоощущении и личном опыте.

Можно выделить два основных пути формирования имиджа города: путь «сверху» и путь «снизу». В первом случае концептуальный фундамент и основные направления реализации базовых идей принадлежат административным органам (администрации города). Это, как правило, целерациональный вид социальных действий и взаимодействий субъектов, когда разрабатывается «идеальный» имидж, соответствующий современным требованиям. Так, сегодня в маркетинговых исследованиях территория, город рассматриваются как геотовар, а его стоимость зависит, например, от уникальных благоприятных географических условий [9]. Отсюда задача субъектов заключается в разработке такого имиджа, кото-

рый бы свидетельствовал об инвестиционной привлекательности города.

Во втором случае субъектами формирования имиджа города становятся горожане, и данный процесс может протекать стихийно. Горожане как социальная общность в своих повседневных практиках как воспроизводят заданную модель имиджа, так и иницируют собственные проекты в виде инноваций. Например, практически в каждом городе имеются места, которым жители присвоили собственные названия (топонимы). В городе Екатеринбурге можно встретиться с друзьями «под варежкой» или «у сапога». Эти места становятся имиджевыми для самих горожан.

Особого внимания заслуживают и средства массовой информации (СМИ), которые также выступают субъектами становления и развития имиджа города. При этом данный субъект «работает» на двух обозначенных выше уровнях: официальные СМИ, цель которых — транслировать специально разработанный имидж, и независимые СМИ, в оценках которых город может быть представлен и в негативном аспекте. В связи с этим формирование имиджа имеет контролируемый и неконтролируемый характер.

Какие группы и общности являются потребителями имиджа, его реципиентами? Постановка данного вопроса связана в первую очередь с экономическими потребностями развития города, а именно с инвесторами, готовыми рассматривать населенный пункт как привлекательный геопродукт. При этом мы имеем в виду не только крупные бизнес-проекты, направленные на разработку природных ресурсов, но и историческую ценность города, его инфраструктуру как средство привлечения туристических потоков (и, соответственно, инвестиций), образовательный и культурный потенциал, способный удовлетворить запросы учебных мигрантов и интеллектуальной элиты (креативный класс), ориентированной на дальнейшее развитие города. В таком русле использование коммуникативного подхода к анализу имиджа города закрепляет его эвристические возможности и перспективы. Однако, мы полагаем, что потребителями имиджа города выступают и сами горожане, поскольку он является фактором становления идентичности и самопрезентации жителей, показателем социального самочувствия в целом. Таким образом, население города выступает в двух ипостасях: как производитель и как потребитель имиджа города. И в том, и в другом случае горожане становятся активным деятельным субъектом его становления и развития.

Активность субъектов формирования имиджа города позволяет использовать методологию активистско-деятельностного подхода [5] к его анализу,

суть которого заключается в понимании и объяснении действий индивидов, социальных групп, общностей как основного элемента социальной реальности, в которой субъекту принадлежит центральная роль. При таком векторе анализа усиливается деятельностное начало субъектов, способных формировать, воспроизводить и развивать в целом имидж города, а также использовать и транслировать его во внешнюю среду.

В нашем исследовании мы обратились к изучению жителей города Екатеринбурга как субъекта формирования его имиджа. В 2013–2014 гг. был проведен социологический опрос. Объем выборочной совокупности составил 385 человек, проживающих на территории города более 5 лет. Мы использовали квотный вид отбора, положив в основание выборки такие характеристики, как пол, возраст, район проживания.

Отвечая на вопрос о субъектах формирования имиджа города, опрошенные нами жители признали, что имидж Екатеринбурга «делают», прежде всего, власти города (76,5 %). Это объясняется, по нашему мнению, тем, что именно городские власти занимают имиджформирующей деятельностью: они ответственны за составление стратегического плана развития, подают заявки на проведение мегасобытий, разрабатывают рекламные компании, транслирующие определенный имидж города. Власти участвуют в процессе определения облика города, определяют его архитектурно-планировочную композицию, развитие инфраструктуры. Другими словами, наиболее масштабные действия, которые прямо или косвенно влияют на формирование имиджа города, находятся в компетенции властных структур.

Следует отметить еще один момент, который может объяснить, почему большинство горожан признают именно власти субъектом формирования имиджа города. Он заключается в том, что отдельные представители власти, а не только весь управленческий аппарат в целом, могут оказывать значительное влияние на имидж города. Так, например, успешность реализации городской политики мэром, сити-менеджером становится фактором формирования имиджа территории. Достижения отдельных политиков, так же как и их промахи, как правило, широко освещаются в СМИ и влияют на представления населения о городе.

Таким образом, как реальные действия властей, так и репутация политиков являются основанием оценочных представлений различных социальных групп и общностей о городе, которые включены в имидж города в целом.

Имидж города как системное интегративное образование формируется в процессе социальных дей-

ствий и взаимодействий горожан. Отсюда 54 % опрошенных полагают, что жители также являются субъектом становления имиджа. Для респондентов важным оказался сам факт наличия системы связей и отношений между жителями территории, нежели история города, его архитектура, природный ландшафт и социальные блага. Сами горожане выступают носителями имиджа города, их повседневные практики и взаимодействия становятся имиджевой составляющей и, таким образом, они определяют/создают имидж.

Этот процесс имеет зачастую стихийный характер. Стихийность в данном случае заключается в том, что, несмотря на практики взаимодействий между индивидами, группами, опирающимися на цели, ценности, нормы и пр., т.е. по сути они рациональные, имидж города посредством этих взаимодействий формируется стихийно, поскольку у акторов этих практик нет таких целевых установок, которые были бы направлены на становление и воспроизводство имиджа территории. Стихийно конструируемый имидж города транслируется как внутри общности горожан, так и во внешнюю среду — туристам, гостям, инвесторам.

Об этом свидетельствуют и результаты опроса: 89 % респондентов оценивают свой город положительно. Горожане называют Екатеринбург третьей столицей (54 %) и развивающимся городом (47 %). Лишь незначительная доля опрошенных считает территорию своего проживания «серым» городом (12 %). 47 % городского населения выделили Храма-Крови в качестве базовой визуальной имиджевой характеристики. В целом, 86 % опрошенных рассматривают имидж города как позитивный.

Качество и количество социальных контактов горожан благоприятно влияет на социальное самочувствие, которое выступает одним из факторов развития социального пространства города. Вместе с тем имидж является инструментом, с помощью которого можно воздействовать на социальное самочувствие людей и влиять на их отношение, т.е. чем привлекательнее будет формироваться имидж сверху (властными административными структурами), тем вероятнее определение и производство положительного имиджа снизу (горожанами).

Участие жителей города как социальной общности в формировании имиджа может иметь и целенаправленный характер, что выходит за пределы повседневных взаимодействий. Следует отметить, что в социологической науке сложилась традиция определения города через городское сообщество, которая идет еще от М. Вебера [3]. В современной научной мысли подобной трактовки придерживается, в частности, В.Л. Глазычев: «Пока они (*люди*) живут в

чем-то, что составлено из домов, дорог, уличных знаков, вывесок присутственных мест. Но это не город. Город возникает, когда возникает городское сообщество» [4]. Отметим, что самым важным признаком городского сообщества является его осознанная ответственность за город, его преуспевание и право на участие в городских делах, что в результате приводит и к активной деятельностной позиции в процессе формирования имиджа города.

При таком подходе горожане должны представлять собой не разрозненную инертную массу, а сплоченное городское сообщество, которое ориентировано на улучшение и процветание территории. Подобная идея выглядит несколько утопичной, поскольку ситуация в крупных городах-миллионниках такова: в них представлено большое количество общностей, отличающихся друг от друга по образу жизни, ценностным ориентациям, социальным статусам, социальной активности и пр. При этом в городском пространстве происходят скорее процессы сегрегации общностей нежели интеграции в единое сообщество горожан. Результаты наших исследования свидетельствуют, что меньше половины опрошенных (47 %) считают, что активное городское сообщество в Екатеринбурге есть; при этом только каждый пятый респондент в той или иной степени идентифицирует себя с ним. Приведем суждение одного из респондентов, которое наиболее точно характеризует сложившуюся ситуацию: «Я слышала, что есть какие-то городские активисты, которые ходят на субботники и прочее. Но сама лично я в подобных акциях ни разу не участвовала, хотя и не против...» (женщина, 29 лет).

Действительно, в Екатеринбурге в последние годы усиливается деятельность общественных организаций, сообществ городских активистов, которые заинтересованы в улучшении пространства города и его имиджа. Этот процесс можно проследить, например, по количеству виртуальных сообществ в социальных сетях, которые посвящены городу Екатеринбургу. Так, анализ групп/страниц русскоязычной социальной сети «ВКонтакте» позволил определить наиболее массовые, представительные по численности группы, посвященные Екатеринбургу: «Типичный Екатеринбург» (http://vk.com/te_ekb, 345847 подписчиков), «Интересный Екатеринбург» (<http://vk.com/inburg>, 97511 подписчиков), «Я люблю Екатеринбург» (<http://vk.com/ekabyte66>, 47558 участников), «It's my city. Екатеринбург» (<http://vk.com/itsmycityekb>, 11928 подписчиков). В этих и схожих сообществах не только освещаются городские события и происшествия, но и обсуждаются повседневные проблемы самих горожан: уборка улиц, качество дорожного покрытия, работа муници-

пального транспорта и т.п. Отметим, что страницы, посвященные городу, пестрят позитивными красивыми фотографиями, т.е. горожане визуализируют городское пространство, тем самым создавая имидж города в целом и привлекая к нему внимание.

Особого внимания заслуживают группы, объединенные конкретной целью и имеющие, на наш взгляд, значительный потенциал как субъекта формирования имиджа города. К числу таких групп мы отнесли «Помощь братьям нашим меньшим» (Екатеринбург) (<http://vk.com/animalss>, 75759 участников), «Взаимопомощь на дорогах Екатеринбург» (http://vk.com/dobro_66, 23446 участников).

Что касается непосредственно сообществ в социальной сети, в которые включены городские активисты, чья деятельность направлена на продвижение территории и улучшение ее характеристик, то численность участников, по сравнению с указанными выше группами, не так велика: «Обитаемый город» (<http://vk.com/archcity>, 1712 подписчиков), «Удобный город | Екатеринбург» (http://vk.com/comfy_city, 1405 подписчиков), «Екатеринбург из прошлого» (<http://vk.com/ekbizproshlogo>, 931 подписчик) и др. Вместе с тем именно этих горожан отличает наибольшая активность и социальная ответственность за свою территорию. Так, участники группы «Удобный город» неоднократно писали обращения к городским властям, указывая на проблемные зоны в транспортно-пешеходной системе города (пешеходные переходы, бордюры и т.п.).

Могут ли обсуждаемые проблемы города в сетевых сообществах негативно отразиться на имидже города? Ответ на этот вопрос не так очевиден, как может показаться на первый взгляд. Мы полагаем, что на формирование позитивного имиджа города оказывают влияние активность его жителей, принятие ответственности за его функционирование и развитие, конкретные действия горожан, направленные на решение проблемных вопросов. Кроме того, сформированный позитивный имидж территории становится источником привлечения ресурсов (материальных, человеческих и пр.), способствующих уменьшению актуальных проблемных точек на карте города.

Отметим ряд важных моментов, касающихся становления и функционирования общности горожан как активного субъекта формирования имиджа. Во-первых, жители города заинтересованы в его развитии (78,3 % опрошенных) и отмечают необходимость привлекательного имиджа Екатеринбурга (93,9 % опрошенных). Во-вторых, горожане осознают возможность и важность своего участия в жизни города. Большинство респондентов (79 %) считают, что именно жители города могут повлиять на поло-

жительные изменения города. В-третьих, следует охарактеризовать как высокую готовность горожан действовать ради улучшения имиджа города (71 %). В-четвертых, участников групп/сообществ, представленных в социальных сетях, которые посвящены городу, следует признать потенциальной движущей силой в процессе формирования и продвижения имиджа территории.

Мы полагаем, что имиджевая концепция города должна быть сконструирована административными структурами в процессе взаимодействия с городским сообществом, его активистами. При этом с общим вектором стратегии развития городской среды важно познакомить каждого жителя через систему коммуникативных каналов, что позволит сгладить противоречие между формируемым обликом города управленцами и его восприятием и оценкой горожанами (например, власти производят имидж креативного города, а большинство жителей считают его промышленным). Обратная связь будет нивелировать данное и другие противоречия. Особая роль принадлежит средствам массовой информации, которые становятся центрами сплочения городского сообщества.

Итак, участие горожан в формировании имиджа может быть целенаправленным: городские активисты при взаимодействии с администрацией определяют направления и механизмы развития городской среды. Стихийное формирование имиджа территории связано с системой социальных взаимодействий, связей и отношений самих жителей города. Повседневные практики ведут к созданию образа города, который «считывается» как горожанами, так и внешними «пользователями». В связи с этим важными представляются не только действия властных структур, направленные на реализацию концептуальных оснований имиджевой политики, но и реализация управленческих функций, ориентированных на укрепление качества жизни горожан, улучшение их социального самочувствия и настроения. Таким образом, горожане выступают реальным действенным субъектом становления имиджа территории, его воспроизводства и развития.

Список литературы

1. *Абышева Ю.Ю.* Проблема формирования имиджа города: социально-управленческий аспект: автореф. дис. ... канд. социол. наук. Н. Новгород, 2005. 24 с.
2. *Важенина И.С., Важенин С.Г.* Имидж как конкурентный ресурс региона // Регион: экономика и социология. 2006. № 4. С. 72–84.
3. *Вебер М.* Город. Избранное. Образ общества: пер. с нем. М.: Юрист, 1994. 704 с.

4. Глазычев В.Л. Слободизация страны Гардарики. URL: <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm> (дата обращения: 25.04.2014).
5. Заславская Т.И. О субъектно-деятельностном аспекте трансформационного процесса // Кто и куда стремится вести Россию?.. Акторы макро-, мезо- и микроуровней современного трансформационного процесса. М.: МВШСЭН, 2001. 416 с.
6. Котлер Ф., Асплунд К., Рейн И., Хайдер Д. Маркетинг мест. Привлечение инвестиций, предприятий, жителей и туристов в города, коммуны, регионы и страны Европы. СПб.: Стокгольмская школа экономики в С.-Петербурге, 2005. 376 с.
7. Линч К. Образ города / пер. с англ. В.Л. Глазычева; сост. А.В. Иконников; под ред. А.В. Иконникова. М.: Стройиздат, 1982. 328 с.
8. Мозолин А.В. Методика анализа имиджа и его положение в информационном пространстве. Екатеринбург, 2004. 44 с.
9. Мещеряков Т.В. Имидж города как стратегический фактор эффективного маркетинга территории // Проблемы современной экономики. 2009. № 2(30). С. 26–33.
10. Панасюк А.Ю. Формирование имиджа: стратегия, психотехнологии, психотехники. 2-е изд., стереотп. М.: Омега-Л, 2008. 266 с.
11. Парк Р. Города как социологическая лаборатория // Социологическое обозрение. 2002. Т. 2, № 3. С. 3–12.
12. Перельгина Е.Б. Психология имиджа. М.: Аспект-Пресс, 2002. 223 с.
5. Zaslavskaya T. [About a subject-activity aspect of the transformation process]. *Kto I kuda stremitsya vesti Rossiyu?.. Aktory makro-, mezo- i mikrourovney sovremennogo transformatsionnogo protsesssa* [Who and where are going to conduct Russia?.. The macro-, meso- and micro-level actors of the modern transformation process]. Moscow, MVSHSEN Publ., 2001, 416 p. (In Russian).
6. Cotler Ph., Asplund Ch., Rein I., Haider D. *Marketing mest. Privlechenie investitsiy, predpriyatiy, zhiteley i turistov v goroda, komunny, regiony i strany Evropy* [Marketing paces Europe. How to attract investments, industries, residents and visitors to cities, communities, regions and nations in Europe]. Saint Petersburg, Stockholm School of Economics in Saint Petersburg Publ., 2005, 376 p. (In Russian).
7. Lynch K. *Obraz goroda* [The Image of the city]. Moscow, Stroyizdat Publ., 1982, 328 p. (In Russian).
8. Mozolin A. *Metodika analiza imidzha i ego polozhenie v informatsionnom prostranstve* [The methods of analysis of the image of the city and its position at information space]. Ekaterinburg, AMB Publ., 2004, 44 p. (In Russian).
9. Mesgheryakov T. [The city image as a strategic factor of effective place marketing]. *Problemy sovremennoy ekonomiki* [The Problems of modern economics]. 2009, no 2(30), pp. 26–33. (In Russian).
10. Panasyuk A. *Formirovanie imidzha: strategiya, psihotehnologii, psihotehniki* [Image Forming: strategy, psychotechnologies, psychotechnics]. Moscow, Omega-L Publ., 2008, 266 p. (In Russian).
11. Park R. *Goroda kak sotsiologicheskaya laboratoriya* [The city as a social laboratory]. *Sosiologicheskoe obozrenie* [Sociological review], 2002, vol. 2, no 3, pp. 3–12. (In Russian).
12. Pereylygina E. *Psikhologiya imidzha* [Psychology of image]. Moscow, Aspekt-Press Publ., 2002, 223 p. (In Russian).

Получено 21.03.2016

References

1. Abysheva Yu.Yu. *Problema formirovaniya imidzha goroda: sotsialno-upravlencheskiy aspekt: aftoref. diss. kand. sotsiol. nauk* [The problem of city image forming: a socio-administrative aspect: an abstract of thesis Prepared by candidate of sociological science]. Nizhni Novgorod, 2005, 24 p. (In Russian).
2. Vazhenina I., Vazhenin S. [Image as a competitive resource of region]. *Region: Ekonomika i Sotsiologiya* [The Region: economics and sociology]. 2006, no 4, pp. 72–84. (In Russian).
3. Weber M. [A city]. *Izbrannoe. Obraz obschestva* [Selected Works. The image of the society]. Moscow, Yurist Publ., 1994, 704 p. (In Russian).
4. Glazychev V. *Slobodizatsiya strany Gardarici* [Becoming a village of Gardarika country]. Available at: <http://www.glazychev.ru/books/slobodizatsia.htm> (accessed 12.12.2015). (In Russian).

The date of the manuscript receipt 21.03.2016

Об авторах

Антонова Наталья Леонидовна

доктор социологических наук, доцент,
профессор кафедры теории и истории социологии

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: n-tata@mail.ru

Ракевич Екатерина Владимировна

аспирант кафедры теории и истории социологии

Уральский федеральный университет
им. первого президента России Б.Н. Ельцина,
620002, Екатеринбург, ул. Мира, 19;
e-mail: rakely13@yandex.ru

About the authors

Antonova Natalia Leonidovna

Doctor of Sociology, Docent, Professor of Department
of Theory and History of Sociology

Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia;
e-mail: n-tata@mail.ru

Rakevich Ekaterina Vladimirovna

Ph.D. Student of Department of Theory and History
of Sociology

Ural Federal University named after the first President
of Russia B.N. Yeltsin,
19, Mira str., Ekaterinburg, 620002, Russia
e-mail: rakely13@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Антонова Н.Л., Ракевич Е.В. Горожане как субъект формирования имиджа города // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 160–166. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-160-166

Please cite this article in English as:

Antonova N.L., Rakevich E.V. Citizens as the subject of city image forming // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 160–166. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-160-166

УДК 316.334.22

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-167-173

СОЦИОЛОГИЧЕСКИЕ ПОДХОДЫ К ИЗУЧЕНИЮ ПРОФЕССИОНАЛЬНОГО САМООПРЕДЕЛЕНИЯ

Волегов Владимир Сергеевич

Пермский государственный институт культуры

Основное внимание в статье уделено трансформации теоретико-методологических оснований при изучении профессионального самоопределения в рамках социологии. Рассматривается трансформация исследовательских подходов к профессиональному выбору в контексте конкуренции и смены основных социологических парадигм. На основе анализа иностранной и отечественной (советской и постсоветской) литературы, делается предположение о наличии трех основных этапов в определении сущности и задач формирования профессиональной структуры общества.

Особенностью первого этапа, базирующегося на идеях классической социологии и теории черт М. Вебера, является доминирование идей профессионального отбора при формировании социально-профессиональной структуры. Второй этап (вторая половина XX в.) включает социологические исследования, связанные с адаптацией молодежи к существующим социальным структурам. Основываясь на идеях структурного функционализма, исследователи и практики делают основной упор на необходимость грамотного распределения молодых людей по социально значимым позициям социального пространства (как социального и профессионального, так и территориального).

В связи с изменениями в методологических основаниях наук об обществе, связанных с идеями «практического поворота» и обращением к категориям культуры, автор выделяет третий этап в изучении и сопровождении профессионального самоопределения молодежи, возможным теоретическим основанием которого оказывается теория практик.

Ключевые слова: профессиональное самоопределение; история социологии; культура; теория черт; теория практик; практический поворот; социальные технологии; фоновые практики.

THE SOCIOLOGICAL APPROACHES TO THE STUDY OF PROFESSIONAL SELF-DETERMINATION

Vladimir S. Volegov

Perm State Institute of Culture

In the focus of this article is the transformation of theoretical and methodological approaches to the study of professional self-determination on the sociology. The author reviewed the transformation of research frameworks by this problem in the context of competition and changing paradigms. On the basis of analysis of domestic and foreign scientific literature the author makes a suggestion about the existence of three basic steps in determining the nature and objectives in the formation of the professional structure of the society.

A feature of the first stage, based on the ideas of the classical theories of sociology and features of Max Weber, is the dominance of the ideas of professional selection in the formation of social and professional structure. The second stage (the second half of XX century) includes sociological researches related to the adaptation of young people to the existing social structure. Based on the ideas of structural functionalism, researchers and practitioners focus on the necessity of a competent distribution of young people on socially relevant positions of social space (both social and professional, and territorial).

Because of the changes in the methodological foundations of social sciences related to the ideas of the «practical turn» and the reference to the categories of culture, the author singles out the third stage in the study and support of professional self-determination of young people possible to the theoretical basis of which the theory of practices.

Key words: professional self-determination; the history of sociology; culture; theory of features; the theory of practice; the practical turn; social technology; background practices.

Изучение и педагогическое сопровождение профессионального самоопределения долгое время остается одной из актуальных проблем современного российского общества. В частных беседах, при разработках федеральных государственных образовательных стандартов и административных мер, направленных на регулирование профессионального образования, большое внимание уделяется осмысленному выбору профессиональной траектории, осознается важность этого. Более того, исследователь сталкивается с необходимостью поиска теоретического языка, исследовательской оптики [10, с. 11], которая позволила бы наиболее адекватным образом описать данный феномен в современных условиях. Эти изменения затрагивают общее видение социального порядка, оказывают влияние на изучение отдельных социальных объектов, систем и процессов, вызывая необходимость их перевода в новую систему исследовательских категорий и координат. Целью настоящей статьи является рассмотрение изменений в изучении профессионального самоопределения вследствие смены социологических парадигм.

За почти столетнюю историю научного изучения и психолого-педагогического сопровождения профессионального самоопределения произошло несколько важных изменений в понимании задач и приоритетов данного процесса, каждое из которых было следствием смены социологических парадигм, приводило к формированию новых методов, переосмыслению и корректировке прежних направлений работы на настоящем и будущем рынке труда.

Теория черт и факторов

В начале XX в. в связи с усложнением профессиональной структуры общества появляются первые работы, посвященные вопросам научного осмысления профессионального труда, в которых рассматривались проблемы регламентации производственного процесса и необходимости систематического обучения для повышения производительности труда [14, с. 226]. Появилась необходимость целенаправленной работы с «потенциальными элементами» социально-профессиональной структуры общества [11, 18].

В это время формируется первая научная социологическая интерпретация профессий, в качестве сущностных характеристик которой оказываются длительность выполняемых функций, получение дохода, что делает труд «прочной экономической основой существования» [3, с. 123]. В концепции М. Вебера формирование профессий и сам профессиональный труд обусловлены двумя важнейшими факторами: объективными социально-экономическими условиями, связанными с повышением эффективно-

сти труда, как «внешней мирской стороны», и культурными основаниями. Этические и нормативные истоки специализированного труда обнаруживаются в специфической протестантской этике и «обретении уверенности в спасении посредством деятельности в рамках своей профессии» [3, с. 125].

В теории профессий М. Вебера и его последователей при определении сути профессиональной деятельности указывается на набор специфических критериев, определяющих специфику профессии как социального феномена. Первоначально к ним относились:

- высокая квалификация;
- многолетняя профессиональная подготовка;
- сословная честь;
- беспристрастное исполнение обязанностей [3, с. 657].

В дальнейшем к выделенным характеристикам прибавились внутригрупповой контроль и регулирование, высокий авторитет и доверие сообщества [17], профессиональная автономия [11, с. 39]. Более того, последующие исследователи пришли к выводу, что каждая профессия сама по себе обладает определенным набором специфических характеристик, отличающих её от других видов деятельности. Формируются первые представления о направлениях работы по принципам замещения профессионально-трудовых позиций. В 1900–1930 гг. благодаря работам Г. Мюнстерберга и Ф. Парсонса формируется теория черт и факторов, основанная на изучении соответствия кандидата тем или иным требованиям и стандартам рабочего места. Основные положения теории могут быть сформулированы следующим образом:

- каждый человек по своим индивидуальным качествам, прежде всего по профессионально значимым способностям, наиболее оптимально подходит к одной профессии;
- профессиональная успешность и удовлетворенность профессией обусловлены степенью соответствия индивидуальных качеств и требований профессии;
- сам процесс профессионального выбора является осознанным (сознательным) и рациональным [12, с. 38–39].

Для успешной карьеры, по Парсонсу, необходимо знание собственных особенностей, достоинств и недостатков, их соответствие требованиям и возможностям потенциального места работы [15, р. 3–4]. Г. Мюнстерберг доказывал, что наилучший способ повысить производительность труда — подбирать работникам должности, которые соответствуют их индивидуально-психологическим особенностям, в частности характерологическим и интеллектуальным. Он и его сторонники разработали специальные

тесты для оценки профессиональных способностей человека [15].

По сути, первый этап в изучении профессионального самоопределения основывается на утверждении профессионального отбора ведущим (если не единственным) элементом в наполнении социально-профессиональной структуры общества. Справедливости ради, стоит отметить, что подобный подход полностью соответствует представлениям того времени, независимо от идеологических конструктов. Так, в статье «О выборе профессии» Н.К. Крупская констатирует, что «Современная индустрия требует научного подхода к определению пригодности к профессии» [9, с. 220].

Другое направление работы в отношении потенциальных работников разрабатывал А. Гастев и сотрудники возглавляемого им Центрального института труда. В фокусе их внимания оказывался не отбор и сортировка работников, а их тренировка, подготовка под требования конкретных трудовых функций: «надо поставить задачу воспитания особого нового скоростного человека, с его быстрой реакцией, с его способностью всегда быть настроенным и в то же время расходовать минимум нервной энергии» [5].

Постановление ЦК ВКП(б) от 4 июня 1936 г. «О педологических извращениях в системе Наркомпроса», арест и расстрел Гастева и его сотрудников остановили работы по теоретико-методологическим исследованиям вопросов адаптации к трудовой сфере, а также свернули практическую работу со школьниками. Данная функция «была сведена к профинформации и осуществлялась профсоюзами, которые сообщали населению информацию о потребностях в рабочей силе на хозяйственных объектах страны» [7].

Концепция профессионального выбора в контексте структурного функционализма

Второй этап в развитии представлений о сущности профессионального самоопределения охватывает середину XX в., основывается на использовании теоретико-методологического аппарата структурного функционализма и близких с ним теоретических построений советских социологов. Основопологающей категорией оказывается общество как стабильная социальная система, элементы и подсистемы которой взаимосвязаны и имеют функциональный характер.

Выбор профессиональной траектории в данном контексте вполне укладывается в модель воспроизводства социальных структур, предлагаемую К. Дэвисом и У. Муром. Данный конструкт строится на признании универсальности существования социальной стратификации, обеспечивающей распределение индивидов по различным социальным позициям, в том числе профессиональным, и стимули-

рование выполнения ими определённых функций, связанных с этими позициями. Для восполнения вакантных позиций от социальной системы требуется осуществление двух видов деятельности: «привить у надлежащих лиц желание заполнить определенные позиции, и после, в этих позициях, желание выполнять возложенные на них обязанности» [16, р. 242].

В этой связи показательным является то, какие формы приобретает изучение профессионального самоопределения в возрождающейся советской социологии. Появление новой отрасли знания, включившейся в изучение проблем приобретения молодым поколением новых социально значимых качеств, привело к необходимости определения её специфического предмета исследования и, как следствие, разграничения проблемного поля социологии и психологических и педагогических исследований рассматриваемой тематики. Согласно представлениям М.Р. Гинзбурга, в значительной степени характерным для всего советского периода, в исследовании самоопределения существуют два подхода — социологический и психологический: «с точки зрения социологического подхода к самоопределению оно относится к поколению в целом; характеризует его вхождение в социальные структуры и сферы жизни; виды самоопределения соответствуют видам этих структур и сфер жизни». В поле же зрения психолога оказывается «процесс, те психологические механизмы, которые обуславливают вообще какое бы то ни было вхождение индивида в социальные структуры» [6, с. 19]. В теоретическом же плане целью социологии оказывается объяснение «тенденций профессиональной структуры социалистического общества» [1, с. 4].

В конечном счете профессиональное самоопределение в советской социологии оказывается равнозначно профессиональной ориентации молодежи, т.е. длительному, в достаточной степени необратимому социальному процессу освоения личностью той или иной профессии, включающему в себя действие как объективных, так и субъективных факторов.

Подобное профессиональное самоопределение (ориентация) предполагает масштабную систему мероприятий и направлений работы с учащимися, включающую как профотбор и профессиональную диагностику, так и целенаправленное просвещение и воспитание, консультирование. Итоговый элемент этой цепочки — профессиональная адаптация, т.е. приспособление молодого человека к производству, новому социальному окружению, условиям труда [1, с. 6–19].

Для советских социологов безусловным субъектом профессионализации является общество с существующими социальными структурами и институтами. Суть профессионального самоопределения как элемента формирования социального порядка, по

мнению сторонников направления, состоит в том, чтобы оптимально распределить и максимально эффективно использовать имеющиеся людские ресурсы. Происходящее при этом отождествление профориентации, профессионального выбора и самоопределения личности находит свое отражение в понимании специфики социологического изучения профессионального самоопределения как процесса вхождения когорты молодежи в профессиональную структуру общества [6, с. 19].

Выбор профессиональной траектории оказывается объективным социальным процессом, имеющим начало (задаваемое возрастными психологическими особенностями) и конец, зафиксированный в официальных документах — свидетельстве о профессиональном образовании, трудовой книжке и т.д. Данный процесс оказывается функционально необходимым и обеспечивает восполнение общественно значимых, но вакантных позиций [1, с. 14], причем возможность последующей смены профессий рассматривается как нежелательная. В этой связи на личность воздействует целый набор факторов, которые можно разделить на три группы:

- факторы социальной структуры (в социалистическом обществе принадлежность к конкретной социальной группе предполагает предрасположенность, влияющую на профессиональную биографию);
- факторы, связанные с историческим этапом в развитии конкретной социальной структуры;
- специфические ситуативные факторы — способности самих индивидов, неповторимые особенности их индивидуальных биографий [13, с. 10–11].

Второй подход, в большей степени характерный для социально-психологической трактовки профессионального самоопределения, предлагает несколько иной ракурс наблюдения. Признавая необратимость институционального воздействия, его сторонники в центр помещают личность, осуществляющую выбор своего дальнейшего жизненного пути. В центре внимания здесь оказываются индивидуальные потребности, ценности, смыслы профессионального самоопределения, рефлексия индивида в связи с выбором своего места в обществе, собственными способностями и возможностями самореализации в труде [8, с. 3–4]. Как следствие, профессиональный выбор, оставаясь последовательным и упорядоченным процессом, перестает быть ограниченным во времени, распространяется на весь трудовой путь индивида.

Профессиональное самоопределение в условиях «практического поворота»

Представленная выше схема профессионального самоопределения, будучи адекватной для стабильной социальной системы с четко согласованными и неизменными социальными институтами, в услови-

ях трансформирующегося общества в полной мере не может быть применена. В связи с этим можно выделить ряд проблем теоретического и практического плана.

Проблема демаркации, связанная с необходимостью корректировки специфического предмета исследования социологии и психологии в данном вопросе. Ввиду усложнения предмета социологического знания, его мультипарадигмальности необходимы иные пути интеграции данного явления в теорию социального порядка, позволяющие согласовать активность субъекта самоопределения и внешние институционально закрепленные рамки.

Еще одна проблема связана с операционализацией: если в традиционной схеме под индикатором профессионального выбора понималось обретение определенной специальности, то в условиях высокой неопределенности и рисков на стыке системы образования и рынка труда связь между обучением специальности и представлениями о будущем месте работы оказывается более неоднозначной. На сегодняшний день обучение может отражать разные жизненные перспективы: от желания работать по специальности до предрасположенности к некоторому профилю деятельности или даже отложенного выбора.

Более того, изменения в сфере труда, профессиональной структуре, системе образования приводят к тому, что самоопределение невозможно рассматривать как одноактный процесс: в современных условиях его адекватней рассматривать как целостную социальную технологию, связанную с постоянным переопределением своей идентичности, а также целей и условий их реализации, что обуславливает проблему пролонгации.

Двояким оказывается и положение вуза. С формальной точки зрения вуз является учреждением профессионального образования. Однако современная реальность такова, что какая-либо связь между получаемым образованием (даже выбранным в соответствии с собственными желаниями и предпочтениями студента) и будущим местом работы, видом деятельности не является обязательной. Проведенное в 2012 г. сравнительное пилотажное исследование профессиональных планов студентов среднего профессионального образования и высшего профессионального образования показало, что значительная часть обучающихся даже на начальных курсах не связывает своё образование с будущим местом работы [4].

Изменился статус профессионального образования: кризис и ликвидация начального профессионального образования как самостоятельной ступени обучения, перепрофилирование среднего профессионального образования, снижение общественного

доверия к вузовской системе и системе послевузовского образования.

Поэтому для переосмысления феномена профессионального самоопределения необходима качественно новая методологическая база, позволяющая преодолеть ограничения традиционной модели. В условиях сложившегося методологического распыления теория практик рассматривается исследователями как попытка выхода за пределы устоявшихся проблем дуализма субъекта и объекта в философии, структуры и деятельности в социологии, индивида и формальных организаций в изучении науки и техники [19, р. 10].

Исходным моментом в понимании социального порядка в теории практик оказываются акторы, взаимодействующие друг с другом в сложной системе внешних институциональных (поля, институты) и культурных (ритуалы, фоновые ожидания, нормы) контекстов. Применительно к профессиональному самоопределению к ним можно отнести систему формального образования, текущее состояние рынка труда и профессиональную структуру, включая престиж профессий. Эти внешние рамки, сами в свою очередь возникшие из действий и практик индивидов, прошедших постепенную типологизацию, «опривычивание», воздействуют на практические действия акторов, превращаясь, таким образом, в нечто независимое от людей и господствующее над ними [2].

В связи с укорененностью практики в жизненном мире, той или иной культурной ситуации и социальном пространстве невозможно её рассмотрение вне данных рамок. Таким образом, практика всегда есть практика в контексте. Как следствие, профессиональное самоопределение оказывается встроенным в пространство культуры как многообразия практик, освоенных и реализуемых индивидами в ситуации (реального или конструируемого) социального взаимодействия. Оно оказывается одним из сегментов подобного рода практик.

Именно императивность этих структур становится источником стабильности повседневной жизни, представляется как само собой разумеющийся процесс, не требующий дополнительной рефлексии и осмысления. Развивая полученные в ходе инкультурации и социализации навыки действия в поле, акторы взаимодействуют друг с другом, с формальными институтами, конвертируя различные типы капитала, они конструируют, воспроизводят, развивают внешние социальные структуры, согласовывая их со структурами ментальными.

Названные положения теории практик позволяют выделить несколько принципиальных моментов, связанных с осмыслением профессионального самоопределения. Во-первых, локализация данного процесса: с точки зрения разбираемой теории субъек-

том оказывается индивид, находящийся в сложном социокультурном пространстве, включающем как объективные условия, связанные с состоянием и структурой рынка труда, системы формального образования, так и их отражения в сознании действующего лица. В конечном счете пространство профессионального выбора оказывается ограниченным только теми альтернативами, которые осознаются актором как реальные и допустимые. При этом конструируемые им действия, основания для отбора отражают актуальный уровень культуры.

Во-вторых, содержание профессионального самоопределения как набор практик субъекта: с этой точки зрения самоопределение несводимо к единичному выбору дальнейшей образовательной (и профессиональной) траектории, а охватывает деятельность по определению, формированию, упрочнению и демонстрации профессиональной идентичности и статуса. Кроме того, пространство профессионального самоопределения в полистилистическом обществе невозможно представить в виде универсального и единого для всех субъектов набора. Более того, противоречивость и эклектичность культурных оснований позволяет предположить, что даже одинаковые элементы будут обладать различной смысловой наполненностью для действующих лиц, обладающих различными усвоенными культурными моделями.

В конечном счете профессиональное самоопределение представляет собой совокупность практик субъекта по приобретению им определенного статуса в социально-профессиональном поле, а через него — в системе социальной стратификации. Оно включает множественные ситуации выбора (причем выбора не только специальности и учебного заведения, но и самих критериев для подобного отбора), практики его обоснования и реализации. Помещение индивидов в контекст имеющихся социальных отношений и культурных институтов позволяет представить профессиональное самоопределение как процесс, основанный на признании и воспроизведении нормативной системы, сложившейся культурной ситуации в индивидуальном повседневном мире.

Более того, если для первых работ по профессиональному выбору принципиальным моментом было признание его осмысленным и целенаправленным процессом, теория практик позволяет расширить область исследования, выделить в ней:

– *фоновые практики* — деятельность индивида, основанная на неявном представлении о том, как нужно поступать для достижения определенных целей в определенной ситуации;

– *социальные технологии* — рационально осмысленные с точки зрения индивида модели поведения, направленные на достижение осознаваемой цели.

В итоге рассмотрения трансформаций интерпретативных подходов к профессиональному само-

определению следует ещё раз отметить наличие тесной связи между усложнением социокультурных процессов, вызванной ими сменой парадигм теоретической социологии и подходов к пониманию профессионального самоопределения как объекта общественнонаучных исследований и психолого-педагогического сопровождения. Усиление неопределенности социальных структур и институтов, характерное для постиндустриального общества, указывает на необходимость рассмотрения очередного подобного исследовательских и практических стратегий. Их основная задача — равный учет как объективных социетальных механизмов, так и индивидуальной активности актора и его способности делать выбор, что указывает на богатые возможности для использования теории полей и практик.

Список литературы

1. Антипов А.Г., Захаров Н.Н., Чумаков С.Я. Профессиональная ориентация в сельской школе (методические рекомендации). Пермь, 1977. 79 с.
2. Бурдые П. Практический смысл / пер. с фр. А.Т. Бикбова, К.Д. Вознесенской, С.Н. Зенкина, Н.А. Шматко; отв. ред. пер. и послесл. Н.А. Шматко. СПб.: Алетейя, 2001. 562 с.
3. Вебер М. Избранные произведения: пер. с нем. / сост., общ. ред. и послесл. Ю.Н. Давыдова; предисл. П.П. Гайдено. М.: Прогресс, 1990. 808 с.
4. Волегов В.С. Профессиональный комплекс в самоопределении личности // Вестник Пермского государственного университета. Философия. Психология. Социология. 2013. Вып. 3(15). С. 137–143.
5. Гастев А.К. Как надо работать. Практическое введение в науку организации труда. 2-е изд. М.: Экономика, 1972. 478 с.
6. Гинзбург М.Р. Личностное самоопределение как психологическая проблема // Вопросы психологии. 1988. № 2. С. 19–26.
7. Дементьев И.В. Генезис и понятие профориентации в педагогической науке и практике // Научные труды Республиканского института высшей школы. Минск, 2008. С. 32–38.
8. Зеер Э.Ф. Содействие профессиональному самоопределению обучающихся в современных социально-экономических условиях // Педагогический журнал Башкортостана. 2013. № 3–4(46–47). С. 30–36.
9. Крупская Н.К. О выборе профессии // Собр. соч.: в 10 т. М.: Изд-во Академии педагогических наук, 1959. Т. 4. 636 с.
10. Кун Т. Структура научных революций. М.: Прогресс, 1977. 300 с.
11. Мансуров В.А., Юрченко О.В. Социология профессий. История, методология и практика исследований // Социологические исследования. 2009. № 8. С. 36–46.
12. Пиликян К.Г. Консультирование по профессиональной ориентации: вчера, сегодня, завтра // Инновационные проекты и программы в образовании. 2009. № 1. С. 38–45.
13. *Профессиональное* самоопределение и трудовой путь молодежи / отв. ред. В.Л. Оссовский. Киев: Наукова думка, 1987. 305 с.
14. *Управление* — это наука и искусство / А. Файоль, Г. Эмерсон, Ф. Тейлор, Г. Форд. М.: Республика, 1992. 356 с.
15. Brown D. and assoc. Career choice and development / 4th ed. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2002. 556 p.
16. Davis K., Moore W. Some Principles of Stratification // American Sociological Review. 1945. Vol. 10, no 4. P. 242–249.
17. Greenwood E. Attributes of a profession // Social work. 1957. Vol. 2(3). P. 45–55.
18. Theories of information behavior / ed. by K.E. Fisher, S. Erdelez, L.(E.F.) McKechnie. Medford, NJ: Information Today, Inc., 2005. 431 p.
19. The practice turn in contemporary theory / ed. by Th.R. Schatzki, K. Knorr-Cetina, E. von Savigny. London: N.Y.: Routledge, 2011. 253 p.

Получено 24.11.2015

References

1. Antipyev A.G., Zakharov N.N., Chumakov S.Ya. *Professional'naya orientatsiya v sel'skoj shkole (metodicheskie rekomendatsii)* [Vocational guidance at rural school (methodical recommendations)]. Perm, 1977, 79 p. (In Russian).
2. Bourdieu P. *Prakticheskij sysl* [Practical sense]. Saint Petersburg.: Aletheia Publ., 2001, 562 p. (In Russian).
3. Weber M. *Izbrannye proizvedeniya* [Selected works]. Moscow, Progress Publ., 1990, 808 p. (In Russian).
4. Volegov V.S. [A professional complex in self-determination of the personality]. *Vestnik Permskogo universiteta. Seriya «Filosofiya. Psihologiya. Sotsiologiya»* [Perm University Herald. «Philosophy. Psychology. Sociology»]. 2013, iss. 3(15), pp. 137–143. (In Russian).
5. Gastev A.K. *Kak nado rabotat'. Prakticheskoe vvedenie v nauku organizatsii truda* [As it is necessary to work. Practical introduction to science of the organization of work]. Moscow, Ekonomika Publ., 1972, 478 p. (In Russian).
6. Ginzburg M.R. [Personal self-determination as psychological problem]. *Voprosy psichologii* [Issues of psychology]. 1988, no 2, pp. 19–26. (In Russian).
7. Dementiev I.V. [Genesis and concept of career guidance of pedagogical science and practice]. *Nauchnye trudy Respublikanskogo instituta vysshej shkoly* [Scientific works of Republican institute of the higher school]. Minsk, 2008, pp. 32–38. (In Russian).
8. Zeer E.F. [Assistance to professional self-determination trained in modern social and economic conditions]. *Pedagogicheskij zhurnal Bashkortostana* [The pedagogical journal of Bashkortostan]. 2013, no 3–4 (46–47), pp. 30–36. (In Russian).

9. Krupskaya N.K. [About the choice of profession]. *Sobr. soch.: v 10 t.* [Oeuvre: in 10 vol.]. Moscow, Academy of Pedagogical Sciences Publ., 1959, vol. 4, 636 p. (In Russian).
10. Kuhn T. *Struktura nauchnyh revolyutsij* [The structure of scientific revolutions]. Moscow, Progress Publ., 1977, 300 p. (In Russian).
11. Mansurov V.A., Yurchenko O.V. [Sociology of professions. History, methodology and practice of researches]. *Sotsiologicheskie issledovaniya* [Sociological studies]. 2009, no 8, pp. 36–46. (In Russian).
12. Pilikyan K.G. [Consultation on vocational guidance: yesterday, today, tomorrow]. *Innovatsionnye proekty i programmy v obrazovanii* [Innovative projects and programs in education]. 2009, no 1, pp. 38–45. (In Russian).
13. *Professional'noe samoopredelenie i trudovoj put' molodezhi* [Professional self-determination and labor way of youth]. Kiev: Naukova dumka Publ., 1987, 305 p. (In Russian).
14. *Upravlenie — eto nauka i iskusstvo* [Management is a science and art]. Moscow, Respublika Publ., 1992, 356 p. (In Russian).
15. Brown D. and assoc. *Career choice and development* / 4th ed. San Francisco, CA: Jossey-Bass, 2002, 556 p. (In English).
16. Davis K., Moore W. Some Principles of Stratification. *American Sociological Review*. 1945, vol. 10, no 4, pp. 242–249. (In English).
17. Greenwood E. Attributes of a profession. *Social work*. 1957, vol. 2(3), pp. 45–55. (In English).
18. Theories of information behavior / ed. by K.E. Fisher, S. Erdelez, L.(E.F.) McKechnie. Medford, NJ: Information Today, Inc., 2005, 431 p. (In English).
19. The practice turn in contemporary theory / ed. by Th.R. Schatzki, K. Knorr-Cetina, E. von Savigny. London: N.Y.: Routledge, 2011, 253 p. (In English).

The date of the manuscript receipt 24.11.2015

Об авторе

Волегов Владимир Сергеевич

аспирант кафедры культурологии и философии

Пермский государственный институт культуры,
614000, Пермь, ул. Газеты Звезда, 18;

e-mail: wsvolegov@mail.ru

About the author

Volegov Vladimir Sergeevich

Ph.D. Student of Department of Culturology
and Philosophy

Perm State Institute of Culture,
18, Gazety Zvezda str., Perm, 614000, Russia;
e-mail: wsvolegov@mail.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Волегов В.С. Социологические подходы к изучению профессионального самоопределения // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 167–173. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-167-173

Please cite this article in English as:

Volegov V.S. The sociological approaches to the study of professional self-determination // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 167–173. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-167-173

РЕЦЕНЗИИ И ОБЗОРЫ

УДК 378.4(470.53).096:159.9

DOI: 10.17072/2078-7898/2016-2-174-184

**НАУЧНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ КАФЕДРЫ
ПСИХОЛОГИИ РАЗВИТИЯ: ОБЗОР ИССЛЕДОВАНИЙ***Корниенко Дмитрий Сергеевич**Пермский государственный национальный исследовательский университет*

В статье дан обзор основных научных направлений кафедры психологии развития ПГНИУ и эмпирических исследований, проводимых кафедрой за последние пять лет. Основными направлениями являются: 1) психология познания индивидуальности человека и 2) имплицитные и эксплицитные социальные установки и черты личности. Специфика первого направления заключается в том, что индивидуальность человека исследуется с позиции субъекта, ее познающего. Исследуются вопросы: как осуществляется познание индивидуальности другим субъектом? какие характеристики индивидуальности в процессе познания другого человека являются для него значимыми и определяющими? Второе направление акцентирует внимание на исследовании рефлексивных адаптаций как свойства личности, которая обеспечивает индивидуальное приспособление к окружающим условиям и динамику личностных изменений. Исследования направлены также на установление роли генотипа и среды в формировании индивидуальных различий в чертах личности, роли внутрисемейных факторов как средовых влияний. В ряде работ рассматривается роль биохимических факторов в индивидуальности человека, в частности, взаимосвязь кортизола как маркера стрессовых реакций и особенностей темперамента. Отдельным направлением является исследование негативных черт личности — Темной триады во взаимосвязи с другими характеристиками, например, с хронотипом, как предпочтением в проявлении активности в разное время суток, и академической мотивацией.

Ключевые слова: индивидуальность; социальные представления; индивидуальные различия; черты личности.

**RESEARCH DIRECTIONS OF THE DEPARTMENT
OF DEVELOPMENTAL PSYCHOLOGY: OVERVIEW***Dmitriy S. Kornienko**Perm State University*

The article provides an overview of the main research directions and empirical researches conducted by the Department of Developmental Psychology of Perm State University over the past five years. The main research areas are: individuality as an object of cognition and implicit and explicit attitudes and personality traits. The main idea of the first direction is that individuality is investigated from the position its' knower. The following questions are investigated: how the perception of individuality by another subject is held and what characteristics of individuality in the process of perception of another subject are the main and significant. The second area focuses on the study of reflexive adaptations as part of theory of personality traits, which provides an individual adaptation and changes of personality. In addition, there are studies aimed to establish the role of genotype and environment in individual differences of personality traits and family factors as a determinant of individual differences. Some studies examine the role of biological factors in personality, as an example one of the studies reveals associations of cortisol as a stress marker and temperament characteristics. The newest research direction is «Dark triad» constellation of negative personality traits which associate with choronotype and academic motivation.

Key words: individuality; social representations; individual differences; personality traits.

В 2016 г. старейший ВУЗ Урала — Пермский университет — отмечает столетний юбилей, а философско-социологический факультет — юбилей двадцатилетний. Данный обзор, приуроченный к этим замечательным датам, посвящен направлениям научных исследований кафедры Психологии развития — самой молодой кафедры факультета. Кафедра Психологии развития ПГНИУ существует с 2007 г., но, несмотря на юный возраст кафедра уже зарекомендовала себя как научное подразделение, которое может гордиться уже реализованными проектами и обладает существенным научным потенциалом. Кадровый состав кафедры представлен докторами наук, профессорами, доцентами, кандидатами наук, старшими преподавателями и аспирантами, что позволяет поддерживать высокую научную культуру и стремление к исследовательской деятельности. Сотрудники кафедры ведут активную научную жизнь, участвуют в международных конгрессах, всероссийских конференциях, региональных форумах, растет количество публикаций. За время работы кафедры реализовано более 15 грантов, поддержанных РГНФ, Министерством образования и науки РФ и один грант, поддержанный правительством США. Под руководством профессоров кафедры защищено несколько диссертаций.

Начиная с 2012 г. на кафедре психологии развития сложились два приоритетных направления исследований. Первое — Системные аспекты развития: личность, группа. Психология взаимодействия человека с окружающей средой. Психология познания индивидуальности человека (под руководством заведующей кафедры, доктора психологических наук С.Ю. Ждановой). Второе — ИмPLICITные и эксплицитные социальные установки и черты личности (доктор психологических наук, профессор Д.С. Корниенко и кандидат психологических наук, профессор С.А. Щebetенко).

В данной статье представлен обзор исследований и результатов, полученных за последние годы.

Научное направление «Психология познания индивидуальности человека»

Проблема индивидуальности относится к числу центральных в отечественной психологии. Большое количество работ по этой проблеме принадлежит представителям школы В.С. Мерлина, а также другим авторам, занимающимся проблемами индивидуальности (Б.Г. Ананьев, Э.А. Голубева, В.М. Русалов и др.). Несмотря на большой интерес исследователей к проблеме индивидуальности, остаются недостаточно изученными вопросы познания индивидуальности другого человека. Научно-исследовательская деятельность аспирантов, доцентов и

профессоров под руководством С.Ю. Ждановой направлена на восполнение данного пробела.

Специфика данного подхода заключается в том, что индивидуальность человека исследуется с позиции субъекта ее познающего. Исследуются вопросы: как осуществляется познание индивидуальности субъектом, не обладающим психологическим знанием, какие характеристики индивидуальности в процессе познания другого человека являются для него определяющими.

В настоящее время исследованы закономерности, структура, механизмы, особенности познания индивидуальности у лиц студенческого возраста [2]. Доказано, что познание индивидуальности зависит от времени знакомства, индивидуальных особенностей субъекта познания, таких как пол, возраст, от характеристик личностного уровня индивидуальности, особенностей интеллектуальной сферы. Обозначены этапы, уровни познания [2]. Изучена зависимость специфики познания от профессиональной направленности личности [12].

В последнее время активно исследуется познание индивидуальности значимым Другим. В этом контексте изучаются особенности познания матерью индивидуальности своего ребенка [1]. Показано, что познание матерью индивидуальности ребенка зависит от количества детей в семье, порядковой позиции, уровня образования и возраста матери, а также от состава семьи [1].

В рамках направления исследования проблем познания индивидуальности идет разработка методов изучения индивидуальности. Познание индивидуальности требует обращения к качественным методам, которые позволяют дополнить количественные методы и дать целостное описание исследуемого феномена. В частности, таким методом является метод фотографии и видеозаписей. С.Ю. Жданова и ее коллеги доказали, что метод фотографии является достаточно информативным в познании индивидуальности человека [4, 5, 8]. А использование метода видеозаписей позволяет воспринять другого человека в динамике и, соответственно, получить еще больший объем информации [7, 8].

Также стоит отметить, что развитие методической стороны исследований индивидуальности связано и с обращением к особенностям познания в условиях виртуальной реальности [3]. Познание другого в виртуальной реальности имеет специфические черты, отличные от тех, что наблюдаются вне виртуальной реальности, что обуславливает актуальность подобных исследований. С.Ю. Ждановой с коллегами было проведено исследование на выборке представителей двух групп профессий — социомических и несоциомических, всего 311 человек в возрасте от 18 до 72 лет. Респондентам

предлагались для описания фотографии незнакомых мужчин и женщин. В исследовании познания на основе видеозаписей участниками также были студенты, которым предъявлялись видеозаписи различной продолжительности, затем их просили описать увиденного человека.

По результатам исследований сделаны следующие выводы: представители социномических профессий отмечают характеристики когнитивной сферы, тогда как представители несоциномических профессий акцентируют внимание на мотивационных характеристиках. Для представителей несоциномических профессий характерно также использование метафорических и абстрактных описаний, что интерпретируется исследователями как стремление к познанию внутреннего мира незнакомца. Фактором различий в описании незнакомых людей является их пол: так, у мужчин описывают чаще интеллектуальные характеристики, а у женщин — внешность; кроме того, описание мужчины более эвристично, а описание женщины носит констатирующий характер. Исходя из анализа авторы делают вывод о том, что познание индивидуальности другого может быть связано с особенностями познающего субъекта и, в частности, с его статусом [12].

Исследование особенностей восприятия человека на основе видеозаписи позволило сделать выводы том, что продолжительность демонстрации не влияет на идентификацию национальной принадлежности воспринимаемого незнакомца. Меньшее время демонстрации позволяет идентифицировать внешние, индивидуальные характеристики, а при увеличении времени демонстрации появляется возможность описания психологических свойств. Кроме того, увеличение времени восприятия связано с переходом от позитивной к более дифференцированной оценке человека.

В исследовании познания Другого в условиях виртуальной реальности приняли участие студенты (100 человека в возрасте 18–24 лет), которые описывали индивидуальность двух людей (человека знакомого только по Интернету и в условиях реального общения) и заполняли опросник социального интеллекта Гилфорда-Салливена [3].

Вне зависимости от типа общения респонденты уделяют внимание социально-демографическим и профессиональным характеристикам. Однако в условиях реального взаимодействия респонденты уделяют большее внимание в процессе познания индивидуальности характеристикам психологического уровня индивидуальности, свойствам личности, особенностям мотивационной сферы. В процессе познания индивидуальности в условиях виртуальной реальности респонденты в большей мере ориентированы на познание индивидуальных характеристик (описание внешности, указание на возраст). В

процессе познания индивидуальности в условиях виртуальной реальности наиболее важными оказываются показатели социального интеллекта, которые соответствуют способности понимать значения вербальных реакций и способности предвидеть последствия поведения другого человека [3].

Познание индивидуальности связано не только с тем, как человек познает индивидуальность другого, но и с тем, как познаются социально-психологические феномены, каковы представления о ценностных категориях и как различные факторы влияют на данные представления. В рамках данной проблематики также был проведен ряд исследований: представления о дружбе, о счастье, образ войны и образ кандидата в президенты.

Кратко остановимся на результатах данных исследований.

Дружба традиционно рассматривается в контексте проблем социальной психологии, как форма близких отношений, а также возрастной психологии, как характерная для подросткового и юношеского возраста форма взаимоотношений. Вместе с тем в поздних возрастах дружба имеет не меньшее значение, поэтому изучение того, как воспринимают люди зрелого возраста феномен дружбы, является актуальным направлением [9, 10].

С целью изучения представлений о дружбе было проведено исследование на выборке зрелого, пожилого (55 чел., средний возраст 69 лет) и молодого возраста (30 чел., средний возраст 23,6 года). В ходе исследования был использован метод определений. Испытуемым предлагалось дать в свободной форме определение дружбы (без помощи каких-либо справочных материалов).

Основные результаты данного исследования позволили сделать следующие выводы. Дружба описывается молодыми и пожилыми людьми с помощью одних и тех же категорий, за исключением того, что для пожилых людей большее значение приобретает категория «взаимопомощь», а для молодых — «эмоциональная поддержка». Авторы работ утверждают, что это свидетельствует о стабильности представлений о дружбе вне зависимости от возраста [9, 10]. Качественный анализ позволил предположить большую значимость для пожилых людей таких категорий, как «духовная близость» и «верность», а для молодых — «надежность». Представления о дружбе у мужчин и женщин во многом схожи, наибольшее значение имеют характеристики, описывающие взаимопомощь (материальная и физическая поддержка в тяжелых жизненных ситуациях) как составляющую дружеских отношений. Различия у мужчин и женщин в представлениях о дружбе проявились в том, что женщины выделяют категорию «эмоциональная близость», а мужчины — «общение» как составляющие дружбы. Кроме

того, для мужчин характерно описывать альтруизм как требование к себе, в то время как женщины ожидают бескорыстия от партнера по дружбе [9, 10].

В рамках исследований репрезентации различных объектов и явлений интерес представляет изучение представлений о войне, что способствует как пониманию роли и значения войны и ее последствий в истории человечества и отдельного человека, так и формированию духовных, нравственных ценностей, осознанию ценности жизни, формированию объективного взгляда на события истории. Вероятно, поэтому данное направление исследований было поддержано грантом РГНФ «Образ войны в различных семиотических системах у представителей разных культур: на материале исследования русских и американцев (к семидесятилетию победы во Второй мировой войне)», № 15-16-59006. В работе С.Ю. Ждановой и С.Л. Мишлановой [6] в качестве объекта анализа выступали различные семиотические системы (вербальные, невербальные), представленные в медиатекстах о войне (интернет-ресурсы, новостные каналы, блоги, учебники, песни, фильмы о войне). Проведённый анализ позволил выделить содержательные характеристики образа войны. Образ войны обусловлен спецификой субъекта восприятия, является динамичным, эмоционально окрашенным. Помимо собственного образа образ войны включает также образ врага. Субъективная составляющая образа войны представлена непосредственными переживаниями и проявляется в форме рефлексивной оценки [6].

В рамках развития исследований репрезентации другого представляет интерес исследование образов кандидатов в президенты, которое было проведено на выборках американских (28 чел.) и русских (25 чел.) студентов в возрасте 19–23 года [29]. Респонденты заполняли анкеты относительно качеств кандидатов в президенты и собственных представлений об источниках информации о выборах, характеристиках выборов в Америке и России, а также семантический дифференциал.

Общим для американских и русских студентов в оценке образов будущих президентов является следующее: 1) Интернет выступает как главный источник информации о выборах и предвыборной кампании; 2) более демократическими представляются выборы в Америке, чем в России; 3) неудовлетворенность перечнем кандидатов в президенты. Как значимые факторы образа президента, которые являются причиной голосовать «за», отмечаются: программа, стратегическое мышление, окружение — команда, профессионализм и компетентность, лидерские качества и ораторские умения. Кроме того, важными личностными качествами называются доброжелательность и понимание проблем граждан. Внешность не является значимым критерием для

оценки образа кандидата, однако американские студенты придают ей большее значение.

Вместе с тем обнаружены и различия. Американские студенты меньше интересуются политическими событиями и большую роль отводят внешности кандидата, чем его лидерским качествам. В отличие от русских студентов американцы считают, что выборы окажут больший эффект на частную жизнь, чем на страну в целом [29].

В последнее время возник исследовательский интерес к категории счастья и его вербальной и невербальной репрезентации. Исследования в данном направлении реализуют междисциплинарный подход, так как происходит обращение не только к психологическому, но и к филологическому, лингвистическому знанию. Особый интерес представляет тот факт, что исследования счастья, проводимые кафедрой психологии развития, носят кросскультурный характер, т.е. основаны на сравнении представлений о счастье российских и американских студентов. Данное направление получило поддержку в виде гранта РГНФ «Взаимосвязь вербальных и невербальных характеристик в устном нарративе на примере изучения представлений о счастье у представителей различных культур» № 14-16-59007.

Понятие «счастье» является относительно новым для психологии, однако в наиболее общем виде оно понимается как переживание удовлетворенности человека «жизнью в целом» [22]. Репрезентация счастья исследовалась на выборке американских и русских студентов — студентов Пермского государственного национального исследовательского университета (Россия) и студентов Линдонского государственного колледжа (США). Общее количество респондентов в двух исследованиях составило 118 человек.

При изучении вербального компонента студентов просили вспомнить случаи, когда они чувствовали себя счастливыми, погрузиться в это состояние и рассказать о своих чувствах. Фиксация рассказов осуществлялась с помощью видеозаписи. Записанные интервью авторы рассматривают как нарратив, как «форму дискурса, через которую человек реконструирует и репрезентирует прошлый опыт для себя и для других» [22]. Психологическое содержание феномена «счастье» выводилось из вербальной (на основе контент-анализа) и жестовой репрезентации наивного представления о счастье.

Основные выводы, полученные на основе анализа вербальной репрезентации счастья: в качестве источника счастья женщины рассматривают отношения с другими людьми, мужчины — деятельность; носители английского языка активно выражают эмоциональное переживание и аксиологическую оценку посредством различных модусов выражения и используют метафору *happiness is warmth*; в аме-

риканском представлении о счастье важное место занимают самореализация и покой как высшие ценности [22].

Сравнительный анализ особенностей невербальной репрезентации состояния счастья позволил подтвердить гипотезу о различиях в невербальной репрезентации состояния счастья у российских и американских студентов. В ходе исследования удалось выявить «жест счастья», который проявляется у представителей обеих культур. Также были получены и различия: для американских студентов характерно переживания счастья как потокового состояния, в то время как российские студенты в большей степени сконцентрированы на причинах, вызвавших данное состояние [11].

Как видим, направление «Психология познания индивидуальности человека» активно развивается, исследователи обращаются к наиболее актуальным проблемам как в научном, так и в социальном плане.

Научное направление «ИмPLICITные и эксплицитные социальные установки и черты личности»

Рефлексивные адаптации характера в пятифакторной теории личности

В последнее время С.А. Щебетенко активно исследует проблему рефлексивных адаптаций характера в пятифакторной модели личности. Исследование опирается на теорию черт как методологическую основу и базируется на Пятифакторной теории личности в качестве конкретной теоретико-эмпирической основы. Авторы данной теории Р. МакКрей и П. Коста утверждают, что черты личности являются врожденными характеристиками, они в большей степени генетически обусловлены и онтогенетически стабильны [25]. При этом изменяются в личности человека так называемые «характерные адаптации», которые включают психологические механизмы, обеспечивающие взаимодействие со средой и являющиеся продуктом этого взаимодействия [25]. В адаптации характера не включены копинг-стратегии, особенности познавательных процессов. К адаптациям характера относятся также и Я-схемы, на основании чего С.А. Щебетенко изучает рефлексивные адаптации характера как разновидностей Я-схем, представляющих собой рефлекссию индивидом черт своей личности.

Основным положением для введения такого понятия является то, что человек рефлексивует свои собственные черты в ряде различных направлений, тем самым они становятся объектом анализа индивида, что приводит к возникновению адаптаций характера особого, рефлексивного, типа.

Предпосылкой создания рабочей модели рефлексивных адаптаций характера послужила теория за-

планированного поведения А. Эйсена, предполагающая, что поведение рассматривается в качестве функции трех взаимосвязанных предикторов: установок на данное поведение, субъективных норм и воспринимаемого поведенческого контроля [25]. Рефлексивные адаптации также могут вносить свой вклад в поведение наряду с собственно чертами. С.А. Щебетенко выделяют четыре рефлексивные адаптации, которые рассматриваются в ряде его последних работ: отраженные черты, установки на черты, отраженные установки на черты и диспозициональная эффективность. Отраженные черты представляют собой метаперцептивные представления (суждения) индивида о том, как трактуются черты его личности значимыми другими. Они сформированы под действием и под влиянием того впечатления, которое человек производит на окружающих. Отраженная установка на черту — мнение о том, какие установки на черты личности присущи значимым другим. Установка на черту личности — положительная или отрицательная оценка данной черты индивидом без прямого отнесения к собственной личности. Диспозициональная эффективность представляет собой суждение индивида о собственной эффективности в ситуациях, релевантных проявлению черты. Личностные черты являются предпосылкой для рефлексивных адаптаций и, как показали исследования, связаны друг с другом [25]. Каждая рефлексивная адаптация раскрывает отдельный аспект черты личности. Вместе с тем следует предположить, что существуют и другие рефлексивные адаптации.

Исследования, проводимые С.А. Щебетенко с коллегами, предполагают несколько модификаций Опросника Большой пятерки (Big Five Inventory), что является их методическим вкладом в теорию черт личности. Для эмпирических исследований привлечена выборка более 1000 студентов в возрасте от 17 до 38 лет.

Остановимся на наиболее значимых результатах исследования рефлексивных адаптаций.

При исследовании отраженных черт и отраженных установок участников исследования просят обратиться к образу их родителей (как значимого Другого) и оценить, насколько данная черта или установка на черту значима, по мнению родителей. Роль отраженной установки в поведении связана с тем, что человек учитывает мнение других о том, какие черты нужно проявлять в его собственном поведении, а также о том, какие черты других людей будут им больше приниматься.

В частности, при изучении отраженных черт и отраженных установок была установлена роль отраженной установки на доброжелательность на оценку ЕГЭ по русскому языку [24]. Установка на доброжелательность, в том числе отраженная,

должна приводить к положительной оценке индивидом этой черты среди окружающих людей. Относясь положительно к доброжелательности окружающих, студент более вероятно получает положительную обратную связь и от своего окружения. Как следствие, такой студент оказывается в более благоприятной социальной среде с точки зрения обучения и в конечном счете получает прирост в баллах ЕГЭ. При этом доброжелательность самого студента не играет существенной роли: для создания позитивной социальной среды оказывается более важным не наличие качества, а его положительная оценка, в том числе среди других людей [24]. Это в целом может стать причиной формирования вокруг студента среды, в большей или меньшей степени способствующей обучению.

В исследовании С.А. Щебетенко и А.Ю. Бергфельд относительно роли экстраверсии и отраженной экстраверсии на характеристики популярности человека в социальных сетях было выявлено, что отраженная экстраверсия опосредовала связь между чертой экстраверсии и индикаторами популярности пользователя в социальной сети (лайки). Однако отраженная экстраверсия не усиливала связи черты экстраверсии с активностью пользователя (публикация аватар и постов). Таким образом, мнение индивида о том, что родители (даже не значимые сверстники!) считают его экстравертом, предсказывало его онлайн-популярность сильнее, чем его собственное мнение об экстраверсии [28].

Исследование установок на черты и их соотношение с чертами личности позволило сделать следующие выводы: 1) установки на черты склонны формировать пятифакторную структуру, аналогичную структуре черт личности; 2) установки на черты могут находиться в разной степени сопряженности с самими чертами. Подавляющее большинство респондентов положительно оценивали добросовестность и отрицательно — нейротизм. В то же время значения самих черт добросовестности и нейротизма распределялись сравнительно нормально; 3) вторичная структура установок предполагает, что индивиды формируют сравнительно простое видение «положительной» и «отрицательной» личности [27].

С.А. Щебетенко совместно с Е.А. Тютиковой было проведено исследование установок на черты личности в индивидуальных различиях отношения к живописи [26]. Данная работа представляет интерес, так как в ней рассматривается роль Открытости опыту как личностной черты и установки на Открытость в отношении к произведениям искусства. Как показали результаты, положительная установка на Открытость являлась более значимым предиктором отношения к традиционной живописи, чем сама Открытость. Напротив, отношение к «элитарной» живописи больше зависит от самой черты, чем от установки на

нее. Данное исследование показывает, что черта и установка на черту могут играть самостоятельную роль в поведении, обуславливая индивидуальные различия.

Диспозициональная эффективность является продуктом автобиографической памяти о том, как индивид реагировал на те ситуации, которые стимулировали проявление соответствующей черты личности. Диспозициональная эффективность в отдельных случаях может более адекватно характеризовать поведение индивида, чем абстрактная черта личности [23].

Для измерения диспозиционной эффективности инструкции ВФИ были изменены так, чтобы респондент высказывал мнение о том, насколько он успешно справлялся с ситуациями, «провоцирующими» проявление определенной черты. Например, ситуация «провоцирует» быть общительным, и человек может ей успешно соответствовать, или, напротив, «не попадать» в нее. Результаты исследования, посвященного связи диспозициональной эффективности и успеваемости показывают, что диспозициональная эффективность в сравнении с традиционно измеренной чертой теснее сопряжена с таким внешним критерием, как академическая успеваемость. По мнению С.А. Щебетенко, диспозициональная эффективность может быть более гибким, чем собственно черта личности, конструктом: изменение диспозициональной эффективности может наблюдаться под действием практических результатов индивида [23].

Разработка концепции рефлексивных адаптаций позволяет преодолеть ряд ограничений черт личности, так как рефлексивные адаптации являются той частью личности, которая обеспечивает индивидуальное приспособление к средовым условиям, изменение (в том числе и онтогенетическое) не всей личности, а тех ее компонентов, которые наиболее востребованы в данный момент времени и в данных ситуациях.

Представленные исследования рефлексивных адаптаций подтверждают состоятельность подхода, предлагаемого С.А. Щебетенко. В данной концепции присутствует новизна подхода к чертам личности и методам их изучения, серьезная эмпирическая база. Вместе с тем, обозначив данные рефлексивные адаптации, С.А. Щебетенко не останавливается на этом, и программа предстоящих исследований рефлексивных адаптаций характера может включать в себя изучение медиаций, связей черт личности с показателями объективной биографии (в терминах пятифакторной теории личности), каузальных эффектов рефлексивных адаптаций в отношении параметров объективной биографии [25].

**Причины индивидуальных различий.
Негативные черты личности**

Кафедра представлена еще одним направлением, посвященным анализу факторов среды и генотипа в формировании индивидуальных различий и взаимосвязи биологических характеристик и личностных свойств. Д.С. Корниенко проведены психогенетические исследования свойств индивидуальности, где проанализирована роль факторов наследуемости и среды как в самих свойствах, так и во взаимосвязях свойств. Результаты исследований представлены в двух монографиях «Психогенетические основы интегральной индивидуальности» и «Родители и дети: психология и взаимоотношения» [13, 17]. В частности, проведен анализ генетических и средовых факторов в чертах личности Большой пятерки на материале 114 пар близнецов (64 пары монозиготных и 50 пар дизиготных близнецов) в возрасте от 16 до 23 лет. С помощью методов структурного моделирования было установлено, что в структурах фенотипической дисперсии Нейротизма, Экстраверсии, Открытости и Сознательности более 40 % объясняется генетической изменчивостью, тогда как Доброжелательности — 17 %. Индивидуальная среда определяет от 41 до 82 % вариативности. В большинстве психогенетических исследований, выполненных с использованием опросника NEO-PI-R, обнаружено высокое согласование данных разных исследований [16]. Так же на выборках близнецов подросткового и юношеского возрастов были изучены причины онтогенетической стабильности-изменчивости свойств личности и темперамента. Сравнение структур генетических и фенотипических взаимосвязей свойств формально-динамического и личностного уровня позволяет утверждать, что генетические влияния занимают значительное место в формировании связей свойств в изучаемых возрастах. При этом в процессе развития наблюдается конвергенция генетических влияний для одних свойств и дивергенция для других [15, 18].

Исследования средового фактора в развитии индивидуальности связано с изучением внутрисемейных и межсемейных характеристик (количество детей в семье, тип семьи, порядок рождения) как детерминант индивидуальных различий в свойствах личности детей. В целом достоверно установлено, что родители создают для ребенка единый контекст взаимодействия, т.е. отношение родителей к детям является в большей степени общесредовым фактором. Тип семьи следует рассматривать как фактор общей среды, а специфику отношений в семье как факторы индивидуальной среды, так как именно в них проявляются различия между детьми и родителями [13, 17].

Другой темой, также развиваемой Д.С. Корниенко, является исследование взаимосвязи личностных характеристик с биохимическими свойствами, в частности, с уровнем кортизола как маркером стрессовых реакций, а также с самосохранительным поведением. В данном направлении на выборке 189 студентов при помощи методики «Опросник темперамента и характера» TCI-125 Р. Клонингера и данных эндокринологического анализа, получены факты о том, что при высокой физиологической стрессовой реакции снижаются проявления импульсивности и направленности на новую информацию. Кроме того, люди, демонстрирующие на гормональном уровне сильную реакцию на стресс, проявляют высокую степень стремления к социальным взаимодействиям. Возможно, механизмом, обеспечивающим им адекватный стрессовый ответ, является реагирование по типу копинга, ориентированного на социальную поддержку [19].

В рамках традиционного подхода к исследованию черт личности сделан ряд исследований Темной триады личностных свойств под руководством Д.С. Корниенко. В частности, было проведено исследование взаимосвязей хронотипических характеристик и черт, составляющих Темную триаду.

Понятие «Темная триада» вошло в число психологических терминов в 2002 г. благодаря исследованию Д. Полхуса и К. Уильямса [21]. Составляющими триады являются три свойства: нарциссизм, макиавеллизм и психопатия, при этом каждое свойство имеет собственное содержание, относительно которого не существует единого мнения. Нарциссизм описывает такие характеристики, как чувство собственной значимости или грандиозность, стремление к лидерству и использованию других, а также демонстративность. Макиавеллизм характеризует предрасположенность к манипулятивному поведению, прагматичности и эмоциональной холодности. Психопатия как составляющая Темной триады характеризуется низкой тревожностью, импульсивностью и пренебрежением социальными нормами.

Множество исследований, проведенных в последние годы по изучению взаимосвязей между чертами, входящими в Темную триаду, и другими психологическими характеристиками, в большинстве своем показывают сходные результаты. Например, свойства Темной триады обнаруживают отрицательные связи с доброжелательностью (Большая пятерка) и честностью (модель HEXACO) [21].

Понятие хронотипа является дискуссионным, однако, обобщая множество определений, можно утверждать, что хронотип является характеристикой, описывающей предпочтение в проявлении активности в определенное время суток (утренние или вечерние часы). В большинстве исследований рассматриваются различия в личностных и других

свойствах в группах, отличных по хронотипу, и в таких исследованиях хронотип скорее является предиктором индивидуальных различий в психофизиологических и психологических характеристиках.

В отечественной психологии исследований, в которых хронотип рассматривается как фактор различий в личностных характеристиках, встречается мало. Основой для данной работы послужили результаты П. Джонсона [21] о связях Темной триады с вечерним хронотипом.

В целом связь Темной триады и параметров суточной активности проявилась только для общего показателя Темной триады и для ее компонентов: макиавеллизм связан с параметром утреннего хронотипа, а психопатия и суммарный показатель Темной триады — вечернего хронотипа. Нарциссизм не обнаруживает значимых связей с показателями хронотипа. Возможно, для проявления свойств Темной триады более важными и специфичными характеристиками являются пики физической и интеллектуальной работоспособности [21], а не суточные предпочтения. Например, снижение активности в конце дня может приводить к тому, что человек, обладающий низкими значениями черт Темной триады, в меньшей степени обращает внимание на проявление манипулятивных стратегий по отношению к нему [21]. Люди, обладающие высокими значениями черт Темной триады, более успешно могут реализовывать манипулятивные стратегии в вечернее время в отношении людей с утренними предпочтениями, у которых пик активности уже прошел.

Вторым исследованием связи черт Темной триады с психологическими характеристиками является исследование связей с академическими мотивами, в результате которого было установлено: 1) нарциссизм является предиктором характеристик внутренней мотивации; 2) психопатия выступает как предиктор характеристик внутренней и внешней мотивации; 3) макиавеллизм не связан с академическими мотивами [20].

Стоит отметить еще исследование о взаимосвязи «поиска ощущений» с характеристиками самосохранительного поведения. Поиск ощущений является характеристикой, которая описывает поведение, направленное на поиск новых стимулов и опыта. В работе рассмотрена взаимосвязь поиска ощущений с самосохранительным поведением как активности, направленной на поддержание физического и психологического здоровья. Участниками исследования стали студенты — 280 человек в возрасте 18–26 лет. Использовались методики: шкала поиска ощущений М. Заккермана, шкала психологического благополучия К. Рифф, анкета о состоянии здоровья. Были получены результаты, которые говорят о том, что высокий поиск ощущений стимулирует занятие спортом. Параметры поиска ощущений («интеллекту-

альный поиск», «уход от перемен» и «избегание нового») отрицательно связаны с употреблением алкоголя и курением. Связи поиска ощущений и психологического благополучия показали, что высокое стремление к переживанию острых ощущений снижает проявление доверия и заботы в отношении других людей, желание поддерживать социальные связи, а также усиливает ощущение отсутствия личностного развития [14].

В целом работы, выполненные Д.С. Корниенко, направлены на решение вопросов о причинах индивидуальных различий в чертах личности и о месте негативных черт личности среди других психологических характеристик.

Представленный обзор исследований, выполненных в рамках основных научных направлений кафедры психологии развития ПГНИУ, показывает высокий уровень современных исследований, опирающихся на методологию исследований индивидуальности в отечественной психологии и теорию черт. Вместе с тем подобный срез показывает новые возможности для развития научной деятельности и расширения сферы интересов кафедры.

Список литературы

1. Аликina Е.Л. Диагностические возможности метода q-сортировки в изучении особенностей познания матерью индивидуальности детей // Сибирский психологический журнал. 2012. № 45. С. 116–123.
2. Жданова С.Ю. Психология познания индивидуальности человека. Пермь, 2005. 190 с.
3. Жданова С.Ю., Баталин А.А. Познание индивидуальности в условиях виртуальной реальности в связи с особенностями социального интеллекта // Вестник психофизиологии. 2015. № 2. С. 9–13.
4. Жданова С.Ю., Власова Е.Ю. Метод фотографии в познании индивидуальности человека // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2. С. 76–79.
5. Жданова С.Ю., Зарипова Л.З. Метод фотографии в изучении индивидуальности человека как субъекта познания // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 1. С. 153–157.
6. Жданова С.Ю., Мишланова С.Л. Образ войны в различных семиотических системах // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2015. № 1. С. 11–17.
7. Жданова С.Ю., Нахтарова Э.Е. Восприятие индивидуальности человека на основе видеозаписи // Вестник Гуманитарного института ТГУ. 2012. № 2(13). С. 42–45.
8. Жданова С.Ю., Поляков В.Б., Нахтарова Э.Е. Особенности восприятия человека на видеозаписи в связи с продолжительностью ее предъявления //

- Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 2. С. 115–117.
9. *Жданова С.Ю., Фон-Дер-Флаасс Е.Д.* Представления о дружбе в поздней взрослости // Вектор науки Тольяттинского государственного университета. Серия: Педагогика, психология. 2012. № 4(11). С. 306–310.
 10. *Жданова С.Ю., Фон-Дер-Флаасс Е.Д.* Представления о дружбе в поздней взрослости в связи с полом // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. № 1. С. 25–33.
 11. *Жданова С.Ю., Шавкунова А.В.* Исследование невербальной репрезентации состояния счастья у представителей различных культур (на примере российских и американских студентов) // В мире научных открытий. 2015. № 5.3. С. 1108–1118.
 12. *Зарипова Л.З.* Особенности познания индивидуальности у лиц социономических профессий: автореф. дис. ... канд. психол. наук. Екатеринбург, 2013. 28 с.
 13. *Корниенко Д.С., Баландина Л.Л., Харламова Т.М.* Родители и дети: психология и взаимоотношения / Перм. гос. гуманит.-пед. ун-т. Пермь, 2013. 132 с.
 14. *Корниенко Д.С.* Взаимосвязь характеристики «поиск ощущений» с характеристиками самосохранительного поведения // Вестник Пермского государственного гуманитарно-педагогического университета. Серия № 1. Психологические и педагогические науки. 2014. № 1. С. 5–16.
 15. *Корниенко Д.С.* Генетические и средовые факторы в свойствах формально-динамического уровня интегральной индивидуальности // Психологический журнал. 2010. Т. 31, № 2. С. 79–86.
 16. *Корниенко Д.С.* Природа индивидуальных различий по свойствам «Большой пятерки» // Теоретическая и экспериментальная психология. 2011. Т. 4, № 2. С. 5–13.
 17. *Корниенко Д.С.* Проблема метаиндивидуальности в детско-родительских отношениях // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2010. Т. 7, № 2. С. 124–137.
 18. *Корниенко Д.С.* Психогенетическое исследование интегральной индивидуальности: монография / Перм. гос. пед. ун-т. Пермь, 2011. 257 с.
 19. *Корниенко Д.С.* Свойства психобиологической модели личности и уровень кортизола у студентов // От истоков к современности: 130 лет организации психологического общества при Московском университете: сб. материалов юбилейной конференции: в 5 т. / отв. ред. Д.Б. Богоявленская. М.: Когито-Центр, 2015. Т. 3. С. 85–87.
 20. *Корниенко Д.С., Дершиш Ф.В.* Академическая мотивация и свойства Темной триады личности // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. URL: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1186-derish43.html> (дата обращения: 15.02.2016).
 21. *Корниенко Д.С., Дершиш Ф.В.* Взаимосвязь свойств Темной триады и хромотипических предпочтений // Психологические исследования. 2015. Т. 8, № 43. URL: <http://psystudy.com/index.php/num/2015v8n43/1182-kornienko43.html> (дата обращения: 15.02.2016).
 22. *Мишланова С.Л., Суворова М.В., Жданова С.Ю., Строканов А.А.* Вербальная и жестовая репрезентации наивного представления о счастье в устном нарративе американских студентов // Вестник Пермского университета. Российская и зарубежная филология. 2014. № 4(28). С. 35–40.
 23. *Щебетенко С.А.* Диспозициональная эффективность: на пересечении диспозиционального и когнитивного подходов к личности // Психология и психотехника. 2015. № 9(84). С. 923–933. Doi: 10.7256/2070-8955.2015.9.16060.
 24. *Щебетенко С.А.* Отраженные установки на черты личности как предиктор успеваемости студентов // Психология и психотехника. 2015. № 1. С. 70–82. Doi: 10.7256/2070-8955.2015.1.13526.
 25. *Щебетенко С.А.* Рефлексивные адаптации характера в пятифакторной теории личности // Психологический журнал. 2015. Т. 36, № 6. С. 55–65.
 26. *Щебетенко С.А., Тютикова Е.А.* «Картина хороша, потому что хороша открытость опыту»: опосредующая роль установок на черты личности в индивидуальных различиях отношения к живописи // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2015. Т. 12, № 4. С. 122–141.
 27. *Shchebetenko S.A.* «The best man in the world»: Attitudes toward personality traits // Психология. Журнал Высшей школы экономики. 2014. № 11(3). С. 129–148.
 28. *Shchebetenko S.A., Bergfeld A.Y.* The relationship between extraversion and physical attractiveness of online network users assessed by personnel recruiters // Australian Journal of Psychology. 2016. Apr. 12. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ajpy.12108/abstract> (accessed: 19.04.2016). Doi: 10.1111/ajpy.12108.
 29. *Strokanov A.A., Zhdanova S.U.* Russian and American students' images of their future presidents // Psychology in Russia: State of the Art. 2014. Vol. 7, iss. 4. P. 43–50. URL: http://psychologyinrussia.com/volumes/pdf/2014_4/2014_4_43-50.pdf (accessed: 11.04.2016).

Получено 08.03.2016

References

1. Alikina E.L. [Diagnostic capabilities of q-sorting method in studying of peculiarities of perception by mother of children's individuality]. *Sibirskiy psikhologicheskij zhurnal* [Syberian psychologicheskij zhurnal]. 2012, no 45, pp. 116–123. (In Russian).

2. Zhdanova S.Yu. *Psikhologiya poznaniya individualnosti cheloveka* [Psychology of perception of person's individuality]. Perm, 2005, 190 p. (In Russian).
3. Zhdanova S.Yu., Batalin A.A. [Perception of individuality in terms of virtual reality with connection of peculiarities of social intellect]. *Vestnik psikhofiziologii* [Psychofiziology bulletin]. 2015, no 2, pp. 9–13. (In Russian).
4. Zhdanova S.Yu., Vlasova E.Yu. [Method of photography in perception of person's individuality]. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Science vector of Tolyatti State University. Series Pedagogics, psychology]. 2012, no 2, pp. 76–79. (In Russian).
5. Zhdanova S.Yu., Zaripova L.Z. [Method of photography in study of person's individuality as subject of perception]. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Science vector of Tolyatti State University. Series Pedagogics, psychology]. 2012, no 1, pp. 153–157. (In Russian).
6. Zhdanova S.Yu., Mishlanova S.L. [War image in different semiotic systems]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Perm State Humanitarian-Pedagogical University Bulletin. Series 1. Psychological and pedagogical sciences]. 2015, no 1. pp. 11–17. (In Russian).
7. Zhdanova S.Yu., Nakhtarova E.E. [Person's individuality perception based on video]. *Vestnik Gumanitarnogo instituta TGU* [TSU Humanitarian institute bulletin]. 2012, no 2(13), pp. 42–45. (In Russian).
8. Zhdanova S.Yu., Polyakov V.B., Nakhtarova E.E. [Peculiarities of person's perception on video in connection with its length]. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Science vector of Tolyatti State University. Series Pedagogics, psychology]. 2012, no 2, pp. 115–117. (In Russian).
9. Zhdanova S.Yu., Fon-Der-Flaass E.D. [Image of friendship in late adulthood]. *Vektor nauki Tolyattinskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya: Pedagogika, psikhologiya* [Science vector of Tolyatti State University. Series Pedagogics, psychology]. 2012, no 4(11), pp. 306–310. (In Russian).
10. Zhdanova S.Yu., Fon-Der-Flaass E.D. [Image of friendship in late adulthood in connection with sex]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Perm State Humanitarian-Pedagogical University Bulletin. Series 1. Psychological and pedagogical sciences]. 2014, no 1, pp. 25–33. (In Russian).
11. Zhdanova S.Yu., Shavkunova A.V. [Study of non-verbal representation of happiness of different cultures representatives (as exemplified by Russian and American students)]. *V mire nauchnykh otkrytiy* [In the world of scientific discoveries]. 2015, no 5.3, pp. 1108–1118. (In Russian).
12. Zaripova L.Z. *Osobennosti poznaniya individualnosti u lits sotsionomicheskikh professiy. Avtoreferat dis.kand. psikhol. nauk* [Peculiarities of individuality perception of people with socionomic professions: authors abstract for procuring degree of candidate of psychological sciences]. Ekaterinburg, 2013, 28 p. (In Russian).
13. Kornienko D.S., Balandina L.L., Kharlamova T.M. *Roditeli i deti: psikhologiya i vzaimootnosheniya* [Parents and children: psychology and relations]. Perm, 2013, 132 p. (In Russian).
14. Kornienko D.S. [Connection of «search of feelings» characteristics with self-saving behaviour characteristics]. *Vestnik Permskogo gosudarstvennogo humanitarno-pedagogicheskogo universiteta. Seriya № 1. Psikhologicheskie i pedagogicheskie nauki* [Perm State Humanitarian-Pedagogical University Bulletin. Series 1. Psychological and pedagogical sciences]. 2014, no 1, pp. 5–16. (In Russian).
15. Kornienko D.S. [Genetic and environmental factors in features of formal and dynamic level of integral individuality]. *Psikhologicheskij zhurnal* [Psychological journal]. 2010, vol. 31, no 2, pp. 79–86. (In Russian).
16. Kornienko D.S. [Individual differences' nature on «Big 5» attributes]. *Teoreticheskaya i eksperimentalnaya psikhologiya* [Theoretical and experimental psychology]. 2011, vol. 4, no 2, pp. 5–13. (In Russian).
17. Kornienko D.S. [Metaindividuality problem in parents-children relations]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. 2010, vol. 7, no 2, pp. 124–137. (In Russian).
18. Kornienko D.S. *Psikhogeneticheskoe issledovanie integralnoy individualnosti* [Psychogenetic study of integral individuality]. Perm, 2011, 257 p. (In Russian).
19. Kornienko D.S. [Psychological model of personality attributes and cortisol level of students]. *Ot istokov k sovremennosti: 130 let organizatsii psikhologicheskogo obschestva pri Moskovskom universitete: Sbornik materialov yubileynoy konferentsii: v 5 t.* [From sources to modernity: 130 years of psychological society organization at Moscow university: Collection of jubilee conference materials: in 5 vol.]. Moscow, Kogito-Tsentr Publ., 2015, vol. 3, pp. 85–87. (In Russian).
20. Kornienko D.S., Derish F.V. [Academic motivation and attributes of «Dark triad» of personality]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]. 2015, vol. 8, no 43 Available at: <http://psystudy.ru/index.php/num/2015v8n43/1186-derish43.html> (accessed 15.02.2016). (In Russian).
21. Kornienko D.S., Derish F.V. [Interrelation of «Dark triad» attributes and chronotype preferences]. *Psikhologicheskie issledovaniya* [Psychological studies]. 2015, vol. 8, no 43. Available at:

- <http://psystudy.com/index.php/num/2015v8n43/1182-kornienko43.html> (accessed 15.02.2016). (In Russian).
22. Mishlanova S.L., Suvorova M.V., Zhdanova S.Yu., Strokanov A.A. [Verbal and gesture representations of naive image of happiness in oral narrative of American students]. *Vestnik Permskogo universiteta. Rossiyskaya i zarubezhnaya filologiya* [Perm University bulletin. Russian and foreign philology]. 2014, no 4(28), pp. 35–40. (In Russian).
 23. Schebetenko S.A. [Dispositional effectiveness: in crossways of dispositional and cognitive approaches towards personality]. *Psikhologiya i psikhotekhnika* [Psychology and psychotechnics]. 2015, no 9(84), pp. 923–933. Doi: 10.7256/2070-8955.2015.9.16060. (In Russian).
 24. Schebetenko S.A. Otrazhennyye ustanovki na cherty lichnosti kak prediktor uspevaemosti studentov [Reflected mindsets on personality features as predictor of students advancement]. *Psikhologiya i psikhotekhnika* [Psychology and psychotechnics]. 2015, no 1, pp. 70–82. Doi: 10.7256/2070-8955.2015.1.13526. (In Russian).
 25. Schebetenko S.A. [Reflexive adaptations of character in fivefactor theory of personality]. *Psikhologicheskiy zhurnal* [Psychological journal]. 2015, vol. 36, no 6, pp. 55–65. (In Russian).
 26. Schebetenko S.A., Tyutikova E.A. [«Picture is good because openness towards experience is good»: mediate role of mindsets on personality features in individual differences of attitude towards painting]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. 2015, vol. 12, no 4, pp. 122–141. (In Russian).
 27. Shchebetenko S.A. [«The best man in the world»: Attitudes toward personality traits]. *Psikhologiya. Zhurnal Vysshey shkoly ekonomiki* [Psychology. Journal of Higher School of Economics]. 2014, no 11(3), pp. 129–148. (In English).
 28. Shchebetenko S.A., Bergfeld A.Y. The relationship between extraversion and physical attractiveness of online network users assessed by personnel recruiters. *Australian Journal of Psychology*. 2016. Apr. 12. URL: <http://onlinelibrary.wiley.com/doi/10.1111/ajpy.12108/abstract> (accessed: 19.04.2016). Doi: 10.1111/ajpy.12108. (In English).
 29. Strokanov A.A., Zhdanova S.U. Russian and American students' images of their future presidents. *Psychology in Russia: State of the Art*. 2014, vol. 7, iss. 4, pp. 43–50. URL: http://psychologyinrussia.com/-volumes/pdf/2014_4/2014_4_43-50.pdf (accessed: 11.04.2016). (In English).

The date of the manuscript receipt 08.03.2016

Об авторе

Корниенко Дмитрий Сергеевич

доктор психологических наук, доцент,
профессор кафедры психологии развития

Пермский государственный национальный
исследовательский университет,
614990, Пермь, ул. Букирева, 15;
e-mail: corney@yandex.ru

About the author

Kornienko Dmitriy Sergeevich

Doctor of Psychology, Docent, Professor
of Department of Developmental Psychology

Perm State University,
15, Bukirev str., Perm, 614990, Russia;
e-mail: corney@yandex.ru

Просьба ссылаться на эту статью в русскоязычных источниках следующим образом:

Корниенко Д.С. Научные направления кафедры психологии развития: обзор исследований // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 2(26). С. 174–184. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-174-184

Please cite this article in English as:

Kornienko D.S. Research directions of the department of developmental psychology: overview // Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology». 2016. Iss. 2(26). P. 174–184. doi: 10.17072/2078-7898/2016-2-174-184

ИНФОРМАЦИЯ ДЛЯ АВТОРОВ

Редакционная коллегия научного журнала «Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология» (ISSN 2078-7898) приглашает опубликовать статьи, содержащие оригинальные идеи и результаты исследований, а также переводы и литературные обзоры. Журнал включен в **Перечень рецензируемых научных изданий ВАК России** по трем группам специальностей: 09.00.00 Философские науки, 19.00.00 Психологические науки, 22.00.00 Социологические науки. Кроме того, издание включено в международные базы данных **Ulrich's Periodicals Directory** и **EBSCO Discovery Service**, в электронные библиотеки «**IPRbooks**», «**Университетская библиотека on-line**», «**КиберЛенинка**», «**Руконт**», в электронную систему **Российский индекс научного цитирования (РИНЦ)**.

Правила оформления текста

При подготовке статей используется редактор Microsoft Word (версия 2003 и ниже). Статья представляется в электронном виде (в формате RTF). Имя файла — фамилия автора (первого из соавторов).

Параметры страницы. Формат страниц А4, поля по 2 см с каждой стороны. Расстояние до верхнего и нижнего колонтитулов — 1,25 см.

Заглавие статьи набирается большими буквами жирным шрифтом и форматируется по центру.

Основной текст статьи оформляется стилем «Обычный/Normal»: шрифт — Times New Roman, 11 pt, интервал — 1, абзацный отступ — 1 см. Объем статьи от 20000 знаков до 40000 знаков с пробелами. Допускаются выделения курсивом и полужирным шрифтом, а также вставка в текст специальных символов (с использованием шрифтов Symbol). В тексте следует четко различать О (букву) и 0 (ноль); 1 (арабскую цифру), I (римскую цифру) и l (латинскую букву); а также дефис (-) и тире (—). Обозначение веков следует писать римскими цифрами (XIX в.). Рекомендуемые кавычки «...», при выделениях внутри цитат следует использовать другой тип кавычек, например: «...“...”...».

Желательно разбить текст статьи на разделы:

- введение;
- основное содержание (рекомендуется разбить тело статьи на несколько тематических частей и присвоить каждой собственное наименование; название части «Основной контент» не допускается);
- результаты/обсуждение;
- заключения/выводы.

Заголовки к основным разделам статьи необходимо оформлять в едином стиле. Использование автоматических списков не допускается. Нумерованные списки набираются вручную.

Таблицы должны сопровождаться заголовком вида «Таблица 1. Название таблицы». Слова в таблицах должны быть написаны полностью. В конце заголовков и ячеек таблицы точка не ставится.

Рисунки должны быть размещены в тексте статьи в виде внедренных объектов. Под рисунками должны располагаться подписи типа «Рис. 1. Название рисунка». В конце всех заголовков и подписей к рисункам точка не ставится.

Формулы выполняются в редакторе формул Microsoft Word Equation, версия 3.0 и ниже.

Библиографический список оформляется в соответствии с ГОСТом Р 7.0.5-2008. Библиографические ссылки оформляются с обязательным указанием страниц источника цитирования. Номер источника указывается в квадратных скобках: [1] — на одну работу; [3, 5, 7–10] — на несколько работ. Если ссылку приводят на конкретный фрагмент источника, в скобках указывают порядковый номер источника и его страницы, разделив их запятой: [1, с. 81], [1, с. 81–82] или [1, с. 81; 3, с. 35]. Каждая публикация приводится в списке только один раз — при повторной ссылке на тот же источник в тексте указывается присвоенный ранее номер. Недопустимо объединять несколько источников под одним номером. В списке литературы не должно быть источников, на которые отсутствуют ссылки в тексте статьи. В списке литературы должны быть все источники, на которые дается ссылка в тексте статьи.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на программу, в рамках которой выполнена работа, или наименования фонда поддержки.

Список литературы в конце статьи оформляется в двух вариантах: русском и английском. **Английский вариант списка литературы может быть выполнен сотрудниками редколлегии на основании правильно оформленного русского варианта**, однако редколлегия обращается к авторам с просьбой по возможности готовить английский вариант списка литературы самостоятельно.

Источники в **русском варианте списка литературы** располагаются в алфавитном порядке (сначала все источники на русском, затем — на иностранных языках) в соответствии с ГОСТ 7.1 – 2003. Обязательно указывается: *для книг* — фамилия и инициалы автора, название, город, издательство, год издания, том, *количество страниц*; *для журнальных статей, сборников трудов* — фамилия и инициалы автора, название статьи, полное название журнала, серия, год, том, номер, выпуск, *страницы*; *для материалов конференций* — фамилия и инициалы автора, название статьи, название издания, время и место проведения конференции, город, издательство, год, *страницы*.

Внимание: если источник, помещенный в библиографический список, имеет идентификатор DOI, то его указание в разделе Библиографический список является **обязательным!** DOI указывается в конце библиографической записи, отделяясь от страниц точкой и пробелом.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

Ссылки на кириллице в не русском варианте (белорусском, украинском, словенском и т.д.) должны сопровождаться переводом на русский или английский язык.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Английский вариант списка литературы («References») должен быть выполнен в соответствии с иностранным стандартом, принимаемым базой данных SCOPUS, согласно рекомендациям эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevier.com/locate/elsevier/scopus-add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Необходимо указывать всех авторов издания, не ограничиваясь тремя или четырьмя, для того, чтобы они все учитывались в базе данных. Запятая между фамилией автора и инициалами не ставится. В английском варианте списка литературы для разделения информации должны использоваться только знаки «.» и «,». Знаки «:», «—», «/», «//» не применяются.

При написании названия русской книги, статьи, журнала, конференции и т.п. на английском языке желательно использовать общепринятый перевод, если таковой существует (например, роман Н.Г. Чернышевского в английском переводе называется «What Is to Be Done?», а не «What to Do?»). Просим сверяться с официальными сайтами конференций, РИНЦ, англоязычной Википедией и другими источниками, которые могут содержать англоязычные названия. Основное, что должно быть понятно иностранному читателю, не знакомому с русским языком, — это авторы и источник. Транслитерация обязательно должна сопровождаться переводом.

Для помощи в транслитерации можно воспользоваться сайтом www.translit.net: в верхнем правом углу вводится число 45848 и нажимается кнопка «Загрузить настройки»; в основное окно вводится текст на русском языке, нажимается кнопка «В транслит» и получить необходимый текст.

Русские имена можно транслитерировать либо по приведенным правилам (например, «Ivanov», «Ignatev»), либо по другим, если их иное написание встречается в других источниках или документах автора (например, «Sergei» вместо «Sergey»). Иностранные фамилии должны писаться в общепринятой европейской форме (например, «Agazzi», а не «Agatstsi»), «Marx», а не «Marks»).

По правилам английского языка с заглавной буквы пишутся все значащие слова (то есть все слова, кроме артиклей, сочинительных союзов, коротких предлогов и частиц).

Шаблон для описания книги в английском варианте:

Имена авторов (если присутствуют в описании). *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Bell D. *Gryaduschee postindustrialnoe obschestvo. Opyt sotsialnogo prognozirovaniya* [The Coming of Post-industrial Society: A Venture of Social Forecasting]. Moscow, Academia Publ., 1999, 956 p. (In Russian).

Soedinenie dostizheniy NTR s preimuschestvami sotsializma [Connection of Achievements of a Scientific and Technological Revolution with the Advantages of Socialism]. Moscow, Mysl Publ., 1977, 190 p. (In Russian).

Orlov V.V., Vasileva T.S. *Philosophy of Economics* [Filosofiya ekonomiki]. Perm, Perm State University Publ., 2005, 264 p. (In Russian).

Шаблон для описания книги из собрания сочинений в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название книги курсивом* [Название книги на английском языке]. *Транслитерированное название собрания сочинений или книги курсивом* [Название собрания сочинений или книги на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Leynbits G.V. *Monadologiya* [Monadology]. *Sochineniya, Tom 1* [Works, Vol. 1]. Moscow, Mysl Publ., 1982, 636 p. (In Russian).

Marx K. *K kritike politicheskoy ekonomii* [Contribution to the Critique of Political Economy]. *Sochineniya. T. 13* [Works, Vol. 13]. Moscow, Izdatelstvo politicheskoy literatury Publ., 1960, pp. 1–784. (In Russian).

Шаблон для описания статьи из журнала в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название статьи курсивом* [Название статьи на английском языке]. *Транслитерированное название журнала курсивом* [Название журнала на английском языке], год, номер, страницы.

Пример:

Agazzi E. *Ideya obschestva, osnovannogo na znaniyakh* [The Idea of a Knowledge-Based Society]. *Voprosy filosofii* (Questions of Philosophy), 2012, № 10, pp. 3–19. (In Russian).

Шаблон для описания материалов конференции в английском варианте:

Имена авторов. *Транслитерированное название выступления курсивом*. [Название выступления на английском языке]. *Транслитерированное название конференции курсивом* [Название конференции на английском языке]. Город, Издательство с добавлением слова Publ., год, страницы.

Примеры:

Pigrov K.S. *Materializm v sovremennoy rossiyskoy filosofii kak npravstvennaya problema* [Materialism as a Moral Issue in Modern Russian Philosophy]. *Problemy materializma v sotsialnoy filosofii: Sbornik statey, posvyaschenny 70-letiyu professora SPbGU P.N. Khmyleva* [Problems of Materialism in Social Philosophy: Collected Articles Dedicated to 70th Anniversary of professor SPSU P. N. Khmylev]. Saint Petersburg, Saint Petersburg State University Publ., 2008, pp. 109–116. (In Russian).

Шаблон для описания Интернет-ресурса в английском варианте:

Транслитерированное название статьи курсивом [Название статьи на английском языке]. Available at: адрес сайта (accessed дата последнего посещения сайта).

Пример:

Voyna v short-liste «Innovatsii»: Minkult khochet dat premiyu [War in the Short-list “Innovations”: Ministry of Culture Wants to Give an Award]. Available at: <http://free-voyna.org/post/3289581310> (accessed 10 July 2013). (In Russian).

Для англоязычных источников данные пишутся только на английском языке.

Пример:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

Для источников на других языках (например, немецком) данные пишутся на английском языке и языке оригинала.

Пример:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

Если статья имеет идентификатор DOI, то он указывается в самом конце.

Пример:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Для статей, имеющих в списке литературы **только англоязычные источники** список литературы делается только **один**, в соответствии с правилами оформления английского варианта списка литературы.

Постраничные сноски для ссылок на литературу не допускаются. Не допускаются и другие постраничные сноски — за исключением указания на **программу**, в рамках которой выполнена работа, или наименования **фонда поддержки**.

Статья должна сопровождаться:

- **индексом УДК;**
- **аннотацией** состоящей минимум из 200 слов;
- **ключевыми словами** (до 15 слов) на русском и английском языках;
- **информацией об авторе** (на русском и английском языках): фамилия, имя, отчество, место работы и должность, ученая степень, ученое звание, полный почтовый адрес (с индексом) — рабочий и адрес, на который будет выслан авторский экземпляр журнала, телефон, адрес электронной почты;
- **рецензией** научного руководителя (только для аспирантов и соискателей).

Аннотацию на английском следует делать подробнее и больше по объему, однако в ней следует избегать лишних вводных фраз (например: «Автор статьи рассматривает...») Аннотация должна раскрывать содержание исследования и включать информацию о:

- предмете, теме, цели работы (если они не очевидны из названия статьи);
- метод или методологию проведения работы (если они отличаются новизной и представляют специальный интерес);
- результаты работы;
- область применения результатов;
- выводы (могут сопровождаться рекомендациями, оценками, предложениями, гипотезами, описанными в статье).

При подготовке аннотации на английском следует избегать сложных грамматических конструкций, не используемых в научном английском языке. Следует, например, использовать активный, а не пассивный залог: «The study tested», а не «It was tested in the study».

Подробные рекомендации по подготовке качественной аннотации можно найти в работе эксперта БД SCOPUS О.В. Кирилловой (<http://www.elsevierscience.ru/files/add-journal-to-scopus-2013.pdf>).

Рукопись, полученная редакцией, не возвращается. Редакция оставляет за собой право проводить редакторскую правку текстов статей, не изменяющую их основного смысла, без согласования с автором. Мнение членов редколлегии может не совпадать с мнением авторов статей.

Статьи и сопутствующие материалы отправляются автором **на электронный адрес fsf-vestnik@yandex.ru** Датой поступления статьи считается день получения рукописи статьи редакцией.

В соответствии с «Положением об этических стандартах редакционной политики Пермского государственного национального исследовательского университета», автор, направляя рукопись в редакцию, принимает личную ответственность за оригинальность исследования и достоверность представленной в нем информации. Автор несет ответственность за неправомерное использование в научной статье объектов интеллектуальной собственности, объектов авторского права в полном объеме в соответствии с действующим законодательством РФ. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что направляемая статья нигде ранее не была опубликована, не направлялась и не будет направляться для опубликования в другие научные издания. Направляя статью в редакцию, автор подтверждает, что ознакомлен и согласен с приведенными выше требованиями, и готов подписать лицензионный договор с Издателем (с текстом лицензионного договора можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>)

Предоставление авторами сторонних рецензий не является обязательным (кроме аспирантов и соискателей), но приветствуется. Все статьи в обязательном порядке подвергаются процедуре «слепого» рецензирования. Принятые статьи рейтинуются и отбираются к публикации в ближайшем выпуске. Планируется, что в 2016 году для авторов отобранных статей публикации будут бесплатными.

Плата с аспирантов за публикацию рукописей не взимается (необходимо предоставить скан-копию справки об обучении в аспирантуре, заверенную руководителем организации).

Сроки представления рукописей статей и запланированные сроки выхода издания в 2016 году:

Сроки представления рукописей статей	Запланированный срок выхода соответствующего номера Вестника
в № 1(25) — до 01 февраля	29 марта
в № 2(26) — до 01 мая	30 июня
в № 3(27) — до 01 августа	27 сентября
в № 4(28) — до 01 октября	27 декабря

С электронными версиями опубликованных ранее выпусков Вестника можно ознакомиться в сети Интернет по адресу: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Контактная информация редколлегии:

e-mail: fsf-vestnik@yandex.ru, тел. +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

GUIDELINES FOR ENGLISH-SPEAKING AUTHORS

The Editorial Board of the *Perm University Herald. Philosophy. Psychology. Sociology* (ISSN 2078-7898) invites authors of original research to publish their findings in the journal. The journal is on the Russian list of the leading peer-reviewed scientific journals and periodicals where the results of scientific research required for getting the scientific degree of Candidate or Doctor of Sciences (PhD) must be published. Study fields are: 09.00.00 Philosophical Sciences, 19.00.00 Psychological Sciences, 22.00.00 Sociological Sciences. Also the journal is included in the international databases *Ulrich's Periodicals Directory* and *EBSCO Discovery Service*, in the digital library *IPRbooks, electronic library system «The University Library On-line», open access scientific library «CyberLeninka», national digital resource «RUCONT»* and national information-analytical system «Russian Science Citation Index (RSCI)».

Guidelines for submission

Articles should be submitted electronically in Microsoft Word (version 2003 or earlier) as a Rich Text File (rtf). The file should be named after the surname of the author (or the first coauthor).

Page Parameters. Please use A4 page size with 2 cm margins on each side with 1.25 cm to headers and footers.

The title of your contribution should be placed centrally in capital letters and in bold type.

The main text of your contribution should be typed in Normal style: Times New Roman, 11 pt, interval — 1, paragraph spacing — 1 cm. Articles should aim for a target length of 20 000 to 40 000 characters with spaces. You may use **boldface** or *italics*. Special symbols should be introduced by means of Symbol fonts. Please make sure that the distinctions between O (the letter) and 0 (zero); 1 (one), I (Roman figure) and l (Latin letter); intra-word hyphen (-) and dash (—) are observed. Centuries are written with Roman figures (e.g. XIX century). Recommended quotation marks are «...»; inside the quotations please use a different type of quotation marks (e.g. «...”...”...»).

We recommend to divide the text of your article into following parts:

- introduction;
- principal content (we recommend subdivide the article body into several components giving a title to each of them);
- results / discussion;
- conclusions / statements.

Headings of the main sections of your contribution should be done in one style. Please do not use automatic lists. Numbered lists are done manually.

Tables should be signed as follows «Table 1. Name of Table». Words in tables should not be contracted. Full stop should not be used at the end of headings and in table cells.

Pictures should be placed in the text as embedded objects. Captions are to be placed under the pictures (e.g. «Pic. 1. Name of the picture»). Full stop should not be used at the end of headings and captions to pictures.

Formulas should be done in Microsoft Word Equation, version 3.0 and earlier.

References should be presented as follows. Number of the source is indicated in square brackets: [1] for one source, [3; 5; 7–10] for several sources. If a quotation is included, the page of the source should also be mentioned (e.g. [1, p. 81], [1, p. 81–82] or [1, p. 81; 3, p. 35]). Each source is to be mentioned in the list of references only once. Repeated references in the text should be indicated by the same number in the list of references. Please do not unite several sources in the list of references under one number. The list of references should only contain the sources cited in the text. All the sources cited in the text should be included in the list of references. Please provide Russian or English translation to non-Russian Cyrillic references.

Note: If the source included into the bibliography have the doi, the doi indication is mandatorily to be given in section «References». You should insert doi at the end of the reference and separate doi from pages of the reference by dot and void interval.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*. 1934, vol. 41, p. 309. doi: 10.1037/h0070765.

For **sources in English** the imprint should be given in English only.

For example:

Head H., Holmes G. Sensory Disturbances from Cerebral Lesions. *Brain*, 1911–1912, vol. 34, p. 102.

For **sources in other languages** (e.g. German) the imprint should be given both in English and in the source language

For example:

Goltz F. The Dog Without a Cerebrum: Seventh Treatise on the Functions of the Cerebrum [Der Hund ohne Grosshirn. Siebente Abhandlung über die Verrichtungen des Grosshirns]. *Archiv für die gesamte Physiologie* [Archives of All Physiology]. 1892, Bd. 51, № 11–12, pp. 570–614. (In German).

If your article has **DOI**, you should insert it at the end of the reference.

For example:

Bard P. On Emotional Expression After Decortications With Some Remarks on Certain Theoretical Views. *Psychological Review*, 1934, Vol. 41, p. 309. DOI: 10.1037/h0070765.

Please do not use footnotes. You may only use a footnote to indicate a **project, scholarship or foundation**, which supported your research.

Your contribution should be accompanied by

- the index of the Universal Decimal Classification;
- abstract of 200 words (as minimum): abstract should include information about subject, objectives, methodology of the article, discussion of results and conclusion;
- key words (up to 15);
- information about the author: surname and first name, place of work and position, academic degree, academic title, mail address (with postal code) for your author's copy to be sent to; phone number and e-mail address;
- reference letter of the academic supervisor (for doctorate students).

Please take notice that submissions received by the Editorial Board are not returned to the authors. The editorship may edit the text of the article and make minor amendments, which do not change the general meaning of the text, without the author's consent. Opinions of the Editorial Board may not coincide with the opinion of the author.

Submissions should be sent **to the e-mail address of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru** The date when the Editorial Board receives the manuscript is considered to be the date of the submission receipt.

According to «Regulations of Ethical Standards of Editorial Policy of Perm State University» the author of the article is responsible for the originality of research and authenticity of the information presented. The author is equally responsible for all copyright permissions in accordance with national and international legislation. By sending his or her article the author confirms that the manuscript has not been published previously and has not been sent to other journals for consideration before and will not be sent to other journals for publication afterwards. By sending his or her article the author confirms that he or she agrees with the requirements of the Guidelines, and is ready to sign the license agreement with the Publisher (see the text of the agreement at web-site: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>).

Providing outside reviews by authors isn't obligatory (excepting PhD students), but is welcomed. All articles are exposed to «blind» reviewing. The approved articles are ranked for selection to the publication in the next issue. Editorial Board plans that selected articles will be publish free.

There is no fee for the publication of manuscript for PhD students. PhD student have to provide scan-copy of reference signed by head of an organization.

Submission deadlines in 2016

Submission deadlines	Planned date of publication
No 1(25) February 1	March 29
No 2(26) May 1	June 30
No 3(27) August 1	September 27
No 4(28) October 1	December 27

Electronic versions of the previously published issues of the *Perm University Herald. Series «Philosophy. Psychology. Sociology»* may be found here: <http://philsoc.psu.ru/science/nauchnyj-zhurnal-fsf.html>

Contacts

Phone: +7(342) 2396-823, +7(342) 2396-392

E-mail of the Herald: fsf-vestnik@yandex.ru

Научное издание
Вестник Пермского университета

ФИЛОСОФИЯ. ПСИХОЛОГИЯ. СОЦИОЛОГИЯ

2016
Выпуск 2 (26)

Редактор *Л.П. Сидорова*
Корректор *Л.П. Северова*
Компьютерная верстка *И.Н. Черемных*
(ответственный секретарь коллегии)
Макет обложки *Н.С. Щеколовой*

Подписано в печать 22.06.2016
Дата выхода в свет 30.06.2016
Формат 60X84/8. Усл. печ. л. 22,1
Тираж 500 экз. Заказ

Спонсорскую помощь для издания научного журнала оказывают
ОАО «ROSSET» и ЗАО «Прогноз»
<http://www.rosset-kzms.ru> <http://www.prognoz.ru/company>

Адрес учредителя, издателя и редакции научного журнала
«Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология»
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Пермский государственный национальный исследовательский университет.
Философско-социологический факультет. Тел. +7 (342) 239-68-23

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета.
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15 Тел.+7 (342) 239-66-36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15. Тел. (342) 239-65-47

Распространяется бесплатно и по подписке

**Список индивидуальных идентификаторов цифровых объектов (DOI),
присвоенных статьям выпуска 1(25) научного журнала «Вестник Пермского университета.
Философия. Психология. Социология» за 2016 год**

- Кротов А.А.* История философии в контексте просветительской парадигмы: типология систем // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 5–12. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-5-12
- Мусаелян Л.А.* Об онтологических основаниях права: философский анализ проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 13–22. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-13-22
- Мальшева Д.С.* Конституирование объективности в феноменологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 23–29. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-23-29
- Пешина Е.В., Внутских А.Ю.* Альтернативные модели взаимодействия семьи и государства: социально-философский анализ // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 30–37. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-30-37
- Семенова В.Э., Семенова Л.Э.* Армия и маскулинность в контексте патриархатной системы современного общества // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 38–45. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-38-45
- Багаева О.Н.* Проблема одиночества и отчуждения в философии XX века // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 46–51. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-46-51
- Соболев Н.А.* Трансляция знания в управлении: к вопросу о постановке проблемы // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 52–56. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-52-56
- Щебетенко С.А.* Черты личности и рефлексивные адаптации характера: изоморфизм или полиморфизм? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 57–73. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-57-73
- Потапова Ю.В.* Особенности совладающего поведения у юношей и девушек с разным уровнем эмоциональной сепарации // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 74–83. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-74-83
- Артемяева В.А.* Особенности нравственной сферы студентов архитектурно-строительных специальностей в инновационных ситуациях // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 84–91. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-84-91
- Мишкевич А.М.* Об использовании русскоязычной версии Вопросника Большой Пятерки (Big Five Inventory) при изучении подростков // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 92–101. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-92-101
- Кузнецов А.Е.* Улисс в культурных джунглях: насколько эмпирична модель Шварца? // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 102–117. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-102-117
- Аникина А.В., Шиманская О.К.* Национальная и гражданская идентичность студенческой молодежи в зеркале социологии // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 118–126. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-118-126
- Хачатрян Л.А., Чадова А.А.* Межнациональная семья в современном российском обществе // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 127–135. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-127-135
- Каминский В.С.* Социальное самочувствие населения Вологодской области в 2010–2015 гг. // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 136–147. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-136-147
- Самбикина О.С.* Вклад В.С. Мерлина в современную психологию // Вестник Пермского университета. Философия. Психология. Социология. 2016. Вып. 1(25). С. 148–151. doi: 10.17072/2078-7898/2016-1-148-151